

НОЖД КЕННЕДИ ТУЛ

СГОВОР
ОСТОЛОПОВ

Annotation

Новый Орлеан. Город, в котором смешалось невообразимое множество рас, характеров, вер и увлечений. Парадная роскошь – и задние улочки, где жизнь кипит и днем, и ночью. И именно здесь живет один из самых причудливых литературных персонажей Игнациус Райлли, или просто Туся, как зовет его мать. Он лентяй – но лентяй деятельный и страстный. Обжора, посмешище, идеолог и идиот, точно знающий, как наилучшим образом обустроить окружающий мир. Дон Кихот и Фальстаф в одном теле, он отважно выступает против Фрейда, гомосексуалистов, гетеросексуалов, протестантов и всевозможных излишеств современности, набивая шишки и синяки и демонстрируя их с гордостью орденоносца. Фома Аквинский назвал бы его своим возлюбленным братом. Гаргантюа расцеловал бы в обе щеки и пожаловал герцогством. А господин Новый Орлеан просто и скромно гордится, что у него есть такой сын – неограниченный бриллиант яростного юмора и неуголимого сарказма.

Книга содержит нецензурную брань.

- [Джон Кеннеди Тул](#)

-
-
- [Один](#)
  - [I](#)
  - [II](#)
  - [III](#)
- [Два](#)
  - [I](#)
  - [II](#)
  - [III](#)
  - [IV](#)
  - [V](#)
- [Три](#)
  - [I](#)
  - [II](#)
  - [III](#)
  - [IV](#)
  - [V](#)

- Четыре
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
- Пять
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
- Шесть
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
- Семь
  - I
  - II
  - III
- Восемь
  - I
  - II
  - III
- Девять
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
- Десять
  - I
  - II
  - III
  - IV
- Одиннадцать
  - I

- [II](#)
  - [III](#)
  - [IV](#)
  - [Двенадцать](#)
    - [I](#)
  - [Тринадцать](#)
    - [I](#)
    - [II](#)
    - [III](#)
    - [IV](#)
    - [V](#)
    - [VI](#)
    - [VII](#)
    - [VIII](#)
    - [IX](#)
    - [X](#)
    - [XI](#)
    - [XII](#)
    - [XIII](#)
  - [Четырнадцать](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)

- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)

- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)

Джон Кеннеди Тул

Сговор остолопов

*Когда на свете появляется истинный гений,
вы можете его узнать вот по какому признаку:
все остолопы вступают против него в сговор.*

*Джонатан Свифт. Мысли по различным
поводам, как поучительным, так и забавным*

© John Kennedy Toole Jr., 2015

© Перевод. М. Немцов, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Существует новоорлеанский городской выговор... который ассоциируется с самым центром Нового Орлеана, в особенности – с немецким и ирландским Третьим Округом; его трудно отличить от акцентов Хобокена, Нью-Джерси и Астории, Лонг-Айленда, куда перебрались вымершие в Манхэттене интонации Эла Смита^[1]. Причина, как легко догадаться, в том, что Новому Орлеану этот выговор достался оттуда же, откуда он попал на Манхэттен.

– Вот тут ты прав. Мы – средиземноморцы. Я ни разу в жизни не был ни в Греции, ни в Италии, но уверен – стоит сойти там на берег, и я почувствую себя как дома.

Еще бы, подумал я. Новый Орлеан напоминает Геную или Марсель, Бейрут или египетскую Александрию сильнее, чем Нью-Йорк, хотя все морские порты больше схожи друг с другом, чем с любыми городами на суше. Как Гавана и Порт-о-Пренс, Новый Орлеан попадает в орбиту эллинистического мира, что так и не коснулся Северной Атлантики. Средиземное, Карибское моря и Мексиканский залив образуют однородное, хотя и прерывистое, море.

Э. Дж. Либлинг. Граф Луизианы^[2]

Один

Зеленая охотничья шапочка стискивала верхушку мясистого пузыря головы. По обе стороны поворотными огнями, указывая сразу в два противоположных направления, торчали зеленые наушники – неудачно маскируя крупные локаторы, а также нестриженные космы и нежную щетину, произрастающую непосредственно в слуховых отверстиях. Из-под кустистых черных усов выпирали пухлые, укоризненно поджатые губы, к уголкам своим постепенно утопавшие в складках, переполненных неодобрением и крошками картофельных чипсов. Из тени зеленого козырька, ища признаков дурновкусия в платье, надменные изжелта-небесные буркалы Игнациуса Ж. Райлли снисходительно озирали народ, в ожидании толпившийся под часами универсального магазина «Д. Х. Хоумз». Некоторые наряды, отмечал Игнациус, достаточно дороги и новы, чтобы в надлежащей мере считаться преступлением против вкуса и пристойности. Владение чем угодно дорогим или новым лишь отражает нехватку у данной личности теологии и геометрии; и даже может кинуть тень сомнения на душу человеческую.

Сам Игнациус был обряжен комфортабельно и разумно. Охотничья шапочка предотвращала простуду головы. Объемистые твидовые брюки долговременного пользования были прочны и позволяли необычайную широту маневра. В их перекатах и укромных уголках всегда можно было отыскать карманы теплого затхлого воздуха, что так умиротворял Игнациуса. Толстая фланелевая рубашка в клетку отменяла необходимость куртки, а кашне защищало неприкрытую кожу между наушниками и воротником. Подобный наряд можно считать приемлемым по любым теологическим и геометрическим стандартам, сколь бы невразумительными те ни казались: он предполагал наличие богатой внутренней жизни.

По-слоновьи переместив вес с одного бедра на другое, под твидом и фланелью Игнациус прогнал телесные валы, разбив их о швы и застёжки. Перегруппировавшись таким образом, он подверг созерцанию тот долгий промежуток времени, что истратил на ожидание матери. Обдумывал он, главным образом, неудобство, каковое уже начинал испытывать: стало казаться, что все его существо готово вырваться из разбухших замшевых сапог пустынной модели, – и, дабы в этом удостовериться, Игнациус обратил свои исключительные зенки к ногам. Ноги в самом деле выглядели

распухшими. Это зрелище готовых лопнуть сапог он изготовился предложить матери – как свидетельство ее недомыслия. Подняв голову, Игнациус увидел, как солнце опускается над Миссисипи в конце Канальной улицы. Часы «Хоумза» утверждали, что уже почти пять. Мысленно Игнациус оттачивал несколько тщательно фразированных обвинений, призванных низвести мать к покаянию или по крайней мере повергнуть в смятение. Ему частенько приходилось указывать матери ее место.

Она привезла его в центр города на древнем «плимуте» и, пока пребывала у врача на предмет артрита, Игнациус купил в «Верлайне» кое-какие ноты для трубы и новую струну к лютне. Потом забрел в «Грошовую аркаду» на Королевской улице проверить, установили там новые игры или нет. Его разочаровало исчезновение миниатюрного механического бейсбола. Возможно, просто убрали в починку. В последний раз отбивающий игрок не работал, и после некоторых споров управляющие вернули Игнациусу никель, хотя людишки из «Грошовой аркады» оказались настолько низки, что осмелились предположить, будто он сам своротил бейсбольную машину, пнув ее неоднократно.

Сосредоточившись на судьбе маленького бейсбольного автомата, Игнациус отвлек свое естество от заполненной людьми физической реальности Канальной улицы и потому не обратил внимания на пару глаз, пожиравших его из-за одного столба «Д. Х. Хоумза», – пару печальных окуляров, сиявших надеждой и желанием.

Возможно ли отремонтировать механизм в Новом Орлеане? Вероятно. Однако, быть может, придется отправлять его куда-нибудь вроде Милуоки или Чикаго, или в какой-либо другой город, чье название связывалось у Игнациуса с действенными ремонтными мастерскими и непрерывно дымящими фабриками. Игнациус тешил себя надеждой, что с машиной при перевозке будут обращаться аккуратно и ни одного крохотного игрока не поцарапают или не покалечат грубые железнодорожные служащие, полные решимости навсегда разорить железную дорогу исками грузоперевозчиков, – железнодорожные служащие, что устроят впоследствии забастовку и уничтожат Центральную Иллинойсскую линию.

Пока Игнациус мысленно созерцал тот восторг, что позволяла испытывать человечеству бейсбольная машинка, пара печальных и жадных окуляров продвигалась сквозь толпу в его направлении, подобно двум торпедам, нацеленным на смутный силуэт огромного танкера. Полицейский ущипнул Игнациусову сумку с нотами.

– У вас какое-нибудь удостоверение личности имеется, мистер? –

спросил он тоном, преисполненным надежды, что Игнациус официально никак не удостоверен.

– Что? – Игнациус опустил взор на полицейскую кокарду, красовавшуюся на фуражке. – Вы кто такой?

– Разрешите ваши водительские права?

– Я не вожу. Будьте любезны, ступайте прочь. Я жду маму.

– А что это у вас из сумки болтается?

– А что это, по-вашему, такое, глупое создание? Струна для моей лютни.

– Это еще что? – Полицейский слегка отпрянул. – Вы местный?

– Входит ли в обязанности департамента полиции помогать меня в то время, как сам этот город – вопиющая столица порока всего цивилизованного мира? – взревел Игнациус, перекрывая шум толпы у входа в магазин. – Этот город знаменит своими шулерами, проститутками, эксгибиционистами, антихристами, алкоголиками, содомитами, наркоманами, фетишистами, онанистами, порнографами, жуликами, девками, любителями мусорить и лесбиянками, и все они чересчур хорошо защищены взятками. Если у вас найдется свободная минута, я, разумеется, пущусь с вами в дискуссию о проблеме преступности, но попробуйте только сделать ошибку, сами побеспокоив меня.

Полицейский схватил Игнациуса за руку и немедленно получил по фуражке нотами. Болтавшаяся лютневая струна хлестнула его по уху.

– Э-эй, – обалдело произнес полицейский.

– Заполучите! – вскричал Игнациус, заметив, что вокруг начал собираться контингент заинтересованных покупателей.

Внутри же «Д. Х. Хоумза», в булочном отделе, миссис Райлли прижимала свою материнскую грудь к стеклянному ящику с миндальным печеньем. Пальцем, натруженным многолетней стиркой гигантских пожелтевших кальсон сына, она постучала по стеклу, привлекая продавщицу.

– О, мисс Инес, – выкликнула миссис Райлли на том наречии, какое к югу от Нью-Джерси встречается только в Новом Орлеане, этом Хобокене на Мексиканском заливе. – Сюда-сюда, лапуся.

– Эй, как оно ваше? – отозвалась мисс Инес. – Как себе чувствуете, дорогуша?

– Не то чтоб очень, – правдиво ответила миссис Райлли.

– Нет, ну как обидно, а? – Мисс Инес перегнулась через стеклянный ящик и начисто забыла про свои кексы. – Мне тоже не то чтоб очень. Ноги, знаете ли.

– Боже-сусе, вот бы себе так повезло. У меня в локте́ артрит.

– Ой, только не это! – воскликнула мисс Инес с искренним сочувствием. – У моего старикана беденького оно самое. Мы его заставляем в горячую ванную садиться с кипяченой водой.

– А мой-то мальчонка целый день так и плавает в нашей ванной, так и плавает. Уже в собственную ванну и зайти больше нет возможности.

– А я думала, он у вас женился, золотко.

– Игнациус-то? Э-э-ла-ла, – грустно вздохнула миссис Райлли. – Миленькая вы моя, не хотите ли выбить мне две дюжины вон этого чудно́го ассорти?

– А я-то думала, вы мне говорили, что он женился у вас, – сказала мисс Инес, укладывая в коробку кексы.

– Да и не заметил даже никого. Та девчоночка, подружка, что он себе завел, так и та же ж хвостом вильнула.

– Ну что ж, куда ему спешить-то?

– Да уж, наверное, – вяло ответила миссис Райлли. – Послушайте, а полдюжины винных кэкссов в придачу мне выбить не хотите? Игнациус таким гадким становится, если у нас кэкссы кончаются.

– Мальчонка ваш, значит, кэксики любит, э?

– Ох ты ж боже-сусе, локоть меня сейчас доконает, – ответила миссис Райлли.

В центре толпы перед универмагом яростно подпрыгивала охотничья шапочка – зеленый центр людского круга.

– Я выйду на связь с мэром, – орал Игнациус.

– Оставьте мальчонку в покое, – раздался голос из толпы.

– Идите ловить стриптизок на Бурбонову улицу, – добавил какой-то старик. – А это хороший парнишка. Он свою мамочку ждет.

– Благодарю вас, – надменно произнес Игнациус. – Я надеюсь, вы все засвидетельствуете это безобразие.

– Ты пойдешь со мной, – заявил полицейский Игнациусу с самоуверенностью, уже шедшей на убыль. Толпа постепенно превращалась в какое-то стадо, а дорожной полицией и не пахло. – Идем в участок.

– Что? Хороший мальчик даже не может мамочку свою дожидаться возле «Д. Х. Хоумза»? – Это снова открыл рот старик. – Говорю вам, никогда раньше в городе такого не бывало. А все – комунясы.

– Это вы меня комунясом назвали? – переспросил полицейский старика, одновременно пытаясь увернуться от рассекавшей воздух лютневой струны. – Вас я тоже привлеку. Смотреть надо, кого комунясом называешь.

– Да тебе меня заарессовать – кишка тонка, – взвился старик. – Да я в клубе состою – «Золотые Седины», под началом у Новоорлеанского департаме́нта отдыха.

– Оставь старика в покое, фараон паршивый, – заорала какая-то тетка. – Может, он чей-нибудь дедуля.

– А я и так дедуля, – ответил старик. – Шестеро внучков, и все у святых сестер учатся. Они у меня еще и мозговитые.

Поверх людских голов Игнациус разглядел, как из вестибюля универмага выплывает мать, волоча в кильватере хлебобулочные изделия, будто мешки с цементом.

– Мамаша! – воззвал он. – А вы пораньше не могли? Меня тут схватили.

Проталкиваясь сквозь народ, миссис Райлли отвечала:

– Игнациус! Это чего тут происходит? Это чего ты уже натворил? Эй, убери лапы от моего мальчонки!

– Да не трогаю я его, дамочка, – оправдывался полицейский. – Этот вот тут вот – сын ваш?

Миссис Райлли ухватила за свистевшую в воздухе струну.

– Разумеется, я ее отпрыск, – произнес Игнациус. – Вы разве не замечаете ее материнской нежности?

– Вишь, как любит свою парнишку, – прибавил старик.

– Чего это ты прицепился к моему несчастному ребенку? – осведомилась миссис Райлли у полицейского. Игнациус огромной лапой потрепал крашенные хной материнские волосы. – Заняться нечем – только на бедных детках отыгрываисся, а тут такие гады по улицам бегают. Мамулю ждет, подумать только, а его уже заарестовать хочет.

– Предельно ясно, что это дело подлежит рассмотрению Союзом гражданских свобод, – заметил Игнациус, хватаясь лапой за поникшее мамочкино плечо. – Мы должны выйти на Мирну Минкофф, мою утраченную любовь. Ей про такие вещи известно.

– А всё комунысы, – перебил его старик.

– Сколько ему лет? – спросил полицейский миссис Райлли.

– Мне – тридцать, – снисходительно промолвил Игнациус.

– Работаешь?

– Игнациус мне по дому помогает, – вмешалась миссис Райлли. Ее мужество несколько дрогнуло, и она принялась накручивать струну от лютни на бечевку, которой ей перевязали коробки с кексами. – У меня ужасный артрит.

– Я сметаю пыль, – сообщил Игнациус полицейскому. – А помимо

этого в настоящее время сочиняю продолжительное обвинение нашей эпохе. Когда мозг мой истерзан литературными трудами, я развлекаю себя сырной пастой.

– Игнациус так готовит сырны пасты – пальчики оближешь, – гордо встряла миссис Райлли.

– Очень мило с его стороны, – сказал старик. – Мальчишки нонче тока и знают, что гонять по улице.

– Почему бы вам не заткнуться? – осведомился полицейский у старика.

– Игнациус, – дрожащим голосом спросила миссис Райлли. – Чего ты натворил, Туся?

– В действительности, мамаша, я полагаю, всё начал именно он. – И Игнациус показал на старика, державшего его сумку с нотами. – Я просто стоял здесь и дожидался вас, молясь, чтобы доктор вселил в вас надежду.

– Убери отсюда этого баламута, – велела миссис Райлли полицейскому. – Он безобразия чинит. И как такие еще по улицам шастают.

– Вся полиция – комунясы, – сказал старик.

– Я разве не для тебя сказал заткнуться? – разозлился полицейский.

– Я на коленки каждый вечер падаю и боженьке спасибо говорю, что у нас защитники такие, – сообщила миссис Райлли всему сборищу. – Без полиции мы бы все давно уже на том свете в постелях лежали с перерезанным горлом от уха до уха.

– Истинная правда, дочка, – ответила ей какая-то женщина из толпы.

– Помолимся же ж за органы полиции. – Миссис Райлли теперь адресовала свои замечания публике. Игнациус шепотом ободрял, неистово оглаживая ей плечи. – А за комунясов рази ж стоит молиться?

– Нет! – рьяно отозвалось несколько голосов. Старика кто-то толкнул.

– Как есть правда, дамочка, – вскричал старик. – Он хотел вашего парнишку заарестовать. Прямо как в России. Они все тут комунясы.

– Пошли, – сказал фараон старику и грубо схватил его за ворот пальто.

– О боже мой! – простонал Игнациус, наблюдая, как чахлый маленький полицейский управляется со стариком. – Теперь мои нервы совершенно расхотелись.

– На помощь! – взывал к толпе старик. – Это переворот! Конституцию нарушают!

– Он самашетший, Игнациус, – произнесла миссис Райлли. – Пойдем-ка лучше отсюда, Туся. – Она обратилась к толпе: – Бегите, люди. Он может нас всех уколошить. Лично мне кажется, что он, может быть, сам – комуняст.

– Совершенно не нужно утрировать, мамаша, – сказал Игнациус, когда они пробрались через реддеющую толпу и споро зашагали по Канальной улице. Оглянувшись, он увидел, как старик сцепился с распетушившимся фараоном под часами универмага. – Не будете ли вы так добры несколько притормозить? Мне кажется, у меня шумы в сердце.

– Ох, закрой рот. А мне, думаешь, каково? Мне в моем возрасте вообще так бегать нельзя.

– Боюсь, сердечный орган важен в любом возрасте.

– Ничего твоему сердцу не будет.

– Будет, если мы не сбавим обороты. – Твидовые брюки вздымались на гаргантюанском крестце Игнациуса. – Моя струна для лютни еще у вас?

Миссис Райлли затянула его за угол на Бурбонову улицу, и они углубились во Французский Квартал.

– Чего это полицей к тебе прицепился, Туся?

– Почем мне знать? Вероятно, через несколько мгновений он пустится в погоню – как только усмирит этого пожилого фашиста.

– Ты думаешь? – нервно спросила миссис Райлли.

– Могу себе вообразить... Мне кажется, он был полон решимости меня арестовать. Должно быть, им задают какую-то норму или что-то в этом роде. Я серьезно сомневаюсь, что он позволит мне так легко избежать своих тисков.

– Нет, ну какой ужас! Ты ведь тогда же во всех газетах будешь, Игнациус. Стыд-то какой! Ты все-таки там во что-то влез, пока меня ждал, Игнациус. Я ведь тебя знаю, Туся.

– Если кто никуда и не лез, так это я, – выдохнул Игнациус. – Я вас умоляю. Мы должны остановиться. Мне кажется, у меня сейчас откроется кровотечение.

– Ладно. – Миссис Райлли поглядела на побагровевшую физиономию сына и поняла, что он за здорово живешь может грохнуться у ее ног исключительно в доказательство своей правоты. Раньше так уже бывало. Последний раз, когда она заставила Игнациуса сопровождать ее к воскресной службе, он дважды валился наземь по пути в церковь, а посреди проповеди о праздности рухнул прямо на пол, выпав в центральный проход и неприлично всех потревожив. – Давай вот сюда заглянем и присядем.

Коробкой с кексами она пропихнула его в двери бара «Ночь утех». Во тьме, провонявшей бурбоном и окурками, они взгромоздились на два табурета. Пока миссис Райлли расставляла свои коробки по стойке, Игнациус расправил обширные ноздри и вымолвил:

– Мой бог, мамаша, смердит здесь ужасно. У меня начались пертурбации живота.

– Назад на улицу хочешь? Чтоб тот полицейский тебя заграбастал?

Игнациус не ответил: он шумно принахивался и корчил рожи. Бармен, наблюдавший за парочкой, недоуменно осведомился из теней:

– Да?

– Я изопью кофе, – величественно произнес Игнациус. – Кофе с цикорием и кипяченым молоком.

– Только растворимый, – ответил бармен.

– Такое мне пить никак не возможно, – сообщил Игнациус матери. – Это гнусность.

– Так возьми себе пива, Игнациус. Пиво тебя не убьет.

– Меня может раздуть.

– Я возьму «Дикси-45», – обратилась миссис Райлли к бармену.

– А джентльмен? – осведомился бармен густым, уверенным голосом. – Чего ему будет угодно?

– И ему тоже «Дикси».

– Я еще могу его не пожелать, – запротестовал Игнациус, когда бармен отправился открывать бутылки.

– Но мы же здесь не можем за просто так сидеть, Игнациус.

– Почему бы и нет? Мы – единственные клиенты. Они должны радоваться нашему появлению.

– А у них тут по ночам стриптиз есть, а? – подначила сына миссис Райлли.

– Могу себе вообразить, – ледяным тоном отреагировал Игнациус. Ему явно было не по себе. – Могли бы и еще куда-нибудь заглянуть. Подозреваю, что сюда в любой момент нагрянет с облавой полиция. – Он громко хрюкнул и прочистил горло. – Слава богу, мои усы фильтруют хоть малую часть этого смрада. Мои органы обоняния уже шлют сигналы тревоги.

Казалось, прошла целая вечность – где-то много и громко звякало стекло и хлопали крышки от ящиков со льдом, – потом из теней опять возник бармен и поставил перед ними стаканы, сделав вид, что сейчас опрокинет пиво Игнациусу на колени. Семейство Райлли в «Ночи утех» обслуживалось по низшему разряду – такой сервис приберегали для особо нежелательной клиентуры.

– А у вас совершенно случайно холодного «Доктора Орешка» не найдется? – спросил Игнациус.

– Нет.

– Мой сын обожает «Доктор Орешек», – объяснила миссис Райлли. – Я его покупаю цельные ящики. Иногда он выпивает два, а то и три «Доктора Орешка» в один присест.

– Я уверен, что этого человека подробности особо не интересуют, – сказал ей Игнациус.

– Колпак снять не угодно? – поинтересовался бармен.

– Нет, не угодно! – громогласно рявкнул Игнациус. – Здесь зябко.

– Как угодно, – пожал плечами бармен и отчалил в тень на другом конце стойки.

– Именно что!

– Угомонись, – посоветовала миссис Райлли.

Игнациус задрал наушник на шапочке с той стороны, где сидела мать.

– Так уж и быть, я его подниму, чтобы вам не приходилось надсаживаться. Ну и что врач сказал вам про локоть или что там у вас?

– Его нужно массажировать.

– Надеюсь, вы не желаете, чтобы этим занимался я. Вам же известно, каково мне дотрагиваться до посторонних людей.

– Еще он велел беречься от холода.

– Если бы я умел водить машину, то смог бы значительно больше помогать вам, я полагаю.

– Ой, да это ж ничего, Туся.

– В действительности, даже простая поездка в автомобиле нервирует меня в достаточной степени. Разумеется, хуже нет, чем осуществлять проезд на верхушках этих туристических «грейхаундов». Головокружительная высота. Вы помните, как я ездил в Батон-Руж? Меня рвало несколько раз. Водителю пришлось остановить автобус где-то в болотах, чтобы я смог выйти и обрести под ногами почву. Остальные пассажиры были значительно недовольны. Должно быть, у них железные кишечники, если эти люди могут передвигаться столь ужасными транспортными средствами. Необходимость покинуть Новый Орлеан тоже меня весьма напугала. За городскими кварталами начинается сердце тьмы, подлинная пустыня.

– Я помню, Игнациус, – отсутствующе произнесла миссис Райлли, отхлебывая пиво большими глотками. – Ты действительно прихворнул, когда домой вернулся.

– О, тогда мне уже было лучше. Мерзостнее всего оказалось прибытие в Батон-Руж. Я осознал, что у меня куплен билет в оба конца, и возвращаться тоже придется автобусом.

– Ты мне это уже рассказывал, Туся.

– Такси назад в Новый Орлеан стоило мне сорока долларов, но, по крайней мере, мне в поездке не было так неистово плохо. И между тем я несколько раз испытывал позывы к тошноте. Я заставил шофера ехать очень медленно – ему со мной не повезло. Полиция останавливала его дважды за то, что он тащился по шоссе медленнее разрешенного. В третий раз у него забрали права. Понимаете, они отслеживали нас радаром всю дорогу.

Внимание миссис Райлли металось между сыном и пивом. Она слушала эту историю уже третий год подряд.

– Разумеется, – продолжил Игнациус, по ошибке принимая сосредоточенный взгляд матери за интерес, – то был единственный раз в моей жизни, когда я уезжал из Нового Орлеана. Возможно, меня расстроило отсутствие центра ориентации. Гнать на полной скорости в автобусе – все равно что бросаться в пропасть. К тому времени, как мы оставили позади болота и достигли пологих холмов возле Батон-Ружа, я начал бояться, что какие-нибудь деревенские жлобы закидают автобус бомбами. Они обожают нападать на транспортные средства, считая их символом прогресса, я полагаю.

– Ну что ж, я рада, что ты не взялся за ту работу, – автоматическиотреагировала миссис Райлли по команде «полагаю».

– Да мне никак не возможно было взяться за эту работу. Когда я увидел декана Кафедры средневековой культуры, у меня все руки пошли белыми пупырями. Абсолютно бездушный тип. Потом он высказал какое-то замечание насчет того, что я не ношу галстука, самодовольно ухмыльнулся по поводу моей куртки лесоруба. Я пришел в ужас: такая бессмысленная личность – и осмеливается на подобную дерзость. Куртка лесоруба – одна из немногих утех естества, к которым я был когда-либо по-настоящему привязан, и если мне случится найти того психа, что ее спер, я непременно доложу о нем соответствующим властям.

Перед глазами миссис Райлли снова встала кошмарная, заляпанная кофе куртка лесоруба, которую ей всегда хотелось втихаря отдать «Добровольцам Америки» вместе с парой-тройкой других любимых предметов Игнациусова гардероба.

– Видите ли, я был настолько ошеломлен омерзительностью этого насквозь фальшивого «декана», что выбежал из кабинета прямо посреди его крестинистического бреда и поспешно удалился в ближайшую уборную, которая оказалась уборной «Для преподавательского состава». Как бы то ни было, я сидел в кабинке, удобно разместив куртку на дверце. Внезапно на моих глазах куртку с дверцы сорвали. Я услышал шаги. Дверь в

рекреационную комнату захлопнулась. В тот момент я был не в состоянии преследовать бесстыжего вора и потому заорал. В уборную кто-то вошел и постучал в дверь моей кабинки. Оказалось, это работник службы безопасности университета – так он представился, по крайней мере. Через дверь я объяснил ему, что только что произошло. Он пообещал отыскать мою куртку и ушел. На самом деле, как я уже упоминал, я с самого начала подозревал, что он и «декан» – одно лицо. Голоса у них звучали несколько похоже.

– В наши дни доверять нельзя никому, Туся, это уж точно.

– Как только позволили обстоятельства, я бежал из уборной, стремясь лишь к одному – скорее оказаться подальше от этого кошмарного места. Разумеется, я чуть не околел, торча поблизости от вымершего университета в стараниях поймать такси. Наконец одно остановилось, и шофер согласился довезти меня до Нового Орлеана за сорок долларов – помимо этого, он оказался настолько бескорыстен, что одолжил мне свою куртку. К тому времени, как мы прибыли, однако, выглядел он довольно угрюмо – его достаточно сильно угнетала утрата водительских прав. К тому же, если судить по частоте чихов, у него развился сильнейший насморк. В конце концов, мы провели на шоссе почти два часа.

– Я, пожалуй, себе еще одно пиво выпью, Игнациус.

– Мамаша! В этом презренном заведении?

– Всего лишь одно, Туся. Ну же – мне еще хочется.

– Эти стаканы, вероятно, кишат заразой. Однако, если вы так настаиваете, возьмите мне бренди.

Миссис Райлли просигналила бармену, который выполз из теней и спросил:

– Так что там с тобой в автобусе стряслось, кореш? Я конец прослушал.

– Не будете ли вы настолько добры следить за своим баром как полагается? – яростно поинтересовался Игнациус. – Ваша обязанность – молча обслуживать, когда мы вас об этом попросим. Если бы нам хотелось включить вас в свою беседу, мы бы уже дали вам это понять. Вообще-то мы обсуждаем довольно животрепещущие личные вопросы.

– Да он же ж просто хочет быть любезным, Игнациус. Как не стыдно.

– Здесь в самих определениях содержится противоречие. Никому невозможно быть любезным в таком притоне.

– Мы хотим еще два пива.

– Одно пиво и один бренди, – поправил ее Игнациус.

– Чистые стаканы закончились, – ответил бармен.

– Подумать только, жалость какая, – отозвалась миссис Райлли. – Ну ничего, вы нам вот в эти налейте.

Бармен пожал плечами и вновь скрылся в тениях.

II

В участке старик сидел на скамье вместе с остальным сбродом – в большинстве магазинными воришками, составлявшими весь дневной улов. На колене он аккуратно выложил в ряд карточку социального обеспечения, членскую карточку «Общества Святого Имени Св. Одо Ключийского»^[3], значок клуба «Золотые Седины» и клочок бумаги, идентифицировавший владельца как члена «Американского легиона». Молодой чернокожий, безглазый за солнцезащитными очками космического века, долго изучал это маленькое досье на соседней лямке.

– В-во! – ухмыльнулся он. – Слышь, ты, наверно, везде член.

Старик методично переложил карточки в другой последовательности и ничего не ответил.

– Как это они тока таких за шкворень берут? – Темные очки окутали дымом все стариковские карточки. – У них тут, в падлиции, небось, полная безнадега.

– Я нахожусь здесь в нарушение моих конституционных прав, – отчеканил старик, внезапно разгневавшись.

– Ага, так они те и поверят. Лучше чё-нить другое придумай. – Темная рука потянулась к карточке. – Эй, а эт чё значит – «Запиты́е Седины»?

Старик выхватил у него карточку и вернул себе на лямку.

– Эти картонки твои ни фи́га не помогут. Все равно упекут. Они всех упекают.

– Вы так считаете? – поинтересовался старик у облака дыма.

– Еще бы. – К потолку вознеслась новая тучка. – А ты тут за чё, чувак?

– Не знаю.

– Не зна-аешь? В-во! С ума сойти. Должно быть, есть за чё. Это черных публик часто ни за чё грабастают, а вы, мистер, вы, должно быть, тут за чё.

– Я на самом деле не знаю, – угрюмо ответил старик. – Стоял себе в толпе у «Д. Х. Хоумза».

– И слямзил чей-нить бамажник.

– Нет, полицейского обозвал.

– И как же ты его обозвал?

– Кому-нясом.

– Каму-нясом! Вуу-оуу. Да если я назову падлицая каму-нясом, мне очко тут же в Анголу сплавят, точно. Хотя хорошо б кого-нить из этих

засранцев камунясом назвать. Типа сегодня днем стою я себе в «Вулвырте», а какое-то чучело тырит кулек рахиса из «Орехово Домика», да орать начинает, будто в ее пикой тычут. Й-их! Тут сразу охрена меня цап, и падлицаи, засрань, уже наружу тащат. Ни одного шанца у чувака не бывайть. В-во! – Его губы всосались в сигарету. – Никто рахиса этого на мне не нашел, а падлицаи все едино тянут. Так я думаю, что эта охрена и есть камунясы. Гнусное уёбище.

Старик прочистил горло и повозил своими карточками.

– Тебя, небось, отпустят, – сказали черные очки. – А со мной побазарят чутка, типа, на понт, хоть у меня того рахиса и в помине нет. Но небось докажут, что есть. Сами небось купят кулек, сунут втихаря мне в карман. «Вулворт» небось меня на пожизни засадить хочет.

Негр, казалось, уже смирился со своей судьбой и выдул новую тучу синего дыма, которая обволокла и его, и старика, и картонки. Потом задумчиво произнес:

– А интересно, кто все-тки орехи стырил. Наверно, сама охрена и стырила.

Полицейский призвал старика к столу в центре комнаты; за столом сидел сержант. Патрульный стоял рядом.

– Ваше имя? – спросил сержант старика.

– Клод Робишо, – ответил тот и выложил все свои карточки на стол перед сержантом.

Сержант их осмотрел и произнес:

– Тут вот патрульный Манкузо утверждает, что вы оказывали при аресте сопротивление и называли его камунясом.

– Я не хотел, – печально ответил старик, заметив, как непочтительно сержант обращается с карточками.

– Манкузо утверждает, что вы утверждаете, что все полицейские – камунясы.

– Ууу-иии, – протянул негр с другого конца комнаты.

– Джоунз, заткнись, будь добр? – крикнул ему сержант.

– Ладна, – ответил Джоунз.

– Я с тобой потом разберусь.

– А чё, я ж никого камунясом не обзывал, – вскинулся Джоунз. – Меня ж эта охрена в «Вулвырте» подставила. А я рахис ваще не люблю.

– Закрой пасть.

– Ладна, – бодро отозвался Джоунз и испустил грозовую тучу дыма.

– Я вообще ничего не имел в виду, – объяснял мистер Робишо сержанту. – Я просто переволновался. Я увлекся. Этот полицейский хотел

арестовать несчастного мальчонку, пока тот возле «Хоумза» маму ждал.

– Что? – Сержант развернулся к тщедушному блюстителю закона. – Ты что хотел сделать?

– Да никакой он не мальчонка, – ответил Манкузо. – Здоровенный жирный мужик, к тому же одет потешно. Выглядел подозрительной личностью. Я пытался осуществить обычную проверку документов, а он начал оказывать сопротивление. Сказать по правде, он был похож на взрослого извращенца.

– На извращенца, значит, а? – алчно переспросил сержант.

– Да, – воспрянул духом Манкузо. – На большого взрослого извращенца.

– Насколько большого?

– На самого большого в моей жизни, – сказал Манкузо, разводя руками так, будто хвастался уловом. Глаза сержанта засияли. – Я заподозрил неладное, когда заметил на нем зеленую охотничью шапочку.

Джоунз прислушивался откуда-то из глубины своего облака – внимательно и отрешенно.

– Ну, и что произошло дальше, Манкузо? Как случилось, что он сейчас не стоит здесь, передо мной?

– Он убежал. Из магазина вышла эта женщина и все запутала, и они убежали за угол, прямо в Квартал.

– О-о, так это типчики из Квартала, – внезапно обрадовался сержант.

– Нет, сэр, – встрял старик. – Она на самом деле его мамочка. Славная симпатичная дама. Я их в городе и раньше видел. Этот полицейский ее напугал.

– Нет, ты послушай только, Манкузо! – завопил вдруг сержант. – Ты один во всех наших органах способен арестовать сынка у мамочки. Да еще и дедулю сюда приволок. Сейчас же позвони его домашним, пусть приедут и заберут его отсюда.

– Прошу вас, – взмолился мистер Робишо. – Не делайте этого. Дочка у меня с детишками возится. Меня за всю жизнь ни разу не арестовывали. Она за мной приехать не сможет. А что подумают мои внуки? Они у святых сестер учатся.

– Позвони его дочери, Манкузо. Будет знать, как нас комунясами обзывать!

– Пожалуйста! – возопил мистер Робишо, весь в слезах. – Мои внуки меня уважают.

– Господи ты боже мой! – вздохнул сержант. – Сначала он мальчика с мамой задерживает, потом чьего-то дедулю притаскивает. Пошел отсюда к

чертовой матери, Манкузо, и деда с собой забирай. Хочешь подозрительных субъектов привлекать? Ты у нас попривлекаешь.

– Есть, сэр, – слабо отозвался Манкузо, уводя рыдающего старика.

– Ууу-иии! – из уединенности дымного облака раздался голос Джоунза.

III

Сумерки оседали вокруг бара «Ночь утех». Бурбонова улица за окном расцвела освещением. Перемигивались неоновые вывески, отражаясь в мостовых, смоченных опадавшей уже некоторое время легкой моросью. Таксомоторы, привозившие первых вечерних клиентов – туристов со Среднего Запада и участников конвенций, – слегка пошлепывали шинами в холодных сумерках.

Теперь в «Ночи утех» сидело еще несколько клиентов: мужчина, водивший пальцем по формуляру скачек, унылая блондинка, похоже, как-то связанная с этим баром, и элегантно одетый молодой человек, кутивший один за другим «Сэлемы» и глотавший замороженные дайкири.

– Игнациус, может, пойдем уже, а? – спросила миссис Райлли и рыгнула.

– Чего-о? – проревел Игнациус. – Мы должны пребывать здесь, дабы свидетельствовать разложению. Оно уже начинает сюда проникать.

Элегантный молодой человек от неожиданности выплеснул дайкири на свой бутылочно-зеленый бархатный пиджак.

– Эй, бармен! – позвала миссис Райлли. – Несите тряпку. Клиент у вас тут обмочился.

– Да все в *полном* порядке, дорогуша, – злобно ответил молодой человек. Он покосился на Игнациуса и его мать, изогнув дугой бровь. – Я, видимо, просто не в тот бар зашел.

– Не нужно так реагировать, голубчик, – посоветовала ему миссис Райлли. – Чего это вы пьете там такое? Похоже на ананасный снежок.

– Даже если я опишу в красках, сомневаюсь, что вы поймете.

– Вы как смеете разговаривать в таком тоне с моей дорогой, любимой мамочкой?

– Ох, да потише ты, громила! – рявкнул в ответ молодой человек. – Ты на пиджак мой посмотри.

– Он абсолютно гротеско́в.

– Ладно, ладно вам. Давайте останемся друзьями, – произнесла миссис Райлли из-под осевшей на губах пены. – У нас и без этого и бомбов, и прочей пакости навалом.

– А ваш сын, похоже, с восторгом их сбрасывает, я должен заметить.

– Ладно вам. Тут мы в таком месте сидим, где всем повеселиться не грех. – Миссис Райлли улыбнулась молодому человеку. – Давай я тебе еще

выпить куплю, малыш, за тот, что ты разлил. А сама, наверно, себе еще «Дикси» возьму.

– Да нет, мне в самом деле пора бежать, – вздохнул молодой человек. – Но все равно спасибо.

– И это в такой-то вечер? – спросила миссис Райлли. – Ох, да не обращай ты внимания, Игнациус мой еще и не того скажет. Оставайся, да спектакль посмотришь, а?

Молодой человек закатил глаза к небесам.

– Ага, – подала голос блондинка. – Кой-какой попки да сисек увидишь.

– Мамаша, – холодно промолвил Игнациус, – я в самом деле полагаю, что вы поощряете этих абсурдных людишек.

– Так это же ж ты остаться хотел, Игнациус.

– Да, хотел – как наблюдатель. Я не особо стремлюсь к общению с ними.

– Туся, сказать по правде, так я сегодня больше уже не могу про автобус слушать. Ты мне же уже четыре раза рассказал, как мы тут сели.

Игнациуса это задело.

– Я едва ли подозревал, что наскучил вам. В конечном итоге та автобусная поездка была одним из наиболее решающих переживаний моей жизни. Вас как родительницу должны интересовать травмы, определившие мое мировоззрение.

– А чего там у тебя с автобусом-то было? – заинтересовалась блондинка, пересаживаясь поближе к Игнациусу. – Меня Дарлина зовут. Мне нравятся хорошие истории. В твоей перчику есть?

Бармен грохнул пивом и дайкири о стойку как раз в тот миг, когда автобус отчалил в свой судьбоносный водоворот приключений.

– Вот, чистый стакан возьмите, – рявкнул бармен миссис Райлли.

– Нет, ну как любезно. Эй, Игнациус, а мне чистенький стакан дали.

Но сыну было не до того: его слишком поглотило прибытие в Батон-Руж.

– А знаете, голубчик, – обратилась миссис Райлли к молодому человеку, – мы же с мальчиком моим сегодня в историю попали. Полиция его арестовать хотела.

– Ох ты ж. Полицейские такие упертые всегда, правда?

– Да-а, а ведь Игнациус и магисра получил, и все остальное.

– Так что ж он, во имя всего святого, натворил?

– Ничего. Стоял и ждал свою бедную дорогую мамулю.

– Наряд у него несколько... странноват. Я, как вошел, сразу подумал, что он тут – какой-нибудь артист, хотя природы его выступлений и

вообразить себе не пытался.

– Да я уж говорю ему, говорю про одежду, а он не слушает. – Миссис Райлли бросила взгляд на кокетку фланелевой рубашки сына и на волосы, обкудрявившие его затылок. – А на вас костюмчик-то хорошенький такой.

– Ах, этот? – переспросил молодой человек, ощупывая свой бархатный рукав. – Не стану от вас скрывать – он стоил мне целого состояния. Я отыскал его в дорогом магазинчике в Деревне.

– Не похожи вы на деревенского, я погляжу.

– Господи, – вздохнул молодой человек и поджег «Сэлем» могучим щелчком зажигалки. – Я имел в виду Гренич-Виллидж в Нью-Йорке, дорогуша. Кстати, где вы такую шляпку себе отхватили? Фантастично!

– Ой, боже-сусе, да у меня ж она с тех пор, как Игнациус к первому причастию пошел.

– А не думали ее продать?

– Это чего ж ради?

– Я, видите ли, комиссионной одеждой торгую. Я вам за нее дам десять долларов.

– Ой, да ладно вам. Вот за это?

– Пятнадцать?

– В самом деле? – Миссис Райлли отделила шляпку от головы. – Берите, голубчик.

Молодой человек раскрыл бумажник и вручил миссис Райлли три бумажки по пять долларов. Опустошив свой бокал с дайкири, он встал и сказал:

– Вот теперь мне действительно пора бежать.

– Уже?

– Знакомство с вами было совершенно восхитительным.

– Вы там потише смотрите – на холоде да в сырости.

Молодой человек улыбнулся, аккуратно разместил шляпку у себя под шинелью и вышел из бара.

– Радарное патрулирование, – между тем повествовал Игнациус Дарлине, – очевидно, в достаточной мере надежно. По всей видимости, мы с таксистом оставляли на их экране след маленькими точками от самого Батон-Ружа.

– Так ты и на экран попал, – зевнула Дарлина. – Подумать только.

– Игнациус, нам пора, – вмешалась миссис Райлли. – У меня уже в животе урчит.

Она повернулась и сбросила свою пивную бутылку на пол, где та разлетелась фонтаном коричневых зубастых стеклышек.

– Мамаша, вы что – сцену мне устраиваете? – раздраженно осведомился Игнациус. – Неужели вы не видите, что мы с мисс Дарлиной ведем беседу? У вас же с собой есть кексы. Вот и жуйте их. Вы вечно жалуетесь, что никогда никуда не выходите. Полагаю, вы должны наслаждаться ночной жизнью.

Игнациус вернулся к радару, а миссис Райлли залезла в коробку и съела шоколадный кексик.

– Хотите? – предложила она бармену. – Миленькие такие. У меня и славные винные кэксикки еще есть.

Бармен сделал вид, будто ищет что-то у себя на полках.

– Я носом чую винные кексикки, – вскричала вдруг Дарлина, глядя мимо Игнациуса.

– А и возьми, голубушка, – протянула ей выпечку миссис Райлли.

– Я, наверное, тоже один отведаю, – сказал Игнациус. – Могу себе вообразить, вкус у них довольно неплох – особенно с бренди.

Миссис Райлли разложила коробку на стойке. Даже мужчина с формуляром согласился взять миндальное печенье.

– Вы где такие славные винные кексы брали, дама? – спросила миссис Райлли Дарлина. – Хорошие и сочные.

– А вон там, у «Хоумза», голубушка. У них хороший сортимент. Много разнообразия.

– Они довольно вкусны, – снизошел Игнациус, запуская вялый розовый язык в усы на поиски крошек. – Я, вероятно, один-другой миндальный еще съем. А кокосовые я всегда считал питательными кормами.

И он целеустремленно зарылся в коробку.

– Что ж до меня, так мне всегда после еды кэкс подавай, – сообщила миссис Райлли спине бармена.

– Спорнѐм, вы хорошо готовите, а? – спросила Дарлина.

– Мамаша не готовит, – догматически изрек Игнациус. – Она испепеляет.

– А я вот готовила, когда замужем была, – сказала им Дарлина. – Хотя я как бы много таких консервированных штучек брала. Мне вот такой вот испанский рис нравится, у них всегда бывает, и спагетты такие с подливой.

– Консервированная пища – извращение, – вымолвил Игнациус. – Подозреваю, в конечном итоге она крайне вредна для души.

– Х-хосподи, опять у меня локоть начинается, – вздохнула миссис Райлли.

– Прошу вас, сейчас я говорю, – вспыхнул ее сын. – Я никогда не ем

консервированной пищи. Однажды поел, так сразу почувствовал, как у меня наступает атрофирование всех внутренних органов.

– У тебя хорошее образование, – сказала Дарлина.

– Игнациус коле́ж кончил. А потом еще четыре года там ошивался, магистра получал. Игнациус кончил башковито.

– «Башковито кончил», – с вызовом повторил Игнациус. – Определяйте, пожалуйста, свои понятия четче. Что именно вы подразумеваете под «башковито кончил»?

– Не смей с мамой так разговаривать! – возмутилась Дарлина.

– Ох, да он ко мне так плохо иногда относится, – провозгласила миссис Райлли и заплакала. – Вы себе представить не можете. Как подумаю, сколько всего я для этого мальчика сделала...

– Мамаша, что вы мелете?

– Ты меня не ценишь.

– Прекратите сейчас же. Боюсь, вы потребили чересчур много пива.

– Я для тебя все равно что мусор. А я хорошая, – всхлипнула миссис Райлли и повернулась к Дарлине. – Я всю страховку его бедного дедушки Райлли спустила, только чтоб он в коле́же восемь лет учился, а он с тех пор только дома валяется, да на тиливизер смотрит.

– Постыдился бы, – сказала Дарлина Игнациусу. – Такой здоровый мужик. Погляди только на свою бедную мамочку.

Миссис Райлли рухнула на стойку, рыдая и сжимая в кулаке стакан с пивом.

– Это смехотворно. Мамаша, сейчас же прекратите.

– Если б я знала, что ты такой жестокий, мистер, я б ни за какие коврижки не стала твоих сумасшедших рассказов про автобусы слушать.

– Вставайте, мамаша.

– Да ты, похоже, и чокнутый к тому ж, – продолжала Дарлина. – Могла б и догадаться. Только посмотри, как бедная женщина плачет.

Дарлина попыталась столкнуть Игнациуса с табурета, но тот лишь повалился на родительницу. Миссис Райлли неожиданно перестала рыдать и ахнула:

– У меня ж локоть!

– Что тут происходит? – В дверях бара, обитых зеленовато-желтым, как шартрез, кокемитом, стояла женщина. Статная, не очень юная, прекрасное тело затянуто в черное кожаное пальто, блестящее от мороси. – Стоит оставить заведение на пару часов по магазинам прошвырнуться, и поглядите только. Каждую минуту надо сидеть, наверное, чтоб вы, народ, мне всю мою инвестицию не испохабили.

– Просто двое пьянчуг, – пожаловался бармен. – Я им от ворот поворот пытаюсь дать с тех пор, как они сюда зашли, а они липучие, что твои мухи.

– А ты, Дарлина? – повернулась к блондинке женщина. – Вы с ними – большие друзья, а? На табуретках тут в бирюльки с этими субчиками играешь, как я погляжу?

– Этот парняга свою мамочку гнобит, – объяснила Дарлина.

– Мамочку? У нас тут теперь еще и мамочки завелись? Бизнес совсем завонялся.

– Прошу прощения? – встрял Игнациус.

Женщина его проигнорировала и вперилась взглядом в разломанную пустую коробку из-под кексов:

– Кто здесь пикник себе устроил? Черт побери. Я вам, народ, уже говорила про муравьев и крыс.

– Прошу прощения, – снова встрял Игнациус. – Здесь присутствует моя мать.

– Вовремя вы здесь всякой срани понаразбивали, – я как раз себе уборщицу ищу. – Женщина посмотрела на бармена. – Выставь эту парочку отсюда.

– Слушаюсь, мисс Ли.

– А вы не гоношитесь так, – оскорбилась миссис Райлли. – Мы уже уходим.

– Совершенно определенно уходим, – подтвердил Игнациус, ковыляя к двери и оставив мать позади сползать с табурета в одиночестве. – Поторопитесь, мамаша. Эта женщина похожа на фашистского коменданта. Она может нас ударить.

– А ну постойте! – завопила мисс Ли, хватая Игнациуса за рукав. – Сколько эти субчики нам должны?

– Восемь долларов, – ответил бармен.

– Да это же разбой с большой дороги! – загрохотал Игнациус. – Вы будете говорить с нашими адвокатами.

Миссис Райлли расплатилась двумя из трех банкнот, отданных ей молодым человеком, и, качнувшись мимо мисс Ли, проговорила:

– Мы-то знаем, когда нас не хотят. Мы свои дела в других местах вести будем.

– И правильно, – отозвалась мисс Ли. – И валите. Дела с такими типами – сплошной поцелуй смерти.

Стоило набивной двери закрыться за семейством Райлли, мисс Ли изрекла:

– Никогда мамочек терпеть не могла. Даже свою собственную.

– А моя была шлюхой, – вымолвил мужчина с формуляром, не отрываясь от газеты.

– В мамочках дерьма навалом, – поделилась житейским наблюдением мисс Ли, стаскивая кожаное пальто. – Так, а теперь мы с тобою немножко побеседуем, Дарлина.

За дверью миссис Райлли, ища опоры, вцепилась в руку сына, но, как бы ни старалась, вперед они продвигались очень медленно – казалось, боковые движения даются им легче. В их походке стал прослеживаться рисунок: три быстрых шага влево, пауза, три быстрых шага вправо, пауза.

– Уж-жасная женщина, – выговорила миссис Райлли.

– Отрицание всех человеческих качеств, – прибавил Игнациус. – Кстати, как далеко мы от автомобиля? Я очень устал.

– Он на Святой Анне, Туся. Пара кварталов – рукой подать.

– Вы оставили в баре свою шляпку.

– О. А я продала ее тому молодому человеку.

– Вы ее продали? Но почему? А вы меня спросили, желаю ли я, чтобы вы ее продавали? Я был очень привязан к этой шляпке.

– Прости, Игнациус. Я ж и не знала, что она тебе так нравится. Ты про это ж ничего никогда не говорил.

– У меня к ней была невысказанная привязанность. То был контакт с моим детством, связь с прошлым.

– Но он же дал мне за нее пятнадцать долларов, Игнациус.

– Прошу вас. Не упоминайте об этом больше. Вся эта сделка – святотатство. Одному провидению известно, какие дегенеративные применения найдет он этой шляпке. У вас пятнадцать долларов при себе?

– Еще семь осталось.

– Так почему же мы не остановимся и не потребим чего-нибудь съестного? – Игнациус указал на тележку, стоявшую на углу: та изображала сосиску в тесте на колесах. – Я полагаю, они здесь торгуют «горячими собаками» длиной в фут.

– «Горячие собаки»? Туся ты мой, мы что, по такому дождю, по такому холоду будем стоять на улице и есть сосыски?

– Я просто высказал предложение.

– Нет, – отвечала миссис Райлли с несколько подпитым мужеством. – Поехали домой. Я ни за какие пряники не стану есть ничего с этих грязных таратаек. Их сплошные бродяги возят.

– Ну, если вы настаиваете, – надувшись, промолвил Игнациус. – Хотя я довольно-таки голоден, а вы, в конце концов, только что продали реликвию моего детства за тридцать сребреников, так сказать.

Они продолжали выписывать свои узоры по мокрой брусчатке Бурбоновой улицы. Ископаемый «плимут» на улице Святой Анны обнаружился легко. Его высокая крыша торчала над остальными машинами – отличительная черта, благодаря которой он без труда опознавался на стоянках больших универмагов. Миссис Райлли дважды заползала на тротуар, пытаясь силком извлечь машину из парковочной щели, и оставила отпечаток бампера образца 1946 года на капоте стоявшего позади «фольксвагена».

– Мои нервы! – только и сказал Игнациус. Он съежился так, что в окне торчала одна зеленая охотничья шапочка, словно верхушка многообещающего арбуза. С заднего сиденья, на котором Игнациус обычно располагался, прочтя где-то, что место рядом с водителем наиболее опасно, он неодобрительно наблюдал за судорожными и не очень умелыми движениями матери. – Я имею подозрение, что вы весьма эффективно уничтожили маленький автомобиль, невинно припаркованный кем-то вон за тем автобусом. Теперь вам лучше преуспеть в скорейшей ретирade с этого места, пока не объявился законный владелец.

– Прикрой рот, Игнациус. Ты давишь мне на нервы, – отвечала миссис Райлли охотничьей шапочке в зеркальце заднего вида.

Игнациус приподнялся на сиденье и выглянул в заднее окно.

– Та машина подверглась краху. Ваши водительские права, ежели у вас они в самом деле имеются, вне всякого сомнения, отберут. Я определенно не стал бы обвинять служителей законности.

– Лучше ложись вздремни, – ответила мать, снова дернув машину назад.

– Вы полагаете, я мог бы сейчас уснуть? Да я в тревоге за свою жизнь. Вы уверены, что вращаете руль в нужном направлении?

Внезапно автомобиль выпрыгнул из парковочной ловушки и юзом заскользил по мокрой мостовой к столбу, поддерживающему витой чугунный балкон. Столб повалился вбок, а «плимут» с хрустом врезался в здание.

– О боже мой! – заверещал с заднего сиденья Игнациус. – Что вы совершили на этот раз?

– Зови священника!

– Я не думаю, что нас ранило, мамаша. Однако моему желудку вы только что нанесли ущерб на последующие несколько дней. – Игнациус открутил заднее окно и принялся изучать крыло, вжатое в стену. – Полагаю, нам потребуются новая фара с этой стороны.

– Что же нам делать?

– Если бы я управлял этим транспортным средством, я бы включил задний ход и грациозно покинул сцену. Кто-нибудь определенно выдвинет против нас обвинения. Владельцы этой развалюхи уже много лет ждут подобной возможности. После заката они наверняка намазывают улицу жиром в надежде на то, что таких автолюбителей, как вы, понесет в сторону их лачуги. – Тут он рыгнул. – Мое пищеварение уничтожено. Мне кажется, меня начинает раздувать!

Миссис Райлли подергала облезлые рычаги и дюйм за дюймом стала подавать машину назад. Стоило «плимуту» зашевелиться, как у них над головами раздался скрип дерева – скрип, постепенно переросший в треск ломающихся досок и скрежет металла. Балкон обрушился на них огромными секциями, бомбя крышу автомобиля с тупым, тяжелым грохотом, похожим на разрывы ручных гранат. «Плимут» застыл обдолбанным кренделем, и кусок декоративной чугунной решетки вдребезги расколошматил заднее стекло.

– Туся, ты живой? – неистово спросила миссис Райлли, едва канонада стихла.

В ответ Игнациус издал надсадный звук. Из желто-небесных глаз струились слезы.

– Скажи мне что-нибудь, Игнациус! – взмолилась мать, обернувшись как раз в тот момент, когда сын сунулся головой в окно и стравил прямо на помятый борт автомобиля.

Патрульный Манкузо, одетый в балетное трико и желтый свитер, медленно прогуливался по улице Шартр – такой наряд, по замыслу сержанта, должен был помочь Манкузо привлекать к ответственности подлинных, достоверных подозрительных субъектов, а не дедуль и не мальчиков, ожидающих мамочек. Костюм этот и был обещанным наказанием. Сержант объяснил Манкузо, что отныне и впредь тот будет нести единоличную ответственность за привлечение только подозрительных субъектов, а гардероб полицейского управления настолько богат, что Манкузо сможет выступать в новой роли каждый божий день. С обреченным видом Манкузо натянул трико прямо перед сержантом, после чего тот выпихнул его из участка на улицу, на прощанье велел подтянуться – или вон из полиции.

За два часа патрулирования Французского Квартала Манкузо не схватил никого. Дважды мелькала надежда. Он остановил мужчину в берете и попросил закурить, но мужчина пригрозил, что сейчас его арестует. Затем он поздоровался с молодым человеком в шинели и дамской

шляпке, но тот заехал ему ладонью по физиономии и рванулся прочь.

Патрульный Манкузо брел по улице Шартр, потирая щеку, которую до сих пор жгла затрещина, и тут услышал что-то похожее на взрыв. В надежде, что какой-нибудь подозрительный субъект только что бросил бомбу или застрелился, он забежал за угол Святой Анны и увидел, как зеленая охотничья шапочка испускает среди развалин потоки рвоты.

Два

«С распадом Средневековой Системы обрели господство боги Хаоса, Безумия и Дурновкусия», – писал Игнациус в блокноте «Великий Вождь».

По окончании периода, в течение которого западный мир наслаждался порядком, покоем, согласием и единением со своим Истинным Богом и Троицей, задули ветры перемен, предвещавшие порочные дни. Злой ветер никому добра не принесет. Светлые дни Абеяра, Фомы Бекета и Рядового Человека угасли и стали тщетой; колесо Фортуны прокатилось по человечеству, сокрушив его ключицы, раздробив ему череп, свернув туловище, проткнув почечную лоханку, опечалив душу. Вознесясь когда-то столь высоко, человечество пало столь низко. Посвященное некогда душе ныне предало себя торжищу.

– Это довольно прекрасно, – сказал Игнациус себе и продолжил скоропись.

Торгаши и шарлатаны захватили контроль над Европой, называя свое вероломное Евангелие «Просвещением». День саранчи близился, однако из золы человечества никакого Феникса не восстало. Смиранный и благочестивый крестьянин Петр Пахарь отправился в город продавать своих детей лордам Нового Порядка с намерениями, каковые мы в лучшем случае можем назвать сомнительными. (См. Райлли, Игнациус Ж. *Кровь на их руках: Преступность всего, Исследование избранных злоупотреблений в Европе шестнадцатого века*, Монография, 2 стр., 1950, Зал Редкой Книги, Левый Коридор, Третий Этаж, Мемориальная Библиотека Хауарда-Тилтона, Университет Тулэйна, Новый Орлеан, 18, Луизиана. *Примечание*: Я отправил эту исключительную монографию почтой в дар библиотеке; тем не менее в действительности я не очень уверен, была ли она вообще принята. Ее могли запросто выбросить, поскольку написана она грифельным карандашом на линованной блокнотной бумаге.) Коловращение расширилось; Великая Цепь Бытия лопнула, подобно множеству канцелярских скрепок,

нанизываемых одна на другую каким-нибудь слюнявым идиотом; смерть, разруха, анархия, прогресс, честолюбие и самоусовершенствование – вот чему суждено было стать новым роком Петра. Причем роком прежестоким: теперь ему пришлось столкнуться с извращением – необходимостью ИДТИ РАБОТАТЬ.

Его видение истории на мгновение померкло, и Игнациус внизу страницы набросал карандашом петлю. Рядом изобразил револьвер и коробочку, на которой аккуратно вывел печатными буквами: ГАЗОВАЯ КАМЕРА. Поелозил грифелем по бумаге взад-вперед и подписал: АПОКАЛИПСИС. Закончив украшать страницу, он швырнул блокнот на пол, где уже валялось множество таких же блокнотов. Сегодня очень продуктивное утро, подумал он. Я столько не свершал неделями. Глядя на десятки «Великих Вождей», образовавших около кровати ковер из индейских головных уборов, Игнациус самодовольно размышлял, что на их пожелтелых страницах и широких линейках – семена колоссального исследования сравнительной истории. Весьма неупорядоченные, разумеется. Но настанет день, и он возьмется за сию задачу: отредактировать фрагменты своей ментальности и составить из них головоломку грандиознейшего замысла; будучи сложенной, она явит образованным людям тот катастрофический курс, коему следовала история последние четыре столетия. За пять лет, что он посвятил этой работе, ежемесячно в среднем им производилось всего шесть абзацев. Он даже не мог припомнить, что написано в некоторых блокнотах, а несколько, сознавал он, вообще заполнены главным образом каракулями. Тем не менее, спокойно думал Игнациус, Рим не сразу строился.

Игнациус задрал фланелевую ночную сорочку и поглядел на вспухший живот. Его часто раздувало подобным образом, когда он залеживался по утрам в постели, созерцая плачевный оборот, который приняли события после Реформации. Дорис Дей^[4] и туристические «грейхаунды», стоило им прийти на ум, вызвали расширение его центрального региона еще скорее. Однако после попытки ареста и автомобильной аварии его раздувало практически без всякой причины, пилорический клапан захлопывался когда вздумается и наполнял желудок пойманным в ловушку газом – газом, что обладал и собственным сознанием, и собственным бытием, и терпеть не мог своего заточения. Игнациус задавался вопросом: а не пытается ли его пилорический клапан, подобно Кассандре, сообщить ему нечто важное. Как медиевист, Игнациус верил в *rota Fortunae*, сиречь «колесо судьбы» – основополагающую концепцию трактата «*De Consolatione Philosophiae*»^[5],

философской работы, заложившей фундамент всего средневекового мышления. Боэций, покойный римлянин, сочинивший «*Consolatione*» и несправедливо заточенный императором в узилище, писал, что слепая богиня крутит нас на колесе, и невезение наше случается циклами. Не стала ли смехотворная попытка арестовать его началом скверного цикла? Не ускоряется ли его колесо вниз? Авария тоже была дурным знаком. Игнациуса это встревожило. Философия философией, но Боэция все равно пытали и убили. Тут клапан снова захлопнулся, и Игнациус перекатился на левый бок, надеясь, что под давлением тела клапан откроется опять.

– О, Фортуна, слепая, невнимательная богиня, я пристегнут к твоему колесу, – рыгнул Игнациус. – Не сокрушай меня под своими спицами. Вознеси меня повыше, божество.

– Ты чего там бормочешь, Туся? – спросила мать через закрытую дверь.

– Я молюсь, – сердито ответил Игнациус.

– Сегодня к нам заглянет патрульный Манкузо насчет аварии. Прочел бы немножко «Славься-Марий» за меня, голубчик.

– Ох ты ж, господи, – пробормотал Игнациус.

– По-моему – так чудесно, что ты молитвы читаешь, Туся. А я все кумекаю, чего ж ты там, запершись, все время делаешь.

– Уйдите, я вас умоляю! – заорал в ответ Игнациус. – Вы сокрушаете мой религиозный экстаз.

Энергично подскакивая на боку, Игнациус ощущал, как в горле вздымается мощная отрыжка, но стоило в ожидании открыть рот – и он выпускал лишь крошечный рыг. Тем не менее подскоки на месте возымели некое физиологическое действие. Игнациус потрогал маленькую эрекцию, указывавшую вниз, в сторону простыни, подержался за нее и затих, пытаясь решить, что же ему делать дальше. В этом положении, с красной фланелевой сорочкой, закатанной до груди, и массивным животом, вдавленным в матрац, он несколько печально размышлял о том, что за восемнадцать лет его хобби стало всего-навсего механическим актом, лишенным полетов фантазии и изобретательности, на какие он некогда был вдохновенно способен. Было время, когда он почти превратил его в искусство, предаваясь ему мастерски, со рвением художника и философа, ученого и джентльмена. В комнате до сих пор погребено несколько аксессуаров, которыми он когда-то пользовался: резиновая перчатка, лоскут ткани от шелкового зонтика, склянка «Ноксимы»^[6]. Уборка после финала действия со временем стала слишком угнетать.

Игнациус манипулировал и сосредотачивался. Наконец возникло

видение: знакомая фигура большого и преданного пса-колли, его любимца в школьные времена. «Гав! – почти уже слышал Игнациус голос Рекса. – Гав! Гав! Р-раф!» Рекс выглядел таким живым. Одно ухо висело. Он шумно дышал. Привидение перепрыгнуло через забор и помчалось за палкой, неким образом приземлившейся прямо посреди одеяла Игнациуса. Белая с рыжими подпалинами шерсть приближалась, глаза Игнациуса расширились, сошлись к переносице, закрылись, он немощно откинулся на спину, провалившись во все свои четыре подушки и надеясь, что где-нибудь под кроватью завалялась пачка «Клинексов».

II

- Я тут нащот швицара пришел, по объяве.
- Н-да? – Лана Ли взглянула на солнечные очки. – А какие-нибудь рекомендации у тебя имеются?
- Мне падлицаи комендацыю выписали. Гаврят, мне ж лучше, ежели я свое очко по найму устрою, – ответил Джоунз и выпустил реактивную струю дыма поперек всего пустующего бара.
- Прошу прощения. Никаких полицейских субчиков. На хрена они сдались в таком бизнесе, как тут. Мне за инвестицией нужно следить.
- А я еще покудова не супчик, но уже могу точно сказать, чего мне впаяют: бомж без видимых срецв существа. Так и сказали. – Джоунз весь скрылся в собирающейся туче. – Я и думаю себе: мож, «Ночью тех» обрадывается, ежели дадут кому-то членом опчества стать – ежели бедного черномазого от тюрьги удержут. Из-за меня сюды пикеты не полезут, я «Ночью тех» путацію дам: как хорошо тут граждамские права бдют.
- Хватит чушь пороть.
- Й-их! В-во как!
- У тебя есть опыт работы швейцаром?
- Чё? Веником да шваброй махать, и прочее говно для ниггеров?
- Ты за языком давай следи, мальчонка. У меня тут чистый бизнес.
- Черт, да это ж как два пальца облюзать, особливо черному публику.
- Я искала, – произнесла Лана Ли, становясь суровым начальником отдела кадров, – на эту работу подходящего мальчонку на несколько дней. – Она сунула руки в карманы реглана и всмотрелась в солнечные очки. В самом деле отличная сделка – точно подарок, оставленный на крыльце. Цветной парень, которого арестуют за бродяжничество, если не будет работать. У нее появится крепостной швейцар, которым она сможет помыкать почти за так. Превосходно. Лана почувствовала себя лучше впервые с тех пор, как застукала эту парочку субчиков, гадивших в ее बारे. – Зарплата двадцать долларов в неделю.
- Эй! То-то я гляжу, никто так и не объявился. Ууу-иии. Слуш, а чё с минималой заплатой стало?
- Тебе работа нужна, так? А мне – швейцар. Бизнес завонялся. Отсюда и считай!
- Последний чувак тут батрачил да наверняк с голодухи помер.
- Работаешь шесть дней в неделю с десяти до трех. Если не будешь

прогуливать, кто знает, может, маленькую надбавку получишь.

– Не волнуйсь. Я легулярно ходить буду – чё хошь, лишь бы на парудругу часиков очко от падлицаев прикрыть, – ответил Джоунз, овевая дымом Лану Ли. – Где тут вы свою швабру, к ебенемаме, держишь?

– Первое, что нам нужно понять: рты мы тут держим чистыми.

– Есть, мэ-эм. Уж я точно не хочу такому прекрасному месту вывеску портить, как «Ночью тех». В-во!

Открылась дверь, и в коротком атласном платье и цветочной шляпке вошла Дарлина, изящно поддергивая на ходу подол.

– Явилась наконец? – заорала ей Лана. – Я сказала тебе сегодня к часу быть.

– У меня вчера вечером какаду слег с простудой, Лана. Просто ужас. Всю ночь кашлял мне в самое ухо.

– И где ты только такие отговорки придумываешь?

– Да все так и было же ж, – обиженно пробурчала Дарлина. Она водрузила свою громадную шляпку на стойку и вскарабкалась на табурет, прямо в тучу дыма, выпущенную Джоунзом. – Я ж его к ветеринару сегодня утром должна была свозить, укол витамина сделать. Я ж не хочу, чтоб бедная птичка мне все мебели обкашляла.

– Чего это тебе вчера в голову взбрело тех двух субчиков привечать? Каждый день, каждый же день, Дарлина, я пытаюсь тебе объяснить, какая нам здесь клиентура нужна. А тут захожу и вижу, как ты с какой-то старой каргой и какой-то жирной говняшкой всякую дрянь с моего бара пожираешь. Ты что – хочешь мне бизнес прикрыть? Люди сюда сунутся, увидят эдакую комбинацию – и в другой бар отвалят. Ну что еще нужно сделать, чтобы ты зарубила себе на носу, Дарлина? Как еще нормальному человеку достучаться до таких мозгов, как у тебя?

– Ну я же ж вам уже сказала – жалко несчастную женщину, Лана. Вы б видели, как ее сын третирует. Вы б слышали, какую историю он мне про «грейхаунд» рассказывал. Покуда эта милая старушка сидит и платит за всю его выпивку. Я ж не могу не взять хоть один ее кексик, чтоб ей приятное сделать.

– В следующий раз поймаю, как ты таких людей поощряешь и мне всю инвестицию гроишь, пинка отсюда прямо под зад получишь. Это ясно?

– Да, мэ.

– Ты хорошо поняла, что я сказала?

– Да, мэ.

– Ладно. Теперь покажи этому мальчонке, где мы швабры и прочую срань держим, и уберите бутылку, которую старушенция раскокала. Ты

отвечаешь за то, чтобы вся эта чертова лавочка сверкала как стеклышко после того, что ты мне вчера вечером тут откаблучила. Я за покупками. – Лана дошла до дверей и обернулась. – И я не хочу, чтобы кто-нибудь дурака валял со шкафчиком под стойкой.

– Чтоб я так жила, – сказала Дарлина Джоунзу, когда Лана хлопнула за собой дверью, – тут хуже, чем в армии. Она тебя только сегодня наняла?

– Ага, – ответил Джоунз. – Тока не совсем *наняла*. Она меня как бы с подставки на аукционе купила.

– Ты хоть жалованье получать будешь. А я на одни проценты вкальваю с того, сколько тут народ вылакает. Думаешь, легко? Попробуй уломай кого-нить купить вторую рюмашку, чего они тут набодяжат. Голимая вода. Да чтоб хоть как-то торкнуло, надо десять, пятнадцать долларов спустить. Чтоб тебе жить так, работа аховая. Лана даже в шампанское воду спускает. Поди сам попробуй. А еще скулит, что бизнес завонялся. Сама с бара так не берет ничего, а то знала б. Пусть у ней хоть пять человек дует, она башли гребет. Вода ж ничего не стоит.

– А чё она покупать пошла? Кнут?

– Хрен ее поймешь. Лана мне никогда ничего не говорит. С прибабахом она, эта Лана. – Дарлина изысканно высморкалась. – А я на самом деле хочу экзотикой стать. Я уж и дома репетировала. Развести б Лану, чтоб я тут по вечерам танцевала, тогда и регулярная зарплата мне будет, и водичкой торговать не надо. А-а, хорошо, что вспомнила: мне с того, что эти тут выдули вчера, кой-какие проценты капают. Старушка-то порядком пива насосалась, точно. Прямо и не знаю, чего Лана разгунделась. Бизнес как бизнес. Жирик этот с мамашкой ничуть не хуже других, кого сюда заносит. Я так думаю, Лану эта смешная зеленая шапочка заела у него на макушке. Он когда говорит – наушники натягивает, а когда слушает – снова подымает. А как Лана подвалила, на него уже все орали, поэтому ушки у него на шапке торчали, что твои крылышки. И смех и грех.

– Так ты гавришь, чувак этот тут с мамашкой шибался? – спросил Джоунз, мысленно что-то сопоставляя.

– Ага. – Дарлина сложила носовой платок и запихнула себе в декольте. – Не дай бог им в голову взбредет обратно сюда зарулить. Тогда мне уж точно туго придется. Х-хосподи. – Дарлина тревожно огляделась. – Слышь, нам тут чего-то сделать надо, пока Лана не вернулась. Только ты это. Не шибко напрягайся убирать эту помойку. Тут чисто никогда и не было – сколько себя помню. К тому же все время тут хоть глаз выколи – никто ничего все равно не заметит. Лану послушать, так эта дыра у нее – прям «Риц», да и только.

Джоунз пульнул в нее свежей тучей. Через очки он вообще едва ли мог что-то разглядеть.

III

Патрульному Манкузо нравилось ездить на мотоцикле по проспекту Святого Карла. В участке он позаимствовал самый большой и громкий агрегат – сплошь хром и небесная голубизна. По мановению переключателя весь мотоцикл вспыхивал и мигал китайским бильярдом красных и белых огней. Сирены – какофонии дюжины ополоумевших котов – хватало, чтобы все подозрительные субъекты в радиусе полумили испражнялись от ужаса и неслись в укрытие. Любовь патрульного Манкузо к мотоциклу была платонически интенсивна.

Хотя силы зла, изрыгаемые отвратительным – и, очевидно, в принципе неразоблачаемым – подпольем подозрительных субъектов, в этот день казались ему очень далекими. Древние дубы проспекта Святого Карла арками склоняли ветви над проезжей частью, укрывая ее будто шатром и охраняя патрульного Манкузо от мягкого зимнего солнца, плескавшего искрами на хром мотоцикла. Хотя последние дни были холодны и промозглы, сегодняшний оказался на удивление теплым – такое тепло и добавляет приятности новоорлеанским зимам. Патрульный Манкузо ценил эту мягкость, поскольку на нем были только майка да бермуды – на таком гардеробе остановился сегодня сержант. Длинная рыжая борода, закрепленная за ушами посредством проволоки, несколько согревала грудь; он умыкнул бороду из шкафчика, едва сержант отвернулся.

Патрульный Манкузо вдыхал полной грудью прелый запах дубов и размышлял, романтически отклоняясь от темы, о том, что проспект Святого Карла – наверное, самое славное место на свете. Время от времени он обгонял медленно качавшиеся трамваи: казалось, они не направляются ни к какой конечной остановке, а просто лениво плывут своим маршрутом меж старых особняков по обе стороны проспекта. Все выглядело таким спокойным, таким процветающим, таким неподозрительным. В нерабочее время он просто едет проведать эту несчастную вдову Райлли. Ее хотелось пожалеть, когда она рыдала среди обломков. Ну, по крайней мере, он попробует хоть как-то ей помочь.

На Константинопольской улице он свернул к реке, треща и рыча на весь обветшавший район, пока не поравнялся с кварталом домов, выстроенных в 1880–1890-х, – деревянных реликтов готики и Позолоченного Века, с которых осыпались резьба и завитки орнаментов. Острые железные частоколы и низенькие стены из крошащегося кирпича

огораживали пригородные жилища стереотипных Боссов Твидов^[7], разделенные тупичками настолько узенькими, что стены можно соединить школьной линейкой. Здания побольше стали импровизированно многоквартирными, причем веранды превратились в дополнительные комнаты. В некоторых двориках блестели алюминиевые гаражи, а к одному-двум домам даже приделали сверкавшие алюминием навесы. Район деградировал от строго викторианского до никакого в особенности, квартал переехал в двадцатый век беспечно и беспечально, причем – с весьма ограниченными средствами.

Дом, который искал патрульный Манкузо, оказался самой крохотной постройкой квартала, не считая гаражей, – эдакий лилипут восьмидесятых. Замерзшее банановое дерево, бурое и битое, чахло перед крыльцом, готовое рухнуть под собственным весом вслед за железной оградой, опередившей его давным-давно. Возле мертвого дерева горбился земляной холмик, в котором наискось торчал фанерный кельтский крест. «Плимут» 1946 года упирался бампером в крыльцо, а выступавшими хвостовыми огнями перегораживал всю кирпичную дорожку. Тем не менее, если б не «плимут», не потемневший от непогоды крест и не мумия банановой пальмы, дворик был бы совершенно гол. В нем не было кустов. Не росла трава. И не чирикали никакие птицы.

Патрульный Манкузо взглянул на «плимут» и увидел глубокую борозду на крыше, а крыло, все в круглых вмятинах, отстояло от корпуса на добрых три или четыре дюйма. «СВИНИНА С БОБАМИ ВАН КЭМПА» напечатано было на куске картона, что прикрывал дыру, некогда служившую задним окном. Остановившись около могилки, Манкузо прочел на кресте выцветшие буквы: «РЕКС». Затем поднялся по стертým кирпичным ступенькам и услышал из-за наглухо закрытых ставней раскатытое пение:

Большие девочки не плачут.
Большие девочки не плачут.
Большие девочки – не пла-а-чу-ут.
Они не плачут никогда.
Большие девочки – не плачу-у-... ут^[8]

Дождаясь, пока кто-нибудь выйдет на звонок, он прочел выцветшую наклейку на дверном стекле: «От болтливых языков тонет много моряков». Под надписью сама ВОЛНА прижимала палец к побуревшим губам.

Многие особи, населявшие квартал, выползли на веранды поглазеть на патрульного и его хромированный агрегат. Жалюзи в доме напротив, медленно шевелившиеся вверх и вниз, чтобы установился должный фокус, явно свидетельствовали и о значительной невидимой аудитории, поскольку полицейский мотоцикл в окрестностях сам по себе – событие, а особенно – если его водитель носит шорты и рыжую бороду. Квартал был, разумеется, беден, но честен. Неожиданно смутившись, патрульный Манкузо позвонил в колокольчик еще раз и принял, по его мнению, официальную стойку. Он явил миру свой средиземноморский профиль, однако публика узрела лишь щупленькую землистую фигурку: шорты неуклюже болтались в промежности, а паучьи ножки казались слишком голыми в зазоре между форменными подвязками и нейлоновыми носками, что гармошкой спускались на щиколотки. Публика взирала с любопытством, но без должного почтения; а некоторые даже без особого любопытства – они вообще давно ожидали пришествия в это миниатюрное строение чего-то подобного.

Большие девочки не плачут.
Большие девочки не плачут.

Патрульный Манкузо свирепо забарабанил в ставни.

Большие девочки не плачут.
Большие девочки не плачут.

– Дома они, тута, – завопила какая-то тетка из-за ставней соседнего дома – мечты архитектора о поместье Джея Гулда^[9]. – Мисс Райлли, наверное, на кухне. С заду зайдите. А вы кто, мистер? Фараон?

– Патрульный Манкузо. Работаю под прикрытием, – сурово ответил он.

– Во как? – Повисла капля молчания. – А вам кого надо – мальчишку или мамашу?

– Мамашу.

– Ну, тогда хорошо. А то его ни в жисть не сцапаешь. Он телевизор смотрит. Вы только послушайте. У меня от него уже ум за разум заходит. Никаких нервов не хватает.

Патрульный Манкузо поблагодарил теткин голос и вошел в

отсыревший проулок. На заднем дворе он и обнаружил миссис Райлли – та развешивала пожелтевшие переметы простыни на веревке, растянутой между голыми фиговыми деревцами.

– Ох, да это ж вы, – через секунду произнесла она, хотя при виде рыжебородого мужчины у себя во дворе едва не взвизгнула. – Как ваше ничего, мистер Манкузо? И чего там люди сказали? – Она осторожно переступила коричневыми фетровыми шлепанцами через выбоину в кирпичной кладке дорожки. – А вы заходите, заходите, чашечку кофий славно выпьем.

Кухня оказалась просторной, с высоким потолком – самая большая комната в доме; в ней пахло кофе и лежалыми газетами. Как и повсюду в доме, здесь было темно; засаленные обои и бурые деревянные плинтуса омрачали любое подобие света, вползавшего из тупичка. Хотя интерьеры патрульного Манкузо не интересовали, он не обошел вниманием, как и любой бы на его месте, антикварную печь с высокой духовкой и холодильник с цилиндрическим мотором на верхушке. Припомнив электрические жаровни, газовые сушилки, механические миксеры и взбивалки, вафельницы и моторизованные шашлычницы, что постоянно жужжали, мололи, взбивали, охлаждали, шипели и жарили в космической кухне его жены Риты, Манкузо даже не осознал сперва, чем миссис Райлли занимается в таком скудно обставленном помещении. Как только по телевидению рекламировали новый прибор, миссис Манкузо немедленно его покупала, сколь загадочным бы ни было его предназначение.

– Так расскажите ж, чего он сказал. – Миссис Райлли поставила кастрюльку с молоком кипятиться на эдвардианскую газовую печь. – Сколько с меня причитается? Вы сказали ему, что я – бедная вдова с ребеночком на руках, а?

– Да, это я ему сказал, – ответил патрульный Манкузо, неестественно выпрямившись на стуле и с вожделием поглядывая на кухонный стол, покрытый клеенкой. – Вы не станете возражать, если я положу сюда свою бороду? Тут у вас жарковато, а она мне лицо колет.

– Конечно, не стесняйтесь, голубчик. Нате. Скушайте пончика с повидлой. Я свеженьких только сегодня прикупила на Арсенальной улице. Игнациус мне утром и говорит: «Мамуля, уж так мне пончиков с повидлой хочется». Сами знаете. И я зашла к немцу да купила ему две дюжины. Смотрите, еще осталось.

Она предложила патрульному Манкузо изодранную и замасленную коробку из-под пончиков, которая выглядела так, будто подверглась необычайному надругательству, когда кто-то пытался сожрать все пончики

одновременно. На доньшке патрульный Манкузо обнаружил два сморщенных кусочка, из которых, судя по влажным краям, повидло уже высосали.

– В любом случае, спасибо, мисс Райлли, я довольно плотно пообедал.

– Ай как жалко-то. – Она налила в две чашки густого холодного кофе наполовину, а сверху до краев добавила вскипевшего молока. – Игнациус любит свои пончики. Так и говорит мне: «Мамуля, люблю я свои пончики». – Миссис Райлли громко хлюпнула серо-бурой жидкостью. – Он сейчас в гостиной, на телевизор смотрит. Каждый день, как по часам, одну и ту же передачу глядит, где детишки эти танцуют. – В кухне музыка звучала несколько потише, чем на крыльце. Патрульный Манкузо вообразил себе зеленую охотничью шапочку, омытую молочно-голубым мерцанием телевизионного экрана. – Да и передача-то ему совсем не нравится, а вот пропускать не хочет. Вы б слышали, как он об этих детках бедных выражается.

– Я разговаривал сегодня утром с хозяином, – сказал патрульный Манкузо, надеясь, что миссис Райлли исчерпала тему своего сына.

– Да что вы? – В свою чашку она положила три ложки сахара и, придерживая ложечку большим пальцем так, что та грозила выткнуть ей глаз, отхлебнула еще маленько. – И что же он сказал, голубчик?

– Я сообщил ему, что провел расследование аварии, и что вас просто занесло на мокрой мостовой.

– Золотые слова. И что ж он на это ответил, голубчик?

– Он сказал, что до суда дело доводить не хочет. А хочет все урегулировать немедленно.

– О боже мой! – проревел Игнациус из передней части дома. – Что за вопиющее оскорбление хорошего вкуса!

– Не берите вы его в голову, – посоветовала миссис Райлли вздрогнувшему полицейскому. – Он так все время голосит, когда на телевизор смотрит. «Урегулировать». Значит, ему денег подавай, а?

– У него даже есть подрядчик, убытки оценить. Нате, вот вам оценка.

Миссис Райлли приняла от него листок бумаги и на бланке подрядчика прочла отпечатанную колонку цифр, разнесенных по пунктам.

– Царю небесный! Тыща и двадцать долларов. Какой кошмар. Как же ж я это заплачу? – Она уронила листок на клеенку. – А тут точно все правильно?

– Да, мэм. У него и юрист еще старается. И цена все растет и растет.

– Но где ж мне тыщу долларов взять, а? У нас с Игнациусом же ж только страховка – от моего бедного мужа-покойника еще осталась, – да

пенсия грошовая, а это ведь совсем пшик.

– Верю ли я тому тотальному извращению, коему становлюсь свидетелем? – возопил Игнациус из гостиной. Музыка набрала неистовый, первобытный темп; хор фальцетов вкрадчиво затянул про любовь всю ночь напролет.

– Простите, – сказал патрульный Манкузо, почти убитый финансовыми затруднениями миссис Райлли.

– Ай, да вы тут при чем, голубчик, – уныло отозвалась та. – Может, дом заложить получится. С этим-то ничего уж не поделаешь, а?

– Нет, мэм, – ответил патрульный Манкузо, прислушиваясь к некоему топоту надвигавшегося панического бегства.

– Всех детей из этой программы следует отправить в газовую камеру, – изрек Игнациус, прошагав в кухню в одной фланелевой сорочке. Тут он заметил гостя и холодно произнес: – О.

– Игнациус, ты же знаешь мистера Манкузо. Скажи «здрассе».

– Я действительно полагаю, что где-то видел его, – ответил Игнациус и выглянул в заднюю дверь.

Патрульный Манкузо был слишком напуган чудовищной ночной сорочкой, чтобы ответить на любезность Игнациуса.

– Игнациус, Туся, этот человек хочет больше тыщи долларов за то, что я натворила с его домом.

– Тысячу долларов? Он не получит ни цента. Мы привлечем его к суду немедленно. Свяжитесь с нашими адвокатами, мамаша.

– С какими адвокатами? У него уже ж оценка подрядчика есть. Мистер Манкузо говорит, что я тут уже ничего сделать не могу.

– О. Ну что ж, тогда вам придется ему заплатить.

– Я могла б и до суда дойти, если ты думаешь, что так лучше.

– Вождение в нетрезвом состоянии, – спокойно ответил Игнациус. – У вас нет ни единого шанса.

Миссис Райлли пригорюнилась:

– Но, Игнациус, – тыща и двадцать долларов.

– Я уверен, что вы сможете обеспечить некоторые фонды, – сказал он ей. – Кофе еще остался, или вы отдали этому балаганному паяцу последнее?

– Мы можем заложить дом.

– Заложить дом? Разумеется, мы этого делать не станем.

– А что ж нам еще делать, Игнациус?

– Средства имеются, – рассеянно ответил Игнациус. – Я желал бы, чтобы вы меня больше с этим не беспокоили. Эта программа и так

постоянно усиливает мою нервозность. – Он понюхал молоко прежде, чем налить его в кастрюльку. – Я бы предложил вам телефонировать молочнику немедленно. Его молоко довольно-таки устарело.

– Я могу получить тыщу долларов по гомстеду^[10], – тихонько сообщила миссис Райлли примолкшему патрульному. – Дом – хорошее обеспечение. Мне тут агент по недвижимости в прошлом году семь тыщ предлагал.

– Ирония этой программы, – вещал Игнациус, вперившись одним глазом в кастрюльку, чтобы успеть схватить ее с плиты, как только молоко поднимется, – заключается в том, что она должна служить *экзэмплюмом*^[11] для молодежи нашей нации. Мне бы весьма и весьма любопытно было узнать, что бы сказали Отцы-Основатели, если б смогли увидеть этих детей, растлеваемых во имя упрочения «Клирасила». Однако я всегда предполагал, что демократия к этому и придет. – Он скрупулезно нацедил молока в свою кружку с портретом Ширли Темпл^[12]. – На нашу нацию до́лжно наложить твердую руку, пока нация себя не изничтожила. Соединенным Штатам требуются теология и геометрия, вкус и благопристойность. Я подозреваю, что мы балансируем на краю пропасти.

– Игнациус, я завтра схожу и получу по гомстеду.

– Мы не станем иметь дела с этими ростовщиками, мамаша. – Игнациус шарил в жестянке от печенья. – Что-то непременно представится.

– Игнациус, но меня же ж в тюрьму посадят.

– Хо-хмм. Если вы сейчас собираетесь представить нам одну из своих истерик, я буду вынужден вернуться в жилую комнату. Пожалуй, я так и сделаю.

Его туша ринулась по направлению к музыке, и резиновые шлепанцы громко захлопали по огромным пяткам.

– Ну что же мне делать с таким мальчиком? – сокрушенно спросила миссис Райлли патрульного Манкузо. – Совсем не думает о своей бедной мамуле. Наверно, ему будет все равно, ежели меня посадят. У этого мальчишки сердце ледяное.

– Вы его разбаловали, – произнес патрульный Манкузо. – Женщина следить же должна, чтобы своих детей не разбаловать.

– А у вас детишек сколько, мистер Манкузо?

– Трое. Розали, Антуанетта и Анджело-младший.

– Ай, ну какая ж красота. Милашечки, наверно, а? Не как мой Игнациус. – Миссис Райлли покачала головой. – Игнациус у меня ну не ребенок, а просто золото был. Прямо не знаю, какая муха его укусила.

Бывало, говорил мне: «Мамулечка, я тебя люблю». А вот теперь уж не подойдет, не скажет.

– О-ох, да не плачьте вы, – произнес Манкузо, растроганный до глубин патрульной души. – Давайте, я вам еще кофе сделаю.

– Ему наплевать, запрут меня в тюрьму или нет, – всхлипнула миссис Райлли. Она открыла духовку и вытащила оттуда бутылку мускателя. – Хорошего винца не хотите, мистер Манкузо?

– Нет, спасибо. Поскольку я в органах служу, надо впечатление производить. К тому же и с людьми начеку надо.

– Не возражаете? – риторически спросила миссис Райлли и хорошенько отхлебнула прямо из горлышка. Патрульный Манкузо поставил кипеть молоко, по-домашнему хлопоча над плитой. – Иногда такая тоска прям берет. Не жизнь, а сплошь мученье. Но я и работала так работала. Заслужила.

– Вам надо и на светлую сторону тоже смотреть, – посоветовал патрульный Манкузо.

– Уж наверно, – ответила миссис Райлли. – Другим-то крепче достается. Вон сестра моя двоюродная, изумительная женщина. Всю свою жизнь, каждый день к службе ходила. И что вы думаете – сбило трамваем в аккурат на Арсенальной улице, в такую рань, как раз к заутрене шла, еще темень стояла.

– Лично я никогда не даю себе опускаться, – соврал патрульный Манкузо. – Надо ж хвост пистолетом держать. Понимаете, что я хочу сказать? Опасная у меня служба.

– Так вы ж и убиться можете.

– Иногда целый день никого не задерживаю. Иногда попадается кто-то не то.

– Вроде того старичка перед «Д. Х. Хоумзом». Это я виновата, мистер Манкузо. Мне б сообразить, что Игнациус кругом неправ. Это так на него похоже. Все время талдычу ему: «Игнациус, на вот, одень эту красивую рубашку. Свитер приличный одень, я ж специально тебе покупала». А он не слушает. Ничего слушать не хочет. Лоб каменный.

– А потом еще иногда дома свистопляска. Детки жену доводят – нервная она у меня.

– Невры – это ужасно. Мисс Энни, бедняжечка, соседка моя – так у нее невры. Постоянно кричит, что Игнациус у меня слишком шумный.

– Вот и моя тоже. Бывает, хоть из дому беги. Будь я не я, давно бы пошел и надрался. Только это между нами.

– А мне надо выпить малёхо. Хлебнешь – и отпускает. Понимаете?

– А я вот что – я хожу в кегли играть.

Миссис Райлли попыталась вообразить маленького патрульного Манкузо с большим кегельным шаром и сказала:

– И вам нравится, а?

– Кегли – это чудесно, миссис Райлли. Так хорошо отвлекает, что и думать не надо.

– О, небеса! – возопил голос из гостиной. – Эти девочки, без сомнения, – уже проститутки. Как можно представлять такие ужасы публике?

– Вот мне бы такую радость в жизни.

– Вам, знаете, следует попробовать в кегли.

– Ай-яй-яй. У меня ж уже и так в локте артюрит. Я уже старая играть с этими шарами. Я ж себе спину свихну.

– А у меня есть тетушка, ей шестьдесят пять, уже бабуса, так она все время в кегли ходит. И даже в команде участвует.

– Есть такие женщины. А я – я никогда сильно спиртами не увлекалась.

– Кегли – это больше, чем спорт, – запальчиво возразил патрульный Манкузо. – На кегельбане можно много людей встретить. Приятных людей. Можно с кем-нибудь себе подружиться.

– Ага, да только мне так повезет, что обязательно шар на себя уроню. У меня и так уже ж ноги хро́мые.

– В следующий раз как пойду на кегельбан, я дам вам знать. И тетушку с собой возьму. Вы и я, и моя тетушка – мы вместе на кегельбан пойдем. Ладно?

– Мамаша, когда этот кофе заваривали? – требовательно спросил Игнациус, снова прохлопав шлепанцами в кухню.

– Да вот только с час. А что?

– Он определенно противен на вкус.

– А мне показалось, очень хороший, – вмешался Манкузо. – Совсем как на Французском Рынке подают. Я себе еще сделаю. Хотите чашечку?

– Прошу прощения, – ответил Игнациус. – Мамаша, вы что – собираетесь развлекать этого джентльмена весь день? Мне бы хотелось вам напомнить, что я сегодня вечером отправляюсь в кинематограф и должен прибыть в театр ровно в семь, чтобы успеть к мультфильму. Я бы предложил вам немедленно начать подготовку какой-либо еды.

– Я лучше пойду, – сказал патрульный Манкузо.

– Игнациус, ну как не стыдно? – сердито вымолвила миссис Райлли. – Мы с мистером Манкузо тут просто кофий пьем. А ты весь день куksiшься.

Тебе наплевать, где я деньги искать буду. Тебе наплевать, посадят меня или нет. Тебе на все наплевать.

– Я что – буду подвергаться нападкам в моем собственном доме, да еще и перед посторонним с фальшивой бородой?

– У меня сердце рвется.

– О, вот как? – Игнациус повернулся к патрульному Манкузо. – Вы не будете любезны уйти? Вы подстрекаете мою маму.

– Мистер Манкузо ничего такого не делает, он просто милый человек.

– Я лучше пойду, – извиняющимся тоном повторил патрульный Манкузо.

– А я этих денег достану, – закричала миссис Райлли. – Я дом этот продам. Я продам его прямо из-под тебя, Туся. А сама в богадельню пойду.

Она схватила за край клеенку и вытерла ею глаза.

– Если вы не уйдете, – сказал Игнациус патрульному Манкузо, уже прицеплявшего бороду обратно, – я вызову полицию.

– Он и так полиция, дурашка.

– Это totally абсурдно, – вымолвил Игнациус и зашлепал задниками прочь. – Я ухожу к себе в комнату.

Он хлопнул за собой дверью и схватил с пола блокнот «Великий Вождь». Бросившись спиной на подушки кровати, он начал рисовать каракули на пожелтевшей странице. Почти полчаса он дергал себя за волосы и жевал карандаш, после чего приступил к сочинению абзаца:

Будь с нами сегодня Хросвита^[13], мы бы все обратились к ней за советом и указанием. Из суровости и безмятежности ее средневекового мира один пронизывающий взгляд сей легендарной Сивиллы святого монашества изгнал бы ужасы, материализовавшиеся перед нашим взором в облике телевидения. Если б можно было только совместить глазное яблоко этой священной женщины и телевизионную трубку – притом что оба предмета, грубо говоря, одной формы и устройства, – что за фантазмагория взрывающихся электродов произошла бы тогда. Образы сладострастно вертящихся детей дезинтегрируются во множество ионов и молекул, тем самым производя катарсис, коего трагедия развращения невинных по необходимости требует.

Миссис Райлли стояла в коридорчике и рассматривала надпись «НЕ БЕСПОКОИТЬ», выведенную печатными буквами на листе из «Великого Вождя», прицепленном к двери полоской старого лейкопластыря телесного

цвета.

– Игнациус,пусти меня вовнутрь, Туся, – завопила она.

– «Впустить вас вовнутрь»? – отвечал из-за двери Игнациус. – Разумеется, не стану. В данный момент я занят особенно компактным пассажем.

– Пусти меня сейчас же.

– Вы же знаете, что вам входить «вовнутрь» не позволяется никогда.

Миссис Райлли забарабанила в дверь.

– Я не знаю, что в вас вселилось, мамаша, но подозреваю, что вы в данный момент психически неуравновешенны. Задумавшись сейчас об этом, я осознаю, что слишком испуган и опасаясь открыть вам дверь. У вас в руке может оказаться нож или разбитая винная бутылка.

– Сейчас же открой дверь, Игнациус.

– О мой клапан! Он закрывается! – громко простонал Игнациус. – Ну что – теперь вы удовлетворены тем, что погубили меня на весь оставшийся вечер?

Миссис Райлли всем телом бросилась на некрашеное дерево.

– Ну, только дверь не ломайте, – в конце концов произнес он, и через несколько мгновений задвижка отползла в сторону.

– Игнациус, что это за дрянь на полу?

– То, что вы видите, – мое мировоззрение. Его все еще следует инкорпорировать в целое, поэтому ступайте осторожнее.

– Да еще и ставни все закрыл. Игнациус! На улице же ж светло.

– Существо мое – не без своих прустиянских элементов, – ответил Игнациус с постели, в которую быстренько вернулся. – О мой желудок!

– Тут ужасно воняет.

– Ну, а чего вы ожидали? Человеческое тело, пребывая в заточении, производит определенные ароматы, о которых мы склонны забывать в эпоху дезодорантов и прочих извращений. В действительности, я нахожу атмосферу этой комнаты довольно утешительной. Для того, чтобы писать, Шиллеру необходим был запах яблок, гниющих у него в ящике стола. У меня тоже есть свои потребности. Вы можете припомнить, что Марк Твен предпочитал лежать расprostертым в постели, сочиняя свои довольно устаревшие и скучные потуги на литературу, которые, как пытаются доказать современные ученые, имеют какой-то смысл. Поклонение Марку Твену – один из корней нашего нынешнего интеллектуального застоя.

– Кабы я знала, что так у тебя тут все, давно б сюда зашла.

– Достаточно того, что я не понимаю, почему вы здесь *сейчас*, и почему вам взбрел в голову этот неожиданный порыв вторгнуться в мое

святилище. Сомневаюсь, что оно когда-либо станет прежним после травмы этой интервенции чуждого духа.

– Я пришла с тобой поговорить, Туся. Вылезай из этих подушек, я твоего лица не вижу.

– Должно быть, это всё – воздействие того смехотворного представителя законности. Он, кажется, настроил вас против собственного чада. Кстати, он уже покинул нас, не так ли?

– Да, и я за тебя извинилась.

– Мамаша, вы же стоите на моих блокнотах. Будьте любезны, сдвиньтесь немного в сторону? Неужели недостаточно того, что вы погубили мое пищеварение, и теперь нужно уничтожать плоды моего мышления?

– Ну где же мне тогда встать, Игнациус? Или ты хочешь, чтобы я на кровать к тебе легла? – сердито осведомилась миссис Райлли.

– Прошу вас – смотрите, куда ступаете! – прогреготал Игнациус. – Бог мой, никогда никого доселе столь тотально не осаждали и не штурмовали. Да что же такое пригнало вас сюда в этом состоянии законченной мании? Не в этой ли вони дешевого мускателя, что оскорбляет мои ноздри, дело?

– Я все решила. Ты пойдешь и найдешь себе работу.

О, что еще за низкую шутку играла с ним сейчас Фортуна? Арест, авария, работа. Когда же наконец завершится этот кошмарный цикл?

– Понимаю, – ответил Игнациус спокойно. – Осознавая, что вы врожденно неспособны прийти к заключению подобной важности, я могу себе вообразить, что такую идею вбил вам в голову этот офицер охраны правопорядка с синдромом Дауна.

– Мы с мистером Манкузо говорили, как я, бывало, с твоим папочкой разговаривала. А папочка твой всегда советовал мне, что делать. Если б он только жив был сейчас.

– Манкузо и мой отец сходны лишь в том, что оба производят впечатление довольно-таки незначительных человеческих существ. Однако ваш нынешний ментор, очевидно, принадлежит к тому типу личностей, которые полагают, что всё будет хорошо, если все непрерывно работают.

– Мистер Манкузо прилежно трудится. Ему на учаске тяжело приходится.

– Я убежден, что он поддерживает нескольких нежеланных отпрысков, которые все надеются вырасти и тоже стать полицейскими, включая девочек.

– У него трое милых детишек.

– Могу себе вообразить. – Игнациус начал медленно подпрыгивать на

кровати. – Ох!

– Что ты делаешь? Опять с этим своим клапом дурака валяешь? Ни у кого больше клапов этих нету, только у тебя. У меня клапа никакого нету.

– Клапан есть у всех! – заорал Игнациус. – Просто мой более развит. Я пытаюсь открыть проход, который вам благополучно удалось заблокировать. Теперь он может остаться закрытым навсегда, между прочим.

– Мистер Манкузо говорит, если будешь работать, то поможешь мне с этим человеком расплатиться. Ему кажется, хозяин может и частями деньги брать.

– Вашему другу-патрульному много чего кажется. Люди к вам определенно тянутся, как выражаются некоторые. Я не подозревал, что он может быть столь словоохотлив или способен на подобные пронизательные замечания. Неужели вы не осознаете, что он пытается разрушить наш дом? С того самого момента, как он сделал попытку грубо арестовать меня перед «Д. Х. Хоумзом». Хоть вы и слишком ограничены, чтобы охватить всё, мамаша, но человек этот – наша Немезида. Он вращает наше колесо вниз.

– Колесо? Мистер Манкузо – приличный человек. Радовался бы, что он тебя никуда не упек.

– В моем приватном апокалипсисе он будет насажен на отдельную дубинку. В любом случае невыносимо, чтобы я устраивался на работу. Я в данный момент очень занят своими делами и чувствую, что вступаю в весьма плодотворную стадию. Вероятно, авария сотрясла и высвободила мою мысль. Как бы то ни было, сегодня я совершил много.

– Мы должны заплатить тому человеку, Игнациус. Тебе хочется меня в тюрьме? Разве тебе стыдно не будет, что твоя родная мамуля – за решеткой?

– Не будете ли вы любезны прекратить подобные разговоры о тюремном заключении? Вы, кажется, одержимы этой мыслью. Фактически, вы, кажется, наслаждаетесь, думая о нем. Мученичество бессмысленно в наш век. – Он тихонько рыгнул. – Я бы предложил соблюдать в доме определенные экономии. Неким образом вскоре вы увидите, что требуемая сумма имеется.

– Да я все деньги трачу на еду для тебя и на все остальное.

– В последнее время я обнаружил несколько бутылок из-под вина, содержимое которых я совершенно точно не потреблял.

– Игнациус!

– Я допустил ошибку, нагрев как-то на днях духовой шкаф, прежде чем должным образом его осмотрел. Когда я открыл дверцу, чтобы поставить внутрь свою замороженную пиццу, меня чуть не оставила без глаз бутылка жареного вина, уже готовая взорваться. Я предлагаю вам

направлять в другую сторону некоторое количество денежных средств, вливаемых вами в алкогольную промышленность.

– Постыдись. Игнациус. Несколько бутылочек мускателя «Галло» – и все эти твои побрякушки.

– Не будете ли столь добры пояснить значение слова «побрякушки»? – рявкнул Игнациус.

– Да все книжки твои. Графамон этот. Трубу, что я тебе в запрошлом месяце купила.

– Я расцениваю трубу как хорошее вложение капитала, несмотря на то что соседка наша, мисс Энни, так не считает. Если она снова начнет колотить мне в ставни, я оболью ее водой.

– Завтра же посмотрим в газете пробъявления о найме. Ты хорошенько оденешься и найдешь себе работу.

– Мне боязно даже спрашивать, каково ваше представление об «одеваться хорошенько». Я, вероятно, буду превращен в совершеннейшее посмешище.

– Я поглажу тебе красивую белую рубашку, и ты наденешь симпатичный папочкин галстук.

– Верю ли я своим ушам? – осведомился Игнациус у своей подушки.

– Или так, Игнациус, или я под залог беру. Ты что – хочешь крышу над головой потерять?

– Нет! Вы не заложите этот дом, – обрушил он огромную лапу на матрац. – Все ощущение безопасности, которое я пытался в себе выработать, рухнет. Я не потерплю, чтобы какая-либо незаинтересованная сторона контролировала мое местожительство. Я этого не вынесу. От одной мысли об этом у меня руки обметывает.

И он протянул матери лапу, чтобы та смогла удостовериться в наличии сыпи.

– Об этом не может быть и речи, – продолжал он. – От этого шага все мои латентные беспокойства прильют к голове, и результат, боюсь, окажется в самом деле довольно уродливым. Мне бы не хотелось, чтобы весь остаток своей жизни вы ухаживали за полоумным сыном, запертым где-нибудь на чердаке. Мы не станем закладывать дом. У вас же должны быть где-то какие-то фонды.

– У меня сто пятьдесят в банке «Гиберния».

– Боже мой, и это всё? Я едва ли мог подозревать, что мы существуем, перебиваясь столь сомнительно. Тем не менее удачно, что вы от меня это скрыли. Знай я, насколько близко мы подошли к тотальной нужде, мои нервы бы не выдержали уже давно. – Игнациус почесал себе лапы. – Хотя я

должен признать, что альтернатива для меня довольно мрачна. Я весьма серьезно сомневаюсь, что кто-либо меня наймет.

– Ты что хочешь сказать, Туся? Ты – прекрасный мальчонка с хорошим образыванием.

– Работодатели ощущают во мне отрицание своих ценностей. – Он перекатился на спину. – Они боятся меня. Я подозреваю, им это видно: я вынужден функционировать в столетии, кое глубоко презираю. Это было так, даже когда я работал на Новоорлеанскую публичную библиотеку.

– Но, Игнациус, тогда ты ж вообще единственный раз работал, как коллеж закончил, да и продержался всего две недели.

– Именно это я и имею в виду, – ответил Игнациус, целясь скатанным бумажным шариком в абажур молочного стекла.

– Так ты ж там только эти бумажки в книжки наклеивал.

– Да, но у меня имелась собственная эстетика вклеивания бумажек. Бывали дни, когда я мог вклеить только три или четыре таких бумажки, однако бывал вполне удовлетворен качеством своей работы. Библиотечные же власти терпеть не могли моей целостности. Им просто требовалось очередное животное, которое могло бы ляпать клеем на их бестселлеры.

– А ты бы не мог снова там работу получить?

– Я серьезно в этом сомневаюсь. В то время я высказал несколько колких замечаний даме, заведовавшей отделом обработки. Меня даже лишили библиотечной карточки. Вы должны представлять себе весь страх и ненависть, которые в людях возбуждает мое *Weltanschauung*^[14]. – Игнациус рыгнул. – Я уже не стану упоминать своего недалековидного путешествия в Батон-Руж. Тот инцидент, я убежден, послужил причиной формирования во мне ментального блока на работу.

– С тобой мило обошлись в коллеже, Игнациус. Скажи по правде. Тебе же долго разрешили там болтаться. Даже урок вести дали.

– О, да это в сущности своей то же самое. Какое-то жалкое бледнолицее из Миссисипи насплетничало декану, что я – пропагандист Римского Папы, что есть вне всяких сомнений, неправда. Я не поддерживаю нынешнего Папу. Он совершенно не соответствует моей концепции милостивого авторитарного Папы. В действительности я выступаю в оппозиции релятивизму современного католицизма довольно яростно. Тем не менее наглость этого невежественного расиста, этого быдловатого фундаменталиста привела остальных моих студентов к тому, чтобы сформировать комитет и потребовать, чтобы я оценил и вернул им накопившиеся у меня сочинения и экзаменационные работы. За окном моего кабинета даже прошла небольшая демонстрация. Было достаточно

драматично. Таким простым невежественным детям, как они, это удалось сравнительно неплохо. Когда манифестация достигла своего апогея, я вывалил все их старые бумажки – непроверенные, разумеется, – из окна прямо на головы студентов. Колледж был довольно мал для того, чтобы принять подобный акт вызова бездне современной академии.

– Игнациус! Ты ж никогда не говорил мне.

– Я не хотел вас в то время ажитировать. К тому же я заявил студентам, что во имя будущего человечества мне бы хотелось, чтобы их всех стерилизовали. – Игнациус поправил под головой подушки. – Мне претила необходимость читать и перечитывать безграмотности и недоразумения, выбалтываемые темным разумом этих невежд. И где бы я ни работал, все будет точно так же.

– Ты же можешь заполучить себе хорошую работу. Погоди, пока они не увидят мальчика с магистерной дипломой.

Игнациус тяжело вздохнул и ответил:

– Я не вижу альтернативы. – Его лицо скукожилось в страдальческую маску. Бесполезно бороться с Фортуной, пока не завершится цикл. – Вы, разумеется, отдаёте себе отчет, что во всем этом – ваша вина. Прогресс моей работы окажется в высшей степени затянута. Я бы предложил вам сходить к исповеднику и слегка покаяться, мамаша. Пообещайте, что впредь будете избегать тропы греха и пьянства. Расскажите ему о последствиях вашей моральной несостоятельности. Сообщите, что вы блокировали завершение монументального обличения всего нашего общества. Возможно, он и осознает всю глубину вашего падения. Если он относится к моему типу священнослужителей, епитимья ваша, безусловно, окажется довольно суровой. Тем не менее я уже научился не ожидать многого от сегодняшнего духовенства.

– Я буду себя хорошо вести, Игнациус. Вот увидишь.

– Ладно, ладно, я найду себе службу, хотя она не обязательно будет отвечать вашим представлениям о *хорошей* работе. Со мной может случиться несколько ценных озарений, кои пойдут на благо моему нанимателю. Возможно, опыт придаст манере моего письма новое измерение. Быть активно вовлеченным в саму систему, которую я критикую, окажется интересной иронией само по себе. – Игнациус громко рыгнул. – Видела бы Мирна Минкофф, как низко я пал.

– А чем сейчас занимается эта вертихвостка? – опасливо поинтересовалась миссис Райлли. – Я выложила хорошие денежки, чтобы ты только в коллеж попал, так тебе ж приспичило с нею связаться.

– Мирна по-прежнему в Нью-Йорке, своей родной среде обитания.

Вне всякого сомнения, прямо сейчас пытается спровоцировать полицию на то, чтобы оказаться арестованной на какой-нибудь демонстрации.

– Да уж, действовала она мне на нервы, когда на этой своей гитаре по всему дому брэнчала. Если у нее деньжата водятся, как ты говоришь, может, тебе на ней жениться надо? Обустроились бы вдвоем, дитенка себе завели или еще чего?

– Верю ли я, что подобные непристойность и грязь слетают с губ моей собственной матери? – проревел Игнациус. – Поспешите ж и приготовьте мне какой-нибудь ужин. Я должен быть на театре вовремя. Это цирковой мюзикл, разрекламированное излишество, просмотра которого я уже некоторое время дожидался. Изучим объявления о найме завтра.

– Я так горжусь, что ты наконец начнешь работать, Туся, – взволнованно произнесла миссис Райлли и поцеловала сына куда-то во влажные усы.

IV

– Ты гля-ка на эту бабусю, – в раздумье бормотал Джоунз своей душе, пока автобус подскакивал на ухабах, то и дело швыряя его на женщину, сидевшую рядом. – Она думает, раз я цветной, то щас же ее снасилю. Ща же свою бабусе очко из окна выкинет. В-во! А никого я снасилывать не собираюсь.

Он благоразумно отодвинулся от нее подальше и закинул ногу на ногу, жалея, что в автобусе нельзя курить. Интересно, думал он, что это за жирный кошка в зеленой шапчонке, который вдруг по всему городу оказался. Где эта толстая мамка в следующий раз всплывет? Просто призрак какой-то, этот придурок в зеленой шапчонке.

– Ладна, скажу падлицям, что я по найму устроил, с горба его скину хоть, скажу, что с гуманитарием познакомился, и она мне двадцать дохларов в неделю башляет. Оно скажет: «Это прекрасно, мальчик. Я рад видеть, что ты выправляисси». А я скажу: «Й-их!» А оно скажет: «Теперь, мож, ты станешь членом опчества». А я скажу: «Ага, я тут себе работу негритосскую устроил, с негритосской платой. Теперь я точно член. Я теперь настоящий негритос. Не бомж. Просто негритос». В-во! Не мелочь по карманам.

Старушенция дернула за шнурок звонка и выкарабкалась из продавленного сиденья, неловко пытаясь избегать любого контакта с анатомией Джоунза, наблюдавшего за ее корчами сквозь отслоения черных с прозеленью линз.

– Гля-ка. Думает, у меня сифлис с тэ-бэ, да еще и стоит на нее в придачу, и щас бритвой ее порежу и бамажник слямзю. Ууу-иии.

Солнечные очки проводили женщину, сползшую с автобуса в толпу на остановке. Где-то на задворках этой толпы происходило какое-то препирательство. Некто колотил свернутой в трубочку газетой другого человека – с длинной рыжей бородой и в бермудских шортах. Человек в бороде выглядел знакомо. Джоунзу поплохело. Сначала этот крендель в зеленой шапчонке, а теперь еще и субъект, личность которого он не мог удостоверить.

Когда рыжебородый позорно бежал с поля битвы, Джоунз отвернулся от окна и уткнулся в журнал «Жизнь», одолженный ему Дарлиной. По крайней мере, Дарлина приятно обошлась с ним в «Ночи утех». Дарлина выписывала «Жизнь» в целях самоусовершенствования и, одалживая его

Джоунзу, предположила, что он тоже найдет его полезным для себя. Джоунз попытался пропахать глазами редакционную статью про американское вмешательство в дела Дальнего Востока, но на середине остановился, недоумевая, как нечто подобное может помочь Дарлине стать экзотикой – именно на эту цель жизни она ссылалась снова и снова. Он опять вернулся к рекламным объявлениям, ибо они интересовали его в журналах превыше всего. Их подборка в этом номере была превосходна. Ему нравилась реклама Страхования Жизни «Этна» с картинкой славного домишки, только что приобретенного семейной парой. Мужчины Лосьона для Бритья «Ярдли» выглядели бесстрастно и богато. Вот как журнал может помочь ему. Он хотел походить на этих мужчин.

Когда Фортуна откручивает тебя вниз, иди в кино и постарайся получить от жизни всё, что можно. Игнациус уже был готов сказать это самому себе и тут вспомнил, что ходил в кино почти каждый вечер вне зависимости от того, куда крутила его Фортуна.

Он сидел, весь обратившись в слух и зрение, во тьме «Притании» лишь в нескольких рядах от экрана. Тело его заполняло все кресло и выпирало в соседние. На сиденье справа он разместил пальто, три шоколадки «Млечный Путь» и два вспомогательных пакета воздушной кукурузы, чей верх был аккуратно закручен, чтобы содержимое оставалось теплым и хрустящим. Игнациус поглощал свой текущий кулек попкорна и самозабвенно всматривался в рекламные ролики грядущих развлечений. Один из фильмов выглядит настолько удручающе, думал он, что приведет его в «Пританию» через несколько дней снова. Затем полотно засияло ярким широкоэкранным техникolorом, проревел лев, и перед Игнациусовым могущественным изжелта-голубым взором замелькали титры излишества. Лицо его застыло, и мешок попкорна в руке затрясся. При входе в театр он тщательно пристегнул наушники к макушке шапочки, и теперь пронзительная партитура мюзикла атаковала его незащищенные уши изо всей батареи динамиков. Он прислушивался к музыке, распознавая две популярные песни, которые не любил в особенности, и пристально изучал титры в поисках фамилий исполнителей, от каких его, как правило, тошнило.

Когда титры закончились – Игнациус отметил, что прежде его уже оскорбляли труды нескольких актеров, композитора, режиссера, художника по прическам и ассистента продюсера, – на экране в полном цвете возникла сцена: множество участников массовки бесцельно топтались по циркушапиту. Игнациус алчно всматривался в толпу и наконец обнаружил главную героиню, наблюдавшую какую-то интермедию.

– О мой бог! – возопил он. – Вот она.

Дети на передних рядах обернулись и вытаращились на него, однако Игнациус их не замечал. Желто-небесные буркалы следовали за героиней – она жизнерадостно тащила ведро воды какой-то туше, оказавшейся слоном.

– Будет омерзительнее, чем я думал, – произнес Игнациус, увидев слона.

Он поднес пустой пакет из-под кукурузы к пухлым губам, надул его и

приготовился; его глаза сверкали отраженным техноколом. Грохнули литавры, и звуковая дорожка наполнилась скрипками. Героиня и Игнациус раскрыли рты одновременно: она – запеть, он – застонать. Во тьме неистово сошлись две дрожащие руки. Пакет из-под кукурузы оглушительно взорвался. Дети завизжали.

– Чё там за шум? – спросила управляющего женщина за конфетным прилавком.

– Он в зале, – ответил тот, показав на сгорбившийся силуэт в самом низу экрана. Управляющий двинулся по проходу к передним рядам, где нарастали дикие вопли. Страх давно рассеялся, и детвора теперь просто состязалась в визге. Игнациус вслушивался в трели и улюлюканье маленьких дискантов, от которых сворачивалась кровь, и злорадствовал в своей темной берлоге. Управляющий утихомирил передние ряды несколькими мягкими угрозами и бросил взгляд вдоль того ряда, на котором, точно громадное чудовище среди детских головок, вздымалась одинокая фигура Игнациуса. Однако тот удостоил его лишь одутловатым профилем. Глаза, сверкавшие из-под зеленого козырька, неотрывно следовали за героиней и ее слоном через широкий экран прямо в цирковой шатер.

Некоторое время Игнациус оставался относительно спокоен, реагируя на разворачивавшийся сюжет лишь сдавленным фырканьем. Затем весь актерский состав фильма оказался под куполом на тросах. На переднем плане на трапедии висела героиня. Она раскачивалась взад и вперед под мелодию вальса. Гигантским крупным планом она улыбнулась. Игнациус осмотрел ее зубы в поисках дупел и пломб. Она вытянула одну ногу. Игнациус поспешно обзрел ее контуры на предмет структурных дефектов. Она запела о том, что надо пытаться снова и снова, пока не придет успех. Игнациус затрепетал, когда философия песни стала окончательно ясна. Он изучал хватку героини, пока она держалась за трапедию, в надежде, что камера зафиксирует ее смертельное падение на опилки арены далеко внизу.

На втором припеве в песню вступил весь актерский ансамбль – они щерились и похотливо распевали об окончательном успехе, одновременно раскачиваясь, болтаясь в воздухе, вертясь и то и дело взмывая вверх.

– О милостивые небеса! – заорал Игнациус, не в силах долее сдерживать себя. Кукуруза высыпалась ему на рубашку и забила в складки брюк. – Какой дегенерат произвел на свет это недоношенное страшилище?

– Заткнись, – произнес сзади чей-то голос.

– Вы посмотрите на этих ослабевшихся идиотов! Если бы только все

эти тросы лопнули! – Игнациус потряс несколькими оставшимися зернышками попкорна в последнем пакете. – Хвала Всевышнему, что эта сцена завершилась!

Когда, по всей видимости, начала развиваться любовная сцена, Игнациус вскочил с кресла и протопал по проходу к прилавку за новыми пакетами кукурузы, однако, вернувшись на место, обнаружил, что две огромные розовые фигуры уже совсем приготовились целоваться.

– У них, должно быть, халитоз, – объявил Игнациус поверх детских голов. – Я содрогаюсь при одной мысли о тех непристойных местах, где эти рты, без сомнения, побывали!

– Вы должны что-то сделать, – лаконично сообщила конфетная женщина управляющему. – Сегодня он вообще невыносим.

Управляющий вздохнул и направился по проходу к тому месту, где Игнациус бормотал себе под нос:

– О мой бог, языками они, должно быть, облизывают друг другу все коронки и гнилые зубы^[15].

Три

Игнациус проковылял по кирпичной дорожке к дому, мучительно преодолел ступеньки и позвонил. Один стебель засохшего банана давно издох и теперь окоченело распростерся на капоте «плимута».

– Игнациус, Туся, – вскричала миссис Райлли, открыв дверь. – Что с тобой? Ты как при смерти.

– Мой клапан захлопнулся в трамвае.

– Боже-сусе, заходи скорей в тепло.

Игнациус с несчастным видом прошаркал в кухню и плюхнулся на стул.

– Инспектор отдела кадров в этой страховой компании отнесся ко мне весьма оскорбительно.

– Тебе не дали работу?

– Разумеется, мне не дали работу.

– Что случилось?

– Я бы предпочел не обсуждать.

– А в другие места ты ходил?

– Очевидно, что нет. Неужели состояние, в котором я пребываю, адекватно воздействует на потенциальных работодателей? Мне хватило здравого смысла вернуться домой как можно скорее.

– Ну не грусти, Туся, не грусти.

– «Грустить»? Боюсь, я никогда не «грущу».

– Не будь таким гадким. Тебе дадут славную работу. Ты же только несколько дней по улицам ходишь, – сказала мать и посмотрела на него. – Игнациус, а когда ты с инспектором разговаривал, ты эту шапочку снимал?

– Ну разумеется, нет. Контора отапливалась недолжным образом. Понятия не имею, как работникам компании удастся остаться в живых после пребывания в такой стуже каждый день. К тому же там висят эти флуоресцентные трубки, поджаривающие им мозги и лишаящие зрения. Мне все весьма не понравилось. Я пытался объяснить всю неполноценность этого заведения инспектору отдела кадров, но он казался довольно безразличным. И вообще был настроен весьма враждебно. – Игнациус испустил чудовищную отрыжку. – Тем не менее я же говорил вам, что так все и выйдет. Я – анахронизм. Люди это осознают и презирают меня.

– Хосподи-сусе, Туся, да держи ж ты хвост пистолетом.

– «Держать хвост пистолетом»? – свирепо переспросил Игнациус. – Кто одобрял ваш разум этим неестественным мусором?

– Мистер Манкузо.

– О мой бог! Мне следовало догадаться. Он что – сам может служить примером того, как «держать хвост пистолетом»?

– Послушал бы ты все, что с бедняжкой в жизни приключилось. Слышал бы, как сержант у него на учаске старается...

– Довольно! – Игнациус заткнул одно ухо и грохнул кулаком по столу. – Я не желаю слышать больше ни единого слова об этом субъекте. На протяжении столетий бесчисленные манкузо этого мира развязывали войны и разносили болезни. И вот дух такого пагубного субъекта поселяется у меня в доме. Да он стал вашим Свенгали!^[16]

– Игнациус, возьми себя в руки.

– Я отказываюсь «держать хвост пистолетом». От оптимизма меня тошнит. Это извращение. Со времен грехопадения должный удел человека во вселенной – удел страданий.

– А я вот не страдаю.

– *Страдаете.*

– Нет, не страдаю.

– Нет, страдаете.

– Игнациус, я *не страдаю*. Если б я страдала, я б тебе так и сказала.

– Если бы я, находясь в состоянии интоксикации, разгромил чужую частную собственность, тем самым швырнув собственное дитя на растерзание волкам, я бил бы себя кулаками в грудь и вопил. Я бы каялся, пока не сбил в кровь колени. Кстати, какую епитимью наложил на вас священнослужитель за ваши прегрешения?

– Три «Славься-Марии» и «Отче-Наш».

– И это всё? – возопил Игнациус. – А вы сообщили ему, что наделали, прервав критически сущностную работу изрядного великолепия?

– Я сходила к исповеди, Игнациус. Сказала отцу про все. Он говорит: «Не похоже, чтоб вы тут виноваты были, милочка. Похоже, вас просто немного на мокрой улице занесло». Поэтому я ему и про тебя сказала. Я говорю: «А мальчик мой grit, что это я не даю ему писать в тетрадках. Он этот рассказ уже почти пять лет пишет». А отец говорит: «Вот как? Ну, мне кажется, это не столь важно. Скажите ему, хватит дома сидеть, пускай на работу идет».

– Неудивительно, что я не могу поддерживать Церковь, – проревел Игнациус. – Да вас следовало бичевать прямо в исповедальне.

– А завтра, Игнациус, ты пойдешь попробовать в каком-нибудь другом

месте. В городе целая куча работы. Я тут с мисс Мари-Луизой разговаривала, старушка эта, которая у немца торгует. Так у нее брат-инвалид, с наушником ходит. Ну глуховатый вроде, понимаешь? Так он себе хорошей работой устроился, на заводе «Доброй Воли»^[17].

– Возможно, мне следует попытаться судьбу там.

– Игнациус! Они ж только слепых туда берут, да дурачков всяких – веники вязать.

– Я убежден, что эти люди окажутся приятными сотрудниками.

– Давай в дневной газете поглядим. Может, там славная работка найдется.

– Если я должен вообще завтра выходить, то уж не собираюсь покидать дом в столь ранний час. Все время, пребывая сегодня в центре города, я ощущал себя дезориентированным.

– Так ты ж и вышел-то после обеда.

– И тем не менее я не функционировал должным образом. Ночью мне пришлось пережить несколько плохих снов. Я пробудился избитым и бормоча.

– Вот, послушай-ка сюда. Я это пробъявление в газете каждый день вижу, – сказала миссис Райлли, поднеся газету к самому носу. – «Опрятный, грудолюбивый мужчина...»

– «Трудо-любивый».

– «Опрятный, трудолюбивый мужчина, надежный, покойного склада...»

– «Спокойного склада». Дайте сюда, – рявкнул Игнациус, выхватывая у матери газету. – Прискорбно, что вы так и не смогли завершить свое образование.

– Папуля очень бедствовал.

– Я вас умоляю! В данный момент я не вынесу прослушивания этой мрачной истории еще раз. «Опрятный, трудолюбивый мужчина, надежный, спокойного склада». Боже милостивый! Что же это за чудовище им требуется. Боюсь, я никогда не смогу работать на концерн с подобным мировоззрением.

– Ты ж до конца дочитай, Туся.

– «Канторская работа. 25–35 лет. Заявления принимаются в «Штаны Леви», угол Индустриально-Канальной и Речной, между 8 и 9 часами ежедневно». Что ж, это не подойдет. Я никогда не смогу там появиться до девяти утра.

– Туся, если же ты работать пойдешь, так надо ж раненько подыматься.

– Нет, мамаша. – Игнациус швырнул газету на духовку. – Я слишком высоко установил прицельную планку. Мне нипочем не пережить подобного типа работы. Я подозреваю, что нечто вроде маршрута доставки газет окажется довольно приемлемым.

– Игнациус, стыдно такому большому мальчику пендали крутить да газеты развозить.

– Вероятно, вы сможете транспортировать меня в машине, а я буду разбрасывать газеты из заднего окна.

– Слушай меня, мальчик мой, – рассердилась миссис Райлли. – Завтра же пойдешь и чего-нибудь попробуешь. Я тут не шутки шучу. Первым делом сходишь вот по этому вот пробъявлению. Ты мне голову морочишь, Игнациус. Я тебя знаю.

– Хо-хмм, – зевнул Игнациус, являя на свет вялый розовый язык. – «Штаны Леви» на слух воспринимается так же плохо, если не хуже, чем наименования иных организаций, с которыми я вступал в контакт. Очевидно, я уже начинаю скрести по дну рынка наемного труда.

– Ты погоди, Туся. Ты хорошо добьешься.

– О боже мой!

II

У патрульного Манкузо появилась хорошая мысль, которую подсказал ему не кто иной, как Игнациус Райлли. Патрульный давеча телефонировал им домой осведомиться у миссис Райлли, когда та сможет пойти в кегельбан с ним и его тетушкой. Однако трубку снял Игнациус и завопил:

– Прекратите досаждать нам, олигофрен. Если б у вас имелась хоть толика разума, вы бы разнюхивали в притонах, подобных «Ночи утех», где мою возлюбленную матушку и меня унизили и ограбили. Я, к несчастью, пал жертвой порочной, растленной проститутки, явно нанятой этим баром. В довершение ко всему его владелица – нацистка. Нам едва удалось сохранить свои жизни. Ступайте расследовать эту банду и оставьте нас в покое, разрушитель чужих домов.

В этот момент миссис Райлли удалось вырвать трубку из рук сына.

Сержант обрадуется, узнав про такой притон. Рассчитывая на благодарность с занесением за полученный донос, патрульный Манкузо прочистил горло и вытянулся перед сержантом:

– У меня есть верные сведения о месте, где нанимают проституток.

– У тебя есть верные сведения? – переспросил сержант. – И кто дал тебе эти верные сведения?

Патрульный Манкузо решил, что Игнациуса в это дело впутывать не стоит по нескольким причинам, и остановил свой выбор на миссис Райлли.

– Одна знакомая дама, – ответил он.

– И откуда этой знакомой даме известно такое место? – снова спросил сержант. – И кто ее в это место привел?

Патрульный Манкузо не осмелился ответить: «Ее сын». Могли открыться кое-какие старые раны. Ну почему разговоры с сержантом никогда не проходят гладко?

– Она была там одна, – выдавил наконец патрульный Манкузо, пытаясь спасти собственный допрос от полного провала.

– Знакомая дама в таком месте одна? – заорал сержант. – Что ж у тебя за знакомые дамы? Она, наверно, сама – наемная проститутка. Убирайся отсюда, Манкузо, и приведи мне настоящего подозрительного субъекта. Ты мне никого еще так и не привел. И никаких больше верных сведений от проституток. Сходи загляни в свой шкафчик. Ты сегодня солдат. Вали.

Патрульный Манкузо сокрушенно отчалил к шкафчикам, задаваясь вопросом, почему у него с сержантом никогда не получается как надо. Едва

он вышел, сержант повернулся к детективу и сказал:

– Отправь-ка парочку наших людей в «Ночь утех» как-нибудь вечером. Там у кого-то хватило ума ляды точить с этим тупицей. Только ему ничего не говори. Я не хочу, чтобы вся слава досталась этому болвану. Пусть ходит ряженым, пока не задержит кого-нибудь.

– Знаешь, а ведь нам сегодня еще одна жалоба на Манкузо поступила: дамочка утверждает, что какой-то заморыш в сомбреро прижимался к ней вчера вечером в автобусе, – сказал детектив.

– Дело серьезное, – задумчиво ответил сержант. – Что ж, еще одна такая жалоба – и мы арестуем его самого.

III

Мистер Гонсалес включил в небольшой конторе свет и зажег газовую грелку около своего стола. Все двадцать лет работы в «Штанах Леви» он всегда приходил в контору первым.

– Было еще темно, когда я сегодня утром прибыл, – говорил он мистеру Леви в тех редких случаях, когда мистеру Леви приходилось навещать «Штаны Леви».

– Вы, должно быть, слишком рано из дому выходите, – отвечал мистер Леви.

– Я стоял на ступеньках конторы сегодня утром и беседовал с молочником.

– Ох, помолчите, Гонсалес. Вы получили мои билеты на самолет до Чикаго на игру «Медведей» с «Упаковщиками»?

– Я уже обогрел всю контору к тому времени, как на работу прибыли остальные.

– Вы жжете мой газ. Сидите в холоде. Вам полезно.

– Я сделал две страницы в grossбухе за сегодняшнее утро, пока находился здесь один. Смотрите, я поймал крысу у питьевого фонтанчика. Она думала, что еще никого нет, а я пристукнул ее пресс-папье.

– Да уберите же от меня эту чертову крысу. Меня это место и так угнетает. Садитесь-ка на телефон и закажите мне гостиницу на дерби.

Однако мерил усердия в «Штанах Леви» были весьма низки. Исполнительность являлась достаточным поводом к повышению. Мистер Гонсалес дослужился до заведующего конторой и принял на себя командование несколькими удрученными клерками. Он никогда не мог в точности припомнить фамилий клерков или машинисток. Временами казалось, что они появляются и исчезают чуть ли не ежедневно, – за исключением мисс Трикси, восьмидесятилетней помощницы бухгалтера, которая вот уже почти полвека с ошибками переписывала цифирь в grossбухи Леви. Даже свой зеленый целлулоидный козырек она не снимала по пути на работу и домой, что мистером Гонсалесом истолковывалось как символ лояльности «Штанам Леви». По воскресеньям мисс Трикси иногда надевала козырек и в церковь, по ошибке принимая его за шляпку. Надела она его и на похороны брата – там его сорвала с ее головы более бдительная золовка слегка помоложе. Однако миссис Леви некогда отдала приказ держать мисс Трикси на работе несмотря ни на что.

Мистер Гонсалес повозил по своему столу тряпкой, думая, как это с ним бывало каждое утро именно в это время, когда в конторе еще зябко и пустынно, а причальные крысы под полом играют сами с собой в исступленные игры, о счастье, которое подарил ему союз со «Штанами Леви». Сухогрузы, скользившие по реке сквозь расползавшийся утренний туман, ревели что-то друг другу, и низкие звуки их сирен эхом отдавались в конторе среди ржавых шкафов-регистраторов. Под боком щелкал и потрескивал маленький обогреватель – детали его раскалялись и расширялись. Закуривая первую из десяти своих ежедневных сигарет, мистер Гонсалес бессознательно внимал звукам, начинавшим его рабочие дни все двадцать лет. Докурив до фильтра, он погасил окурочек и вытряхнул пепельницу в мусорную корзину. Ему всегда нравилось поражать мистера Леви чистотой своего стола.

Рядом с его столом стояла конторка мисс Трикси. Полуоткрытые ящички были набиты старыми газетами. На полу среди маленьких сферических образований пыли лежал кусок картона, подоткнутый под один угол конторки, чтобы та стояла ровнее. Вместо мисс Трикси стул ее занимали коричневый бумажный пакет, набитый ветхими лоскутами, и моток бечевки. Окурки вываливались из пепельницы прямо на стол. Эту загадку мистеру Гонсалесу так и не удалось разгадать: мисс Трикси не курила. Он допрашивал ее на сей предмет несколько раз, но связного ответа не добился. В рабочем месте мисс Трикси было нечто магнетическое. Оно притягивало к себе все конторские отходы, и кто бы ни терял ручек, очков, кошельков или зажигалок, находили их обычно где-нибудь в недрах ее конторки. Мисс Трикси также копила все телефонные справочники, которые припрятывала в каком-нибудь своем набитом ящичке.

Мистер Гонсалес собирался было обыскать рабочее место мисс Трикси, рассчитывая найти пропавшую подушечку для печатей, когда дверь открылась, и в контору вползла сама мисс Трикси, шаркая по деревянному полу резиновыми подошвами. При ней находился другой бумажный пакет, похоже, содержавший тот же ассортимент лоскутов и бечевки – с единственным дополнением: сверху виднелась подушечка для печатей. Уже пару лет мисс Трикси таскала с собой эти пакеты: иногда под ее конторкой скапливалось три или четыре – их смысла и назначения она никогда никому не открывала.

– Доброе утро, мисс Трикси, – выкрикнул Гонсалес своим искрометным тенорком. – И как мы сегодня проживаем?

– Кого? О, здрасьте, Гомес, – немощно отозвалась мисс Трикси и галсами, будто вступая в единоборство с бурей, подрейфовала в сторону

дамской комнаты. Мисс Трикси никогда не принимала идеально вертикального положения: они с полом постоянно держали друг друга в состоянии некоторого крена.

Мистер Гонсалес воспользовался ее исчезновением, чтобы изъять свою подушечку из пакета, и обнаружил, что искомый предмет весь покрыт субстанцией, на ощупь и по запаху оказавшейся жиром копченой грудинки. Интересно, размышлял он, вытирая подушечку, сколько еще сотрудников появится сегодня. Как-то год назад на работу пришли только они с мисс Трикси, – правда, это случилось еще до того, как компания ввела пятидолларовую месячную надбавку. Но все равно конторские помощники в «Штанах Леви» частенько бросали работу, даже не позвонив мистеру Гонсалесу. Это служило постоянным источником беспокойства, и после прибытия мисс Трикси управляющий конторой всегда с надеждой поглядывал на дверь, а особенно – теперь, когда фабрика вот-вот начнет поставки весенне-летнего сезона. Говоря откровенно, помощь в конторе ему требовалась до крайности.

За дверью мистер Гонсалес заметил зеленый козырек. Неужели мисс Трикси вышла через фабричный цех и решила вернуться сквозь парадную дверь? С нее станется. Однажды утром она удалилась в дамскую комнату и была обнаружена мистером Гонсалесом в конце рабочего дня спящей на кипе товара на верхнем складском этаже. Но тут дверь открылась, и в конторе обозначилась одна из самых крупных фигур, какие мистер Гонсалес видел в жизни. Мужчина удалил с головы зеленую шапочку и явил густые черные волосы, по моде двадцатых годов размазанные вазелином по черепу. Когда с фигуры слезла куртка, мистер Гонсалес обратил внимание на складки жира, затянутые в узкую белую рубашку, вертикально разделенную широким цветастым галстуком. Похоже, вазелином удобрялись и усы, поскольку блестели они очень ярко. Выше наблюдались невероятные изжелта-небесные глаза, обрамленные тончайшей вязью розоватеньких сосудов. Мистер Гонсалес чуть ли не вслух взмолился, чтобы этот библейский бегемот оказался претендентом на должность. Он был поражен и ошеломлен.

Игнациус же обнаружил себя, наверное, в самой сомнительной конторе из всех, куда ему доводилось заглядывать. Голые лампочки, свисавшие через неравные интервалы с испятнанного потолка, отбрасывали слабый желтый свет на вздутые половицы. Старые шкафы для бумаг делили комнату на несколько маленьких закутков, и в каждом стояло по столу, некогда покрытому своеобразным оранжевым лаком. Сквозь пыльные конторские окна открывался серый вид на причалы Польского

проспекта, Армейский Терминал, Миссисипи и в отдалении – сухие доки и крыши Алжира на другом берегу. В комнату бочком проковыляла очень старая женщина и немедленно врезалась в стенку картотеки. Вся атмосфера напомнила Игнациусу его собственную комнату, и клапан его согласился с таким выводом, радостно открывшись. Игнациус чуть ли не вслух взмолился, чтобы его приняли на работу. Он был поражен и ошеломлен.

– Да? – жизнерадостно осведомился резвый человечек, сидевший за чистым столом.

– О, я просто подумал, что здесь заправляет всем эта дама, – ответил Игнациус самым своим громоподобным голосом, решив про себя, что этот живчик отравляет всю контору. – Я пришел в ответ на ваше рекламное объявление.

– О, чудесно. На которое? – восторженно вскричал человечек. – Мы публикуем в газетах два – для мужчины и для женщины.

– А по которому, вы считаете, я пришел? – возопил Игнациус.

– Ох, – ответил мистер Гонсалес в великом смятении. – Я очень извиняюсь. Я не подумал. Я имею в виду, что пол значения не имеет. Вы могли бы справиться с любой работой. Я имею в виду, что пол меня не интересует.

– Прошу вас, не стоит об этом, – промолвил Игнациус. Он с интересом заметил, что старушка за своим столом уже клюет носом. Условия работы выглядели превосходно.

– Заходите, садитесь, прошу вас. Мисс Трикси возьмет ваши куртку и шляпу и повесит их в гардероб для служащих. Нам хочется, чтобы в «Штанах Леви» вы чувствовали себя как дома.

– Но я же с вами даже не поговорил.

– Это ничего. Я уверен, что наши взгляды совпадают. Мисс Трикси. Мисс Трикси!

– Кого? – вскрикнула та, сшибая заряженную пепельницу на пол.

– Ладно, я сам отнесу ваши вещи. – Мистеру Гонсалесу слегка досталось по руке, когда он потянулся за шапочкой, но взять куртку ему позволили. – Какой прекрасный у вас галстук. Такие сейчас очень редко встречаются.

– Он принадлежал моему усопшему отцу.

– Мне больно это слышать, – сказал мистер Гонсалес и поместил куртку в старый металлический гардероб, где Игнациус заметил пакет, похожий на те два, что стояли рядом с конторкой старушки. – Кстати, это мисс Трикси, наша старейшая сотрудница. Она вам понравится.

Мисс Трикси уже спала, уронив седую голову в старые газеты.

– Да, – наконец отозвалась она со вздохом. – Ох, это вы, Гомес. Уже пора домой?

– Мисс Трикси, это один из наших новых работников.

– Прекрасный большой мальчик, – ответила та, обратив слезящиеся глаза на Игнациуса. – Хорошо кушает.

– Мисс Трикси с нами уже больше пятидесяти лет. Этот факт даст вам некоторое представление о том удовлетворении, что испытывают наши работники от сотрудничества со «Штанами Леви». Мисс Трикси работала еще при покойном отце мистера Леви, прекрасном старом джентльмене.

– Да, прекрасный старый джентльмен, – произнесла мисс Трикси, уже совершенно не в состоянии припомнить старшего мистера Леви. – Хорошо ко мне относился. Любил наградить меня добрым словом, такой человек был.

– Благодарю вас, мисс Трикси, – поспешно прервал ее мистер Гонсалес, точно конферансье, старающийся завершить с треском провалившийся номер варьете.

– Компания обещала подарить мне славный вареный окорок на Пасху, – сообщила мисс Трикси Игнациусу. – Я очень на него надеюсь. Об индюшке на День Благодарения совсем забыли.

– Мисс Трикси хранит верность компании уже много лет, – объяснил заведующий конторой, пока древняя помощница бухгалтера лопотала еще что-то про индюшку.

– Я уж пенсии жду не дождусь, но каждый год говорят, что еще год остался. Урабатывают, покуда не свалишься, – сипела мисс Трикси. Затем, потеряв всякий интерес к пенсии, добавила: – Мне бы эта индюшка как раз пришлось.

И она приступила к сортировке содержимого одного пакета.

– Вы не могли бы выйти на работу сегодня? – спросил мистер Гонсалес Игнациуса.

– Я полагаю, мы еще не обсудили вопросов, касающихся жалованья и прочих аспектов. Разве не такова нормальная процедура в нынешнее время? – снисходительно поинтересовался Игнациус.

– Ну, работа у нас – по систематизации документов, именно этим вам и придется заниматься, поскольку нам сейчас весьма необходим человек в архив, оплата – шестьдесят долларов в неделю. Любые дни вашего отсутствия по болезни и прочее вычитаются из вашего недельного жалованья.

– Это, определенно, значительно ниже того оклада, на который я рассчитывал. – Слова Игнациуса звучали аномально весомо. – Я

располагаю клапаном, подверженным разного рода превратностям, кои могут вынудить меня проводить определенные дни прикованным к постели. Несколько более привлекательных организаций в настоящее время состязаются за получение моих услуг. Я должен рассмотреть их предложения в первую очередь.

– Но послушайте, – конфиденциально произнес заведующий конторой. – Вон мисс Трикси зарабатывает лишь сорок долларов в неделю, а ведь она обладает определенным старшинством.

– Она действительно выглядит довольно изможденной, – подтвердил Игнациус, наблюдая, как мисс Трикси раскладывает содержимое своего пакета по столу и роется в лоскутах. – Она разве еще не достигла пенсионного возраста?

– Шшш, – прошипел мистер Гонсалес. – Миссис Леви не дает нам отправить ее на пенсию. Она считает, что мисс Трикси лучше поддерживать активную жизнь. Миссис Леви – блестящая, образованнейшая женщина. Она заочно окончила курс психологии. – Мистер Гонсалес дал Игнациусу время осознать этот факт. – Итак, возвращаясь к вашим перспективам: вам очень повезло начинать с того оклада, который я вам назвал. Все это входит в план «Штанов Леви» по вливанию в компанию свежей крови. Мисс Трикси, к нашему прискорбию, наняли задолго до того, как внедрили план. Он не имел обратного действия, а потому на нее не распространяется.

– Мне очень не хотелось бы разочаровывать вас, сэр, но боюсь, что жалование неадекватно. Некий нефтяной магнат в настоящее время помахивает перед моим носом тысячами, пытаясь искушить меня на должность личного секретаря. И в данный момент я стараюсь решить только одну проблему: смогу ли я разделить материалистическое мировоззрение этого человека. Подозреваю, что в конечном итоге мне придется сказать ему «да».

– Мы включим двадцать центов в день на транспортные расходы, – взмолился мистер Гонсалес.

– Н-ну. Это действительно многое меняет, – снизошел Игнациус. – Я приму эту должность временно. Должен признать, что план «Штанов Леви» меня довольно привлекает.

– О, это великолепно, – выпалил мистер Гонсалес. – Нашему новому сотруднику здесь очень понравится, не так ли, мисс Трикси?

Мисс Трикси, однако, была слишком озабочена своими лоскутами и не ответила.

– Я нахожу странным, что вы даже не поинтересовались моей фамилией, – фыркнул Игнациус.

– Ох, господи. Я совершенно об этом позабыл. Итак, кто вы такой?

Еще в тот день появилась только стенографистка. Одна женщина позвонила сообщить, что она решила бросить работу и уйти на пособие. Остальные не побеспокоились связаться со «Штанами Леви» вовсе.

IV

– Сними очки. Да как ты, к чертовой матери, увидишь всю эту дрянь на полу?

– А кому надо на всю эту дрянь смотреть?

– Я сказала – снимай очки, Джоунз.

– Очки не *смацца*. – Джоунз вlepил шваброй по табурету у стойки. – За двадцать дохларов в неделю вы тут не плантацию заправляешь.

Лана Ли щелкала резинками, перетягивая пачки банкнот, и выкладывала кучки никелей, которые доставала из кассы.

– И хватит стучать шваброй по стойке, – заорала она. – Дьявол тебя задери, ты действуешь мне на нервы.

– Хотите, чтоб тихо подметал, бери себе бабусю. А я мету *молодо*.

Швабра стукнулась о стойку еще несколько раз. Затем туча дыма вместе со шваброй переместилась на другой конец комнаты.

– Вы своих клеёных научила бы плеватницы пользоваться, сказала бы, что гоняешь тут человека ниже минималой заплаты. Может, тогда чутка диликатней будут.

– Радовался бы, что я тебе вообще шанс даю, мальчонка, – сказала Лана Ли. – Нынче столько цветных мальчонок работу себе ищут.

– Ага, и стока цветных мальчонков бомжами идут тож, када видят, какую заплату людя́м плотют. Я иногда думаю: коли цветной, так лучше бомжом ходить.

– Радовался бы, что вообще работа есть.

– Гажную ночь на коленки падаю.

Швабра шваркнула о стол.

– Дай мне знать, когда мести закончишь, – сказала Лана Ли. – У меня к тебе есть маленькое поручение.

– Помрачение? Й-их! Я думал, тут работы тока подметать да подтирать. – Джоунз выдохнул формацию кучевых облаков. – Чё там за говно с помрачением?

– Слушай сюда, Джоунз. – Лана Ли смахнула горку никелей в ящичек кассы и записала цифру на бумажке. – Один звонок в полицию – сообщить им, что ты уволен. Ты меня понял?

– А я скажу падлицаям, что «Ночью тех» – прославный бордель. И я в канкан запопал, када сюда работать пришел. В-во! Я теперя тока жду улики собрать кой-какие. А када соберу, уж я точно все в ухрястке выложу.

– За языком следи.

– Времена другие пошли, – изрек Джоунз, поправляя солнечные очки. – Фигу черных публик пугать получится. Позову себе людей, они вам дверь гуманной цепью перегородят, бизнес отгонят, в телевизор попадете в новости. Черные публики и так уже навозу наелись, а за двадцать дохларов в неделю с верхом навалить уже шиш. А я шибко устал на бану шибаться, да ниже минималой заплаты калымить. Пущай вам кто другой помрачения гоняет.

– А-а, хватит давай. Заканчивай мне пол. Отправлю Дарлину.

– Нещасная. – Джоунз как раз ощупывал шваброй кабинку. – Воду втюхивает, помрачения гоняет. В-во!

– Так настучи в участок на нее. Она клиентов разводит.

– Я погоду, пока на вас в ухрясток не настучу. Дарлина не *хотит* клеёных разводить, а *вымождена*. Она на истраду попасть хочет.

– О как? Ну что ж, с такими мозгами ей вообще повезло, что в психушку до сих пор не спровадили.

– Там бы ей точно лучше было.

– Ей лучше будет, если она в мозги свои вобьет, как получше мои напитки торговать, да выбросит срань эту с танцами. Могу себе представить эту шмару у меня на сцене. Такие, как Дарлина, запросто инвестицию угробить могут – за ней глаз да глаз нужен.

Обитая дверь бара с грохотом распахнулась, и внутрь пистоном влетел молодой пацан, царапнув половницы стальными набойками цыганских сапог.

– Ну, ты вовремя, – сказала ему Лана.

– У тебя новый парняга, а? – Мальчишка метнул на Джоунза взгляд из-под набриолиненных кудрей. – А прежний куда девался? Помер или чё?

– Дорогуша, – вкрадчиво ответила Лана.

Пацан распахнул пижонский бумажник ручной выделки и протянул Лане сколько-то банкнот.

– Все прошло нормально, Джордж? – спросила та. – Сироткам понравилось?

– Им понравилась та, где на парте и в очках. Они подумали, это училка или типа того. Мне сейчас только такую давай.

– Думаешь, им еще захочется? – с интересом осведомилась Лана.

– Ага. А чё б нет? Может, только с доской и учебником. Ну типа знаешь. Чтобы чё-нибудь с мелом делала.

Пацан и Лана ослабились друг другу.

– Картинка ясна, – сказала Лана и улыбнулась.

– Эй, ты торчок? – окликнул пацан Джоунза. – По мне, так прям вылитый торчок.

– Ты по мне так тоже прям вылитый торчок окажисси, коли швабра «Ночью тех» у тебя из очка заторчит, – очень медленно выговорил Джоунз. – А швабры тут старые, крепкие, занозистые.

– Хорош, хорош! – заорала Лана Ли. – Расовых беспорядков только тут еще не хватало. Мне надо инвестицию беречь.

– Вы лучше скажи своему беломазому корешку, чтоб шевелил отсюда костью. – Джоунз окутал парочку дымом. – Я на такой работе оскорбений не беру.

– На, Джордж, – сказала Лана. Она открыла шкафчик под стойкой и протянула пацану пакетик из оберточной бумаги. – Это та, что ты хотел. А теперь давай. Вали.

Джордж подмигнул и громыхнул за собой дверь.

– И это считается сиротский гонец? – спросил Джоунз. – Поглядел бы я на сироток, которым он гоняет. Спорнём, Еднёны-Наци ни шиша про этих сироток не знают.

– Что ты там, к чертовой матери, мелешь? – разозлилась Лана. Она всмотрелась было в лицо Джоунза, но помешали очки. – Чуток благотворительности и что с того? А теперь марш мои полы мести.

Лана склонилась над купюрами, прибывшими с пацаном, и у нее в горле заклокотали звуки, похожие на анафемы колдуньи. Шепот, в котором различались цифры и слова, поднимался от ее коралловых губ, пока, полузакрыв глаза, она переписывала цифры в блокнотик. Ее превосходное тело, все эти годы бывшее инвестицией само по себе, почтительно изгибалось над алтарем из жаростойкого пластика. Дым фимиамом курился над сигаретой в пепельнице у локтя, клубами всходя к потолку вместе с молитвами, над гостией, которую Лана приподнимала к свету, чтобы рассмотреть получше дату чеканки, над одиноким серебряным долларом, лежавшим среди подношений. Браслет ее позвякивал, призывая к алтарю участников, но единственный, кто находился ныне во храме, был отлучен от Церкви по своему происхождению, а значит – продолжал махать шваброй. Подношение упало на пол, ее гостия, и Лана опустилась на колени, благоговей и пытаясь ее достать.

– Эй, потише там, – окликнул ее Джоунз, нарушая святость ритуала. – Вы там свою прибыль с сироток роняешь, растяпа.

– Ты видел, куда она закатилась, Джоунз? – спросила она. – Погляди, может, найдешь?

Джоунз прислонил швабру к стойке и тоже полез за монетой, щурясь

сквозь очки и сигаретный дым.

– Во говно же, а? – бормотал он, пока оба они елозили по полу. – Ууу-иии!

– Нашла! – с чувством объявила Лана. – Вот она.

– В-во! Ну, малыдец. Й-их! Лучше серебряными дохларами по полу так не швыряться, «Ночью тех» тада обакротится. Как тада такую большую заплату платить?

– А почему бы тебе не держать рот закрытым, мальчонка?

– Слуш, это вы кого мальчонкаешь? – Джоунз схватил швабру за рукоятку и решительно зашаркал ею к алтарю. – Карла Во-Харя нашлась, тож мне.

Игнациус усадил себя в такси и дал шоферу адрес на Константинопольской улице. Из кармана куртки он извлек листок конторской бумаги «Штанов Леви» и, позаимствовав шоферский планшет вместо подставки, начал писать, а такси тем временем влилось в плотный поток движения по проспекту Святого Клода.

Я довольно утомлен сейчас, когда мой первый рабочий день близится к концу. Тем не менее я не желаю намекать, что обескуражен, подавлен или разгромлен. Впервые в жизни я встретился с системой лицом к лицу, решившись в полной мере функционировать в ее контексте в качестве наблюдателя и критика под личиной, так сказать. Существой больше фирм, подобных «Штанам Леви», я действительно полагаю, американская рабочая сила была бы лучше приспособлена для выполнения своих задач. Очевидно надежный работник оставлен в полном покое. М-р Гонсалес, мой «босс», – довольно-таки кретин, но, вместе с тем, достаточно приятен. Он, кажется, вечно предчувствует недоброе и уж наверняка чересчур опаслив, дабы критиковать исполнение любым работником своих обязанностей. В действительности он одобряет все – почти все, – и вследствие этого обаятельно демократичен в своей умственно-отсталой манере. В качестве примера: мисс Трикси, наша Мать-Земля мира коммерции, непреднамеренно подожгла некие важные заказы в процессе включения обогревателя. М-р Гонсалес довольно терпимо отнесся к этой *gaffe*^[18], если учесть, что в последнее время компания получала все меньше и меньше подобных заказов, а вышеупомянутые поступили из Канзас-Сити на общую сумму пятьсот долларов (\$500!). Вместе с тем мы должны помнить, что м-р Гонсалес подчиняется приказам этой таинственной магнатессы, по общему мнению, блистательной и ученой миссис Леви, относиться к мисс Трикси хорошо и делать так, чтобы та чувствовала себя активной и нужной. Но и ко мне он был исключительно учтив, позволив распоряжаться архивными папками по моему усмотрению.

Я намереваюсь вызвать мисс Трикси на разговор в довольно

скором времени; я подозреваю, что эта Медуза капитализма обладает множеством ценных соображений и более чем одним точным наблюдением, которыми могла бы поделиться.

Единственной фальшивой нотой – и здесь я вынужден дегенерировать до жаргона, дабы должным образом воссоздать настроение для восприятия существа, к обсуждению коего я сейчас приступлю, – явилась Глория, стенографистка, молодая и наглая прошмандовка. Разум ее поколеблен неверными представлениями и крайне ужасными ценностными суждениями. После одного или двух ее дерзких и непрошенных комментариев по поводу моей персоны и манеры держаться я отозвал м-ра Гонсалеса в сторону, дабы сообщить ему, что вышеуказанная Глория планирует уйти без уведомления до окончания рабочего дня. М-р Гонсалес вслед за этим впал в некоторое неистовство и немедленно уволил Глорию, позволив себе злоупотребить властью, каковой, насколько я мог видеть, наслаждается он редко. На самом деле к тому, что я совершил, меня вынудил кошмарный стук высоких колоподобных каблучков Глории. Еще один день такого грохота – и клапан мой запечатался бы навечно. Ну и к тому же вся эта помада, тушь и прочие вульгарности, которые я бы предпочел не каталогизировать.

У меня имеется множество планов для моего архивного департамента, и я занял – из многих пустующих – стол у окна. Там я и просидел весь день, зажегши свою маленькую газовую грелку на полную мощность, наблюдая, как корабли из множества экзотических портов на всех парах идут по холодным темным водам гавани. Легкое похрапывание мисс Трикси и неистовый треск пишущей машинки м-ра Гонсалеса сообщали приятный контрапункт моим размышлениям.

М-р Леви сегодня не появился; мне дали понять, что он навещает предприятие редко и на самом деле, по выражению м-ра Гонсалеса, «пытается сбыть его с рук как можно скорее». Возможно, мы втроем (ибо я приложу усилия к тому, чтобы заставить м-ра Гонсалеса уволить остальных служащих, если они придут на работу завтра: слишком большое количество людей в конторе, вероятно, будет чересчур отвлекать) сможем вдохнуть в предприятие новую жизнь и восстановить веру м-ра Леви-младшего. У меня уже есть несколько превосходных идей, и я знаю, что я сам, например, в конечном итоге смогу подвинуть м-

ра Леви к тому, чтобы он вложил в фирму сердце и душу.

Я, между прочим, заключил с м-ром Гонсалесом весьма тонкую сделку: я убедил его в том, что, поскольку помог ему сберечь расходы на жалованье Глории, он мог бы оплатить мне транспортировкой меня на работу и с работы на такси. Последовавшие за этим пререкания стали единственным пятном, омрачившим во всем остальном приятный день, но я в конце концов выиграл спор, объяснив этому человеку все опасности, кои представляет мой клапан и общее состояние моего здоровья.

Итак, мы видим, что даже когда Фортуна вращает нас вниз, колесо ее иногда останавливается на миг, и мы оказываемся в хорошем кратком цикле среди более продолжительного плохого. Вселенная, разумеется, основана на принципе коловращения одних кругов в других. В данный момент я нахожусь во внутреннем круге. Еще меньшие круги внутри настоящего, конечно, тоже возможны.

Игнациус вернул таксисту планшет и дал целый набор инструкций касательно скорости, направления движения и переключения сцепления. К тому времени как они добрались до Константинопольской улицы, в машине повисло враждебное молчание, нарушенное лишь требованием шофера уплатить за проезд.

Рассерженно выкарабкиваясь из такси, Игнациус увидел, как по тротуару приближается мать. На ней было короткое розовое полупальто и крошечная красная шляпка, надвинутая на один глаз, что придавало ей сходство со старлеткой-беженкой из кинематографического сериала «Охотницы за приданым». Без всякой надежды Игнациус заметил, что мать попыталась чуточку себя расцветить, воткнув в петлицу полупальто увядшую пуансеттию. Ее коричневые танкетки скрипели с вызовом перечеркнутого ценника, а она, вся пурпурная и розовая, шагала по крошившимся кирпичам тротуара. Хотя Игнациус и наблюдал материнские наряды уже многие годы, вид ее при полном параде по-прежнему приводил его клапан в легкий ужас.

— Ох, Туся, — еле переводя дух, вымолвила она, едва они столкнулись у заднего бампера «плимута», перегородившего все пешеходное движение по тротуару. — Ужас чего тут было.

— О мой бог. Что на этот раз?

Игнациус вообразил, что случилось что-то в семье матери — группе людей, склонных страдать от насилия и боли. У нее имелись престарелая

тетушка, ограбленная на пятьдесят центов какими-то хулиганами, кузина, попавшая под трамвай на Арсенальной улице, дядюшка, съевший прокисшее безе, крестный, схватившийся за оголенный провод, сорванный со столба ураганом.

– Эта бедняжка мисс Энни, что по соседству. Утром в обморок упала в переулке. А всё невры, Туся. Говорит, ты ее сегодня разбудил, когда на банджо заиграл.

– Это лютня, а не банджо, – прогрохотал Игнациус. – Она что – считает меня извращенцем из романа Марка Твена?

– Я только-только от нее. Она же ж к сыну перебралась, на улицу Святой Марии.

– О, этот невыносимый мальчишка. – Игнациус взобрался по ступеням к двери, опередив мать. – Ну, хвала господу, что мисс Энни нас на некоторое время оставила. Теперь, возможно, я смогу играть на лютне, не слыша ее скрипучих денонсаций из соседнего дома.

– А по пути я к Ленни зашла и купила ей славненькую парочку четок с водой из Лурда.

– Боже мой! К Ленни. Ни разу в жизни не встречал я магазина, столь набитого религиозной гексарией. Я подозреваю, не пройдет много времени, и в этой ювелирной лавке случится чудо. Сам Ленни может вознестись.

– А мисс Энни эти четки очень понравились, мальчик мой. Сразу же ж молитву читать начала.

– Вне сомнения, это лучше, чем беседовать с вами.

– Уж садись, Туся, я тебе чего-нибудь поесть сготовлю.

– В смятении коллапса мисс Энни вы, кажется, позабыли, что сегодня утром сбагрили меня в «Штаны Леви».

– Ох, Игнациус, что ж там было-то? – спросила миссис Райлли, поднося спичку к горелке, которую открутила за несколько секунд до этого. На печке случился локализованный взрыв. – Боже-сусе, я чуть не сгорела.

– Я теперь – служащий «Штанов Леви».

– Игнациус! – вскричала мать, охватывая его сальную голову неуклюжим розово-шерстяным объятием, расплющившим ему нос. Глаза ее застили слезы. – Я так горжусь моим мальчиком.

– Я довольно-таки изможден. Атмосфера в этой конторе гипертензивна.

– Я знала, что ты хорошо добьешься.

– Благодарю вас за вашу уверенность.

– А сколько «Штаны Леви» будут тебе платить, Туся?

– Шестьдесят американских долларов в неделю.

– Ай, и это все? Мож, тебе еще по сторонам поискать надо было?

– Там превосходные возможности для продвижения, превосходные планы для сметливого молодого человека. Жалованье может вскоре измениться.

– Ты думаешь? Ну, я все равно гордюсь, Туся. Снимай куртку. – Миссис Райлли открыла банку рагу «Либби» и вытряхнула ее в кастрюльку. – А у них там милашечки какие-нибудь работают?

Игнациус подумал о мисс Трикси и ответил:

– Да, одна имеется.

– Незамужняя?

– Похоже на то.

Миссис Райлли подмигнула Игнациусу и забросила его куртку на буфет.

– Слуш сюда, Туся, я огонь под рагу развела. Открой себе баночку горошка, и хлеб же где-то в ле́днике есть. Еще я кэксик у немца взяла, только что-то не вспомню, куда его засунула. Посмотри в кухне. Мне идтить надо.

– И куда вы сейчас направляетесь?

– Мистер Манкузо с тетушкой, они меня через несколько минут подберут. Мы едем к Фаццио, в кегли играть.

– Что? – завопил Игнациус. – Правда ли это?

– Я рано вернусь. Я сказала мистеру Манкузо, что не могу поздно засиживаться. А тетушка его уже бабушка, ей, наверно, тож на боковую пора.

– Определенно, прекрасный прием мне оказывают после моего первого трудового дня, – яростно высказался Игнациус. – Вы не можете играть в кегли. У вас артрит или что там у вас. Это смехотворно. Где вы собираетесь питаться?

– Можно чилю купить на кегельбане. – Миссис Райлли уже направлялась к себе в комнату переодеться. – Ой, Туся, тебе ж еще сегодня письмо из Нью-Йорку пришло. Я его за банку с кофе́м засунула. Похоже, от этой девчоночки Мирны, потому как конверт грязный весь и размазанный. И как только эта Мирна почту в таком виде посылает? Ты же мне сам говорил, что у ее папаши деньжата водятся?

– Вам нельзя играть в кегли, – проревел Игнациус. – Это самое абсурдное, что вы могли предпринять.

Дверь за миссис Райлли захлопнулась. Игнациус отыскал конверт и, вскрывая, разодрал его в клочья. Он вытащил программку летнего – годовой давности – кинофестиваля какого-то художественного театра. На

обороте измятой программы и было написано письмо – неровным угловатым почерком, составлявшим все минкоффское искусство каллиграфии. Привычка Мирны писать не друзьям, а редакторам, как всегда, отразилась в ее приветствии:

Господа!

Что это за странное и жуткое письмо ты написал мне, Игнациус? Как я могу связываться с Союзом гражданских свобод, когда ты предоставил мне так мало улик? Я не способна вообразить себе, чего ради тебя мог пытаться арестовать полицейский. Ты же никуда не выходишь из комнаты. Я, может, и поверила бы в арест, если б ты не написал об этой «автомобильной аварии». Если у тебя сломаны оба запястья, как ты сумел написать письмо?

Давай будем честны друг с другом, Игнациус. Я не верю ни единому слову, тобой написанному. Но мне страшно – страшно за тебя. В твоей фантазии об аресте есть все классические признаки паранойи. Ты, разумеется, отдаешь себе отчет в том, что Фрейд связывал паранойю с гомосексуальными наклонностями.

– Мерзость! – вскричал Игнациус.

Однако мы не станем вдаваться именно в этот аспект фантазии, поскольку я знаю, насколько ты последователен в своем неприятии какого бы то ни было секса. И все же эмоциональная твоя проблема довольно очевидна. С тех самых пор, как ты провалил то собеседование на преподавательскую работу в Батон-Руж (обвинив во всем автобус и прочее – перенос вины), ты, вероятно, страдаешь от ощущений неудачи. Эта твоя «автомобильная авария» – новый костыль для оправданий собственного бессмысленного, бессильного существования. Игнациус, тебе следует *идентифицироваться* с чем-либо. Как я тебе уже неоднократно говорила, ты должен посвятить себя жизненно важным проблемам современности.

– Хо-хмм, – зевнул Игнациус.

Подсознательно ты чувствуешь, что должен попытаться объяснить свою неудачу как интеллектual и борец за идеи,

должен активно участвовать в значимых социальных движениях. Помимо этого, приносящая удовлетворение сексуальная встреча очистит твой разум и тело. Тебе отчаянно нужна сексотерапия. Я боюсь – судя по тому, что знаю о клинических случаях, подобных твоему, – что в конце концов ты можешь превратиться в психосоматического инвалида, вроде Элизабет Б. Браунинг^[19].

– Как невыразимо оскорбительно, – прошипел Игнациус.

Я не ощущаю к тебе большого сочувствия. Ты закрыл свой разум как любви, так и обществу. В настоящий момент каждый час моего бодрствования посвящен вспомоществованию моим чрезвычайно увлеченным друзьям в поиске денег на дерзкий и потрясающий фильм о межрасовом браке, который они собираются снимать. Хотя это и будет низкобюджетная картина, сам сценарий под завязку полон тревожных истин, самых чарующих тональностей и ироний. Его написал Шмуэль, парень, которого я знаю еще со времен Тафтской средней школы. Шмуэль также сыграет в картине мужа. На улицах Гарлема мы нашли девушку на роль жены. Она настолько реальная, витальная персона, что я сделала ее своей ближайшей подругой. Я постоянно обсуждаю с ней ее расовые проблемы, вытягивая их из нее, несмотря даже на то, что ей не хочется их обсуждать, – и могу сказать, что она пылко ценит эти диалоги со мной.

В сценарии также есть мерзкий реакционный негодяй, ирландский домовладелец, отказывающийся сдать квартиру паре, которая к этому времени уже сочлась узами в такой скромной Культурно-Этической церемонии. Домовладелец живет в маленькой комнатке-утробе, стены которой увешаны портретами Папы и тому подобного. Иными словами, зрители без труда поймут его, стоит им бросить на комнату единственный взгляд. На роль домовладельца мы еще никого не нашли. Ты, разумеется, фантастически для нее подойдешь. Видишь ли, Игнациус, если бы ты только решился перерезать пуповину, связывающую тебя с этим застойным городом, с этой твоей матерью, с этой постелью, ты мог бы оказаться здесь с такими возможностями, как эта. Тебя интересует подобная роль? Заплатить много мы не сможем, но переночуешь у меня.

Вероятно, я сама для звуковой дорожки сыграю на гитаре

немного настроенческой музыки или музыки протеста. Надеюсь, нам в конце концов удастся перенести этот великолепный проект на пленку, поскольку Леола, эта невероятная девушка из Гарлема, начинает доставать нас по поводу своего жалованья. Я уже выдоила из папаши 1000 долларов, но он подозрительно (как обычно) относится ко всему нашему предприятию.

Игнациус, я достаточно долго потакала тебе в нашей переписке. Не пиши мне больше, покуда не вольешься в жизнь. Ненавижу трусов.

М. Минкофф

P. S. Напиши также, не хочешь ли сыграть домовладельца.

– Я проучу эту оскорбительную профурсетку, – пробормотал Игнациус, швыряя программу художественного театра в огонь, разведенный под кастрюлькой с рагу.

Четыре

«Штаны Леви» представляли собой две структуры, сплавленные в одно жуткое целое. Фасадом служило кирпичное торговое здание девятнадцатого века с мансардной крышей, выпиравшей несколькими слуховыми окнами в стиле рококо, в основном – с побитыми стеклами. Здесь контора занимала третий этаж, склад – второй, а мусорка – первый. К строению, которое мистер Гонсалес называл не иначе как «мозговым центром», примыкала собственно фабрика – амбароподобный прототип самолетного ангара. Две дымовые трубы, возносившиеся с жестяной крыши фабрики, расходились под таким углом, что получались гигантские заячьи уши телевизионной антенны – антенны, не принимавшей ни единого обнадёживающего сигнала из внешнего мира, но зато время от времени изрыгавшей клубы дыма весьма тошнотворного оттенка. Молчаливой и закопченной мольбой о перестройке всего городского хозяйства «Штаны Леви» горбились рядом с аккуратным строем серых причальных складов вдоль реки и канала по другую сторону железнодорожной ветки.

В самом же мозговом центре происходила деятельность активнее обычного. Игнациус кнопками прикреплял к столбу около своих шкафчиков разлапистую картонную табличку, жирными синими готическими буквами провозглашавшую:

ОТДЕЛ ИССЛЕДОВАНИЙ И СПРАВОК
И. Ж. РАЙЛЛИ, ХРАНИТЕЛЬ

Он пренебрег утренней систематизацией документов, дабы изготовить эту табличку, распростершись на полу с куском картона и синей плакатной краской и более часа тщательно выписывая буквы. Мисс Трикси наступила на табличку во время одного из своих периодических бесцельных обходов конторы, но ущерб свелся лишь к маленькому отпечатку тапочка в одном углу. Тем не менее Игнациус счел этот крохотный след оскорбительным и зарисовал его драматичным стилизованным подобием геральдической лилии.

– Как это мило, – сказал мистер Гонсалес, когда Игнациус закончил стучать. – Она придает конторе определенную тональность.

– Что это значит? – спросила мисс Трикси, остановившись

непосредственно под табличкой и неистово всматриваясь в нее.

– Это всего лишь указательная вежа, – гордо пояснил Игнациус.

– Мне все это непонятно, – заявила мисс Трикси. – Что здесь происходит? – Она повернулась к Игнациусу. – Гомес, кто эта личность?

– Мисс Трикси, вы же знаете мистера Райлли. Он уже неделю с нами работает.

– Райлли? Я думала, это Глория.

– Ступайте на место и займитесь цифрами, – велел ей мистер Гонсалес. – Мы должны отослать ведомость в банк до полудня.

– О, да, мы должны отослать ведомость, – согласилась мисс Трикси и зашаркала в дамскую уборную.

– Мистер Райлли, мне бы не хотелось оказывать на вас давление, – осторожно проговорил мистер Гонсалес, – но я не могу не заметить, что на вашем столе скопилась гора материалов, требующих систематизации.

– Ах, это. Да. Так вот, когда я сегодня утром выдвинул первый ящик, меня приветствовала довольно крупная крыса, которая недвусмысленно пожирала папку «Мануфактуры Абельмана». Я счел благоразумным дожждаться, пока она насытится. Мне бы весьма не хотелось подцепить бубонную чуму и потом возлагать вину на «Штаны Леви».

– Вполне справедливо, – встревоженно произнес мистер Гонсалес, и вся его резвая натура затрепетала от такой перспективы несчастного случая на производстве.

– А в дополнение к этому, мой клапан плохо себя вел и препятствовал мне в попытках наклониться и достичь нижних ящиков.

– У меня на этот случай как раз кое-что имеется, – сказал мистер Гонсалес и исчез в конторском чуланчике, чтобы достать, как вообразил себе Игнациус, некое лекарство. Однако вернулся он с миниатюрнейшей металлической табуреточкой на колесиках – Игнациус никогда в жизни с такими дела не имел. – Вот. Человек, работавший с документацией, бывало, катался на ней взад-вперед вдоль нижних ящиков. Попробуйте.

– Я убежден, что особенности моей конституции не так легко адаптируются к подобного рода устройствам, – заметил Игнациус, пробуравив взглядом ржавую табуретку. У него всегда было неважное чувство равновесия, и со времен своего тучного детства он подвергался тенденции падать, поскользываться и спотыкаться. До пяти лет, пока Игнациус не научился наконец передвигаться почти нормальным манером, он представлял собой сплошную массу синяков и шишек. – Тем не менее ради «Штанов Леви» я попробую.

Игнациус стал приседать, все ниже и ниже, пока объемные его

ягодицы не соприкоснулись с табуреткой, а колени не задрались почти до плеч. Утвердившись на своей опоре, он стал похож на баклажан, балансирующий на канцелярской кнопке.

– Ничего не выйдет. Я чувствую себя довольно некомфортно.

– А вы попробуйте, – бодро посоветовал мистер Гонсалес.

Приведя себя в движение ногами, Игнациус тревожно пропутешествовал вдоль ряда выдвижных ящиков, пока одно микроскопическое колесико не застряло в трещине. Табуретка накренилась, а затем и опрокинулась, тяжело свалив Игнациуса на пол.

– О, мой бог! – проревел он. – Мне кажется, я сломал себе спину.

– Держитесь, – возопил мистер Гонсалес преисполненным ужаса тенорком. – Я помогу вам подняться.

– Нет! Никогда не следует перемещать лицо со сломанной спиной, если у вас нет носилок. Я не желаю остаться парализованным благодаря вашей некомпетентности.

– Прошу вас, попробуйте подняться, мистер Райлли. – Мистер Гонсалес смотрел на могильный курган, выросший у его ног. Сердце заведующего конторой ушло в пятки. – Я вам помогу. Мне кажется, вы не очень сильно поранились.

– Оставьте меня в покое, – взвизгнул Игнациус. – Вы олух. Я отказываюсь провести остаток жизни в инвалидной коляске.

Мистер Гонсалес почувствовал, как ноги у него холодеют и немеют.

Грохот Игнациусова падения привлек из дамской уборной мисс Трикси: она обогнула конторские шкафчики и запнулась о гору распростертой плоти.

– Ох, батюшки, – немощно выдавила она. – Глория что – умирает, Гомес?

– Нет, – отрезал мистер Гонсалес.

– Ну что ж, я определенно этому рада, – произнесла мисс Трикси, наступая на вытянутую руку Игнациуса.

– Боже милосердный! – загремел тот, подскакивая и садясь. – Кости моей руки раздроблены. Я никогда не смогу владеть ею снова.

– Мисс Трикси легче пушинки, – сообщил Игнациусу заведующий конторой. – Мне кажется, она не сумела бы нанести вам тяжких увечий.

– А на вас она когда-нибудь наступала, идиот? Откуда вам знать?

Игнациус сидел у ног сослуживцев и изучал собственную лапу.

– Подозреваю, что больше не в состоянии сегодня шевелить этой рукой. Мне лучше незамедлительно отправиться домой и сделать ей ванночку.

– Но ведь нужно систематизировать документацию. Смотрите, сколько папок у вас уже скопилось.

– И вы говорите о систематизации в такой момент? Я уже готов связаться со своими адвокатами и заставить их подать на вас в суд за то, что вы взгромодили меня на этот непотребный табурет.

– Мы поможем тебе встать, Глория. – Мисс Трикси приняла стойку, очевидно, означавшую подъемное устройство. Она широко расставили туфли носками врозь и присела, как танцовщица с острова Бали.

– Перестаньте, – рявкнул ей мистер Гонсалес. – Вы сейчас свалитесь.

– Нет. – Она едва разжала увядшие губы. – Я помогу Глории. Зайдите вон с той стороны, Гомес. Мы сейчас поднимем Глорию за локти.

Игнациус покорно наблюдал, как Гонсалес присаживается на корточки с другого фланга.

– Вы неверно распределяете вес своего тела, – назидательно сообщил он им. – Если желаете предпринять попытку меня поднять, такое положение не дает вам никакого упора. Я подозреваю, что все втроем мы можем получить травмы. Я предлагаю вам занять вертикальную позицию. Таким образом вы легко сумеете нагнуться и меня возвысить.

– Не нервничай, Глория, – выговорила мисс Трикси, вставая на дыбы и раскачиваясь взад-вперед. И сразу же рухнула на Игнациуса, снова распростершегося на спине. Краешек целлулоидного козырька с размаху уперся ему в кадык.

– Оуф, – булькнуло где-то в глубинах Игнациусовой глотки. – Браах.

– Глория! – захрипела мисс Трикси. Она вгляделась в полное лицо, оказавшееся непосредственно у нее перед носом. – Гомес, зовите врача.

– Мисс Трикси, немедленно слезайте с мистера Райлли, – прошипел заведующий конторой, так и сидя на корточках возле подчиненных.

– Браах.

– Чем это вы занимаетесь у меня на полу? – раздался от дверей мужской голос. Бодренькое личико мистера Гонсалеса окаменело маской ужаса, и он пискнул:

– Доброе утро, мистер Леви. Мы так рады вас видеть.

– Просто зашел проверить личную корреспонденцию. И сразу же – назад на побережье. Зачем здесь эта огромная табличка? Этой штукой кто-нибудь обязательно себе глаз выцарапает.

– Это мистер Леви? – спросил с пола Игнациус. Из-за ряда конторских шкафов он не мог разглядеть говорившего. – Браах. Я желал встретиться с ним.

Стряхнув с себя мисс Трикси, немедленно осевшую на пол, Игнациус

с трудом утвердился на ногах и увидел щегольски одетого человека средних лет, державшегося за дверную ручку, чтобы можно было сбежать из конторы так же быстро, как он сюда вошел.

– Здравсьте, – небрежно произнес мистер Леви. – У нас новый работник, Гонсалес?

– О, да, сэр. Мистер Леви, познакомьтесь – мистер Райлли. Очень расторопный. Талантливый специалист. На самом деле предоставил нам возможность обойтись без нескольких других сотрудников.

– Браах.

– О, да, фамилия на табличке. – Мистер Леви странно посмотрел на Игнациуса.

– Я проявляю необычайный интерес к вашей фирме, – сообщил Игнациус мистеру Леви. – Знак, замеченный вами при входе, – лишь первое из нескольких нововведений, которые я планирую. Браах. Я изменю ваше мнение об этой фирме, сэр. Попомните мои слова.

– Что вы говорите? – Мистер Леви присмотрелся к Игнациусу с некоторым любопытством. – Так как насчет корреспонденции, Гонсалес?

– Немного. Вы получили новые кредитные карты. «Трансглобальные Авиалинии» прислали вам свидетельство почетного пилота за то, что вы налетали с ними сто часов. – Мистер Гонсалес выдвинул ящик своего стола и вручил мистеру Леви почту. – Также пришла брошюра из гостиницы в Майами.

– Вы бы уже начинали заказывать бронь на мои весенние тренировки. Я ведь отдал вам свой маршрут тренировок в лагерях, не так ли?

– Да, сэр. Кстати, у меня есть несколько писем к вашей подписи. Я вынужден был написать в «Мануфактуру Абельмана». У нас с ними всегда непорядок.

– Я знаю. Что этим жуликам на сей раз надо?

– Абельман утверждает, что брюки из последней партии, которую мы им отправили, были всего двух футов длиной в брючине. Я пытаюсь уладить этот вопрос.

– Да? Ну что ж, здесь случались и более странные вещи, – быстро ответил мистер Леви. Контора уже начала его угнетать. Нужно выбираться отсюда побыстрее. – Спросите лучше этого десятника на фабрике. Как там его зовут? Послушайте, а если вам самому эти письма подписать, как обычно? Мне нужно идти. – Мистер Леви потянул за ручку. – Не слишком перегружайте ребятишек работой, Гонсалес. Прощайте, мисс Трикси. Моя супруга о вас спрашивала.

Мисс Трикси сидела на полу и зашнуровывала тапочек.

– Мисс Трикси, – пронзительно завопил мистер Гонсалес, – мистер Леви с вами разговаривает.

– Кого? – огрызнулась мисс Трикси. – Вы ведь говорили, что он умер?

– Я надеюсь, вы увидите здесь невероятные перемены в следующий раз, когда заглянете к нам, – промолвил Игнациус. – Мы возьмем новые силы в ваше, так сказать, предприятие.

– Ладно. Не сильно увлекайтесь, – ответил мистер Леви и захлопнул за собой дверь.

– Изумительный человек, – истово сообщил Игнациусу мистер Гонсалес. В окно парочка наблюдала, как мистер Леви садится в свою спортивную машину. Мотор взревел, и через несколько секунд мистер Леви умчался прочь. За ним оседала лишь тучка синего выхлопа.

– Вероятно, пора приступить к систематизации, – произнес Игнациус, поймав себя на том, что рассматривает пустую улицу. – Вы не будете любезны подписать эту корреспонденцию, чтобы я мог подшить копии? Теперь, должно быть, к тому, что грызун оставил от папки Абельмана, приближаться безопасно.

Игнациус заглядывал через плечо, пока мистер Гонсалес старательно подделывал на письмах подпись – *Гас Леви*.

– Мистер Райлли, – произнес мистер Гонсалес, тщательно завинчивая колпачок двухдолларовой ручки, – я отправляюсь на фабрику побеседовать с десятником. Присматривайте тут, пожалуйста, за всем.

Под *всем*, вообразил Игнациус, мистер Гонсалес имел в виду мисс Трикси, громко храпевшую на полу перед строем конторских шкафчиков.

– *Seguro*^[20], – ответил Игнациус и улыбнулся. – Немного испанского в честь вашего благородного наследия.

Как только управляющий конторой вышел, Игнациус закатал листок почтовой бумаги «Леви» в высокую черную пишущую машинку мистера Гонсалеса. Если «Штаны Леви» собираются добиться успехов, первым делом следует прижать хулителей к ногтю. «Штанам Леви» нужно стать более воинственными и авторитарными для того, чтобы выжить в джунглях современного торгашества. И Игнациус начал это первое дело печатать:

«Мануфактура Абельмана»

Канзас-Сити, Миссури

США

Г-ну И. Абельману, Олигофрену, Эск.:

Почтовой доставкой мы получили Ваши абсурдные замечания касательно наших брюк – замечания, обнаруживающие

в данном случае тотальное отсутствие у Вас контакта с реальностью. Обладай Вы большим пониманием, Вы бы знали или сообразили бы к настоящему моменту, что оскорбившие Вас брюки были отправлены Вам с нашего полнейшего ведома и с полным отчетом в неадекватности их длины.

«Почему? Почему?» – слышится Ваш невразумительный лепет, выдающий неспособность к ассимиляции стимулирующих концепций коммерции Вашим умственно-отсталым и трущобным мировоззрением.

Брюки были Вам отправлены (1) как средство испытания Вашей инициативности (Умному и бдительному коммерческому концерну следовало бы иметь способности превратить брюки трех четвертей должной длины в олицетворение всей мужской моды. Ваши программы рекламы и сбыта очевидно порочны.) и (2) как средство проверки Вашей способности отвечать стандартам, требуемым от оптового распространителя нашей высококачественной продукции. (Преданные нам и надежные торговые точки способны находить сбыт любым брюкам, несущим на себе марку Леви, какими бы отвратительными ни были их модели и пошив. Явно, вы – люди вероломные.)

Мы не желаем, чтобы нам в будущем докучали подобными утомительными жалобами. Просьба отныне ограничивать свою корреспонденцию одними заказами. Мы – напряженно работающая и динамичная организация, чьей миссии излишнее бесстыдство и домогательства лишь препятствуют. Если Вы станете досаждать нам снова, сэр, то, вероятно, ощутите на своих жалких плечах обжигающий укус хлыста.

Ваш во гневе,
Гас Леви, През.

Довольно размышляя, что мир понимает только силу и власть, Игнациус авторучкой заведующего срисовал на листок подпись Леви, порвал письмо мистера Гонсалеса Абельману и подсунул в ящик исходящей корреспонденции свое. Затем на цыпочках осторожно обошел инертную фигурку мисс Трикси, вернулся в отдел систематизации документации, взял кипу еще не систематизированных материалов и швырнул их в мусорную корзину.

II

– Й-их, мисс Ли, а эта толстая мамка, у кого еще такая шапчонка зеленая, – он что, сюда больше не ходок?

– Нет, слава богу. Вот такие типы и гробят всю инвестицию.

– А когда ваш дружок-сиротка опять сюда придет? В-во! Разнюхать бы еще, чё там за дела с этими сиротками. Зуб даю, этими сиротками падлицаи первыми заинтере́сят.

– Я тебе сказала уже – я сироткам вещи отправляю. Чуток благотворительности никогда никому не повредит. От нее себя чувствуешь лучше.

– Вот уж точно благовпарительность как в «Ночью тех» – када сироткам кучу бабок платить надо за то благо, что им впаривают.

– Хватит за сироток беспокоиться, лучше иди за мой пол побеспокойся. У меня и так проблем по горло. Дарлина хочет плясать. Ты хочешь прибавку. А у меня и без того хлопот выше крыши. – Лана подумала о шпиках в штатском, вдруг зачастивших к ней в клуб по ночам. – Бизнес уже завонялся.

– Ага. Эт точно. Так и с голоду помереть недолго в этом борделе.

– Слушай, Джоунз, а ты в участке последний раз давно был? – с опаской поинтересовалась Лана. Ей хотелось выяснить, не представилось ли Джоунзу хоть какого-нибудь шанса навести фараонов на заведение. Этот Джоунз уже начинал ее доставать, несмотря на свое ничтожное жалованье.

– Не-а, ни к каким друзьям-падлицаам я в гости не хожу. Я еще жду хорошенькие улики собрать. – Джоунз испустил нимбообразную формацию дыма. – Я погожду, пока дело с сиротками не расколется. Ууу-иии!

Лана скривила коралловые губы и постаралась вообразить, кто мог дать такую наколку полиции.

III

Миссис Райлли никак не могла поверить, что это действительно произошло. Ни телевизора. Ни нытья. И в ванной никого. Даже тараканы, похоже, смотрели удочки. Она села за кухонный стол, помаленьку прихлебывая мускатель, и сдула на пол тараканьего младенца, пытавшегося пересечь столешницу. Крохотное тельце слетело со стола и пропало, и миссис Райлли произнесла:

– Прощай, дорогуша. – Нацедила себе вина еще на дюйм, впервые осознав, что и запахло в доме по-другому. То есть вонь оставалась примерно такой же, как и раньше, но своеобразный личный аромат сына, вечно напоминавший ей запах старых чайных пакетиков, казалось, рассеялся. Она поднесла стакан ко рту: наверное, «Штаны Леви» тоже уже начинают пованивать спитым пеко.

Неожиданно миссис Райлли припомнила тот кошмарный вечер, когда они с мистером Райлли отправились в «Пританию» посмотреть Кларка Гейбла и Джин Харлоу в «Красной пыли». В горячке и смятении того, что последовало за их возвращением домой, славный мистер Райлли испробовал один из своих не прямых подходов, в результате чего и был зачат Игнациус. Несчастный мистер Райлли. За всю оставшуюся жизнь ни разу больше в кино не сходил.

Миссис Райлли вздохнула и осмотрела пол: уцелел ли тараканий младенец, не нарушены ли его жизненные функции. У нее было слишком благодушное настроение, чтобы причинять чему-либо зло. Пока она пристально изучала линолеум, в тесной прихожей зазвонил телефон. Миссис Райлли заткнула бутылку и поставила ее в остывшую духовку.

– Аллё, – произнесла она в трубку.

– Эй, Ирэна? – спросил хриплый женский голос. – Чего подэлываешь, малыша? Это Санта Батталья.

– Как твое ничего, голуба?

– С ног сбилась. Только вот четырэ дюжины шустриц на заднем дворе раскокала, – поведала Санта шатким баритоном. – А это работа я тебя умоляю – колотить шустричным ножиком да по кирпичам по этим, точно тебе говорю.

– Я б ни за что и пробовать-то не стала, – как на духу ответила миссис Райлли.

– Да мне-то что. Я, когда в девочках ходила, мамочке, помню, всегда

шустриц открывала. Она ларек морэпродуктов держала возле рынка «Лаутеншлэгер». Бедненькая. Прямо с паракота. Еле-еле слово по-аглиски не говорила. А я, совсем малявка еще, все, помню, шустриц ей колю. И ни в какую школу не ходила. Это не для меня, малы́ша. Сижу прямо там на тротуаре, знай по шустрицам колочу. А мамочка то и дело по мне за что-нибудь колотит. У нас в ларьке вокруг всегда катавасия, такие мы.

– Мамочка у тебя очень возбудимая, значть, была, а?

– Беньдяшка. Стояла там под дождем, на холоде, и половины не понимала, чего ей говорят. Ох и трудно в те дни было, Ирэна. Просто мука смэртная, малыша.

– И не говори, – вздохнула миссис Райлли. – Нам тоже ведь хлебнуть пришлось на улице Дофина. Папочка был очень бедный. Работа у него была на вагонном заводе, а потом как автомашины пошли, у него руку в ремень от вертилятора и затянуло. Уж сколько месяцев на гольной фасоли с рисом сидели.

– А меня с фасоли пучит.

– Меня тоже. Послушай, Санта, а чего это ты звонишь, солнышко?

– Ох да, чуть не забыла. Помнишь, мы в кэгли играть как-то вечером ходили?

– Во вторник?

– Нет, это, кажись, в срэду было. Как бы там ни было, это тогда Анджело заарэстовали, и он с нами пойти не смог.

– Вот ужас-то какой. Полиция своих же загребает.

– Ага. Бедненький Анджело. Такой славный. Он в этом учаске точно не в своей талэрке. – Санта хрипло кашлянула в телефон. – Ладно, это в тот вэчер ты за мной на этой своей машине заехала, и мы в кэгелян одни отправились. А сегодня утром я на рыбный рынок пошла за шустрицами этими, и ко мне старичок один подходит и спрашивает: «Это не вы как-то вэчером в кэгеляне были?» А я грю: «Ну, да, мистэр. Я там частэнько бываю». А он грит: «Ну и я там был со своей дочью и мужем ейным, и видел вас с такой дамочкой, у нее еще волосы такие рыжие». Я грю: «Вы имеете в виду, что дамочка хной крашенная? Это моя подруга, мисс Райлли. Я ее в кэгли обучаю». Вот и все, Ирэна. Он только под козырок взял и ушел с рынка.

– Кто ж это мог быть? – с большим интересом спросила миссис Райлли. – Вот смех-то. Как он выглядит, лапуся?

– Славный человек, в годах. Я его тут по-сосэдству примечала, дитят каких-то к обэдне вел. Наверно, внуки его.

– Вот странность же ж, да? И кому это надо про меня спрашивать?

– И не знаю, дэушка, но уж лучше ты посматривай. Кто-то на тебя глаз положил.

– Ой, Санта! Я слишком старая, лапуся.

– Нет, вы слыхали? Ты до сих пор еще хорошенькая, Ирэна. Я сколько мущин видала в кэгеляне, как тебе глазки строили.

– Ай, ладно тебе.

– Правда-правда, малыша. Вот те не вру. А то ты с этим своим сыночком слишком носисся.

– Игнациус говорит, что он хорошо в «Штанах Леви» добивается, – принялась оправдываться миссис Райлли. – Не хочу я путаться с никакими старикашками.

– Он не такой уж *старикашка* еще, – ответила Санта немного обиженно. – Послушай, Ирэна, мы с Анджело за тобой сегодня часиков около сэми заглянем.

– Я даже не знаю, дорогуша. Игнациус мне велит больше дома сидеть.

– Зачем тебе больше дома сидеть, дэушка? Анджело грит, он у тебя большой мущина.

– А Игнациус говорит, боится, когда я его одного тут оставляю по ночам. Ломщиков, говорит, опасуюсь.

– Так ты и его с собой бери, Анджело его тоже в кэгли обучит.

– Фуу! Игнациус не такой, как говорится, спиртивный, – перебила ее миссис Райлли.

– Ну ты все равно же ж идешь, а?

– Ладно, – согласилась наконец миссис Райлли. – Упряжения, кажется, моему локтю помогают. Скажу Игнациусу, чтобы в комнате сам заперся.

– Конечно, – сказала Санта. – Никто его тут не обидит.

– А у нас и все равно красть нечего. Прямо не знаю, откуда Игнациус эти свои идеи берет.

– Мы с Анджело будем в сэмь.

– Хорошо, и послушай, голуба, попробуй разузнать на рыбном рынке, что это за старичок был.

IV

Дом Леви стоял среди сосен на пригорке, смотревшем на серые воды бухты Святого Людовика. Экстерьер особняка служил примером элегантной быдловатости; интерьер представлял собой успешную попытку не впускать деревенщину внутрь совершенно: утроба с неизменными семьюдесятью пятью градусами^[21], соединенная с круглогодичным блоком кондиционеров пуповиной вентиляционных трактов и трубок, безмолвно заполнявших комнаты профильтрованными и восстановленными бризами Мексиканского залива и вдыхавших двуокись углерода, сигаретный дым и скуку семейства Леви. Центральная машинерия огромного животворного аппарата вибрировала где-то в акустически изолированных плитками кишках дома, напоминая инструктора «Красного Креста», задающего ритм на занятии по искусственному дыханию: «Вдохнули хороший воздух, выдохнули плохой, вдохнули хороший...»

Жилище было чувственно комфортабельно, насколько бывает комфортабельной утроба. Подушки каждого кресла утопали на несколько дюймов при малейшем касании, пена и пух подобострастно сдавались любому нажиму. Пучки нейлоновых ковров акриловых расцветок щекотали щиколотки тех, кто был любезен по ним пройти. Рядом с баром нечто, напоминавшее шкалу настройки радиоприемника, при повороте заливало все жилище светом мягким или ярким, как того требовало настроение. По всему дому, так, чтобы можно было без затруднений дойти пешком от одного до другого, располагались контурные кресла, массажный стол и моторизованная доска для упражнений, множество секций которой общупывали тело движениями нежными, но двусмысленными. «Приют Леви», как гласил знак на прибрежной дороге, был Занаду^[22] чувств; в его изолированных стенах было чем потворствовать чему угодно.

Мистер и миссис Леви, считавшие друг друга единственными предметами в доме, не способными ничему потворствовать, расположились перед своим телевизионным приемником, наблюдая, как на экране сливаются краски.

– Лицо у Перри Комо^[23] все зеленое, – с немалой враждебностью произнесла миссис Леви. – Он похож на труп. Лучше отправь этот приемник обратно в магазин.

– Я же только на этой неделе его из Нового Орлеана привез, – ответил ее супруг, обдувая себе черные волосы на груди, видневшейся в вырезе

махрового халата. Мистер Леви только что вышел из парной и теперь намеревался обсохнуть полностью. Даже с круглогодичным кондиционером и центральным отоплением в полной сухости нельзя быть уверенным до конца.

– Так забери его обратно. Я не собираюсь слепнуть из-за сломанного телевизора.

– Ох, закрой рот. Нормально он выглядит.

– Он не выглядит нормально. Посмотри, какие зеленые у него губы.

– Все дело в гриме, которым пользуются эти люди.

– Ты хочешь сказать, что Кома на губы накладывают зеленый грим?

– Почему я знаю, что они делают?

– Разумеется, не знаешь, – ответила миссис Леви, обращая свои аквамариновые глаза в сторону супруга, погруженного в пучины подушек желтой нейлоновой тахты. Она заметила краешек махры и резиновый сабо для душа на конце волосатой ноги.

– Не доставай меня, – произнес он. – Сходи поиграй со своей гимнастической доской.

– Я не могу взбираться сегодня на эту штуку. Мне сделали прическу.

Она коснулась высоко взбитых пластмассовых кудряшек оттенка платины.

– Парикмахер сказал мне, что и парик понадобится.

– Ну к чему тебе парик? Посмотри, сколько у тебя волос и без того.

– Мне нужен парик брюнетки. Так я смогу изменить свою личность.

– Послушай, ты ведь уже и так брюнетка, правильно? Отрастила бы себе волосы естественно и купила бы светлый.

– Об этом я не подумала.

– Ну так подумай немножко и посиди тихо. Я устал. Я ездил сегодня в город и завернул в компанию. А это меня всегда угнетает.

– Что там происходит?

– Ничего. Абсолютно ничего.

– Я так и думала, – вздохнула миссис Леви. – Ты спустил дело своего отца в канализацию. Это трагедия твоей жизни.

– Господи, да кому нужна эта допотопная фабрика? Никто уже не покупает штаны, которые там шьют. Отец сам во всем виноват. Когда в тридцатых в моду вошли зацепы, он не захотел отказываться от обычных брюк. Он же был прямо Генри Форд швейной промышленности. Когда в пятидесятых простые брюки вернулись, он начал шить с зацепами. Ты бы видела то, что Гонсалес называет «новой летней линией». Похожи на шаровары, которые клоуны в цирке носят. А уж ткань... Я бы такой даже

посуду мыть не стал.

– Когда мы поженились, Гас, я тебя боготворила. Мне казалось, в тебе есть напор. Ты мог бы развернуться со «Штанами Леви» по-настоящему. Возможно, даже контору в Нью-Йорке открыл бы. Тебе все само в руки приплыло, а ты взял и выкинул.

– Ох, прекрати всю эту ахинею. Тебе удобно.

– У твоего папы был характер. Я его уважала.

– Мой папа был довольно мерзким сквалыгой, мелким тираном. Когда я был молод, меня эта компания интересовала. Сильно интересовала. Так вот – он своей тиранией уничтожил мой интерес без остатка. С моей точки зрения, «Штаны Леви» – его компания. Пусть идет псу под хвост. Любую мою хорошую идею на пользу фирме он душил только ради того, чтобы доказать, что он – отец, а я – сын. Если я говорил: «Защипы», – он отвечал: «Никаких защипов! Никогда!» Если я говорил: «Давай попробуем какую-нибудь новую синтетику», – он отвечал: «Синтетику? Только через мой труп».

– Он начинал торговать брюками еще с фургона. И посмотри, во что это выросло. С такой форой ты мог бы сделать «Штаны Леви» национальной компанией.

– Нации повезло, поверь мне. Я все свое детство проходил в этих штанах. Как бы то ни было, я устал слушать твою болтовню. Точка.

– Хорошо. Давай помолчим. Смотри, губы у Комо уже розовые. Ты никогда не был хорошим отцом для Сьюзен и Сандры.

– Последний раз, когда Сандра приезжала домой, она открыла сумочку достать сигареты, и оттуда выпала пачка резинок – прямо к моим ногам.

– Я о том и говорю. Ты никогда не служил своим дочерям примером. Неудивительно, что они совсем сбились с пути. Я с ними и так, и этак.

– Слушай, давай не будем о Сандре и Сьюзен. Они в колледже. И нам еще повезло – мы не знаем, что там происходит. Когда им надоест, они выскочат за каких-нибудь бедолаг, и все будет хорошо.

– И каким же дедушкой ты будешь тогда?

– Откуда я знаю? Оставь меня в покое. Залезь на свою гимнастическую доску, нырни в джакузи. Мне нравится передача.

– Как она тебе может нравиться, если у всех лица обесцвечены?

– Давай не будем снова.

– Мы едем в Майами?

– Возможно. А то и переселимся туда.

– И бросим все, что у нас есть?

– Что бросим? Твоя гимнастическая доска в фургон влезет.

– Но компания?

– Компания уже заработала все, что могла заработать. Пора ее продавать.

– Хорошо, что твой папа умер. Дожил бы и посмотрел на все это. – Миссис Леви оделила резиновую туфлю трагическим взглядом. – Теперь ты, наверное, все время будешь проводить на Мировом первенстве или на дерби в Дейто́не. Это подлинная трагедия, Гас. Подлинная трагедия.

– Не пытайся сделать из «Штанов Леви» великую пьесу Артура Миллера.

– Слава богу, есть я, чтобы за тобой присматривать. Слава богу, *меня* компания интересуется. Как мисс Трикси? Надеюсь, она еще не утратила вкуса к жизни и активно функционирует.

– Она до сих пор жива, и одно это о многом говорит.

– По крайней мере, у меня есть к ней интерес. Ты бы уже вышвырнул ее на снег.

– Эта женщина давным-давно должна быть на пенсии.

– Я же говорила тебе – пенсия ее убьет. Нужно делать так, чтобы она чувствовала себя нужной, любимой. Эта женщина – подлинная перспектива психического омоложения. Я хочу, чтобы ты ее привез как-нибудь сюда. Мне бы хотелось по-настоящему над нею поработать.

– Притащить сюда эту рухлядь? Ты рехнулась? Я не желаю, чтобы напоминание о «Штанах Леви» храпело у меня в кабинете. Она обмочит тебе всю тахту. Можешь забавляться с нею на расстоянии.

– Как это типично, – вздохнула миссис Леви. – Мне никогда не понять, как я терпела такое бессердечие все эти годы.

– Я уже разрешил тебе держать мисс Трикси в конторе, где, насколько я знаю, она целыми днями сводит Гонсалеса с ума. Когда я сегодня утром туда зашел, все валялись на полу. Не спрашивай меня, чем они занимались. Они могли заниматься чем угодно. – Мистер Леви присвистнул сквозь зубы. – Гонсалес, как обычно, где-то на луне, но видела бы ты этого другого субъекта, что там работает. Не знаю, откуда они его выкопали. Ты не поверишь своим глазам, честное слово. Боюсь даже гадать, что эти три шута гороховых весь день в конторе делают. Просто чудо, что там еще ничего не произошло.

Игнациус решил не ходить в «Пританию». Демонстрировалась широко разрекламированная шведская драма о человеке, теряющем свою душу^[24], – Игнациуса не особенно привлекал ее просмотр. Следует побеседовать с управляющим кинотеатра: как он мог допустить в прокат такую скукоптицу.

Он проверил засов на двери: интересно, когда вернется мамаша. Она вдруг стала уходить из дому чуть ли не каждый вечер. Однако перед Игнациусом сейчас стояли другие заботы. Выдвинув ящик стола, он посмотрел на кипу статей, написанных им когда-то с учетом журнального рынка. Для серьезных общественных журналов там были «Наблюдения о Боэзии» и «В защиту Хросвиты: тем, кто говорит, что ее никогда не было». Для семейных журналов он написал «Смерть Рекса» и «Дети, надежда мира». В попытке проникнуть на рынок воскресных приложений сочинил «Задачу обеспечения безопасности воды», «Опасность восьмицилиндровых автомобилей», «Воздержание, безопаснейший метод контроля рождаемости» и «Новый Орлеан, город романтики и культуры». Просматривая старые рукописи, он недоумевал, почему так и не отправил их в редакции – каждая была по-своему великолепна.

Однако сейчас перед ним маячил новый, крайне прибыльный проект. Игнациус быстро очистил стол, одним движением ловко смахнув все журнальные статьи и блокноты «Великий Вождь» на пол. Перед собой он водрузил новую папку со скоросшивателем и на грубой крышке медленно вывел красным карандашом печатные буквы: «ДНЕВНИК РАБОЧЕГО ПАРНИШКИ, ИЛИ ДОЛОЙ ПРАЗДНОСТЬ». Закончив сей труд, он содрал ленты с новых пачек линованной бумаги «Синий Конь» и сложил их в папку. Карандашом проткнул дырки в нескольких бланках «Штанов Леви», на которых уже имелись записи, и подшил их в начало. Взяв шариковую ручку «Штанов Леви», он начал писать на первом листке «Синего Коня»:

Любезный Читатель,
Книги – бессмертные сыновья, презирующие своих
родителей.

– Платон

Я подхожу к выводу, любезный читатель, что уже привык к
возбужденному темпу конторской жизни, – я сомневался, что

когда-либо вообще смогу к нему приспособиться. Разумеется, это правда: за свою недолгую карьеру в «Штанах Леви, Лимитед» я преуспел в инициации нескольких методов экономии труда. Те из вас, кто является моими собратями по конторскому труду и оказывается читающим сей язвительный дневник во время перерыва на кофе, могут принять к сведению одно-два из моих нововведений. Наблюдения эти я адресую также управленцам и магнатам промышленности.

Мне пришлось по вкусу прибывать в контору на час позже, чем от меня ожидается. Следовательно, когда я действительно приезжаю, то приезжаю гораздо лучше отдохнувшим и освеженным и тем самым избегаю того первого унылого часа рабочего дня, за который мои по-прежнему вялые ощущения и тело превращают любое задание в епитимью. Я пришел к заключению, что с более поздним приездом работа, которую я выполняю, несет на себе печать гораздо лучшего качества.

Нововведение мое, связанное с систематизацией документации, в данный момент вынуждено оставаться секретным, поскольку оно довольно-таки революционно, и я должен выяснить до конца, насколько оно эффективно. В теории же нововведение это – великолепно. Тем не менее должен сказать, что хрупкие пожелтевшие листки бумаги в папках представляют собой пожарную угрозу. Более специальный аспект, который может оказаться и не применимым ко всем случаям, заключается в том, что папки мои, очевидно, служат приютом для разнообразных паразитов. Бубонная чума – вполне достойная участь в Средневековье; тем не менее я полагаю, что подхватить чуму в нынешнем жутком столетии было бы непростительно смехотворно.

Сегодня на контору нашу наконец снизошла благодать в лице господина нашего и хозяина м-ра Г. Леви. Если быть до конца честным, я обнаружил его довольно беспечным и равнодушным. Я привлек его внимание к табличке (да, читатель, она в конце концов написана и вывешена; довольно великодержавная геральдическая лилия придает ей теперь дополнительную значимость), но и это с его стороны вызвало не много интереса. Визит его был краток и отнюдь не деловит, но кто мы такие, чтобы ставить под сомнение мотивы этих гигантов коммерции, чьи капризы управляют прогрессом всей нашей нации. Со

временем он осознает всю мою преданность его фирме, всю мою увлеченность делом. Пример мой, в свою очередь, может снова привести его к вере в «Штаны Леви».

Ля Трикси по-прежнему помалкивает, доказывая тем самым, что она гораздо мудрее, чем я полагал. Я подозреваю, что женщине этой известно очень многое, и апатия – лишь фасад ее показного презрения к «Штанам Леви». Понимать ее становится легче, когда она заговаривает о пенсии. Я обратил внимание, что ей требуется новая пара белых носков, поскольку нынешние уже довольно посерели. Быть может, в ближайшем будущем я презентую ей пару впитывающих белых атлетических носков; этот жест может растрогать ее и вывести на беседу. Ей, кажется, довольно-таки понравилась моя зеленая шапочка, поскольку время от времени ей нравится надевать ее вместо целлулоидного козырька.

Как я уже сообщал вам в предыдущих частях моего повествования, я следовал примеру поэта Милтона, проводя юность свою в затворничестве, медитации и учении ради совершенствования искусства своего письма, как это сделал он; катаклизмическая неводержанность моей матери вытолкнула меня в мир самым бесцеремонным образом; вся система моя до сих пор пребывает в состоянии непрерывной трансмутации. Следовательно, я по-прежнему в самой гуще процесса адаптации себя к напряженности рабочего мира. Как только система моя привыкнет к конторе, я предприму гигантский шаг и нанесу визит на фабрику – в самое взбудораженное сердце «Штанов Леви». До меня из-за фабричной двери доносилось больше, нежели слабое шипенье и рев, но нынешнее мое состояние, несколько обессиленное, в настоящий момент препятствует спуску в данный ад. Время от времени кто-нибудь из фабричных рабочих вваливается в контору с безграмотным прошением по какому-либо поводу (обычно – запой десятника, хронического пьяницы). Я навещу этот фабричный люд, как только снова обрету целостность; у меня имеются глубокие и прочные убеждения касательно общественной работы. Я уверен, что, вероятно, смогу как-то помочь фабричным. Не выношу тех, кто трусит перед лицом социальной несправедливости. Я верю в дерзкую и сокрушительную преданность проблемам современности.

Об общественном здравии: более чем единожды искал я укрытия в «Притании», привлеченный аттракционами каких-то техноколорных ужасов, заснятыми на пленку уродствами, являющимися оскорблением любых критериев вкуса и порядочности, многими роликами и катушками извращения и святотатства, что ошеломляли мой неверящий взор, шокировали мой девственный разум и запирали мне клапан.

Моя мать в настоящее время якшается с некими нежелательными элементами, пытающимися трансформировать ее в атлета, с растленными образчиками человечества, регулярно катающими кегельные шары по пути к забвению. Временами я нахожу собственное влачение успешной предпринимательской карьеры довольно болезненным при таких распрях, кои приходится претерпевать дома.

О личном здоровье: сегодня днем клапан мой захлопнулся довольно яростно, стоило мистеру Гонсалесу попросить сложить ему столбик цифр. Обратив внимание на то состояние, в которое повергла меня его просьба, он предусмотрительно сложил столбик сам. Я пытался не устраивать из этого сцены, но клапан мой оказался сильнее. Этот управляющий конторы, между прочим, может со временем оказаться страшным занудой.

До новых встреч,
Дэррил, Ваш Рабочий Парнишка

Игнациус с удовольствием перечел только что написанное. «Дневник» таил в себе массу возможностей. Он мог бы стать современным, жизненным, подлинным документом проблем молодого человека. Наконец он закрыл папку и стал размышлять об ответе Мирне – о бичующей, неистовой атаке на все ее бытие и мировоззрение. Лучше подождать, пока он не посетит фабрику и не увидит, какие общественные действия там можно предпринять. Такую наглость нужно обуздывать как до́лжно; быть может, ему удастся сделать с фабричными рабочими нечто такое, от чего Мирна покажется реакционершей в сфере общественной работы. Он должен доказать свое превосходство над этой отвратительной распутницей.

Взяв в руки лютню, он решил на какой-то миг успокоить себя песней. Массивный язык его прокатился по усам в предвкушении и разминке, и, перебирая струны, он запел:

— Не медли ни минуты, к наследью своему —

Спеши дорогой ровной по сердцу и уму.

– Заткнись! – проверещала мисс Энни из-за своих наглухо закрытых ставней.

– Да как вы смеете! – громыхнул в ответ Игнациус, раздирая собственные рамы и высовываясь в темный холодный проулок. – Откройте. Как смеете вы таиться за этими ставнями?

В неистовстве он вбежал в кухню, наполнил водой кастрюльку и метнулся обратно в комнату. Он только прицелился, чтобы окатить водой по-прежнему глухие ставни мисс Энни, как на улице треснула дверца автомобиля. По проулку кто-то шел. Игнациус захлопнул окно и выключил свет, прислушиваясь, как мать с кем-то разговаривает. Проходя под его окном, патрульный Манкузо что-то произнес, а хриплый женский голос ответил:

– Похоже, все чисто, Ирэна. Света нету. Видать, картину пошел глядеть.

Игнациус натянул куртку и выбежал в прихожую к передней двери, как раз когда они открывали дверь кухни. Он спустился по ступенькам и увидел перед домом белый «рэмблер» патрульного Манкузо. С большим трудом Игнациус нагнулся и ткнул пальцем в клапан одной крышки, подождал, пока не перестанет шипеть, и низ крышки не растечется блином по кирпичам канавы. Затем протиснулся на задний двор по проулку, ширина которого едва пропускала его туловище.

В кухне ярко горел свет, и через закрытое окно он слышал дешевенькое радио матери. Игнациус тихо поднялся по ступенькам и взгляделся в закопченное стекло задней двери. Мать и патрульный Манкузо сидели за столом с почти полной пинтой «Прежних времен». Патрульный выглядел подавленнее обычного, однако миссис Райлли притопывала ногой по линолеуму и робко посмеивалась над тем, что наблюдала посередине комнаты. Коренастая женщина с седыми волосами в мелких завитушках танцевала на линолеуме одна, потряхивая маятниками груди, болтавшимися под белой спортивной блузкой. Туфли для кегельбана решительно топотали по полу, перемещая раскачивавшиеся груди и вихлявшие бедра взад и вперед между столом и печкой.

Так значит, это и есть тетушка патрульного Манкузо. Только у патрульного Манкузо тетушкой может быть нечто подобное, фыркнул себе под нос Игнациус.

– В-воо! – радостно орала миссис Райлли. – Санта!

– Смотрите, дэтки, – заорала в ответ седая тетка, точно рефери на поединке профессионалов, и затряслась в шейке все ниже и ниже, пока чуть было совсем не рухнула на пол.

– О, мой бог! – сказал Игнациус ветерку.

– У тебя пузо надорвется, – рассмеялась миссис Райлли. – Ты мне прямо в подпол провалишься.

– Может, уже хватит, тетя Санта? – угрюмо промолвил патрульный Манкузо.

– К чертям, я еще хочу. Я только начала, – ответила женщина, ритмично подымаясь с пола. – Кто сказал, что бабуси больше танцевать не могут?

Раскрыв руки, тетка заскакала по взлетной полосе линолеума.

– Боже-сусе! – греготнула миссис Райлли, опрокидывая бутылку виски себе в стакан. – А если Игнациус вернется и все это увидит?

– На хрен Игнациуса!

– Санта! – ахнула миссис Райлли, шокированная, но, как заметил Игнациус, слегка довольная.

– А ну прекращайте немедленно! – завопила мисс Энни из-за своих ставней.

– Это еще кто? – спросила Санта у миссис Райлли.

– Прекратите, пока я легавых не позвала, – донесся до них приглушенный крик мисс Энни.

– *Прошу тебя*, хватит, – нервно взмолился патрульный Манкузо.

Пять

Дарлина за стойкой бара разливала воду по ополовиненным бутылкам.

– Эй, Дарлина, послушай только, какое говно, – скомандовала Лана Ли, сворачивая газету и придавливая ее пепельницей. – «Фрида Бимс, Бетти Бампер и Лиз Дубье, все проживающие по адресу: улица Святого Петра, 796, – прошлой ночью были арестованы в салоне «Эль Кабалло», дом 570, по улице Бургундии, и оштрафованы за нарушение спокойствия и создание угрозы общественному порядку. По словам офицеров полиции, производивших арест, инцидент разгорелся, когда одной из женщин сделал непристойное предложение неопознанный мужчина. Две спутницы женщины ударили мужчину, впоследствии сбежавшего из салона. Женщина по фамилии Дубье швырнула табурет в бармена, а две другие угрожали посетителям салона табуретами и разбитыми пивными бутылками. Посетители салона утверждают, что на сбежавшем были туфли для игры в кегли». Ну, что скажешь? Вот такие типы и похабят весь Квартал. Захочет какой-нибудь честный Джо позажигать с эдакой коблой, а его за это лупят. А ведь когда-то тут все славно и правильно было. А теперь – одни коблы с педиками. Неудивительно, что бизнес завонялся. Терпеть не могу кобел. Просто не перевариваю!

– А к нам по ночам теперь одни шпики и шастают, – сказала Дарлина. – И почему шпииков на таких вот баб не спускают?

– Да это заведение уже просто в чертов участок превратилось. Похоже, я один сплошной благотворительный концерт устраиваю для «Общества полицейского человеколюбия», – с отвращением высказалась Лана. – Пустой зал, да кучка легавых друг с другом знай перемигивается. И полдороги за тобой следи, за недоумью, чтобы ты им бодяги не впарила.

– Ну, Лана, – взмолилась Дарлина. – Откуда ж мне знать, кто из них легавый? По мне так все едины. – Она высморкалась. – Я ж заработать стараюсь.

– Легаша по глазам вычислить можно, Дарлина. Они очень наглые. Я в этом бизнесе уже слишком долго. Каждый легавый прихват знаю. Купюры меченые, костюмчики липовые. Если по глазам не можешь, смотри на деньги. На них полно черточек карандашных – крапленые.

– А как мне деньги видеть? Тут темно, хоть глаз выколи.

– Ну, с тобой нам что-то нужно будет сделать. Я не хочу, чтобы ты у меня на табуретках рассиживала. А то еще как-нибудь двойной мартини

начальнику полиции толкнешь.

– Лучше дай я на сцену выйду и станцюю. У меня потрясный номер есть.

– Ох, да заткнись же ты! – заверещала Лана. Если Джоунз прознает о полиции в заведении по вечерам – прощай, швейцар за полцены. – Послушай, Дарлина, сюда – только не говори этому Джоунзу, что у нас тут весь департамент по ночам обретается. Ты же знаешь, как черномазые на фараонов реагируют. Он может испугаться и сбежать. В смысле, я паренька выручить хочу, чтоб по улицам не околачивался.

– Ладно, – ответила Дарлина. – Только я так ни шиша не заработаю, если буду стрематься, что чувак на соседней табуретке – полицей. Знаешь, что нам надо, чтоб бабок заколотить?

– Что? – зло осведомилась Лана.

– Нам тут надо животное.

– Что? Господи Иисусе.

– Ни за какими живо́тами я тут подтирать не собираю, – высказался Джоунз, шумно стуча шваброй о ножки табуретов возле стойки.

– Иди сюда и хорошенько подотри тут под табуретками, – позвала его Лана.

– О! В-во! Это где я кусок прохлопал? Й-их!

– Посмотри в газету, Лана, – продолжала Дарлина. – Почти в каждом клубе на всей улице есть себе животное.

Лана перелистнула газету на страницу развлечений и сквозь туман Джоунза вгляделась в объявления ночных клубов.

– Ну, у маленькой Дарлины винтики заработали. Тебе бы, наверное, хотелось самой этим клубом управлять, а?

– Нет, мэ.

– Так и запомни, – произнесла Лана, пробегая пальцем по рекламам. – Смотри сюда. У Джерри завели себе змею, в 104 – голубков, тигренок, шимпанзюк...

– И вот туда-то люди и ходят, – сказала Дарлина. – Надо ж равняться на других в таком бизнесе.

– Большое спасибо. Поскольку это твоя идея, то предложения у тебя есть?

– А я предлагаю голым совать одnogласно против того, чтоб завапарк тут не заводить.

– Занимайся полом, – велела Лана.

– Можно взять моего попугайчика, – предложила Дарлина. – Я с ним такой убойный танец репетировала. Птичка соображает. Послушали б, как

она разговаривает.

– А в цветных барах публики всяко птицев *вовнутрь* не пускают.

– Птичкам же ж тоже шанс нужен, – взмолилась Дарлина.

– В-во! – произнес Джоунз. – Гляди-ка. Ваш дружок-сиротка тока подкатил. Пора благовпарительнось разводить.

Джордж сутуло протиснулся в дверь – мешковатый красный свитер, белые джинсы и бежевые цыганские сапоги с заостренными приплюснутыми носами. На обеих руках у него виднелись татуировки кинжалов, нарисованные синим пастовым карандашом.

– Извини, Джордж, для сироток сегодня ничего нет, – поспешно сказала Лана.

– Вишь как? Сироткам таперича лучше в Еднёный Фон поддавать, – вымолвил Джоунз и подул дымом на кинжалы. – У нас и так финанцы поют романцы. Благовпарительнось дома начинается.

– Чё? – переспросил Джордж.

– В наше время в приютах кого только не держат, хульганье всякое, – заметила Дарлина. – Я б ничего им не давала, Лана. Он там какие-то шашли-машли крутит, точно тебе говорю. Если этот пацан – сиротка, то я – королева Англии.

– Поди сюда, – велела Лана Джорджу и вывела его на улицу.

– Чё такое? – спросил тот.

– Я не могу разговаривать, когда здесь эти придурки, – ответила Лана. – Слушай: наш новый швейцар – совсем не то, что раньше. Этот умник у меня выпрашивать про сироток начал, как только тебя увидел. Я ему не верю. У меня уже и так с мусорами дела.

– Так возьми себе нового. Вон сколько чуваков вокруг.

– За те башли, что я ему плачу, я б даже слепого эскимоса нанять не смогла. Я с ним типа договорилась, как бы со скидкой. И он думает, что если попробует ноги сделать, его загребут за бродяжничество. Такая вот у нас, в общем, сделка, Джордж. То есть в моем бизнесе всегда нужно ухо остро держать насчет выгоды. Понял?

– А чё со мной?

– Этот Джоунз уходит на обед с двенадцати до полпервого. Поэтому ты приходи без четверти час.

– И чё я должен делать с этими пакетами весь день? Я ничё не могу сделать до трех часов. И не хочу это барахло с собой повсюду таскать.

– Сдай на автостанцию. Мне плевать. Только сделай так, чтоб с ними ничего ни-ни. До завтра.

И Лана снова зашла в бар.

– Хорошо, если ты дала этому пацану от ворот поворот, – сказала Дарлина. – Сдать бы его в Бюро по улучшению бизнеса.

– В-во!

– Ну давай же, Лана. Дай же ж нам с птичкой выступить, а? У нас такая хохма.

– Было время, когда «киванисам»^[25] старой школы нравилось приходить и смотреть, как симпатичная девчонка слегка потряхивает делами. А теперь им животное подавай. Знаете, что с людьми сейчас происходит? Они болеют. Трудно человеку честный бакс заработать. – Лана прикурила и выдула свое облако против Джоунзова. – Ладно. Устроим птичке прослушивание. Наверное, тебе с птичкой на сцене будет безопаснее, чем с легавым у стойки. Тащи свою проклятую птицу.

II

Мистер Гонсалес сидел около своей маленькой грелки, прислушиваясь к урчанию реки, и его мирная душа зависала в нирване где-то гораздо выше двух антенн «Штанов Леви». Чувства его подсознательно впитывали крысиную возню, запах старой бумаги и дерева, а также то самообладание, что придавала ему собственная пара мешковатых штанов Леви. Он выдохнул тоненькую струйку фильтрованного дыма и, как меткий стрелок, нацелил сигаретный пепел точно в середину пепельницы. Случилось невозможное: жизнь в «Штанах Леви» стала еще лучше. И причина этому – мистер Райлли. Какая добрая фея обронила мистера Игнациуса Ж. Райлли на стертые и полусгнившие ступени «Штанов Леви»?

Он был четырьмя сотрудниками в одном. В умелых руках мистера Райлли систематизация документов, казалось, исчезла. Кроме того, он был довольно-таки добр с мисс Трикси; в конторе едва ли сохранились какие-то трения. Мистер Гонсалес был тронут тем, что увидел вчера днем: мистер Райлли, опустившись на колени, менял мисс Трикси носки. Мистер Райлли, сплошное доброе сердце. Нет, отчасти, конечно, и клапан. Но с постоянными разговорами о клапане можно смириться. Это единственный недостаток.

Довольно оглядываясь, мистер Гонсалес отметил в конторе плоды трудов мистера Райлли. Над столом мисс Трикси была прикреплена большая табличка с надписью «МИСС ТРИКСИ» и старомодной бутоньеркой, нарисованной карандашами в углу. К его столу крепилась другая: «СЕНЬОР ГОНСАЛЕС», – украшенная гербом короля Альфонсо. К конторскому столбу было прибито сложносоставное распятие, и надписи «ТОМАТНЫЙ СОК ЛИББИ» и «ЖЕЛЕ КРАФТА» еще виднелись на двух его секциях, ожидая, по уверению мистера Райлли, покраски в коричневый цвет с несколькими черными мазками, чтобы изобразить текстуру дерева. В нескольких коробочках из-под мороженого на конторских шкафах уже пустили крохотные вьющиеся побеги бобы. Лиловые занавеси из рогожки, висевшие на окне возле стола мистера Райлли, создавали в конторе созерцательную атмосферу. Солнце омывало сиянием кларета трехфутовую гипсовую статую Святого Антония рядом с мусорной корзиной.

Таких работников, как мистер Райлли, еще надо поискать. Он так предан делу, так заинтересован в предприятии. Он даже планирует посетить фабрику – как только клапану станет лучше, – чтобы посмотреть,

как можно улучшить там условия. Прежние работники всегда были так равнодушны, так неаккуратны.

Дверь медленно приоткрылась, и мисс Трикси, предваряемая большим пакетом, совершила свой каждодневный заход внутрь.

– Мисс Трикси! – сказал мистер Гонсалес тоном, который для него звучал непривычно резко.

– Кого? – неистово вскричала мисс Трикси.

Она опустила взгляд и обнаружила на себе драную ночнушку и байковый халат.

– Ох, батюшки, – прохрипела она. – То-то я думаю, чего на улице так похолодало.

– Ступайте домой немедленно.

– На улице холодно, Гомес.

– Вам нельзя оставаться в таком виде в «Штанах Леви», извините.

– Я уже на пенсии? – с надеждой спросила мисс Трикси.

– Нет! – пискнул мистер Гонсалес. – Я просто хочу, чтобы вы сходили домой и переоделись. Вы ведь живете сразу за углом. Поторопитесь.

Мисс Трикси прошаркала за дверь, захлопнув ее за собой. Затем вернулась за пакетом, оставленным на полу, и хлопнула дверью снова.

Когда час спустя прибыл Игнациус, мисс Трикси еще не вернулась. Мистер Гонсалес прислушивался к тяжелой, медленной поступи мистера Райлли по лестнице. Дверь распахнулась от тычка, и появился изумительный Игнациус Ж. Райлли – вокруг шеи обмотан шарф из шотландки, огромный, как шаль, один конец его заткнут в куртку.

– Доброе утро, сэр, – величественно произнес он.

– Доброе утро, – с восторгом отозвался мистер Гонсалес. – Вы хорошо доехали?

– Всего лишь средне. Я подозреваю, что водитель оказался латентным автогонщиком. Я вынужден был непрерывно его предостерегать. В действительности мы с ним расстались с определенной долей враждебности с обеих сторон. Где наш женский член коллектива сегодня?

– Я вынужден был услатить ее домой. Она пришла на работу в ночной сорочке.

Игнациус нахмурился и произнес:

– Я не понимаю, зачем ее услали. В конечном итоге мы все здесь довольно неформальны. Мы – одна большая семья. Я лишь надеюсь, что вы не нанесли урона ее моральному состоянию. – Он наполнил в питьевом фонтанчике стакан, чтобы полить свои бобы. – Возможно, вас не удивит, если однажды утром я появлюсь в своей ночной рубашке. Я нахожу это

одеяние довольно комфортабельным.

– Я определенно не намереваюсь диктовать, что вам обоим следует носить, – встревоженно ответил мистер Гонсалес.

– Мне следует надеяться. Нашему с мисс Трикси терпению может прийти конец.

Мистер Гонсалес сделал вид, будто ищет что-то у себя в ящиках стола, чтобы только избежать ужасного взора, вперенного в него Игнациусом.

– Я завершу распятие, – наконец произнес Игнациус, извлекая из мешкообразных карманов куртки две кварты краски.

– Это чудесно.

– Распятие в настоящее время – наш самый первый приоритет. Систематизация, алфавитизация – все должно подождать, пока я не завершу этот проект. Затем, по окончании распятия, я намереваюсь посетить фабрику. Подозреваю, что эти люди просто криком исходят, желая довериться сострадательному слуху, преданному вождю. Я могу оказаться в силах им помочь.

– Разумеется. Не давайте мне собою помыкать.

– Не буду. – Игнациус устался на управляющего конторой. – Наконец-то мой клапан, кажется, позволяет мне нанести визит на фабрику. Я не должен упускать такой возможности. Если я помедлю, он может запечататься на несколько недель.

– Тогда вам следует идти на фабрику сегодня, – с энтузиазмом подхватил управляющий.

Мистер Гонсалес с надеждой посмотрел на Игнациуса, но ответа не получил. Игнациус систематизировал свою куртку, шарф и шапочку в один из шкафчиков и приступил к распятию. К одиннадцати часам он покрыл его первым слоем краски, тщательно размазывая ее маленькой акварельной кисточкой. Мисс Трикси по-прежнему пребывала в самоволке.

В полдень мистер Гонсалес поднял голову от стопки бумаг, над которыми работал, и произнес:

– Интересно, где может быть мисс Трикси?

– Вы, вероятно, сломили ее дух, – холодно отозвался Игнациус. Он мазал кисточкой неровные края картона. – Тем не менее она может появиться к обеду. Вчера я сообщил ей, что принесу бутерброд с мясным рулетом. Я обнаружил, что мисс Трикси находит мясной рулет довольно аппетитным деликатесом. Я бы и вам предложил такой бутерброд, однако боюсь, что хватит только нам с мисс Трикси.

– Не стоит беспокоиться. – Мистер Гонсалес выдавил изнуренную улыбку и стал смотреть, как Игнациус разворачивает жирный бумажный

пакет. – Я все равно собирался работать весь обеденный перерыв, чтобы закончить эти ведомости и счета.

– Так и нужно. Мы не должны позволить «Штанам Леви» отстать в борьбе за выживание сильнейшего.

Игнациус вонзил зубы в первый бутерброд, раздирая его напополам, и некоторое время удовлетворенно жевал.

– Я очень надеюсь, что мисс Трикси все же придет, – произнес он, разделавшись с первой порцией, и выпустил очередь отрыжек, звучавших так, точно расстреливали весь его пищеварительный тракт. – Боюсь, мой клапан не вынесет мясного рулета.

Как раз когда он отдирает зубами от хлеба начинку второго бутерброда, вошла мисс Трикси: зеленый целлулоидный козырек ее смотрел назад.

– Вот она, – сообщил Игнациус управляющему конторой сквозь большой лист вялого салата, свисавший из рта.

– Ох, да, – обессиленно произнес мистер Гонсалес. – Мисс Трикси.

– Я предполагал, что мясной рулет активизирует ее способности. Сюда, Мать Коммерция.

Мисс Трикси столкнулась со статуей Святого Антония.

– Я так и знала, что у меня на уме что-то было все утро, Глория, – сказала мисс Трикси, вцепившись когтями в бутерброд и уволаскивая его к своему столу. Игнациус замороженно наблюдал за сложным процессом приведения челюстей, языка и губ в действие каждым куском бутерброда.

– Вы очень долго переодевались, – сказал управляющий мисс Трикси, с сожалением отмечая, что нынешний ее ансамбль лишь ненамного презентабельнее халата и ночнушки.

– Кого? – переспросила мисс Трикси, высунув язык, на котором громоздился пережеванный мясной рулет с хлебом.

– Я сказал, что вы долго переодевались.

– Я? Я только что вышла.

– Будьте любезны, прекратите ее третировать, – рассерженно вмешался Игнациус.

– Не было совершенно никакой надобности задерживаться так долго. Она живет где-то рядом с причалами, – ответил управляющий и вернулся к своим бумагам.

– Вам понравилось? – осведомился Игнациус у мисс Трикси, когда последняя гримаса сошла с ее губ.

Мисс Трикси кивнула и прилежно взялась за второй бутерброд. Но сжевав половину, вдруг откинулась на стуле.

– Ох, я уже наелась, Глория. Очень вкусно.

– Мистер Гонсалес, не хотите ли кусочек бутерброда, который мисс Трикси уже не съесть?

– Нет, спасибо.

– Лучше, если б вы его взяли. Иначе крысы кинутся на нас штурмом *en masse* ^[26].

– Да, Гомес, возьмите, – настойчиво произнесла мисс Трикси, роняя влажную половину недоеденного бутерброда прямо на кипу бумаг на столе управляющего.

– Ну посмотрите, что вы наделали, старая идиотка! – заорал мистер Гонсалес. – Черт бы побрал миссис Леви. Это же ведомость для банка.

– Как смеете вы совершать нападки на сам дух благородной миссис Леви? – загрохотал Игнациус. – Я доложу о вас соответственно, сэр.

– Я готовил эту ведомость больше часа. Посмотрите, что она сделала.

– Я хочу пасхальной ветчины! – прорычала мисс Трикси. – Где моя индюшка на День благодарения? Я бросила чудесную должность кассирши в синематографе, чтобы прийти работать в компанию. А теперь, наверное, так и помру в этой конторе. Должна вам сказать: к работникам тут относятся подло. Я ухожу на пенсию *прямо сейчас*.

– Почему бы вам не сходить вымыть руки? – предложил ей мистер Гонсалес.

– Это хорошая мысль, Гомес, – согласилась мисс Трикси и галсами пошаркала в дамскую уборную.

Игнациус чувствовал себя обманутым. Он надеялся на сцену. Когда управляющий конторой принялся переписывать ведомость, Игнациус вновь обратился к кресту. Однако сначала надлежало поднять на ноги мисс Трикси, уже вернувшуюся из уборной: теперь она стояла на коленях непосредственно под распятием и молилась – как раз там, где Игнациус красил крест. Мисс Трикси висела у него над душой все время, отходя лишь для того, чтобы заклеить мистеру Гонсалесу конверты, несколько раз в уборную, да вздремнуть. Единственный шум в конторе издавал своей пишущей машинкой и арифмометром управляющий – Игнациус находил, что и то, и другое слегка отвлекает. К половине второго крест был почти завершен. Недоставало только букв из золотой фольги, гласивших «БОГ И КОММЕРЦИЯ», которые Игнациус собирался приклеить к нижней части распятия. Когда девиз утвердился на месте, Игнациус отошел на шаг и сообщил мисс Трикси:

– Дело сделано.

– Ох, Глория, как красиво, – искренне ответила мисс Трикси. – Вы посмотрите, Гомес.

- Какая красота, – сказал мистер Гонсалес, устало изучая распятие.
- Теперь – к систематизации, – деловито произнес Игнациус, – а потом – на фабрику. Я не могу терпеть социальной несправедливости.
- Да, вам следует сходить на фабрику, пока у вас еще функционирует клапан, – подтвердил управляющий.

Игнациус зашел за стенку конторских шкафчиков, взял в руки скопившуюся стопку еще не разложенного по папкам материала и швырнул ее в мусорную корзину. Заметив, что управляющий сидит за своим столом, прикрыв глаза ладонью, Игнациус вытащил первый ящик с папками и, перевернув, вывалил все его алфавитное содержимое туда же.

А после этого затоптал к фабричной двери, прогрохотав мимо мисс Трикси, снова молившейся на коленях перед распятием.

III

Патрульный Манкузо в попытках задержать кого-нибудь – хоть кого-нибудь для сержанта – пробовал левачить. Высадив тетушку возле дома после кегельбана, он решил самостоятельно зайти в бар и посмотреть, не перепадет ли чего-нибудь. Перепали три жуткого вида девахи, которые его же и побили. Он поправлял повязку на голове, входя в участок, куда его вызвал сержант.

– Что с тобой стряслось, Манкузо? – заорал сержант при виде повязки.

– Упал.

– Очень на тебя похоже. Если бы ты хоть что-то соображал в своей работе, то сидел бы в барах и подавал нам информацию о таких субчиках, как те три девки, которых мы привезли сюда вчера вечером.

– Есть, сэр.

– Я не знаю, какая шлюха навела тебя на эту «Ночь утех», но наши парни торчат там почти каждую ночь, и никаких утех им еще не перепало...

– Ну, я думал...

– Заткнись. Ты дал нам липовую наводку. А ты знаешь, что делают с людьми, которые дают липовую наводку?

– Нет.

– Их отправляют в сортир автобусной станции.

– Есть, сэр.

– Будешь дежурить там в кабинках по восемь часов в день, пока не приведешь кого надо.

– Ладно.

– Отставить «ладно». Отвечай «есть, сэр». А теперь убирайся и загляни по дороге в свой шкафчик. Ты сегодня фермер.

IV

Игнациус раскрыл «Дневник рабочего парнишки» на первой чистой странице «Синего Коня» и с нажимом выдвинул стержень. Кончик шариковой ручки «Штанов Леви» дал осечку при первом щелчке и скользнул обратно в пластиковый корпус. Игнациус пощелкал энергичнее, но кончик непослушно прятался. Яростно треснув ручкой по краю стола, Игнациус схватил с пола один из карандашей «Венера-Медалистка». Потыкал грифелем серу в ушах и начал сосредоточенно прислушиваться, как мать собирается на весь вечер в кегельбан. Из ванной доносились дробь шагов, что означало одно: мать пытается завершить несколько этапов своего туалета одновременно. Затем раздались звуки, к которым за много лет он уже привык, – они сопровождали всякий выход матери из дома: щетка для волос плюхнулась в унитаз, об пол ударилась пудреница, раздался неожиданный вскрик смята и хаоса.

– Ай! – послышался материнский вопль.

Игнациус расценивал приглушенный шум в уединении ванной как источник раздражения: хоть бы она закончила побыстрее. Наконец щелкнул выключатель. Она постучалась.

– Игнациус, Туся, я ухожу.

– Хорошо, – ледяным тоном отвечивал сын.

– Открой дверь, Туся, выйди чмокни меня на прощанье.

– Мамаша, я в данный момент довольно-таки занят.

– Ну не будь же ж таким, Игнациус. Открывай.

– Бегите к своим приятелям, я вас умоляю.

– Ой, Игнациус.

– Вот нужно же отвлекать меня на всех уровнях. Я работаю над одной вещью, имеющей чудесные перспективы для кинематографа. В высшей степени прибыльный проект.

Миссис Райлли пнула дверь кегельной туфлей.

– Это так вы губите ту пару абсурдной обуви, что была приобретена на мои сбережения, заработанные потом и кровью?

– А? Что такое, сокровище?

Игнациус извлек из уха карандаш и открыл дверь. Материнские волосы цвета свеклы были взбиты ввысь надо лбом; скулы багровели от румян, нервно размазанных до самых глазных яблок. Одно дикое дуновение пудры выбелило лицо миссис Райлли, фасад ее платья и

несколько отбившихся свекольных прядей.

– О, мой бог! – вымолвил Игнациус. – У вас пудра по всему платью, хотя, возможно, вы следуете одному из косметических советов миссис Баттальи.

– Ну почему ты всегда так тюкаешь Санту, Игнациус?

– Ее, кажется, жизнь и без меня тюкала предостаточно. Но скорее снизу, чем сверху. Однако, если она когда-нибудь приблизится ко мне, направление тю́ка может измениться.

– Игнациус!

– А кроме этого, она вызывает в памяти вульгаризм «тютюшки».

– Санта уже бабуса. Как не стыдно?

– Хвала всевышнему, что грубые вопли мисс Энни в тот вечер восстановили мир. Ни разу в своей жизни не видел столь бесстыдной оргии. И это – в моей собственной кухне. Если бы тот человек являлся хоть каким-то подобием стража законности, он арестовал бы эту «тетушку» на месте.

– И Анджели не тюкай. У него трудный путь, мальчик. Санта говорит, он весь день просидел в уборной на автобусной станции.

– О, мой бог! Верю ли я своим ушам? Я вас умоляю – бегите скорее вместе со своими пособниками из Мафии и оставьте меня в покое.

– Не относись так к своей бедной мамуле.

– Бедной? Я не ослышался – бедной? Когда доллары от моих трудов буквально рекой льются в этот дом? И вытекают из него еще быстрее.

– Не надо снова начинать, Игнациус. Я у тебя только двадцать долларов взяла на этой неделе, да еще и чуть не на коленках пришлось упрашивать. Посмотри только на все эти штуkenции, которые ты себе покупаешь. Посмотри на эту кинемамору, что сегодня домой приволок.

– Кинокамера вскоре найдет себе применение. А гармоника была довольно дешева.

– Я ж так же ж никогда с этим человеком расплатиться не сумею.

– Это едва ли моя проблема. Я не вожу машину.

– Да, и тебе наплевать. Тебе всегда наплевать было, Туся.

– Мне следовало предвидеть, что, всякий раз открывая дверь этой комнаты, я буквально открываю ящик Пандоры. Разве миссис Батталья не желает, чтобы вы поджидали ее и ее растленного племянника на обочине, дабы ни одно бесценное мгновение игры в кегли не было упущено? – Игнациус изрыгнул газ дюжины шоколадных пирожных, пойманный в ловушку его клапаном. – Предоставьте мне хоть капельку мира. Неужели недостаточно того, что меня на работе весь день изводят? Мнится, я

адекватно описал вам те ужасы, с которыми вынужден сталкиваться каждодневно.

– Ты же знаешь, как я тебя ценю, Туся, – всхлипнула миссис Райлли. – Иди сюда и хорошенько чмокни мамулю на прощанье, будь умницей.

Игнациус склонился и слегка ткнулся ей в щеку.

– О, мой бог, – вымолвил он, отплевываясь пудрой. – Теперь во рту у меня будет скрипеть всю ночь.

– На мне слишком много пудры?

– Нет, в самый раз. У вас разве нет артрита или что там еще у вас есть? Как вы собираетесь играть в кегли?

– Мне кажется, упряжения мне помогают. Я себе лучше чувствую.

На улице забибикало.

– Очевидно, ваш приятель избежал-таки уборной, – фыркнул Игнациус. – Околачиваться по автобусным станциям – это так на него похоже. Ему, вероятно, нравится смотреть, как прибывают и отправляются эти туристические кошмары с круговым обзором. В его мировоззрении, очевидно, автобус – это хорошо. Это показывает, насколько отстал он умственно.

– Я вернусь пораньше, Туся, – сказала миссис Райлли, закрывая миниатюрную входную дверь.

– Мною, вероятно, уже злоупотребит какой-либо негодяй, – возопил ей вслед Игнациус.

Заперев на засов дверь своей комнаты, он схватил пустой чернильный пузырек и раздвинул ставни. Высунув наружу голову, он осмотрел весь проулок и отыскал в темноте на обочине белый «рэмблер». Из всех сил он запустил пузырьком в его сторону и услышал, как тот взорвался на крыше машины со звуком, гораздо превзошедшим все его ожидания.

– Эй! – услышал он крик Санты Батталы, когда тихонько закрывал ставни. Злорадствуя, он снова раскрыл свой скоросшиватель и взял в лапу «Венеру-Медалистку».

Любезный Читатель,

Великий писатель – друг и благодетель своих читателей.

– *Маколей*^[27]

Еще один рабочий день окончен, мой любезный читатель. Как я уже сообщал тебе раньше, я преуспел в наложении, так сказать, печати на пертурбации и манию нашей конторы. Все избыточные виды деятельности постепенно сводятся на нет. В настоящий момент я занят украшением нашего пчелиного улья

для белых воротничков (троих), в котором жизнь бьет ключом. Аналогия с тремя пчелами вызывает в памяти три *n*, кои наиболее надлежащим образом описывают мои действия в качестве конторского служащего: преодоление, процветание, преображение. Существуют и три *n*, самым надлежащим образом описывающие действия нашего придурка-управляющего: побирушка, порча, промах, прилипала, паскудство, паразит, провал, падаль, парша, подонок. (В данном случае, боюсь, список несколько выходит из-под контроля.) Я пришел к заключению, что наш управляющий конторой служит единственной цели, а именно – цели путаницы и помехи. Если бы не он, другая моя сослуживица (*La Dama del Commercio*) и я вполне пребывали бы в мире и довольстве, выполняя свои обязанности в атмосфере взаимной предупредительности. Я уверен, что его диктаторские методы отчасти служат причиной желания мисс Т. уйти на пенсию.

Наконец я могу описать тебе саму фабрику. Сегодня днем, ощущая удовлетворение от завершения работы над распятием (Да! Оно завершено и сообщает конторе столь необходимое духовное измерение.), я решил нанести визит в лязг, жужжание и свист фабрики.

Сцена, открывшаяся моего взору, была одновременно притягательной и отталкивающей. Изначальное потогонное предприятие в «Штанах Леви» сохранилось для потомства нетронутым. Если бы Смитсоновский институт, это балаганное скопище национальных отходов, мог как-нибудь запечатать фабрику «Штанов Леви» в вакуумную упаковку и перенести в столицу Соединенных Штатов Америки со всеми до единого рабочими, замершими в позах своего труда, посетители этого сомнительного музея испражнялись бы прямо в свои безвкусные туристские наряды. Это сцена, сочетающая в себе худшее из «Хижины дяди Тома» и «Метрополиса» Фрица Ланга; это механизированное негритянское рабство; она представляет собой тот прогресс, которого добились негры – от сбора хлопка до пошива из него. (Оставаясь в своей эволюции на стадии сбора хлопка, они бы, по крайней мере, пребывали в целебной среде, распевая песни и поедая арбузы [как они, насколько я полагаю, и должны поступать, находясь группами *al fresco*^[28]].) Мои интенсивные и глубоко прочувствованные убеждения,

касающиеся социальной несправедливости, моментально возбудились. Клапан мой отозвался энергичным толчком.

(В связи с арбузами должен признаться, дабы никакая профессиональная организация по защите гражданских прав не сочла себя оскорбленной, что никогда не являлся наблюдателем американских народных обычаев. Я могу ошибаться. Можно себе вообразить, что в наши дни, протягивая одну руку за хлопком, другой рукой этот самый народ прижимает к уху транзисторный радиоприемник, изрыгающий прямо на его барабанные перепонки бюллетени о подержанных автомобилях, Размягчителе Волос «Мяхстиль», Приправе для Прически «Королевская Корона» и вине «Галло», а на нижней губе у него болтается ментоловая сигарета с фильтром, грозя спалить все хлопковое поле дотла. Сам проживая на берегах реки Миссисипи [Река эта прославлена в отвратительных песнях и стихах; преобладающим мотивом в них служат попытки представить реку эрзацем фигуры отца. В действительности река Миссисипи – подлая и зловещая водная артерия, чьи водовороты и течения ежегодно уносят множество жизней. Я не встречал ни единого человека, даже отдаленно пытавшегося обмакнуть большой палец ноги в ее зараженные бурые воды, кишачие нечистотами, промышленными стоками и смертельными инсектицидами. Даже рыба в нейдохнет. Следовательно, Миссисипи как Отец-Господь-Моисей-Папаша-Фаллос-Старикан – мотив насквозь фальшивый, начатый, как я воображаю, жутким шарлатаном Марком Твеном. Такая неспособность вступить в контакт с реальностью тем не менее характерна для почти всего американского «искусства». Любая связь между американским искусством и американской природой чисто случайна, однако это лишь потому, что вся нация в целом с реальностью контакта не имеет. Сие – лишь одна из причин, почему я всегда вынужден существовать на обочине ее общества, ограниченный Чистилищем, остающимся на долю тех, кто неспособен опознать реальность в лицо.], я ни разу не видел, как произрастает хлопок, и не имею ни малейшего желания увидеть. Единственная экскурсия за пределы Нового Орлеана водоворотом низвергла меня в пучину отчаяния: Батон-Руж. В одной из будущих частей настоящего повествования, в ретроспекции, я, быть может, опишу это паломничество сквозь топи, это странствие в пустыню, из которого я вернулся

сломленным физически, умственно и духовно. С другой стороны, Новый Орлеан – комфортабельный метрополис, обладающий определенной апатией и застоєм, которые я не нахожу противными моему естеству. По меньшей мере, климат его мягок; к тому же именно здесь, в Городе Полумесяца, я пребываю уверенным в наличии крыши над головой и «Д-ра Орешка» в желудке, несмотря на то что определенные регионы Северной Африки [Танжер и т. д.] время от времени щекотали мой интерес в прошлом. Путешествие кораблем тем не менее, вероятно, расстроит всю мою нервную систему, и я не настолько извращен, чтобы предпринимать путешествие воздухом, даже имея я возможность его себе позволить. Автобусная линия «Грейхаунд» угрожающе в достаточной степени для того, чтобы я вынужден был смириться со своим статус-кво. Если бы только упразднили эти туристские автобусы с круговым обозрением; мне представляется, что одна их высота нарушает какие-то уложения национальных шоссейных дорог в той их части, которая касается зазора при езде по тоннелям и тому подобному. Быть может, кто-то из вас, дорогие читатели, с присущей вам юридической хваткой способен выудить из памяти соответствующий параграф. Их действительно следует уничтожить навсегда. Одной мысли, что они снуют где-то этой темной ночью, довольно, чтобы меня охватили тревога и дурные предчувствия.)

Фабрика – большая, амбарообразная структура, размещающая в себе рулоны материи, раскроечные столы, массивные швейные машины и печи, предоставляющие пар для глажки. Тотальный эффект достаточно сюрреален, особенно когда видишь передвигающихся повсюду *Les Africaines*, выполняющих свои задания в подобном механизированном интерьере. Присущая этому ирония захватила мое воображение, должен признать. В памяти всплыло что-то из Джозефа Конрада, хотя в тот момент я, кажется, был не в состоянии припомнить, что именно. Вероятно, я уподобился Курцу из «Сердца тьмы», когда вдали от контор торговой компании в Европе он лицом к лицу сталкивается с предельным ужасом. Я в самом деле припоминаю, что воображал себя в пробковом шлеме и белых джодпурах, и лицо мое оставалось загадочным под вуалью противомоскитной сетки.

Печи поддерживают в помещении достаточно тепла и

духоты в эти промозглые дни, однако летом, подозреваю я, рабочим суждено вновь наслаждаться климатом своих предков – тропической жарой, несколько усугубляемой этими громадными углепожирающими пароизрыгающими приспособлениями. Я понимаю, что в данное время фабрика работает далеко не на полную мощность, и не мог не заметить, что только один из этих приборов находился в действии, сжигая в себе уголь и нечто похожее на раскроечный стол. Кроме того, я стал свидетелем тому, как за все проведенное мною там время была закончена одна пара брюк, несмотря на тот факт, что рабочие беспрерывно слонялись вокруг, сжимая в руках всевозможные лоскуты материи. Одна женщина, как я заметил, гладила какую-то детскую одежду, а другая поразительно быстро умудрялась на одной из больших швейных машин соединять друг с другом сегменты атласа цвета фуксии. Похоже было, что она выделяет довольно красочное, но вместе с тем распутное вечернее платье. Должен признать – я восхитился мастерству, с которым она продергивала материал взад и вперед под массивной электрической иглой. Женщина эта, очевидно, была умелой работницей, и мне представилось вдвойне несчастным, что она не предоставляет своих талантов для создания пары штанов... «Штаны Леви». На фабрике, очевидно, серьезна проблема морального состояния.

Я пустился на поиски мистера Палермо, фабричного десятника, который, между прочим, по своему обыкновению не отходит от бутылки дальше чем на несколько шагов, как об этом свидетельствуют многочисленные ушибы, претерпеваемые им от падений между раскроечных столов и швейных машин, но безуспешно. Вероятно, он заглатывал свой жидкий обед в одной из множества таверн в непосредственной близости от нашей организации; бар имеется на каждом углу района, где располагаются «Штаны Леви», – показатель того, что уровень заработной платы в этом районе весьма низок. В особенно безнадежных кварталах – по три-четыре бара на каждом перекрестке.

В своей невинности я заподозрил, что непристойный джаз, исторгавшийся громкоговорителями со стен фабрики, и лежит в корне той апатии среди рабочих, свидетелем коей я стал. Дух выдерживает бомбардировку этими ритмами лишь до

определенного предела, за которым начинает осыпаться и атрофироваться. Следовательно, я отыскал и повернул выключатель, контролировавший музыку. Это действие с моей стороны привело к довольно-таки громкому и вызывающе хамскому реву протеста со стороны коллектива работников, которые принялись хмуро меня рассматривать. Поэтому я включил музыку снова, широко улыбаясь и дружелюбно помахивая рукой в попытках признать свое решение недалёковидным и завоевать расположение рабочих. (Их огромные белые глаза уже окрестили меня «Мистером Чарли». Мне придется побороться за то, чтобы показать свою поистине психотическую преданность делу оказания им помощи.)

Очевидно, непрерывная реакция на музыку выработала в них почти павловский рефлекс на шум – рефлекс, полагаемый ими удовольствием. Проводя бесчисленные часы своей жизни в наблюдениях за этими испорченными детьми по телевидению, где те танцуют под такого рода музыку, я представлял себе, какой физический спазм она должна вызывать, и предпринял собственную консервативную версию того же самого прямо на месте, в целях дальнейшего умиротворения рабочих. Должен признать, что тело мое двигалось с удивительным проворством; я не лишен внутреннего чувства ритма; предки мои, должно быть, выдающимся образом отплясывали джиги на вересковых пустошах. Не обращая внимания на взгляды рабочих, я зашаркал ногами под одним из громкоговорителей, изгибаясь и вскрикивая, безумно бормоча себе под нос: «Давай! Давай! Ну, крошка, ну! Я тебе говорю. Во!» Я понял, что снова отвоевываю у них территорию, когда некоторые стали показывать на меня пальцами и смеяться. Я смеялся им в ответ, чтобы продемонстрировать, что и я тоже разделяю их хорошее настроение. *De Casibus Virorum Illustrium!* О Падении Мужей Великих!^[29] Мое падение состоялось. В буквальном смысле. Моя видная система, обессиленная круговращательными движениями (особенно в районе коленей), в конечном итоге восстала, и я рухнул на пол в бессмысленной попытке изобразить одно из тех вопиюще извращенных танцевальных па, каким столько раз был свидетелем по телевидению. Рабочих, казалось, это довольно-таки озаботило, и они помогли мне подняться крайне вежливо, улыбаясь мне наидружелюбнейшим манером. Я понял, что

больше не следует опасаться за свой *faux pas*^[30] – отключение их музыки.

Несмотря на все, чему негры подвергались, они тем не менее – довольно приятный народец по большей части. Вообще-то я мало имел с ними дела, поскольку вращаюсь либо в кругу равных мне, либо вообще нигде, а поскольку равных мне вокруг не наблюдается, я не вращаюсь нигде. Побеседовав с несколькими работниками, причем все они, казалось, были не прочь поговорить со мной, я обнаружил, что получают они еще меньшее жалование, чем мисс Трикси.

В каком-то смысле я всегда ощущал нечто вроде сродства с цветной расой, поскольку положение ее сродни моему: и она, и я существуем за пределами внутреннего царства американского общества. Мое изгнание, разумеется, добровольно. Тем не менее очевидно, что многие негры желают стать активными членами американского среднего класса. Не могу даже вообразить почему. Должен признаться, что стремление это с их стороны подводит меня к сомнению в их оценочных суждениях. Однако, если они желают влиться в буржуазию, меня это совершенно не касается. Они сами могут подписывать себе приговор. Лично я агитировал бы довольно непреклонно, заподозри кого-либо в попытках подсадить меня повыше, в средний класс. То есть я агитировал бы против озадаченного этим человека, предпринявшего такую попытку помочь мне. Агитация эта приняла бы форму множества маршей протеста вместе с полагающимися в таких случаях традиционными знаменами и плакатами, гласящими вот что: «Долой Средний Класс», «Средний Класс Должен Исчезнуть». Не стану возражать я и против того, чтобы швырнуть один-другой «коктейль Молотова». Помимо этого, я бы старательно избегал садиться рядом со средним классом в закусовых и общественном транспорте, поддерживая внутренне присущую мне честность и благородство моего бытия. Если же белый представитель среднего класса достаточно суициден, чтобы присесть рядом со мной, воображаю, что я бы крепко избил его по голове и плечам одной своей громадной рукой, другой же одновременно и довольно-таки искусно швыряя «молотов» в проезжающий мимо автобус, под завязку набитый другими белыми представителями американского среднего класса. Вне зависимости от того, месяц или год будет тянуться осада меня, я

уверен, что в конечном итоге все оставят мою персону в покое – после того как будет произведена оценка учиненных мною тотальных опустошения и разора.

Я поистине восхищаюсь тем трепетом ужаса, каковой способны вселять негры в сердца отдельных членов белого пролетариата, и желаю только (это довольно личное признание) сам обладать способностью внушать такой же. Негр внушает ужас лишь тем, что остается самим собой; однако я для достижения той же цели вынужден прибегать к угрозам. Возможно, мне следовало родиться негром. Подозреваю, что я был бы довольно крупным и устрашающим экземпляром, непрестанно прижимался бы полным бедром к увядшим лядвиям белых фемин в средствах общественного транспорта, исторгая из дам не один панический взвизг. Более того, будь я негром, моя мать не настаивала бы, чтоб я искал себе хорошую работу, поскольку для меня бы не существовало хорошей работы. Да и мать моя, изнуренная старая негритянка, была бы слишком сломлена годами низкооплачиваемой каторги домашнего услужения, чтобы ходить по вечерам играть в кегли. Мы с нею могли бы с приятностью проживать в какой-нибудь заплесневелой трущобной лачуге в состоянии нечестолюбивого покоя, в довольстве осознавая, что мы нежеланны, что любые устремленья тщетны.

Вместе с тем я не хочу и созерцать ужасное зрелище: негры возвышаются до среднего класса. Я расцениваю это движение величайшим оскорблением их цельности как народа. Однако я уже начинаю говорить, как Бирды^[31] и Паррингтоны^[32], и скоро совершенно забуду «Штаны Леви», мою коммерческую музу в данных трудах. На будущее проект мог бы стать социальной историей Соединенных Штатов с моей точки зрения; если «Дневник рабочего парнишки» на книжных прилавках постигнет успех, я, быть может, своим пером отражу подобие нашей нации целиком. Нация наша требует пристального рассмотрения совершенно незаинтересованным наблюдателем, подобным вашему Рабочему Парнишке, и у меня в архивах уже имеется достаточно солидная коллекция заметок и пометок, оценивающих всю современную сцену и сообщающих ей перспективу.

Поспешим же на крыльях прозы обратно к фабрике и ее народу, побудившему меня к столь обширному отступлению. Как

я уже сообщил вам, меня только что подняли с пола, причем представление мое с последовавшим за ним кунштюком послужили источником неимоверного ощущения товарищества. Я поблагодарил их сердечно, а они тем временем весьма заботливо вопрошали о моем состоянии с акцентами, свойственными английскому языку семнадцатого века. Я при падении не пострадал, а поскольку гордыня – Смертный Грех, которого я, в общем и целом, тщательно избегаю, то мне абсолютно никакого урона не было нанесено.

Затем я расспросил их о фабрике, ибо это и явилось причиной моего визита. Казалось, работники довольно-таки жаждут поговорить со мной и даже весьма заинтересованы мною как личностью. Очевидно, томительные часы, проводимые между раскроечных столов, делают каждого посетителя здесь вдвойне желанным. Мы живо болтали, хотя рабочие в целом о работе говорили уклончиво. На самом деле, казалось, больше всего прочего их интересует я; меня не беспокоили знаки их внимания, и я парировал все их вопросы блаженно, пока последние, в конце концов, не стали слишком личными. Некоторые рабочие, время от времени забредавшие в контору, задавали целенаправленные вопросы о распятии и сопутствующих ему украшениях; одна настойчивая дама попросила разрешения (каковое, разумеется, было предоставлено) время от времени собирать вокруг распятия некоторых своих братьев и петь спиричуэлы. (Я питаю отвращение к спиричуэлам и всем этим убийственным кальвинистским гимнам девятнадцатого века, однако с готовностью согласился страдать, жертвуя своими барабанными перепонками, если припев-другой этих рабочих осчастливит.) Когда же я начал расспрашивать их о заработной плате, то обнаружил, что конверт со средней еженедельной суммой содержит менее тридцати (\$30) долларов. Мое взвешенное мнение сводится к следующему: в смысле заработной платы личность заслуживает гораздо большего лишь потому, что на пять дней в неделю остается в таком месте, как фабрика вообще, в особенности если фабрика эта – «Штаны Леви», где протекающая крыша грозит обрушиться в любой момент. И кто знает? У этих людей, возможно, есть занятия и получше, чем слоняться без толку по «Штанам Леви», – например, сочинять композиции джаза, или создавать новые танцы, или делать то, что бы они там

ни делали с такой легкостью. Неудивительно, что на фабрике царит апатия. Но все равно невероятно, чтобы это несоответствие между хандрой производственной линии и лихорадочной суетой конторы могло гнездиться в одной груди («Штанов Леви»). Будь я одним из фабричных рабочих (а я, возможно, составил бы довольно крупный и устрашающий экземпляр, как я говорил ранее), я бы уже давно взял приступом контору и потребовал приличной зарплаты.

Здесь я должен сделать одно замечание. Бесцельно посещая старшие классы средней школы, однажды в кофейне я познакомился с некоей мисс Мирной Минкофф, тоже старшеклассницей, громогласной неприятной девой из Бронкса. Этого знатока вселенной, ограниченной Гран-Конкуёрсом, привлекло к столику, за которым я вершил свой суд, одной лишь неповторимостью и магнетизмом моего бытия. Как только великолепие и оригинальность моего мировоззрения стали очевидны через посредство беседы, распутница Минкофф принялась атаковать меня на всех уровнях, в определенный момент даже пнув меня под столом довольно энергично. Я и очаровывал, и смущал ее одновременно; иными словами, я был для нее чересчур. Провинциальная узость и ограниченность интересов гетто города Готэма^[33] не подготовили ее к уникальности Вашего Рабочего Паренька. Мирна, видите ли, искренне полагала, что все человеческие существа, проживающие к югу и западу от реки Гудзон, – неграмотные ковбои или же (что еще хуже) Белые Протестанты, тот класс человеческих существ, который как группа специализируется в невежестве, жестокости и пытках. (Я в особенности не горю желанием защищать Белых Протестантов; я и сам к ним не очень расположен.)

Вскоре брутальная манера поведения Мирны в обществе отпугнула всех моих присных от столика, и нас оставили наедине – с остывшим кофе и пылкими словами. Когда я оказался неспособен согласиться с ее ослиным ревом и детским лепетом, она сообщила мне, что я, по всей видимости, – антисемит. Ее логика представляла собой смесь полуправд и клише, ее мировоззрение – кашу ложных представлений, извлеченных из учебника национальной истории, написанного с точки зрения тоннеля метрополитена. Она зарылась в свой огромный черный саквояж и обрушила на меня (почти буквально) засаленные

экземпляры «Мужчин и Масс», «Ну же!», «Прорванных Баррикад», «Всплеска», «Отвращения» и прочих манифестов и памфлетов, имеющих отношение к организациям, самым рьяным активистом коих она являлась: «Студенты за Свободу», «Молодежь за Секс», «Черные Мусульмане», «Друзья Латвии», «Дети за Смешанные Браки», «Советы Белых Граждан». Мирна, как видите, была ужасно *ангажирована* своим обществом; я же, с другой стороны, будучи старше и мудрее, им *деангажирован*.

Ей удалось выманить довольно много денег у своего отца, чтобы уехать и поступить в колледж с целью посмотреть, каково «там, снаружи». Увы, «там» она обнаружила меня. Травма нашей первой встречи вскормила наш взаимный мазохизм и привела к некоему (платоническому) роману. (Мирна решительно мазохистка. Счастлива она лишь когда полицейская овчарка вонзает клыки в ее черные лосины, или когда ее тащат ногами вперед по ступенькам с какого-нибудь слушания в Сенате.) Должен признать, я всегда подозревал, что Мирна заинтересована во мне сенсуально; мое прижимистое отношение к сексу интригует ее; в каком-то смысле я стал для нее еще одним проектом. Мне, вместе с тем, удалось отразить все ее попытки штурма замка моего тела и разума. Поскольку и Мирна, и я повергали в смятение прочих студентов, пребывая порознь, став парой, мы сбивали их с толку вдвойне – всех этих улыбчивых южан с куриными мозгами, из кого, за редкими исключениями, и состоит наше студенчество. Общежитские слухи, насколько я понимаю, связывали нас с нею в совершенно невыразимо порочных интригах.

Панацея Мирны от всего – от рухнувших арок до депрессии – секс. Она с губительным эффектом пропагандировала эту философию паре южных красоток, которых взяла под свое крылышко, дабы отремонтировать их отсталый разум. Прислушавшись к советам Мирны, с охотной помощью различных молодых людей одна из симпатичных простушек пережила нервный срыв, другая безуспешно пыталась перерезать себе вены разбитой бутылкой из-под кока-колы. Объяснение Мирны свелось к тому, что обе девушки оказались перво-наперво слишком реакционны, а после этого она с новым рвением продолжила свои проповеди секса в каждом классе и каждой пиццерии, едва не подвергшись изнасилованию уборщиком

корпуса общественных наук. Я тем временем пытался наставить ее на путь истинный.

После нескольких семестров Мирна исчезла из колледжа, объявив в своей обычной оскорбительной манере, что «в этом месте меня не могут научить ничему, чего бы я не знала». Черные лосины, спутанная грива волос, монструозный саквояж – все пропало; утыканный пальмами студенческий городок вернулся к своей традиционной летаргии и обжиманиям. С тех пор я еще несколько раз видел эту эмансипированную прошмандовку, поскольку время от времени она предпринимает «инспекционное турне» по всему югу, в конечном итоге останавливаясь в Новом Орлеане, чтобы завлекать меня страстными речами и пытаться соблазнить мрачными тюремно-каторжными песнями, которые тренькает на своей гитаре. Мирна очень искренна; к сожалению, она также противна.

Когда я увидел ее в последнем «инспекционном турне», она была довольно-таки замызганна. Она проехала по всем деревням Юга, обучая негров народным песням, которые сама выучила в Библиотеке Конгресса. Негры же, видимо, предпочитали более современную музыку и с вызовом включали транзисторы на полную громкость, стоило Мирне затянуть одну из своих мрачных панихид. Хоть негры и пытались ее игнорировать, белые проявляли к ней величайший интерес. Банды белых нищелюбцев и наемных рабочих изгоняли ее из деревень, резали ей шины, секли по рукам. Ее травили ищейками, оглушали электрострекалом для скота, ее жевали полицейские собаки, обстреливали дробью из ружья. Она обожала эту жизнь до мельчайшей секунды, довольно-таки гордо (и, я мог бы добавить, довольно-таки двусмысленно) демонстрируя мне шрам от клыка в верхней части ее бедра. Мой ошеломленный и неверящий взор отметил, что по такому случаю на ней были темные чулки, а вовсе не черные лосины. Крови моей тем не менее сыграть не удалось.

Мы обмениваемся корреспонденцией довольно регулярно, причем обычно Мирна склонна сочинять эпистолы с увещеваниями участвовать в лежащих акциях протеста, сидячих акциях протеста, забастовках с омовением и тому подобном. Поскольку, однако, я не принимаю пищу в общественных столовых и не плаваю в воде, советами ее я пренебрегаю.

Сопутствующей темой ее корреспонденции является понуждение меня приехать в Манхэттен, дабы мы с нею взметнули ввысь знамя двойного смятения в этой столице механизированных кошмаров. Если мне когда-либо станет лучше, я могу предпринять такое путешествие. В данный же момент эта маленькая мускусная распутница Минкофф, должно быть, пребывает в тоннеле глубоко под улицами Бронкса – уносится на поезде метрополитена с митинга социального протеста на оргию народного пения или что похуже. Настанет день, и власти нашего общества, вне всякого сомнения, задержат ее просто за то, что она – это она. Заточение наконец сделает жизнь Мирны значимой и покончит с ее фрустрацией.

Последнее сообщение от нее было еще более дерзостным и оскорбительным, чем обычно. С нею дожно иметь дело на ее собственном уровне, а посему я думал о ней, изучая некондиционные условия труда на фабрике. Слишком долго ограничивал я себя в милтонической изоляции и медитации. Мне явно пришло время предпринять дерзкий шаг в наше общество – не в скучной пассивной манере, свойственной школе общественных действий Мирны Минкофф, но с немалым стилем и вкусом.

Вы станете свидетелями некоему отважному, мужественному и агрессивному решению со стороны автора, решению, являющему воинственность, глубину и силу, довольно-таки неожиданные для столь кроткой натуры. Завтра я в подробностях обрисую вам свой ответ мирнам минкоффам этого мира. Результат может, между прочим, свергнуть (и даже слишком буквально) мистера Гонсалеса как некое олицетворение власти в «Штанах Леви». С этим извергом должно быть покончено. Одна из наиболее влиятельных организаций по защите гражданских прав, вне всякого сомнения, увенчает меня лаврами.

Почти невыносимая боль прошивает мне пальцы в результате сих чрезмерных писаний. Я вынужден отложить карандаш, мой движитель истины, и омыть свои искалеченные руки в ванночке теплой воды. Моя интенсивная преданность делу справедливости привела к этой продолжительной диатрибе, и я чувствую, как мой круг-в-круге Леви взмывает ввысь к новым успехам и вершинам.

О личном здоровье: руки изувечены, клапан временно

открыт (наполовину).

Об общественном здравии: сегодня – ничего; мать снова скрылась, уподобившись куртизанке; один из ее пособников, как, вероятно, вам будет небезынтересно узнать, обнаружил свою безнадежность: его фетиш – автобусы «грейхаунд».

Я собираюсь вознести молитву Святому Мартину де Порресу^[34] – покровителю мулатов – за наше дело на фабрике. Поскольку святого также призывают против крыс, он, вероятно, и в конторе нам поможет.

До следующей встречи,

Гэри, Ваш Воинственный Рабочий Парнишка

Доктор Тальк закурил «Бенсон-и-Хеджес», выглядывая в окно своего кабинета в корпусе общественных наук. На противоположной стороне темного студгородка он видел свет в окнах вечерних классов. Полдня он обшаривал ящики стола в поисках своих заметок об одном легендарном британском монархе – заметок, торопливо списанных со стостраничного обзора британской истории, который он однажды прочел в карманном издании. Лекцию предстояло читать завтра, а уже почти половина девятого. Как лектор д-р Тальк был знаменит поверхностным и саркастическим остроумием, а также легко перевариваемыми обобщениями – они делали его популярным среди студенток и помогали скрыть недостаток знаний почти обо всем на свете и, в частности, о британской истории.

Но даже сам он осознавал теперь, что репутация софиста и говоруна не спасет его перед лицом неспособности вспомнить хоть что-то о Лире и Артуре за исключением разве того, что у первого имелись какие-то дети. Тальк ткнул сигаретой в пепельницу и снова начал с нижнего ящика. У задней его стенки он наткнулся на пачку старых бумаг, которые во время первого поиска просмотрел недостаточно внимательно. Взгромоздив ее на колени, он начал отслюнивать один листок за другим и обнаружил, что они, как ему и представлялось, главным образом, были невозвращенными студентам сочинениями, скопившимися у него более чем за пять лет. Тальк перевернул одно, и взгляд его упал на грубый пожелтевший лист из блокнота «Великий Вождь»; красным карандашом на нем были выведены печатные буквы:

Ваше тотальное невежество касаето того, на преподавание чего Вы претендуете, заслуживает смертной казни. Я сомневаюсь, ведомо ли Вам, что Святой Кассиан из Имолы^[35] был заколот насмерть стилами собственных студентов. Эта смерть, благородная смерть мученика, сделала его святым покровителем учителей.

Молитесь ему, заблуждающийся глупец – Вы, вопиющий «кто в теннис?», Вы, играющий в гольф, глотающий коктейли псевдо-педант, – поскольку Вам в самом деле нужен небесный покровитель. Пусть дни Ваши сочтены, мучеником Вы не умрете – ибо не содействуете Вы цели святой, – но сдохнете абсолютным

ослом, коим в действительности и являетесь.

Зорро

На последней линейке был изображен меч.

– Ох, интересно, что же с ним стало, – вслух произнес Тальк.

Шесть

«Гуляй-Инн Мэтти» располагался на углу в городском районе Кэрроллтон, где, пробежав шесть или семь миль параллельно друг другу, встречаются проспект Святого Карла и река Миссисипи, и проспект заканчивается. Здесь и образуется этот угол: проспект с его трамвайными рельсами по одну сторону, река с дамбой и железнодорожными путями – по другую. Внутри угла лежит отдельный маленький квартал. В воздухе постоянно висит тяжелая надоедливая вонь спиртоводочного завода на реке – запах этот особенно удушает жаркими летними днями, когда ветерок несет его с реки. Квартал вырос наобум около века назад и сегодня едва ли выглядит по-городскому. По мере того как центральные улицы пересекают проспект Святого Карла и забуриваются вглубь, они постепенно сбрасывают асфальт и покрываются гравием. Здесь – просто древнее селение, сохранившее даже несколько амбаров, отчужденный деревенский микрокосм посреди большого города.

«Гуляй-Инн Мэтти» походил на остальные дома в округе: приземистый, некрашенный, несовершенно вертикальный. «Мэтти» слегка гулял направо, кренясь к железнодорожным путям и реке. Фасад его был почти неприступен за броней жестяных вывесок с рекламой широкого разнообразия пива, сигарет и шипучек. Даже сетка на двери пропагандировала фирменный хлеб. «Мэтти» был помесью бара и бакалейной лавки, причем бакалейный аспект ограничивался преимущественно скудной гастрономией, напитками, хлебом и консервами. Рядом со стойкой располагался ле́дник, где охлаждалось несколько фунтов маринованного мяса и колбас. К тому же никакого Мэтти не существовало и в помине: единоличной властью над ограниченным ассортиментом обладал мистер Уотсон – тихий, дубленный, цвета *café au lait*^[36] владелец.

– А все оттуда, что профисанального навыка нету, – говорил Джоунз мистеру Уотсону. Джоунз угнездился на верхушке деревянного табурета, согнув под собой ноги наподобие щипцов для льда, готовый подхватить табурет и нагло утащить его прямо перед древним взором мистера Уотсона. – Ежли б я себе обмозгование заимел, то веником бы не шваркал ни по какому полу у старой бляхи.

– Будь хорошим, – смутно отвечал мистер Уотсон. – Хорошо себя поступай с дамой.

– Чё? Ууу-иии. Да ты ващце ничо не рубишь, чувак. Я себе работу

надыбал с *птицем*. Тебе как понравится себе работу надыбать с птицем? – Джоунз направил часть дыма на стойку. – Я в смысле, что рад – девка-таки шанец себе оторвала. Она на эту мамку Ли уже сто лет как пашет. И оторваться ей надо. Но на что спорнем, попрыгай больше бабок нашкуляет, чем я. В-воо!

– Будь паинькой, Джоунз.

– В-во! Эй, да тебе точно мозгу помыли, – ответил Джоунз. – Тебе-то никто, я погляжу, полы не приходит возюкать. Чё так? Скажи-ка ты мне.

– И ни в какие передряги не лась.

– Эй! Ты гавришь прям как эта мамка Ли. Вам бы друг друга познакомиться. Она тебе как родная полюбит. Скажет: «Эй, дураша, ты как раз такой негритос, как в старыдобрые время, я такого всю жись искала». Скажет тебе: «Эй, ты такой милаша, как нащот пол мне воском нашваркать и стенку покрасить? Ты такой дорогусик, как нащот мне тувалет отчистить и башмаки надраить?» А ты будешь: «Да, мэм, есть, мэм. Я себя хорошо поступаю». Вот и будешь очко рвать, тока с люстры что не падать, с которой пыль стирал, и ещо какая бляха, подружка ейная придет, да они как начнут цены сравнивать, а Ли возьми да и швырни никель тебе под ноги, и гаврит: «Эй, мальчонка, чё-то паршиво ты сёдни выступил. Давай-ка нам никель обратно, пока я тут падлицаев не вызвала». Ууу-ии.

– Так та дама же ж, кажись, сказала, что подлицию вызовет, ежели ты ей сала за шкуру зальешь.

– Тута она меня и цапнула. Й-их! Я думаю, у этой Ли у самой шуры-муры в падлиции. Она мне гажноденно гаврит, какой у ей дружбан в ухрястке. Гаврит, у ей завидение шыкарное, ни один падлицай ноги в дверь не сунет. – Джоунз сгустил над крохотной стойкой грозовую тучку. – Она какие-то *макли* вьет с этими сиротками, точно гаврю. Тока кто-то типа Ли скажет: «Благовпарительность», – так сразу знаешь, дело карасином пахнет. А я точно знаю: чё-то не так, потому как ни с того ни с сего Дуректор Сироток и носа не кажет – все потому, что я много чё вынюхивать стал. Ёбть! Очень хотца нахнокать, чё там как на самом деле. Я уже шибко устал в канкане сидеть за двадцать дохларов в неделю, впахивать с попрыгаем на пару, он здоровенный, что твой орел. Я чё-то куда-то хочу, чувак. В-во! Я себе кондицанер хочу для воздуху, как-никак цветной чиливизар, чтоб сидеть пить чёнтъ получше пива.

– Еще пива хочешь?

Джоунз взглянул на старика сквозь свои черные очки и ответил:

– И ты собираисси мне еще пива запарить – бедному цветному парняге, который очко рвет за двадцать дохларов в неделю? Я так думаю,

тебе пора мне за так наливать, ты стока бабок огреб за это мариновое мясо с шипучкой, которое бедным черным публикам толкаешь. Ты на эти бабки, что тута огреб, уже пацана своо в колежа услал.

– Он уже у меня учитель в школе, – с гордостью ответил мистер Уотсон, открывая бутылку.

– Ай, красота какая. В-во-о! Я за всю свою жись в школе тока два года просидел. Мамуля моя чужим людя́м бельи стирала, так чё уж там о школе. А я все шины по улице катал. Катаю себе, мамуля стирает, никто ничё не учится. Ёбть! Кто на шиноката смотреть придет, чтоб ему работы дать? И чё в конце? Я себе по найму устроил, с попрыгаем впахиваю, и командирша у меня, наверно, шпанские мухи сироткам торгует. Ууу-иии.

– Ну, если условия в самом деле плохие...

– «В самом деле плохие»? Й-их! Да я в суверменном рабстве впахиваю. Ежли брошу, так на меня фугас накатят, что бомж. А ежли застряну, так я себе по найму устроил, и жа́ленье получаю, хоть там минималой заплатой и не пахнет.

– Я тебе скажу, чего тут можно сделать, – доверительно произнес мистер Уотсон, перегибаясь через стойку и вручая Джоунзу пиво. Еще один человек, сидевший у бара, подался в их сторону: он уже несколько минут молча следил за ходом их беседы. – Ты там себе саботаж чутка попробуй. Тока так этот капкан и переборешь.

– Ты это как это – «сабаташ»?

– Ну, ты ж понимаешь, мужик, – прошептал мистер Уотсон. – Вроде как кухарке не плотют, чтоб хватало, так случайно суп переперчит. Вроде как парнишке на стоянке мозги засуричат, так он юзом по маслу чутка, да и машину об забор треснет.

– В-во! – произнес Джоунз. – Типа как мальчонок в супамаркете работает, так у него вдруг пальцы скользнут – и десяток йиц на полу, а все потому что ему свехурогих не плотют. Й-их!

– Вот теперь-то понял.

– А мы настоящий *большой* саботаж планируем, – нарушил молчание второй клиент. – У нас там, где я работаю, большая демосрация будет.

– Во как? – переспросил Джоунз. – Где?

– В «Штанах Леви». У нас такой здоровенный старый белый приходит на фабрику и говорит, что сбросить бы томную бонбу на самую верхушку компании.

– Похоже, народ, у вас там больше, чем просто сабаташ, – изрек Джоунз. – Похоже, у вас там *цельная война*.

– Будь паинькой, уважай старших, – посоветовал мистер Уотсон

незнакомцу.

Человек захихикал так, что из глаз у него потекли слезы, и сказал:

– Этот челаэк грит, что молится за всех мулаток и крыс во всем мире.

– За крыс? В-во! Да у вас, народ, на руках настоящий дурак, сто перценов.

– Зато он шебутной, – примирительно возразил человек. – И богобоязный. Построил себе в конторе большой крест.

– В-во!

– Грит: «Вы, толпа, будете щасливыми все в средний век. Вы, грит, толпа, пушку себе оттопырите, и стрелы, и ядреную бонбу на самую маковку сюда бросите». – И человек снова рассмеялся. – Нам все равно на этой фабрике больше делать неча. Его завсегда послушать интересно, как начнет усищами хлопать. Он нас на большую демосрацию поведет, грит, рядом с которой другие демосрации – как дамский пикник.

– Ага, и похоже, он вас, публики, прямо в каталашку приведет, – сказал Джоунз, укутывая стойку дымом погуще. – Послушать, так ваще чокнутая белая мамка.

– Ну да, он навроде чудной такой, – признал человек. – Только он в самой конторе работает, и управляющий там, мистер Гонзала, парня этого за шустрого держит. Дозволяет все, чего тот ни захочет. Даже разрешил на фабрику приходить, когда парню взбрендит. Куча народу с ним уже демосрачить хочет. Он нам грит, у него разрешение есть от самого мистера Леви, чтоб демосрацию сделать, грит, мистер Леви хочет демосрацию, чтоб от Гонзалы избавиться. Кто знает? Может, зарплату нам подымут. Этот мистер Гонзала его уже боится.

– А скажи-ка мне, чувак, этот спаситя ваш беломазый, кошак этот – он на кого похож? – с интересом спросил Джоунз.

– Здоровый такой, жирный, у него еще шапочка как на охоту есть, он ее все время носит.

Глаза Джоунза расширились за стеклами очков.

– А эта шапочка на охоту – зеленая? У него зеленая шапочка?

– Ага. А ты откуль знаешь?

– В-во! – сказал Джоунз. – Вы, публики, влипли по самое нехочу. Ду´рка этого уже падлиция ищет. Он как-то ввечер в «Ночью тех» зарулил, начал этой девке Дарлине про автобус вешать.

– Нет, ну ты чо гришь, а? – ответил человек. – Он про автобус нам тоже рассказывал, как ехал на том автобусе в самое сердце тьмы как-то раз.

– Тот самый и есть. Вы от этого дурка подальше бы. Он с падлицией в розыске. И вашу бедную черную народную жопу всю в каталашку засодют.

В-во!

– Ну, так надо будет его про это спросить, – сказал человек. – Я уж точно не хочу, чтоб меня на демосрацию пристукник вел.

II

Мистер Гонсалес пришел в «Штаны Леви» рано, как обычно. Символически зажег одной спичкой свой маленький обогреватель и сигарету с фильтром – точно два факела, сигнализирующих о начале нового трудового дня. А после устремился разумом к ранним утренним медитациям. Вчера мистер Райлли добавил конторе новый штрих, и теперь между лампочками по всему потолку болтались петли розовато-лилового, серого и рыжего гофрированного серпантина. Распятие, таблички и серпантин в конторе напоминали управляющему о елочных украшениях, и он впадал в легкую сентиментальность. Заглянув в уголок мистера Райлли, он с удовлетворением отметил, что бобовые побеги настолько окрепли, что начали виться вниз, оплетая ручки выдвижных ящиков с документами. Мистеру Гонсалесу стало любопытно, как же служащему удастся систематизировать документы, не тревожа нежные побеги. Размышляя над этой канцелярской загадкой, он с удивлением увидел, как сам мистер Райлли торпедой врывается в контору.

– Доброе утро, сэр, – отрывисто поздоровался Игнациус: то ли кашне, то ли платок горизонтально трепыхался в его кильватере, будто стяг поставленного под ружье шотландского клана. Дешевая кинокамера болталась у него на плече, а под мышкой он сжимал узел, напоминавший свернутую в рулон простыню.

– Ну, вы сегодня определенно раненько, мистер Райлли.

– Что вы имеете в виду? Я всегда прибываю на работу в это время.

– О, разумеется, – кротко согласился мистер Гонсалес.

– Вы что – считаете, что я пришел сегодня пораньше с какой-то целью?

– Нет. Я...

– Говорите, сэр. Почему вы столь странно подозрительны? Ваши глаза буквально мерцают паранойей.

– *Что*, мистер Райлли?

– Вы слышали, что я сказал, – бросил Игнациус и прогромыхал напрямик к двери на фабрику.

Мистер Гонсалес попробовал снова взять себя в руки, однако его встревожило нечто похожее на приветственные вопли, донесшиеся с фабрики. Вероятно, подумал он, кто-то из рабочих стал отцом или выиграл в вещевую лотерею. Пока рабочие не досаждали ему, он был не прочь

отвечать им тем же. Для него они оставались просто частью физического туловища «Штанов Леви», никак не связанной с «мозговым центром». Они не принадлежали ему, поэтому не хватало еще о них беспокоиться: рабочие пребывали под пьяным командованием мистера Палермо. Накопив требуемую толику мужества, управляющий конторой собирался обратиться к мистеру Райлли в самой что ни на есть учтивой манере с вопросом относительно количества времени, проводимого тем на фабрике. Однако мистер Райлли в последнее время отдалился и стал так неприступен, что мистера Гонсалеса ужасала сама мысль о стычке с ним. Ноги его немели, стоило лишь подумать об одной из этих медвежьих лап, опускающейся ему на макушку, – быть может, вгоняя его, будто кол, в непредсказуемые полы конторы.

Четверо фабричных рабочих обняли Игнациуса за смитфилдские окорока, служившие ему ляжками, и со значительным усилием вознесли его на раскроечный стол. Поверх плеч носильщиков Игнациус рывал, куда заносить, будто руководил погрузкой редчайшего и драгоценнейшего груза:

– Выше и правее, вот так! – кричал он сверху вниз. – Выше, выше. Осторожнее. Помедленней. Вы крепко держите?

– Ага, – отвечал один из носильщиков.

– А чувствуется довольно вяло. Прошу вас! Я распадаюсь до состояния тотального беспокойства.

Рабочие с интересом наблюдали, как носильщики пошатываются взад и вперед под тяжестью своей ноши.

– Теперь назад, – нервно вскрикивал Игнациус. – Назад, пока стол не окажется прямо подо мной.

– Не беспокойсь, мистер-Ер, – задыхаясь, проговорил один из носильщиков. – Мы метим вас прям на стол.

– Мне очевидно, что нет, – отвечал Игнациус, тараня своей тушей столб. – О, мой бог! Мое плечо вывихнуто.

Другие рабочие подняли крик.

– Эй, потише там с мистер-Ером, – завопил кто-то. – Вы ему там щас бошку раскроите.

– Прошу вас! – вскричал Игнациус. – Помогите кто-нибудь! В следующий же миг я, вероятно, превращусь в кучу обломков.

– Слышь, мистер-Ер, – не успевая перевести дух, вымолвил носильщик, – а стол то уже прям за нами.

– Меня, вероятно, вывалят в одну из печей прежде, чем завершится это злоключение. Я подозреваю, что было бы гораздо мудрее обратиться к коллективу на уровне пола.

– Опускайте ноги, мистер-Ер. Стол сразу под вами.

– Помедленней, – промолвил Игнациус, вытягивая свой здоровенный большой палец на ноге с великой опаской. – Похоже, так оно и есть. Хорошо. Как только я придам себе устойчивость, можете ослабить свою хватку на моем теле.

В конце концов Игнациус принял вертикальное положение на длинном столе, прижимая рулон простыни к почечной лоханке, чтобы скрыть от аудитории тот факт, что в процессе водружения пришел в состояние некоторой стимуляции.

– Друзья! – величественно произнес он и воздел ту руку, какой не держал простыню. – Наконец настал наш день. Я надеюсь, вы не забыли захватить с собой орудия войны. – Из группы, собравшейся вокруг раскроечного стола, не донеслось ни подтверждения, ни отрицания. – Я имею в виду палки, цепи, дубинки и так далее. – Хором похихикивая, рабочие помахали в воздухе какими-то штакетинами, швабрами, велосипедными цепями и кирпичами. – Бог мой! Вы в самом деле собрали довольно солидный и разнообразный арсенал. Ярость нашего штурма может превзойти все мои ожидания. Вместе с тем чем решительнее удар, тем бесповоротнее результаты. Мой ознакомительный осмотр вашего оружия, следовательно, укрепляет меня в моей вере в окончательный успех нашего сегодняшнего крестового похода. В нашем кильватере мы должны оставить разграбленные и опустошенные «Штаны Леви», на огонь мы должны ответить огнем.

– Чо он сказал? – спросил один рабочий другого.

– Мы должны взять штурмом контору в ближайшее же время, тем самым ошеломя недруга, пока чувства его еще находятся под воздействием психических туманов раннего утра.

– Эй, мистер-Ер, я, конечно, извиняюсь, – выкрикнул из толпы какой-то человек. – Мне тут сказали, что у вас с подлицией неладит. Эт правда?

Волна тревоги и беспокойства разбилась о головы рабочих.

– Что? – завопил Игнациус. – Где услышали вы подобную клевету? Это совершенно ложно. Какой-то сторонник белого превосходства, какая-то провинциальная деревенщина, возможно, даже сам Гонсалес, без сомнения, распустил этот подлый слух. Как вы смеете, сэр? Все вы должны осознавать, что у нашей цели – много врагов.

Пока рабочие звучно ему аплодировали, Игнациус недоумевал, откуда этому типу стало известно о попытке ареста его олигофреном Манкузо. Возможно, тип стоял в толпе возле универсального магазина. Патрульный этот – просто ложка дегтя во всеобщей бочке меда. Тем не менее момент,

кажется, удалось спасти.

– Теперь вот это понесем мы с собой в авангарде! – закричал Игнациус поверх последних брызг аплодисментов. Он драматично рванул простыню от пояса, разворачивая ее. Среди желтых пятен большими печатными буквами красным карандашом выделялось слово «ВПЕРЕД». Под ним замысловатым синим шрифтом значилось: «*Крестовый Поход за Мавританское Достоинство*».

– Интересно, кто спал на этой ветоши, – сказала рьяная женщина с духовными наклонностями, которой было назначено руководить хором. – Боже!

Несколько предполагаемых бунтовщиков выказали сходное любопытство в более явных физиологических понятиях.

– Тихо же! – рявкнул Игнациус, громоподобно топнув ногой по столу. – Прошу вас! Две наиболее статных женщины понесут вот это знамя между собой, когда мы маршем вступим в контору.

– Я к этому не притронусь, – заявила в ответ одна.

– Тихо! Все! – яростно выкрикнул Игнациус. – Я начинаю подозревать, что вы, люди, в действительности не заслуживаете подобной цели. Вы очевидно не подготовлены принести ни одной окончательной жертвы.

– А чего это ради мы потащим с собой эту рвань? – поинтересовался кто-то. – Я думал, у нас тут демократия должна быть нацот зарплаты.

– Рвань? Какую рвань? – отвечал Игнациус. – Я держу сейчас перед вами самое наигордое из знамен – отождествление нашей задачи, визуализацию всего, к чему мы стремимся. – Рабочие вгляделись в пятна еще напряженнее. – Если вы желаете просто ворваться в контору, как стадо, то станете участниками не более чем обычного бунта. Одно лишь знамя придает форму и достоверность нашей агитации. В такие вещи вовлечена определенная геометрия, определенный ритуал, который следует соблюдать. Вот – вы, дамы, стоящие вон там, возьмите его за края и размахивайте с честью и гордостью, воздев руки повыше, и так далее.

Две женщины, на которых указал Игнациус, медленно добрались до раскрытого стола, щепотками взяли знамя за краешки и растянули между собой, будто хламиду прокаженного.

– Это выглядит гораздо внушительнее, чем я себе воображал, – произнес Игнациус.

– Ты этой штукой передо мной, подруга, не махай, – сказал кто-то женщинам, пустив по толпе еще одну рябую волну смешочков.

Игнациус щелкнул камерой и нацелил ее на знамя и рабочих.

– Не будете ли вы все любезны помахать еще раз палками и

камнями? – Рабочие весело подчинились. Мирна поперхнется эспрессо, когда это увидит. – Теперь немножко неистовее. Яростно грозите оружием. Грознее гримасы. Громче орите. Возможно, некоторые из вас могли бы попрыгать вверх и вниз, если вы не возражаете.

Они с хохотом следовали его инструкциям – то есть все, кроме двух женщин, угрюмо державших гордое знамя.

В конторе мистер Гонсалес наблюдал, как мисс Трикси врезалась в дверной косяк, совершая свое утреннее проникновение на рабочее место. В то же самое время он задавался вопросом, что может означать новый буйный всплеск шума, донесшийся с фабрики.

Игнациус снимал сцену перед собой еще минуту или две, а затем проелозил камерой по столбу наверх, к потолку, что, по его мнению, представило бы собой интересный и довольно-таки изысканный кинематографический прием, предполагающий устремленность. Зависть сгрызет пахнущие мускусом жизненно важные органы Мирны. Достигнув верхушки столба, камера задержалась на нескольких квадратных футах проржавевшей изнанки фабричной крыши. Затем Игнациус протянул камеру рабочему и попросил заснять себя. Когда тот навел на него объектив, Игнациус нахмурился и потряс кулаком, чем невероятно развлек рабочих.

– Ну ладно, – великодушно произнес он, забрав камеру и снова щелкнув тумблером. – Давайте же сдержим на мгновение наши бунтарские инстинкты и распланируем свои страгемы. Перво-наперво, две эти дамы будут шествовать со знаменем в авангарде. Непосредственно за знаменем последует хор с какой-либо надлежащей народной или религиозной мелодией. Дама, отвечающая за хор, сама может выбрать напев. Не зная совершенно ничего о ваших народных музыкальных склонностях, я оставляю выбор за вами, хотя мне и жаль, что у нас не оказалось достаточно времени, чтобы я обучил всех вас красотах какого-нибудь мадригала. Осмелюсь только предложить вам выбирать мелодию помощнее. Оставшаяся часть составит батальон воинов. Я сам последую за всем ансамблем с камерой, чтобы запечатлеть сие знаменательное событие. В грядущем все мы, вероятно, сможем реализовать некие дополнительные поступления за счет проката этого фильма в студенческих организациях, а также в иных сходным образом ужасающих сообществах... Просьба не забывать еще вот что. Наш первый подступ будет мирным и благоразумным. Войдя в контору, две дамы поднесут знамя прямо к управляющему. Хор выстроится вокруг распятия. Батальон останется на заднем плане, куда не потребуется. Поскольку мы имеем дело с самим

Гонсалесом, я подозреваю, что батальон будет призван в дело довольно скоро. Если же спектакль этот окажется неспособен пробудить в Гонсалесе эмоций, я скамандую: «В атаку!» Это и станет сигналом к вашему натиску. Есть вопросы?

Кто-то сказал:

– Ну и говно все это, – но Игнациус проигнорировал одинокий голос. Фабрику охватило счастливое затишье – рабочие истосковались по перемене распорядка. Между двух печей с минуту пьяно помаячил десятник мистер Палермо и исчез.

– Очевидно, план битвы ясен, – произнес Игнациус, когда вопросов не последовало. – Не будут ли две дамы со знаменем любезны занять свои места вон там, у дверей? Теперь, пожалуйста, хор – соберитесь за ними, а затем – батальон. – Рабочие быстро перестроились, улыбаясь и тыча друг в друга орудиями войны. – Прекрасно! Хор может приступать к пению.

Дама с духовными наклонностями дунула в рожок, и участники хора с вожделением затагнули:

Ох, Иисус, иди со мной повсюду,
И я всегда – всегда доволен буду.

– Это в самом деле звучит довольно волнующе, – заметил Игнациус. После чего вскричал: – Вперед!

Боевой порядок повиновался столь быстро, что не успел Игнациус вскричать чего-либо еще, как знамя уже миновало фабрику и начало подниматься по лестнице в контору.

– Остановитесь! – заорал Игнациус. – Помогите мне кто-нибудь слезть со стола!

Иисус, будь же другом навсегда
До самого – до самого конца, о да!
Дай за руку тебя мне взять,
И я почую благодать
Того, что рядом ты идешь
Со мною, несмотря на дождь.
Тебе молитвы возношу,
Не жалуюсь и не прошу,
Когда Иисус со мною.

– Стойте! – бешено орал Игнациус, видя, как последние шеренги батальона скрываются за дверями. – Вернитесь сюда немедленно.

Двери захлопнулись. Он опустился на четвереньки и подполз к краю стола. Затем перевернулся и через довольно длительный промежуток времени, потраченный на маневрирование конечностями, умудрился сесть на краю, свесив ноги. Заметив, что ступни болтаются всего лишь в нескольких дюймах от пола, Игнациус решился на прыжок. Он уже оттолкнулся от стола и приземлился на пол, когда камера соскользнула у него с плеча и гулко треснулась о цемент. Пленка вывалилась из нее на пол выпотрошенными внутренностями. Игнациус подобрал камеру и щелкнул тумблером, который должен был привести ее в действие, но ничего не произошло.

Я верю – ты спаситель, Иисусь,
Меня в тюрьму упрячут пусть.
Ох, ох, ты вечно меня ждешь,
Смысл жизни мне даешь.

– Что поют эти маньяки? – спросил Игнациус у опустевшего цеха, фут за футом рассовывая пленку по карманам.

Ведь ты меня не заморозишь
И никогда меня не бросишь,
Мне никогда не согрешить,
Мне вечно в выигрыше быть,
Когда Иисус со мною.

Игнациус, волоча за собой несмотранную пленку, поспешил к дверям и вошел в контору. Две женщины окаменело предъявляли задник изгаженной простыни смущенному мистеру Гонсалесу. Полузакрыв глаза, хор самозабвенно выводил свою мелодию, окончательно в ней увязнув. Игнациус протолкался сквозь ряды батальона, кротко переминавшегося с ноги на ногу в тылах, прямо к столу управляющего конторы.

Мисс Трикси заметила его и поинтересовалась:

– Что происходит, Глория? Что здесь делают все эти фабричные?

– Бегите отсюда, покуда можете, мисс Трикси, – с великой серьезностью посоветовал он.

Ох, Иисус, ты шлешь мне благось,
Нет фараонов здесь, и это – это радось.

– Я тебя не слышу, – возопила мисс Трикси, хватая его за руку. – Это негритянский театр приехал?

– Ступайте трясти своей усохшей анатомией над отхожим местом, – свирепо заорал на нее Игнациус.

Мисс Трикси зашаркала прочь.

– Ну? – осведомился Игнациус у мистера Гонсалеса, перемещая двух дам таким образом, чтобы управляющему стали видны буквы на лицевой стороне простыни.

– Что это означает? – спросил мистер Гонсалес, прочитав транспарант.

– Вы отказываете этим людям в помощи?

– Им – в помощи? – испуганно переспросил управляющий. – О чем вы говорите, мистер Райлли?

– Я говорю о грехе против общества, в котором виновны вы.

– Что? – Нижняя губа мистера Гонсалеса задрожала.

– В атаку! – крикнул Игнациус батальону. – Человек этот совершенно лишен милосердия.

– Да вы ж ему и рот раскрыть не дали, – заметила одна из недовольных женщин, державших простыню. – А ну дайте мистеру Гонсалесу сказать.

– В атаку! В атаку! – возопил Игнациус еще яростнее. Изжелта-небесные глаза его пучились и сверкали.

Кто-то нерешительно крутнул велосипедной цепью над рядом конторских шкафчиков и сшиб на пол горшки с бобами.

– Ну посмотрите, что вы наделали, – сказал Игнациус. – Кто вам приказывал сбивать растения?

– Сами же сказали: «Выдаку», – отвечал хозяин велосипедной цепи.

– Немедленно прекратите, – заревел Игнациус рабочему, который с безразличным видом карманным ножиком вспарывал табличку «ОТДЕЛ ИССЛЕДОВАНИЙ И СПРАВОК – И. Ж. РАЙЛЛИ, ХРАНИТЕЛЬ». – Что вы вообще себе думаете?

– Эй, так вы ж сами сказали: «Выдаку», – ответило несколько голосов.

Ох, недолго мне ждать —
Со мной твоя благодать,
Мне свет твой идет
Всю ночь напролет.

Ох, Иисус, со мной вместе скорбя,
Ты знаешь, что я никогда – никогда не оставляю тебя.

– Прекратите это ужасное пение, – закричал Игнациус хору. – Никогда еще столь вопиющее святотатство не касалось моих ушей.

Хор примолк – похоже, они обиделись.

– Я не понимаю, чего вы добиваетесь, – сказал Игнациусу управляющий конторой.

– Ох, да закройте же свою мокрощелку, олигофрен.

– Мы вертаемся на фабрику, – рассерженно объявила Игнациусу рьяная руководительница хора. – Дурной вы человек. *Я думаю*, падлиция вас действительно ищет.

– Ага, – согласилось несколько голосов.

– Ну повремените же минутку, – взмолился Игнациус. – Кто-то ведь должен пойти в атаку на Гонсалеса. – Он окинул взглядом воинство. – Человек с кирпичом, подойдите сюда сейчас же и постучите ему немного по голове.

– Никого я енттой штукой бить не буду, – ответил человек с кирпичом. – На вас, наверно, падлиция дело завела в миллю длиной.

Две женщины с отвращением бросили на пол простыню и последовали за хором, уже выходявшим по одному за дверь.

– Люди, куда же вы? – вскричал им вслед Игнациус, захлебываясь слюной и яростью.

Воины не ответили ничего – лишь выстроились следом за хором и двумя знаменосицами. Игнациус проворно заковылял за отбившимися от строя воинами и схватил одного за руку, но человек шлепнул его по лапе, точно комара, и сказал:

– У нас уже и так хлопот полон рот, не хватало только в котолашку загреметь.

– Вернитесь сюда немедленно! Мы еще не закончили. Хватайте мисс Трикси, если хотите, – неистово завопил Игнациус вслед исчезающему батальону, но процессия молча и решительно спускалась по лестнице в цех. Наконец за последними крестоносцами Мавританского Достоинства дверь захлопнулась.

III

Патрульный Манкузо посмотрел на часы. Он уже провел в уборной полный рабочий день. Пора сдавать костюм в участок и идти домой. С утра он так никого и не арестовал, мало того – похоже, еще и простудился. В кабинке было промозгло и сыро. Он чихнул и попытался открыть дверь, но та не поддавалась. Он потряс ее, подергал защелку – видимо, заклинило. Он еще с минуту громыхал дверью и толкал ее, а потом заорал:

– Помогите!

IV

– Игнациус! Так, значит, тебя уволили.

– Я вас умоляю, мамаша. Я приближаюсь к точке надлома. – Игнациус воткнул бутылку «Доктора Орешка» себе под усы и выпил, раскатисто всасывая и глотая жидкость. – Если в данный момент вы планируете обратиться в гарпию, это определенно подтолкнет меня к самому краю.

– Хорошенькая работа в конторе – и удержать не смог. А ведь у тебя столько образывания.

– Меня ненавидели и презирали, – ответил Игнациус, одаряя бурые стены кухни обиженным взглядом. Язык он извлек из горлышка с ощутимым чпоком и слегка рыгнул «Доктором Орешком». – В конечном итоге во всем виновата только Мирна Минкофф. Вы же знаете, как она всюду порождает беспорядок.

– Мирна Минкофф? Мне только глупства твоего не надо, Игнациус. Эта девчоночка – в Нью-Йорке. Я ж тебя знаю, мальчик. Ты ж там наверняка тят-ляпов нагородил, в этих «Штанах Леви».

– Мое превосходство повергло их в смятение.

– Дай мне вон ту газету, Игнациус. Поглядим-ка, что в пробъявлениях пишут.

– Правда ли это? – загромыхал Игнациус. – Неужели меня снова швырнут в эту бездну? Вы, очевидно, раскатали кеглями все милосердие из своей души. Я должен провести в постели, по меньшей мере, неделю, к тому же – с полным обслуживанием, прежде чем снова исцелюсь.

– Кстати, постель – что случилось с твоей простынкой, мальчик?

– Мне это определенно неведомо. Вероятно, ее украли. Я предупреждал вас о злоумышленниках.

– Ты хочешь сказать, что кто-то взломал в этот дом и стырил твою грязную простыню?

– Если б вы были чуточку прилежнее со стиркой, описание этой простыни оказалось бы несколько иным.

– Ладно, давай сюда газету, Игнациус.

– Вы в самом деле собираетесь осуществить попытку чтения вслух? Я сомневаюсь, что моя система вынесет такую травму в данный момент. И как бы то ни было, я смотрю на очень интересную статью в колонке науки – о моллюсках.

Миссис Райлли выхватила у сына газету, оставив у него в руках две

оторванные полоски.

– Мамаша! Не есть ли данное оскорбительное проявление дурных манер один из результатов вашего общения с этими сицилийцами из кегельбана?

– Закрой рот, Игнациус, – ответила мать, маниакально пролистывая газету до раздела объявлений. – Завтра же садишься на трамвай по Святому Карлу вместе с ранними пташками.

– А? – рассеянно переспросил Игнациус. Что же написать сейчас Мирне? Пленка, ко всему прочему, похоже, тоже испортилась. Объяснить крушение Крестового Похода в письме – невозможно. – Что сказали вы, о мать моя?

– Я сказала, что ты сядешь на трамвай вместе с ранними пташками! – завопила миссис Райлли.

– Звучит уместно.

– А когда вернешься домой, у тебя уже будет работа.

– Фортуна, очевидно, решилась на еще один поворот вниз.

– Чиво?

– Ничего.

Миссис Леви лежала ничком на моторизованной гимнастической доске, и несколько устройств нежно прощупывали ее пышное тело, подтыкая и меся мягкую белую плоть, словно сладострастный булочник. Сцепив под столом руки, она крепко держалась за доску.

– Ох, – тихонько и счастливо стонала она, покусывая ту секцию, что располагалась прямо под носом.

– Выключи эту штуку, – откуда-то из-за спины раздался голос супруга.

– Что? – Миссис Леви подняла голову и мечтательно огляделась. – Что ты здесь делаешь? Я думала, ты останешься в городе на скачки.

– Я передумал, если ты не возражаешь.

– Конечно же, не возражаю. Делай что хочешь. Я тебе не указчик. Развлекайся. Какое мне дело?

– Прости меня. Я не хотел отрывать тебя от доски.

– Давай оставим доску в покое, если ты не возражаешь.

– Ох, мне жаль, что я ее оскорбил.

– Ты только не впутывай сюда доску. Больше я ничего не говорила. Я просто пытаюсь быть воспитанной. Не я тут все споры начинаю.

– Включай свою проклятую дрянь и заткнись. Я собираюсь принять душ.

– Вот видишь? Ты слишком возбуждаешься из-за пустяков. Не вымещай на мне все свои чувства вины.

– Какие еще чувства вины? Что я сделал?

– Ты знаешь, в чем тут загвоздка, Гас. Ты знаешь, что вышвырнул на помойку всю свою жизнь. Все предприятие псу под хвост. Возможность охватить всю страну. Пот и кровь твоего отца достались тебе на блюдечке с голубой каемкой.

– Ф-фу.

– Цветущий концерн разваливается.

– Слушай, у меня и так голова раскалывается от того, что я сегодня пытался спасти этот бизнес. Потому я и не поехал на скачки.

Проборовшись с отцом почти тридцать пять лет, мистер Леви решил, что остаток жизни он проведет необеспокоенным. Но каждый день, проведенный в «Приюте Леви», его беспокоила его же собственная супруга – исключительно тем, что не переваривала его нежелание беспокоиться по поводу «Штанов Леви». А не приближаясь к «Штанам Леви» вообще, он

беспокоился еще сильнее – о самой компании, поскольку там всегда что-то шло наперекосяк. Конечно, было бы намного проще и спокойнее, если бы он на самом деле управлял «Штанами Леви» – честно директорствовал по восемь часов в день. Да только от одного имени «Штанов Леви» у него начиналась изжога. Имя было навеки связано с папочкой.

– Что ты там делал, Гас? Подписал пару писем?

– Я кое-кого уволил.

– Правда, что ли? Подумаешь. Кого? Какого-нибудь кочегара?

– Помнишь, я рассказывал тебе про жирного чудика? Его принял на работу этот осел Гонсалес.

– О. Этого. – Миссис Леви перекатилась по гимнастической доске.

– Видела бы ты, во что он превратил помещение. С потолка болтается серпантин. В конторе кнопками здоровенное распятие приспособил. Только захожу я сегодня, он – ко мне и начинает жаловаться, что кто-то из цеховых сшиб на пол его горшки с бобами.

– Горшки с бобами? Он принял «Штаны Леви» за овощеводческое хозяйство?

– Кто знает, что творится у него в башке? Теперь он хочет, чтобы я уволил того, кто сшиб его растения, и еще одного парня, который изрезал его табличку, как он утверждает. Он говорит, что фабричные – банда хулиганья и совершенно его не уважают. Что они к нему лапы тянут. И вот я иду на фабрику искать Палермо, которого, разумеется, на месте нет, – и что же я нахожу? По всему цеху валяются кирпичи и цепи. Все рабочие весьма эмоционально взбудоражены и рассказывают мне, что этот Райлли, тот самый жирный неряха, заставил их притащить всю эту дрянь, чтобы напасть на контору и побить Гонсалеса.

– Что?

– Он рассказывал, что им недоплачивают и перегружают работой.

– Мне кажется, он прав, – произнесла миссис Леви. – Не далее как вчера Сьюзен и Сандра написали что-то об этом в письме. Подружки в колледже им сообщили, что, судя по рассказам, ты – плантатор, эксплуатирующий рабский труд. Девочки были очень взволнованы. Я собиралась тебе передать, но у меня было столько хлопот с этим новым модельером причесок, что совершенно выскочило из головы. Девочки говорят: или ты повысишь этим бедным людям зарплату, или они больше не вернутся домой.

– За кого эта парочка себя принимает?

– Они принимают себя за твоих дочерей, если ты не помнишь. Им хочется тебя уважать. Они говорят, что ты должен улучшить условия в

«Штанах Леви», если хочешь увидеть дочерей снова.

– Чего это ради их ни с того ни с сего так заинтересовали черные? Молодые люди уже выдохлись?

– Ну вот, ты опять на девочек нападаешь. Видишь, что я имею в виду? Именно поэтому я тебя тоже больше не могу уважать. Если б одна из твоих дочерей была бейсболистом, а другая – лошадь, ты б ради них из кожи вон лез.

– Если б одна была бейсболистом, а другая лошадь, нам же было бы лучше, поверь мне. Они могли бы приносить доход.

– Прости меня, – сказала миссис Леви, щелчком снова запуская доску, – но я больше не в силах этого слушать. Я и так слишком расстроена. Едва ли я смогу заставить себя написать об этом девочкам.

Мистер Леви видел письма своей супруги дочерям: нервные, иррациональные редакционные статьи для промывки мозгов, которые и Патрика Генри^[37] выставили бы тори, – после них девочки, приезжая на каникулы домой, щетинились от ненависти к отцу за те тысячи несправедливостей, что он чинил матери. Миссис Леви действительно могла сочинить пламенную листовку, где он выступал в роли ку-клуксклановца, сжигающего на костре молодого борца за правду. Грех не воспользоваться таким материалом.

– Да этот парень – настоящий психопат, – возразил мистер Леви.

– Для тебя сильный характер – психоз. Цельность натуры – комплекс. Я все это уже слышала.

– Послушай, может, я бы его и не уволил, но один из фабричных сказал, что его разыскивает полиция. Это все и решило – причем быстро. У меня и так хлопот с компанией предостаточно – не хватало, чтобы в ней работал чудик на карандаше у полиции.

– Прекрати, а? Это слишком типично. Для таких, как ты, общественные борцы и идеалисты – всегда битники и преступники. Так ты от них защищаешься. Но спасибо, что сказал. Это добавит письму реализма.

– Я за всю свою жизнь никогда никого не уволил, – сказал мистер Леви. – Но я не способен держать у себя человека, если его разыскивает полиция. Это нам может аукнуться.

– Я тебя умоляю. – Миссис Леви предостерегающе махнула рукой со своей доски. – А юный идеалист, должно быть, тем временем где-то сбивается с пути. Это разобьет девочкам сердце точно так же, как разбило мне. Я – женщина большого характера, цельности и утонченности. Ты этого никогда не ценил. Меня принижает связь с тобой. Ты все вокруг

превращаешь в такую дешевку, включая меня. Я очень заскорузла.

– Так я и тебя, значит, погубил, а?

– Я некогда была очень пылкой и любящей девушкой с большими надеждами. Девочки это знали. Я думала, ты прославишь «Штаны Леви» на всю страну. – Голова миссис Леви подсакивала вверх и вниз, вверх и вниз. – Посмотри – сейчас это всего лишь убогая компания с несколькими торговыми точками. Твои дочери разочарованы. Я разочарована. Тот молодой человек, которого ты уволил, разочарован.

– Тебе хочется, чтобы я покончил с собой?

– Ты сам принимаешь решения. И всегда принимал. Я существовала лишь для твоего удовольствия. Я – просто еще одна старая спортивная машина. Пользуйся мной, когда пожелаешь. Мне все равно.

– Ох, заткнись. Тобой никто и ни для чего не хочет больше пользоваться.

– Вот видишь? Ты вечно нападаешь. Сплошная неуверенность, комплексы вины, враждебность. Если б ты гордился собой и тем, как ты относишься к другим, с тобою было бы легче. Вот взять мисс Трикси – еще один пример. Посмотри, что ты с нею сделал.

– Я никогда ничего с этой женщиной не делал.

– В этом-то все и дело. Она одинока, забита.

– Да она уже почти труп.

– С тех пор как уехали Сьюзен и Сандра я сама ощущаю комплекс вины. Что я делаю? В чем мой проект? Я – женщина интересов, идеалов. – Миссис Леви вздохнула. – Я чувствую себя такой бесполезной. Ты заточил меня в клетку с сотнями предметов роскоши, не удовлетворяющих мою подлинную натуру. – Ее подсакивающие глаза холодно взглянули на супруга. – Привези мне мисс Трикси, и я не стану писать письмо.

– Что? Я не желаю видеть здесь этот сенильный мешок. А что стало с твоим клубом бриджа? Последний раз ты получила новое платье за то, что не стала писать письмо. Уймись. Я куплю тебе вечерний костюм.

– Того, что я поддерживала в этой женщине активность, мало. Ей нужна личная помощь.

– Ты уже превратила ее в подопытную свинку для своего заочного курса. Оставь ее в покое, а? Пусть Гонсалес отправит ее на пенсию.

– Сделай так – и ты ее убьешь. Тогда она по-настоящему почувствует себя нежеланной. Ты обагришь свои руки кровью.

– Ох, мамочка.

– А стоит подумать о *моей* мамочке. На пляже в Сан-Хуане, каждую зиму. Загар, бикини. Танцует, купается, хохочет. Поклонники.

– Да у нее же сердечный приступ всякий раз, как ее волна сбивает. Все, что не проиграет в казино, тратит на домашнего врача в карибском «Хилтоне».

– Ты не любишь мою мамочку, потому что она тебя раскусила. Она была права. Мне следовало выйти замуж за врача, за человека с идеалами. – Миссис Леви печально потряслась на доске. – На самом деле мне это уже безразлично. Страдание лишь укрепило меня.

– Представляю, как бы ты страдала, если бы из этой проклятой гимнастической доски повыдергивали провода.

– Я тебе уже сказала, – рассердилась миссис Леви. – Не впутывай сюда доску. Твоя враждебность берет верх. Прими мой совет, Гас. Сходи к аналитику в корпус Медицинских Искусств – к тому, который помог Ленни вытащить ювелирный магазин из банкротства. Он излечил Ленни от комплекса, когда тот не хотел торговать четками. Ленни теперь клянется именем этого врача. У него сейчас какое-то эксклюзивное соглашение с кучкой монахинь, и те разносят четки примерно в сорок католических школ по всему городу. Деньги потекли рекой. Ленни счастлив. Сестры счастливы. Детишки счастливы.

– Великолепно.

– Ленни завел себе прекрасный ассортимент статуэток и религиозных аксессуаров.

– Готов спорить, что он тоже счастлив.

– Он и счастлив. Ты мог бы стать таким же. Сходи к этому доктору, пока не поздно, Гас. Ради девочек тебе следует помочь. А мне все равно.

– Это я знаю.

– Ты запутался в себе. Даже Сандра стала гораздо счастливее, потому что ее психоанализировали. Ей в колледже какой-то врач помог выпутаться.

– Я в этом не сомневался.

– У Сандры может случиться регресс, если она услышит, как ты поступил с этим юным активистом. Я боюсь, что в конце концов девочки совсем на тебя ополчатся. В них есть человеческое тепло и сострадание – как было и со мною, пока меня не довели до звероподобного состояния.

– Довели?

– Я тебя умоляю. Больше ни слова сарказма. – Предупредительный жест аквамариновыми ногтями с подскакивающей и колеблющейся доски. – Или мне – мисс Трикси, или девочкам – письмо.

– Получишь свою мисс Трикси, – решил наконец мистер Леви. – Попробуй потряхнуть ее на этой доске, может, сломаешь ей бедро.

– Не впутывай сюда доску!

Семь

Корпорация «Райские Киоскеры» располагалась в бывшей автомастерской – темном цоколе торгового здания на улице Пойдрас, в остальном пустовавшего. Из гаражных ворот, обычно открытых, прохожему в ноздри бил едкий запах кипящих «горячих собак», горчицы, а также цемента, за много лет пропитавшегося автомобильной смазкой и машинными маслами, что капали и сливались из «хармонов» и «хапмобилей»^[38]. Могущественная вонь корпорации «Райские Киоскеры» иногда побуждала ошеломленного и озадаченного гуляку заглянуть через раскрытые ворота во тьму гаража. Внутри взор его падал на целую флотилию крупных жестяных сосисок, укрепленных на велосипедных колесах. Едва ли такая коллекция автотранспорта выглядела импозантно. Несколько мобильных «горячих собак» несли на себе глубокие вмятины. Полностью изжеванный франкфуртер валялся на боку, одно колесо горизонтально воздето – фатальная жертва дорожного движения.

Среди полуденных пешеходов, спешивших мимо корпорации «Райские Киоскеры», медленно ковыляла одна солидная фигура. То был Игнациус. Остановившись перед узким гаражом, он с превеликим чувственным удовольствием втянул в себя испарения Рая, а выпиравшая из его ноздрей щетина анализировала, каталогизировала, категоризировала и классифицировала отчетливые запахи «горячих собак», горчицы и смазки. Вдохнув поглубже, он задался вопросом, не ощущается ли к тому же более нежный запах – хрупкий аромат булочек для сосисок. Игнациус взглянул на белые перчатки Мики-Мыша – стрелки своих часов – и заметил, что пообедал всего лишь час назад. И все же интригующие ароматы вызывали у него активное слюноотделение.

Он шагнул в гараж и огляделся. В углу старик варил «горячих собак» в большом коммунальном котле, чьи габариты покрывали газовую плитку, на которой этот чан покоился.

– Прошу прощения, сэр, – окликнул его Игнациус. – Не торгуете ли вы здесь в розницу?

Слезаящиеся старческие глазки обратились в сторону крупного посетителя.

– Вам чего?

– Мне бы хотелось купить одну из ваших сосисок. Пахнут они довольно аппетитно. Я просто хотел узнать, нельзя ли у вас купить всего

одну.

– Можно.

– Позвольте мне самому выбрать? – спросил Игнациус, заглядывая через край в котел. В кипящей воде франкфуртеры бились и шипели, точно искусственно окрашенные и увеличенные кошацьи двуустки. Легкие Игнациуса наполнились пикантным кисловатым благоуханием. – Я сделаю вид, что я – в приличном ресторане, а это – бассейн с омарами.

– Нате вам вот эту вилку. – Старик протянул Игнациусу изъеденное и гнутое подобие остроги. – Постарайтесь не макать руки в воду. Она как кислота. Смотрите, что с вилкой стало.

– Ого, – сообщил Игнациус старику, откусив от сосиски. – Они довольно крепки. Из каких ингредиентов они состоят?

– Резина, овсянка, требуха. Кто ж его знает? Я к ним сам бы ни за что не притронулся.

– Они любопытным образом привлекательны, – изрек Игнациус, прочищая горло. – Стоя снаружи, я моментально осознал, что мои тактильные вибриссы в ноздрях ощутили нечто уникальное.

Игнациус жевал с самозабвенным варварством, изучая тем временем шрам на стариковском носу и прислушиваясь к его насвистыванию.

– Не напев ли Скарлатти^[39] улавливаю я? – наконец осведомился он.

– Мне казалось, я свистел «Индюшку в соломе»^[40].

– Я надеялся, что вы окажетесь знакомы с работами Скарлатти. После него музыкантов уже не было, – заметил Игнациус и возобновил яростный штурм длинной «горячей собаки». – С вашей очевидной склонностью к музыке вы должны прикладывать себя к чему-либо достойному.

Пока Игнациус жевал, старик вернулся к своим немзыкальным посвистам. Затем Игнациус произнес:

– Я подозреваю, что вы воображаете «Индюшку в соломе» ценным вкладом в Американу. Так вот – она не он. Это неблагозвучная гнусность.

– Какая разница?

– Великая разница, сэр! – завопил Игнациус. – Преклонение перед такими вещами, как «Индюшка в соломе» – самый корень нашей текущей дилеммы.

– Ты откуда такой взялся, к чертовой матери? Тебе чего надо?

– Каково ваше мнение о социуме, и без того считающем «Индюшку в соломе» одним из столпов своей культуры?

– Это кто так считает? – встревожился старикан.

– Все! Особенно народные фолксингеры и учительницы третьего

класса. Чумазые старшеклассники и пригостишки постоянно воют ее, точно заклинатели. – Игнациус рыгнул. – Я убежден в том, что съем еще один из этих пряных деликатесов.

После четвертой сосиски Игнациус провел своим величественным розовым языком по губам и нижней кромке усов и сказал старику:

– Я не могу припомнить, когда в последнее время был бы настолько тотально удовлетворен. Удача улыбнулась мне – я обнаружил это место. Передо мною расстилается день, чреватый бог знает какими ужасами. Я в данный момент пребываю безработным и пустился на поиски найма. Вместе с тем целью мне с таким же успехом мог бы полагаться и Святой Грааль. Я ракетой мечусь по деловому району вот уже неделю. Очевидно, мне радикально недостает какого-либо особого извращения, искомого нанимателями современности.

– Непруха, значит, а?

– Ну, по ходу всей недели я ответил лишь на два рекламных объявления. Бывают дни, когда нервы мои совершенно расстраиваются к тому времени, как я достигаю Канальной улицы. Такие дни, как я считаю, не проходят впустую, если мне удастся собрать достаточно присутствия духа и забрести в кинематографический театр. В действительности я просмотрел весь репертуар кинолент, идущих сейчас в центре города, а поскольку все они оскорбительны достаточно, чтобы держаться в прокате бессрочно, следующая неделя выглядит в особенности безрадостно.

Старик взглянул на Игнациуса, затем – на массивный котел, газовую плиту и мятые тележки:

– Я могу нанять тебя прямо сейчас.

– Благодарю вас, – снисходительно произнес Игнациус. – Тем не менее здесь работать я бы не смог. Этот гараж до чрезвычайности промозгл, а я подвержен респираторным заболеваниям среди целого спектра остальных.

– Тебе и не придется тут работать, сынок. Я имел в виду – киоскером.

– Что? – взревел Игнациус. – Под дождем и на снегу – целый день?

– Тут не ходит снег.

– В редких случаях – ходит. И, вероятно, снова пойдет, стоит мне только выкатить на улицу одну такую тележку. Меня, вполне возможно, отыщут в какой-нибудь канаве, из всех отверстий моего организма будут свисать сосульки, а помойные коты станут лапать меня в тщетных попытках хоть немного согреться в парах моего последнего вздоха. Нет уж, благодарю вас, сэр. Я должен идти. Я подозреваю, что у меня сейчас состоится в некотором роде randevu.

Игнациус рассеянно взглянул на свои часики и увидел, что они снова

остановились.

– Ну хоть ненадолго? – взмолился старик. – Попробуй хоть денек. Ну – что скажешь? Мне очень нужны киоскеры.

– Денек? – недоверчиво переспросил Игнациус. – На денек? Я не могу тратить впустую такой драгоценный день. У меня есть куда пойти и с кем повидаться.

– Хорошо, – твердо произнес старик. – Тогда плати мне доллар, который должен за колбаски.

– Боюсь, им придется остаться за счет заведения. Или гаража – или как вы тут называетесь. У меня не мамаша, а мисс Марпл, и она вчера вечером обнаружила у меня в карманах некоторое количество корешков от билетов в кинематограф и поэтому сегодня выделила мне средств только на проезд.

– Я сейчас полицию позову.

– О, бог мой!

– Плати давай! Плати, а не то фараонов вызову.

Старик схватил длинную вилку и проворно разместил два ее полусгнивших рога у самого горла Игнациуса.

– Вы проткнете мне импортное кашне, – взвыл Игнациус.

– Давай сюда свои деньги на проезд.

– Но я же не могу идти отсюда до самой Константинопольской улицы пешком.

– Такси поймашь. А дома у тебя кто-нибудь в состоянии заплатить за проезд.

– Вы серьезно полагаете, что моя мать мне поверит, если я расскажу, что какой-то старик отобрал у меня два последних никеля, угрожая вилкой?

– Я не дам себя больше грабить, – рявкнул старик, орошая Игнациуса слюной. – Только так в нашей торговле и бывает. Киоскеры и шестерки с заправок вечно получают по мозгам. Налеты, гоп-стопы. Никто не уважает торговца «горячими собаками».

– Это заведомая неправда, сэр. Никто не уважает торговцев «горячими собаками» больше меня. Они несут одну из наидостойнейших служб нашему обществу. Ограбить торговца «горячими собаками» – акт символический. Кража вызвана не алчностью, а скорее желанием принизить киоскера.

– Закрой свою жирную пасть и плати давай.

– Для такого возраста вы довольно непреклонны. И тем не менее идти пятьдесят кварталов до моего дома пешком я не собираюсь. Уж лучше я приму смерть от ржавой вилки лицом к лицу.

– Ладно, приятель, тогда слушай меня. Предлагаю тебе сделку. Ты

идешь на улицу и час толкаешь тележку – после этого мы расходимся.

– Разве мне не понадобится санкция Департамента здравоохранения или что-то в этом духе? Я хочу сказать – а вдруг у меня под ногтями нечто весьма изнурительное для человеческого организма? Кстати сказать – вы всех своих киоскеров подобным образом нанимаете? Ваши практики найма едва ли идут в ногу с текущей политикой. Я чувствую себя так, точно меня подпоили и забрили в солдаты. Я чересчур опасаясь осведомляться о том, как у вас имеет место процедура увольнения сотрудников.

– А ты «горячих собачников» больше на гоп-стоп не бери.

– Вы только что попали в самую точку. Точнее – в две, буквально: в мое горло и в мое кашне. Надеюсь, вы подготовлены к тому, чтобы компенсировать мне за кашне. Таких тут больше нет. Его произвели на маленькой фабрике в Англии, впоследствии уничтоженной «люфтваффе». В то время ходили слухи, что «люфтваффе» намеренно разбомбило фабрику, стремясь подорвать британский боевой дух, ибо немцы видели Черчилля в подобном кашне в одной из конфискованных кинохроник. Насколько мне известно, это может быть то самое кашне, которое носил Черчилль в одном конкретном «мувитоне»^[41]. Сегодня их ценность исчисляется тысячами. Его также можно носить и как шаль. Смотрите.

– Ну что ж, – наконец произнес старик, насмотревшись, как Игнациус делает из кашне кушак, пращу, плащ, шотландский килт, перевязь для сломанной руки и платок на голову, – мне кажется, за час ты «Райских Киоскеров» не разоришь.

– Если альтернативами этому служат узилище или пронзенный кадык, я с радостью пойду толкать вашу тележку. Хоть и не могу предсказать, насколько далеко зайду.

– Не пойми меня превратно, сынок. Я – мужик невредный, но всему же есть предел. Я десять лет пытался превратить «Райских Киоскеров» в уважаемое заведение, да только это непросто. Люди на «горячих собачников» свысока поглядывают. Думают, у меня контора для всякой швали. И киоскеров приличных найти – целое дело. А только достойного паренька отыщу, как он выходит, и хулиганье его – на гоп-стоп. Ну почему ж боженька так туго закручивает гайки?

– Пути его неисповедимы, – отвечал Игнациус.

– Может, и неисповедимы, да только я все одно никак в толк не возьму.

– Озарение вам принесут труды Бозэция.

– Я читаю отца Келлера и Билли Грэма^[42] в газете каждый божий день.

– О, мой бог! – поперхнулся слюной Игнациус. – Неудивительно, что

вы настолько заблудший.

– Вот. – Старик открыл металлический шкафчик рядом с печкой. – Надень-ка это.

Он вытащил нечто, напоминавшее белый халат, и вручил его Игнациусу.

– Что это? – радостно спросил тот. – Похоже на академическую мантию.

Он натянул одеяние через голову. В халате поверх куртки он стал вылитым яйцом, из которого готов проклюнуться динозавр.

– Завяжи на талии пояс.

– Разумеется, не стану. Предполагается, что такие вещи должны свободно обтекать человеческие формы, однако именно этот предмет туалета, кажется, предлагает очень мало простора. Вы уверены, что у вас не найдется размера побольше? По более пристальному осмотру я нахожу, что мантия эта довольно-таки пожелтела в манжетах. Надеюсь, эти пятна на груди – скорее кетчуп, нежели кровь. Последнего владельца этого одеяния, должно быть, закололи громилы.

– Вот, и колпак тоже надень. – Старик протянул Игнациусу небольшой прямоугольник белой бумаги.

– Я определенно не надену бумажный колпак. Тот головной убор, что у меня имеется, совершенно пригоден и гораздо более полезен для здоровья.

– Охотничью шапочку носить нельзя. Колпак – униформа «Райского Киоскера».

– Я не надену бумажный колпак! Я не собираюсь умирать от пневмонии, разыгрывая ради вас этот балаган. Втыкайте свою вилку в мои жизненно важные органы, если пожелаете, но колпак надевать я не стану. Лучше смерть, нежели бесчестье и болезни.

– Ладно, к черту, – вздохнул старик. – Иди сюда и бери вот эту тележку.

– Уж не думаете ли вы, что я покажусь на улице с этой мерзостной рухлядью? – спросил неистово Игнациус, оглаживая халат киоскера по всему своему телу. – Дайте мне вон ту блестящую с белыми обводами на шинах.

– Хорошо, хорошо, – проворчал старик. Он открыл люк небольшого колодца в тележке и вилкой принялся медленно переносить сосиски из котла. – Вот я даю тебе дюжину «горячих собак». – Он открыл еще одну крышку в жестяной булке. – Сюда ложу пакет с булочками. Понял? – Он закрыл крышку и отодвинул какую-то дверцу, прорезанную в боку блестящей красной сосиски. – Вот тут есть небольшая канистра жидкого

жара, от него «горячие собаки» не остывают.

– Бог мой! – вымолвил Игнациус с определенным уважением в голосе. – Да эти тележки – точно какие-то китайские головоломки. Я подозреваю, что непрерывно буду дергать не за те рукоятки.

Старик распахнул еще одну крышку в корме «горячей собаки».

– А тут что у вас? Пулемет?

– Тут горчица и кетчуп.

– Ну что ж, мне следует мужественно провести испытания, хотя я могу продать кому-нибудь и канистру жидкого жара, не успев отъехать как следует.

Старик подтащил тележку к воротам гаража и сказал:

– Ладно, приятель, теперь валяй.

– Премного вам благодарен, – ответил Игнациус и выкатил здоровую жестяную сосиску на тротуар. – Я вернусь точно через час.

– Не заезжай на тротуар с этой дрянью.

– Я надеюсь, вы не думаете, что я нырну прямо в уличное движение?

– Тебя могут заарестовать, если будешь толкать такую штуку по тротуару.

– Превосходно, – согласился Игнациус. – Если полиция за мной последует, ограбление предотвратится.

Игнациус начал медленно толкать тележку прочь от «Райских Киоскеров» – сквозь густую толпу пешеходов, расступавшуюся перед большой сосиской, будто волны перед форштевнем корабля. Такое времяпрепровождение гораздо лучше свиданий с начальниками отделов кадров – некоторые из них, как припомнил Игнациус, отнесли к нему за последние несколько дней довольно злонамеренно. Поскольку кинематограф теперь оказался недоступен ввиду нехватки средств, пришлось бы дрейфовать, скучая, без особой цели, по деловому району, пока не настанет безопасная пора возвращаться домой. Люди на улице разглядывали Игнациуса, но никто ничего не покупал. Пройдя полквартала, он начал зазывать:

– «Горячие собаки»! «Горячие собаки» из Рая!

– Съезжай на улицу, приятель! – крикнул где-то позади старик.

Игнациус свернул за угол и остановил тележку у стены. Открывая по очереди разные крышки, он приготовил себе «горячую собаку» и слопал ее. Мать его пребывала всю неделю в буйном настроении: отказывалась покупать «Доктор Орешек», ломилась в дверь, когда Игнациус брался за блокнот и карандаш, грозилась продать дом и переехать в богадельню. Она описывала Игнациусу мужество патрульного Манкузо, который наперекор

всему сражался за то, чтобы сохранить себе работу, и стремился обеспечить семью, который выжимал все возможное из своих мучений и ссылки в уборную автостанции. Ситуация с патрульным Манкузо напоминала Игнациусу положение, в каком оказался Боэций, брошенный в тюрьму императором, а потом – казненный. Чтобы умиротворить мамашу и улучшить климат дома, он дал ей «Утешение философией», английский перевод работы, написанной Боэцием в несправедном заточении, и велел вручить ее патрульному Манкузо, чтобы тот мог утешаться ею, будучи заключенным в кабинке.

– Книга учит нас принимать то, что мы не в силах изменить. В ней описывается планида справедливого человека в несправедливом обществе. Это – самая основа средневековой мысли. Вне всякого сомнения, она поможет вашему патрульному в его минуты отчаяния, – благосклонно вымолвил Игнациус.

– О как? – спросила миссис Райлли. – Ай, как это мило, Игнациус. Бедняжка Анджело так ей обрадуется.

Во всяком случае, на один примерно день подарок патрульному Манкузо привнес мир в жизнь на Константинопольской улице.

Покончив с первой «горячей собакой», Игнациус приготовил и потребил еще одну, мысленно созерцая иные милости, могущие отложить необходимость снова идти на работу. Четверть часа спустя, заметив, что запас сосисок в маленьком колодце заметно уменьшился, он решился на минутное воздержание. Медленно он толкнул тележку по улице, выкрикивая снова:

– «Горячие собаки»!

Джордж, шлявшийся по Каронделету с охапкой пачек, обернутых коричневой бумагой, расслышал призыв и подвалил к гаргантюанскому киоскеру.

– Эй, постой-ка. Дай мне одну.

Игнациус сурово взглянул на мальчишку, разместившего себя прямо на пути у сосиски. Клапан возмутился при виде прыщей, недовольной физиономии, казалось, подвешенной на длинных, хорошо смазанных волосах, при виде сигаретки за ухом, аквамариновой куртки, изысканных сапог, узеньких штанов, промежность которых оскорбительно выпирала в нарушение всяческой теологии и геометрии.

– Прошу прощения, – фыркнул Игнациус, – но у меня осталось лишь несколько франкфуртеров, и я должен их сберечь. Пожалуйста, уйдите с моей дороги.

– Беречь? Для кого это?

– Не ваше дело, юный лишенец. Вы почему это не в школе? Будьте добры – прекратите досаждать мне. И в любом случае сдачи у меня нет.

– У меня четвертак завалился, – растянулись в ухмылке тонкие бледные губы.

– Я не могу продать вам сосиску, сэр. Вам это ясно?

– Да что с тобой такое, дружище?

– Что со мной такое? Что такое с вами? Вы что – настолько противоестественны, что желаете «горячую собаку» в такую рань? Да мне совесть не позволит вам ее продать. Только взгляните на свой отвратительный цвет лица. Вы – растущий организм, чья система требует насыщения овощами и апельсиновым соком, полезным пшеничным хлебом, шпинатом и тому подобным. Я, к примеру, не стану соучаствовать в развращении малолетнего.

– Чо ты мелешь? Продай мне «горячую собаку». Я жрать хочу. Я еще не обедал.

– Нет! – завопил Игнациус так неистово, что прохожие замедлили шаг. – А теперь сокройтесь от меня, пока я не переехал вас этим транспортным средством.

Джордж потянул на себя крышку отсека с булочками и сказал:

– Эй, а у тебя их тут целая куча. Сделай мне сосиску.

– На помощь! – заорал Игнациус, неожиданно вспомнив предостережения старика насчет грабителей. – Тут крадут мои булочки! Полиция!

Он сдал тележкой назад и протаранил ею промежность Джорджа.

– А-ай! Смотри, куда едешь, псих!

– Помогите! Грабят!

– Заткнись ты, Христа ради, – произнес Джордж и захлопнул крышку. – Тебя в психушку надо, придурок, соображаешь?

– Что? – возопил Игнациус. – Это еще что за дерзость?

– Здоровый чокнутый придурок, – прорычал Джордж еще громче и попятился, пригнувшись, а подковки на его каблуках царапали тротуар. – Больно надо жрать, чего ты лапал своими придурочными граблями.

– Как смеее вы непристойно орать на меня? Задержите кто-нибудь этого мальчишку, – безудержно закричал Игнациус, а Джордж тем временем растворился в толпе уличных пешеходов. – Хоть кто-нибудь хоть сколько-нибудь порядочный – хватайте этого малолетнего преступника. Этого мерзостного малолетку. Где его уважение к старшим? Беспорядочника нужно сечь розгами, пока он не лишится чувств!

Из группы, собравшейся вокруг колесной сосиски, раздался женский

голос:

– Нет, ну какой ужас, а? И откуда только этих киоскеров-собачников берут?

– Бичи. Все как один бичи, – ответил ей кто-то.

– А все винище проклятое. Я так думаю, у них поголовно от пьянства крыша протекает. Таких вообще нельзя на улицу выпускать.

– Моя паранойя совсем от рук отбилась, – осведомился Игнациус у собравшихся, – или вы, кретины, в самом деле говорите обо мне?

– Да ну его, – сказал еще кто-то. – Вы только посмотрите, какие у него глаза.

– А что с моими глазами? – злобно поинтересовался Игнациус.

– Пошли отсюда.

– Будьте так любезны, – ответил Игнациус. Губы его дрожали. Он приготовил себе еще одну «горячую собаку», чтобы успокоить трепетавшую нервную систему. Трясущимися руками он поднес фут красного пластика в тесте ко рту и пропихнул его внутрь – по паре дюймов за присест. Активным жеванием Игнациус разминал пульсировавшие виски. Загрузив в рот последний миллиметр корки, он почувствовал себя гораздо спокойнее.

Снова схватившись за рукоятки, он толкал тележку вверх по улице Каронделет и косолапо шаркал следом. Верный обещанию обойти весь квартал, он снова свернул на следующем углу и остановился у стертых гранитных стен зала «Галлье», где потребил еще две райские сосиски, прежде чем приступить к последнему отрезку своего путешествия. Завернув за последний угол, Игнациус опять увидел вывеску КОРПОРАЦИЯ «РАЙСКИЕ КИОСКЕРЫ», криво болтавшуюся над тротуаром улицы Пойдрас, и относительно резво припустил рысью, приведшей его, запыхавшегося, в самые ворота гаража.

– На помощь! – жалобно выдохнул он, стукаясь жестяной сосиской о низкий цементный порог гаража.

– Что стряслось, приятель? Мы ж договаривались, ты должен целый час по улице ходить.

– Нам обоим повезло, что я вообще вернулся. Боюсь, они нанесли еще один удар.

– Кто?

– Синдикат. Кем бы они ни были. Посмотрите на мои руки. – Игнациус сунул обе лапы старику прямо в лицо. – Вся моя нервная система пребывает на грани восстания против меня из-за того, что я подверг ее такой травме. Игнорируйте меня, если я внезапно впаду в шоковое

состояние.

– Да что, к чертям собачьим, произошло?

– Участник огромного подросткового подполья взял меня приступом на улице Каронделет.

– Тебя что – ограбили? – возбужденно спросил старик.

– И прегрубо. Огромный ржавый пистолет разместили прямо у моих висков. На самом деле – прижали непосредственно к точке давления, что повлекло за собой остановку кровообращения с левой стороны головы на довольно продолжительное время.

– На улице Каронделет средь бела дня? И никто его не остановил?

– Разумеется, никто его не остановил. Народ поощряет такие действия. Вероятно, он получает некое удовольствие от зрелища публично унижаемого, несчастного, выбивающегося в люди киоскера. Вероятно, он уважает предприимчивость мальчишки.

– Как он выглядел?

– Как тысяча других подобных отроков. Прыщи, помпадур, аденоиды – стандартная подростковая экипировка. Могла быть и какая-нибудь особая примета, вроде родимого пятна или вывернутого колена. Припомнить я в самом деле не в состоянии. После того как пистолет сунули мне в самую голову, я лишился сознания от недостатка кровообращения в мозгу и страха. Пока я лежал на тротуаре бесчувственной кучей, негодяй, очевидно, перетряхнул всю тележку.

– Сколько денег он забрал?

– Денег? Никаких денег украдено не было. В конце концов, денег для грабежа не оказалось, поскольку мне не удалось продать ни одного вашего деликатеса. Он украл «горячие собаки». Вот. Тем не менее забрал он, очевидно, не все. Придя в себя, я проверил содержимое тележки. Там, наверное, осталась одна или две.

– Я никогда про такое не слышал.

– Быть может, он оказался крайне голоден. Быть может, нехватка определенного витамина в его подрастающем организме требовала умиротворения. Человеческая жажда пищи и секса примерно одинаковы. Если существуют вооруженные изнасилования, то почему не оказаться вооруженным кражам сосисок? Я в этом деле не вижу ничего необычного.

– Из тебя враки так и лезут.

– Из меня? Этот инцидент социологически значим. Вина возлагается на наше общество. Отрок, сведенный с ума суггестивными телевизионными программами и сладострастными периодическими изданиями, очевидно, якшался с довольно приличными инфантильными

особами женской принадлежности, которые отказались принимать участие в его воображаемой сексуальной программе. Его неосуществленные физические желания, следовательно, искали сублимации в поглощении продуктов питания. Я, к несчастью, пал его жертвой. Мы можем возблагодарить господ, что мальчишка нашел отдушину в еде. Если б не она, меня, быть может, изнасиловали бы прямо на тротуаре.

– Он оставил только четыре штуки, – произнес старик, вглядываясь в сосисочный колодец. – Вот сукин сын, как же ему удалось унести все эти «горячие собаки»?

– Не имею ни малейшего понятия, – ответил Игнациус. А затем негодуяще добавил: – Придя в себя, я обнаружил крышку тележки открытой. Разумеется, никто не помог мне подняться. Мой белый халат поставил на мне клеймо киоскера, неприкасаемого.

– Как насчет еще разок прокатиться?

– Что? В моем нынешнем состоянии – вы всерьез рассчитываете, что я опрометью кинусь на улицу спекулировать? Мои десять центов будут переданы в руки трамвайного кондуктора на Святом Карле. Оставшуюся часть дня я намереваюсь провести в горячей ванне в попытках восстановить хоть какое-то подобие нормальности.

– А как тогда насчет вернуться завтра, приятель, и попробовать еще разок? – с надеждой в голосе спросил старик. – Мне в самом деле нужны киоскеры.

Игнациус некоторое время поразмыслил над предложением, пристально изучая шрам на носу старика и отрываясь целой газовой атакой. По крайней мере, у него появилась работа. Мамаша должна быть довольна. Занятие не предполагало строгого надзора и домогательств. Завершив медитации прочисткой горла, он изрыгнул:

– Если я окажусь функционален наутро, то, возможно, вернусь. Я не способен предсказать часа, в который прибуду, но, более или менее, воображаю себе, что вы в силах рассчитывать на то, что увидите меня.

– Ну вот и ладно, сынок, – ответил старик. – Зови меня мистер Клайд.

– Хорошо, – заверил его Игнациус и слизнул крошку, обнаруженную в уголке рта. – Кстати, мистер Клайд, я намереваюсь отправиться в этом халате домой, дабы доказать матери, что нанят на работу. Видите ли, она довольно сильно выпивает, и ей необходимо подтверждение, что денежные поступления от моих трудов вскоре прибудут, и ее запас спиртного не истощится. Жизнь моя, как видите, достаточно безрадостна. Придет день, и, быть может, я опишу ее вам в подробностях. В настоящий же момент тем не менее вы должны узнать кое-что о моем клапане.

- О *клапане*?
- Вот именно.

II

Джоунз слепо возил губкой по стойке бара. Лана Ли отправилась в закупочную экспедицию, первую за долгое время, громоподобно и предостерегающе захлопнув и заперев перед уходом кассу. Увлажнив стойку еще немного, Джоунз швырнул губку обратно в ведро, уселся в кабинке и попытался разглядеть последний номер «Жизни», который дала ему Дарлина. Он закурил, но в туче дыма журнал совсем исчез. Самым ярким источником света в «Ночи утех» служила крошечная лампочка возле кассы, поэтому Джоунз подошел к стойке и щелкнул выключателем. Едва он начал вдумчиво изучать сцену званого вечера с коктейлями на рекламе «Сигрэма В. О.», как в бар ввалилась Лана Ли.

– Я так и знала, что не следует тебя тут одного оставлять, – рявкнула она, извлекая из сумки пачку школьного мела и определяя ее в шкафчик под стойкой. – Какого черта ты тут делаешь с моей кассой, а? Ну-ка марш на пол!

– Да закончил я тебе уже с вашим полом. Я уже спицылистом стал половым. У черных в крови, наверно, – подметать да подсирать, само собой трется. Это, видать, для черных публик уже как жрать и дышать. Тока дай младенчику черному веник в руку, так он и кинется им махать, себя не помня. В-во!

Джоунз вернулся к своей рекламной странице, а Лана заперла шкафчик снова. Затем взглянула на длинные полосы пыли на полу: Джоунз, похоже, не столько вымыл пол, сколько пропахал его. Бороздами служили ленты вымытых досок, а отвалами – полосы мусора. Лана этого не знала, но такова была попытка Джоунза предпринять некий мягкий саботаж. Планы на будущее были грандиознее.

– Эй, ты, там. Погляди-ка на мой чертов пол.

Джоунз неохотно выглянул в свои черные очки и увидел нечто.

– В-во! Зыконский у тебя пол. Ууу-иии. В «Ночью тех» всё шикарно.

– Видишь всю эту дрянь?

– За двадцать дохларов в неделю можно и немножко дряни потерпеть. Дрянь пропадает, када заплата растет – под пийсят или шийсят.

– Мне дело надо, если я бабки выкатываю, – разозлилась Лана.

– Слуш, а вы пробовала на мою заплату жить? Вы думаешь, черные публики продукты да одёжу за спицальные бабули достают? Вы чё ваще думаешь, када тут сидишь полвремени, со своими бабуськами играисси? В-

во! Где я живу – знаешь, как публики курёху покупают? Публику ж на цельную пачку не хватает, так они по два цента одну сигу берут. Думаешь, черной маме лехко? Одно говно. Я ж не дурку тут парю. Устал я бомжевать, да очко свое пасти на такую zapлату.

– Тебя кто с улицы вытащил, а? Кто тебе работу дал, чтоб фараоны не загребли за бродяжничество? Ты хоть иногда про это вспоминай, когда придуряешься за этими поганенькими очочками своими.

– Придуряисси? Гав-но. Эти мамаёбанные полы в бардаке вашем подтирать – это придуряисси? Мести да подсирать все это говно, которое ты знай на пол льете, да тупой клеён стряхивает. Мне аж жалко беньдяшек этих – приходит суда, думает: ай, покуролесю, мож наклюкаюсь да рылом в стакан, – а тут на тебе, и сифу какую, тово и глянь, ото льда подцепишь. В-во! А раз за бабули зашло, так мне здаёцца, вы щас поболе выкатывать должна – раз дружок ваш, сиротка, суда больше не ходит. Раз вы щас благовпарительность эту кончила, так давай – мож, поболе бабусек этих Еднёна Фона мне подсунешь.

Лана ничего не ответила. Она пришпилила чек за пачку мела к своему grossбуху, чтобы можно было внести сумму в графу деловых расходов, всегда сопровождавших ее налоговую декларацию. Она уже купила бывший в употреблении глобус – он тоже надежно хранился в шкафчике. Теперь ей нужен только учебник. Когда она увидит Джорджа в следующий раз, непременно попросит притащить. У него мог остаться какой-нибудь с тех дней, как его выгнали из старших классов.

Лана уже некоторое время собирала небольшую коллекцию реквизита. Пока шпики в штатском торчали у нее в заведении по ночам, она была слишком заморочена, чтобы заниматься их с Джорджем проектом. Основная проблема заключалась в Дарлине – слишком большая брешь в Ланиной крепостной стене против филеров. Теперь же фараоны исчезли так же внезапно, как и появились. Лана раньше засекала кого-нибудь из них, как только входила в заведение, а стоило Дарлине перестать околачиваться на табуретах возле стойки и приступить к репетициям с птичкой, шпикам ловить тут стало нечего. Лана хорошенько проследила за тем, чтобы все остальные их активно игнорировали. С ходу определить на взгляд легавого – для этого опыт нужен. Но человек, способный опознать легавого, еще и кучи хлопот избежит.

Оставалось уладить только две вещи. Первое – раздобыть учебник. Если Джорджу хочется, чтобы у нее был учебник, так пускай сам и достает. Лана учебник покупать не собиралась – даже использованный. Второе – вернуть Дарлину на табуретки, раз уж шпики разбежались. Держать таких,

как Дарлина, на комиссионных гораздо выгоднее, чем на зарплате. А поглядев на то, что Дарлина вытворяла со своим попугаем на сцене, Лана решила, что в данный момент «Ночи утех», быть может, лучше воздержаться от контактов с миром животных.

– Где Дарлина? – спросила Лана Джоунза. – Мне надо кое-что им с птицей сообщить.

– Она в чилифоне сказала, что будет где-нить днем еще с попрыгаем репетировать, – ответил Джоунз рекламному объявлению, которое в ту минуту исследовал. – Она гаврит, сначала птица к витинарию отвезет, ей кажецца, он перо теряет.

– Вот как?

Лана начала планировать ансамбль с глобусом, мелом и учебником. Если у всего этого есть какие-то коммерческие возможности, разыграть эпизод нужно с определенным вкусом и утонченностью. Она предвидела несколько мизансцен, которые сочетали бы грацию с непристойностью. Не слишком грубо. В конце концов, она же к детишкам обращается.

– А вот и мы, – радостно объявила с порога Дарлина. Ее внесло в бар – в брючках и морской тужурке, в руках – накрытая птичья клетка.

– Ну, так и плыла б себе дальше, – ответила Лана. – У меня для вас с твоим дружочком есть кое-какие новости.

Дарлина водрузила клетку на стойку и явила миру громадного, золотушного розового какаду: похоже, прошел он через множество рук, как подержанный авто. Хохолок поник, и птица вскрикнула ужасным голосом:

– Ауук!

– Ладно, убирай пернатое к черту, Дарлина. С сегодняшнего вечера ты возвращаешься на табуретки.

– О-о, Лана, – застонала Дарлина. – Ну чё такое? У нас хорошо репетировать получалось. Погоди только, мы закорюки выправим. Это просто гвоздь сезона будет.

– Сказать по правде, Дарлина, я тебя и этой твоей птицы боюсь.

– Послушай, Лана. – Дарлина сбросила тужурку и показала управляющей колечки, прицепленные к швам брючек и блузки английскими булавками. – Видишь вот эти штучки? С ними весь номер пойдет гладко. Я дома репетировала. Это новый подход. Птичка цепляется за колечки клювом и срывает с меня одежду. Я в смысле, что колечки тут только на репетицию. Когда я себе костюм сошью, колечки будут на крючочках: он хватает – костюм расстегивается. Говорю тебе, Лана, это потрясная сенсация будет.

– Слушай, Дарлина, безопасней было бы, если б эта чертова тварь у

тебя вокруг головы летала или что она там у тебя делала.

– Но теперь же у птички настоящая роль будет. Она будет *срывать...*

– Ага – и сиськи заодно тебе оторвет. Мне тут только несчастных случаев не хватало со «Скорой помощью», чтобы всех клиентов разогнать и инвестицию испоганить. А если этой птичке твоей взбредет в голову полетать над публикой и кому-нибудь глаза выклевать? Нет уж, если честно, я ни тебе, ни попугаю твоему не доверяю, Дарлина. Техника безопасности превыше всего.

– О-о, Лана. – Дарлина была безутешна. – Ну дай же нам попробовать. У нас только-только получаться стало.

– Нет. Вали. Иними эту тварь с моей стойки, пока она тут не нагадила. – Лана швырнула на клетку покрывало. – Эти сама-знаешь-кто уже отъехали, так что можешь вернуться на свою табуретку.

– А я, наверно, все-таки расскажу сама-знаешь-кому сама-знаешь-что, и сама-знаешь-кто испугается и сбежит.

Джоунз поднял очки от рекламы и произнес:

– Если вы, народ, тута около-личности трындеть будете, то я читать не могу. В-во. Это кто это – «сама-знаешь-кто» и «сама-знаешь-что»?

– А ну, слезай с табуретки, каторжанин, да марш мои полы мыть.

– Этот попрыгай аж до самой «Ночью тех» проехал, старался, репетирировал, – осклабился Джоунз из своей тучки. – Ёбть же ж. Надо дать ему шанец, низзя ж к нему относиться как к черному публику.

– Вот, правильно, – от всего сердца поддержала Дарлина.

– Уж скока мы сиротскую благовпарительность покончили, а на швицаров ей не полагается, может, тада беньдяшке чутка отслюнить – девчонка все ж старается, на комиссии фарцует. Й-их! – Джоунз уже видел, как птица хлопает крыльями по-над всей сценой, пока Дарлина пытается изобразить какой-то танец. Он никогда не наблюдал зрелища гаже: Дарлина с птичкой могли квалифицироваться как законный саботаж. – Можа, тут и там отполирывать чучуть нада, можа, тут крутнешь, там качнешь лишний раз, тут скользнешь, там подмахнешь, но мне кажецца, скриптакыль оч даже ничо. Ууу-иии.

– Вот видишь? – Дарлина повернулась к Лане. – Джоунз врать не станет. У черных столько ритма есть.

– В-во!

– Я не хочу пугать кое-кого историями про кое-кого другого.

– Ох, да заткнись же ты, Дарлина! – заорала Лана.

Джоунз окутал их обеих порцией дыма и изрек:

– Я так думаю, Дарлина и этот ее попрыгай сильно необычные. В-во!

Я так думаю, вы себе кучу клеёных напритаскашь сюда. В каком еще клубе лысово орла на истраде найдешь?

– Придурки, вы что предлагаете – нам в птичьи дела влезать?

– Й-их! Я точно тут птичьи дела. У белых публик же завсегда попрыгаи с кинорейками обжимающца. Погоди, дождесси – публики просекут, каково таково птица им «Ночью тех» втюхивает. Да у вас тут настоящий швицар стоять придецца. Все опчиство с делами своими ломицца будет. В-во! – Джоунз сотворил из дыма опасный нимб, похоже, готовый взорваться. – Дарлина с попрыгаем тока вот закорюки повыправют. Ёбть, девка тока-тока искуйств, щитай, начинает. Ей шанец нужон.

– Это точно, – встряла Дарлина. – Я пока в искусствах новичок. Мне шанс нужно дать.

– Закрой рот, дурища. Ты что – правда думаешь, что заставишь эту птицу себя раздевать?

– Да, мэм, – с энтузиазмом выпалила Дарлина. – Меня тут вдруг осенило. Сижу это я дома, гляжу, как она по колечкам своим играетса, и говорю себе: «Дарлина, а чего ты это в одёжу себе колечек до сих пор не понасовала?»

– Заткни пасть своему уроду, – велела Лана. – Хорошо, давай поглядим, чего он умеет.

– В-во! Вот это базар. Тут всякие мамки сбегуцца на скриптакыль поглазеть.

III

- Санта, я должна была тебе позвонить, голуба.
- Что ж стряслось, Ирэна, малыша? – с чувством осведомился лягушачий баритон миссис Батталы.
- Игнациус стрясся.
- Чего он еще натворил, дэушка? Расскажи Санте.
- Погоди минуточку. Дай посмотрю, он еще в этой своей ванной или уже нет. – Миссис Райлли опасливо прислушалась к громогласному плеску жидкости, доносившемуся из ванной комнаты. Взрыв китового фырканья вырвался в коридор сквозь облупленную дверь. – Все хорошо. Он еще там. Я не могу тебе врать, Санта. У меня сердце кровью обливается.
- Ай.
- Приходит Игнациус домой где-то с час назад – и одет прям как мясник какой.
- Это ж хорошо. Нашел сэбе другую работу твой жирный разгильдяй.
- Но не у мясника же ж, голуба моя, – отвечала миссис Райлли, и голос ее был отягощен скорбью. – Он теперь киоскер, «горячими собаками» торгует.
- Ай, брось ты, – каркнула Санта. – «Горячими собаками»? Никак прям на улице?
- Прям на улице, голуба, как побродяжник какой.
- Еще какой побродяжник, малыша. Даже хуже. Ты почитай, чего пролиция в газетах извещает иногда. Они там все – одна банда бомжей.
- Ну ведь ужас же какой, а?
- Этому мальчику твоему уже кто-нить по мордасам бы давно надавал.
- Только он в дверь, Санта, как сразу загадку мне: какую работу себе нашел? Я сначала и говорю: мясник, – понимаешь?
- Чего ж не понять?
- А он мне дерзит эдак: «Угадайте еще раз. Вы даже не приблизились к ответу». Я еще битых пять минут гадаю – пока все работы не перебрала, где такую белую форму носить надо. Тут он наконец говорит: «Все неправильно, мамаша. Я обрел себе занятие: торгую сосыски». Я чуть в обморок не грохнулась, Санта, прям на пол в кухню. Вот же ж картинка была б: я с раскроенной черепушкой прям на линолеуме, – а?
- Да ему б наплювать и растереть было, не то что некоторые.
- Не то что некоторые, да.

– Да ни в жись.

– Наплевать ему на свою бедную мамулю, – вздохнула миссис Райлли. – Да еще и столько образывания, заметь же ж. Торгует сосыски на улице средь бела дня.

– Так что ж ты ему сказала, малыша?

– Ничего я ему не сказала. Я и рта не успела раскрыть, как он в свою ванну удрал. И вот по сих пор сидит там, заперся, воду по всему полу плескает.

– Погоди секундочку, Ирэна. У меня тут внученьку одну на дэнь привезли, – сказала Санта и заорала со всей дури кому-то на другом конце провода: – А ну, пошла к чертякам собачим от этой печки, Шармань, и марш на банкэтку играть, пока я тебе в челюсть не заехала.

Детский голосок что-то ответил.

– Х-хосподя-а, – спокойно продолжала Санта в трубку. – Дэтишечки эти миленькие такие, но иногда я просто вообще не знаю. Шармань! Пошла к чертовой матери на улицу и играйся на своей вилисапете, пока я тебе в ухо не съездила. Не бросай трубку, Ирэна.

Миссис Райлли услышала, как Санта отложила телефон. Затем взвыл ребенок, хлопнула дверь, и Санта вернулась на линию.

– Бош ты мой, правду тебе говорю, Ирэна, рыбенок этот просто никого не слушает! Я тут пытаюсь ей спагэтов с рагой сварить, а она прям у меня в касрюльке играет. Сестрам в дэтсадике давно уже пора отшлепать ее хорошенько. Ты ж знаешь Анджело. Видела б ты, как его сестры лупцевали, когда он малой был. Одна его вообще об доску в классе прибила. Вот он и вырос такой милый и заботливый мужчина.

– А Игнациуса сестры обожали. Такой славненький пупсёныш был. Всё святые картинки выигрывал за то, что катехиз от зубов отскакивал.

– Да этим сестрам следывало ему по шея́м надавать хорошэнько.

– Как он, бывало, домой приходил со всеми этими святыми картиночками масюпусенькими, – всхлипнула миссис Райлли, – я уж точно ни за что не думала, что он станет сосыски средь бела дня торговать. – Миссис Райлли нервно кашлянула и неистово спросила в трубку: – Но скажи же мне, голуба, как там Анджело справляется?

– Жена его Рита звонит мне не так давно, говорит, он, наверно, нэвмонией заразился от того, что в этой уборной застрял на все врэмя. Истину тебе говорю, Ирэна, Анджело этот уже бледный стал, что привиденье. Палицаи мальчонку совсем затрэтировали. Ему-то служба ндравится. Только выпустился из этой палицейской акадэмии своей, так можно ж было подумать, что из Лиги Прыща^[43] вышел. Уж какой гордый

ходил.

– Да-а, бедняжечка Анджело неважно выглядит, – согласилась миссис Райлли. – И кашель у него плохой стал, у мальчонки. Ну, может быть, ему хоть чуть-чуть лучше станет, как он эту штуку прочтет, которую мне Игнациус для него дал. Игнациус говорит, это духновляющая литература.

– Во как? Подорзительно это. Что ж там за «духновляющая лытэратура», тем паче – от Игнациуса? Наверно, сплошь нэприличность.

– А если его кто-нибудь из знакомых с такой тележкой увидит?

– Не стыдись, малыша. Ты ж не виноватая, что у тебя такой нэгодник на руках, – хрюкнула Санта. – Тебе, дэушка, мужик в дом нужен, штоб мальчишку в ежовых рукавицах дэржал. Я точно найду этого милого старичка, который о тэбе все выпрашивал.

– Не нужен мне никакой милый старичок. Мне милый сынуля только нужен.

– Ты, главное, не волнуйся. Санта обо всём позаботится. Я тебе всё сделаю. Человек, что рыбным рынком заправляет, грит, не знает, как старичка звать. Но я выясню. На самом деле, мне кажется, я как-то на днях видала, как он по улице Святого Фэрдинанда шел.

– И про меня спрашивал?

– Ну, Ирэна, у меня не вышло с ним поговорить, я даже не знаю, тот ли это старичок был.

– Вот видишь? Старичку тоже никакого дела нет.

– Не говори так, дэушка. Я в пивнушке поспрошаю. На воскресной службе потолкусь. Я узнаю, как его звать.

– Старичку этому до меня никакого дела.

– Ирэна, вреда не будет, если ты с ним сойдэтесь.

– У меня и с Игнациусом хлопот полон рот. Это ж позорище, Санта. А еси мисс Энни, женщина по соседству у нас, увидит его с такой тележкой. Она и так нас уже за несоблюдение опчественного порядка привлечь хочет. Шпиёнит из-за ставень в проулочке нашем.

– Нельзя ж так из-за людей расстраиваться, Ирэна, – посоветовала Санта. – Вот у меня сосэди так уж сплэтники. Если тут можешь прожить, в приходе Святого Одо Ключийского, так вэзде выживешь. Злобные – вот они какие, ты уж мне повэрь. Я одной из квартала точно кирпичом в морду заеду, если про меня не заткнется. Мне тут кой-кто сказал, как она меня «веселой вдовушкой» кличет. Но уж будь спокойна – она у меня получит. Мне все равно кажется, она тут гуляет с одним – на вэрфях работает. Так я, наверно, напишу муженьку ее миленькое такое нонимное письмо, пускай проучит бабу свою как следывэет.

– Уж я-то знаю, каково тебе, голуба. Помню, девчонкой еще жила на Дофиновой улице. Аманимные письма, помню, папаша мой получал... про меня. Гадкие. Я все подозревала, что это моя двоюродная сестра, бедняжка, так в старых девах и проходила, их пишет.

– А какая двоюродная? – живо поинтересовалась Санта. У родственников Ирэны Райлли всегда были кровавые биографии, которые стоило послушать.

– Та, что себе на руку опрокинула котел с кипятком, когда была девчонкой. Так и осталась ошпаренной, понимаешь? Как ни зайду к ее мамаше домой, так она все сидит на кухне за столом и пишет, пишет. Про меня, наверно, писала же ж. Сильно завидывала, когда мистер Райлли стал за мной ухаживать.

– Вона как в жизни бывает, – сказала Сандра: ошпаренная родственница в драматической галерее Ирэны была фигурой неинтересной. А затем хрипло и весело добавила: – А я вот вечеринку закачу с тобой, и с Анджело, и с его женой, если она придет.

– Ай, как чудненько, Сандра, да вот только ж я не очень сейчас к вечеринкам расположена.

– Растрясти косточки, дэушка, не повредит. Ежли я чего визнаю про того старичка – и его позову. Вы с ним хоть потанцуете.

– Ну, уж если ты старичка увидишь, голуба, скажи, что мисс Райлли привет передавала.

За дверью ванной Игнациус пассивно распростерся в еле теплой водичке, пальцем подталкивая взад-вперед целлулоидную мыльницу, то и дело прислушиваясь к тому, что мать говорит по телефону. Время от времени он притапливал мыльницу, та заполнялась водой и тонула. Тогда он на шаривал ее на дне ванны, опорожнял и пускал по водам снова. Его изжелта-небесные глаза не отлипали от запечатанного бурого конверта, лежавшего на стульчаке. Вот уже некоторое время Игнациус пытался решить, открывать ему конверт или не стоит. Травма обретения работы повлияла на его клапан отрицательно, и он ожидал, когда теплая вода, в которой он барахтался розовым гиппопотамом, произведет на его систему успокоительного воздействия. И вот тогда он ринется к конверту. «Райские Киоскеры» должны оказаться приятственным нанимателем. Он будет проводить все время, поставив тележку где-нибудь у реки и копя впечатления для своего «Дневника». Мистер Клайд обладал определенным отцовским качеством, которое Игнациусу нравилось; старик, исшрамленный и ссохшийся магнат сосиски, станет желанным новым персонажем «Дневника».

Наконец Игнациус почувствовал, что расслабился достаточно, и, вознеся из вод мокрую тушу, взял в руку конверт.

– Ну почему непременно именно такой конверт? – рассерженно осведомился он, изучая пяточок штампа почтового отделения станции «Планетарий», Нью-Йорк, на грубой бумаге. – Содержимое, вероятно, накорябано столярным карандашом или того хуже.

Он разодрал конверт, вымочив всю бумагу, и извлек сложенную афишу, гласившую гигантскими буквами:

ЛЕКЦИЯ! ЛЕКЦИЯ!

М. Минкофф дерзко освещает

**«Секс в Политике: Эротическая Свобода
Как Оружие Против Реакционеров»**

20.00. Четверг, 28-е

Ассоциация Молодых Иудеев – Гран-Конкурс

Вход: 1,00 доллар – ИЛИ – Подпишите Петицию

М. Минкофф, Которая Агрессивно Требуем

Больше Секса Лучшего Качества Для Всех

И Ускоренный Курс Для Национальных Меньшинств!

(Петиция будет отправлена в Вашингтон.)

Подпишите сейчас и спасете Америку

от сексуального невежества, целомудрия и страха.

Достаточно ли вы идейны для того, чтобы помочь

в этом дерзком и значимом движении?

– О, мой бог! – фыркнул Игнациус в мокрые усы. – Ей теперь позволяют выступать в общественных местах? И что означает, во имя всего святого, название этой смехотворной лекции? – Игнациус с издевкой перечел афишу еще раз. – Как бы то ни было, я знаю, что освещать она будет дерзко, и в некотором извращенном смысле мне бы хотелось услышать, как эта маленькая распутница лепечет перед целым залом. На сей раз она превзошла себя в оскорблении вкуса и пристойности.

Проследовав по нарисованной от руки стрелке в нижней части афиши и дойдя до слов *перевернуть*, Игнациус повиновался и стал читать на обороте, где Мирна что-то написала:

Господа!

Что случилось, Игнациус? Я не получила от тебя ответа. Что ж, на самом деле я тебя не виню за то, что ты не пишешь.

Наверное, я действительнохватила через край в последнем письме, но сделала это лишь потому, что меня беспокоила твоя параноидальная фантазия, вероятно, корнящаяся в нездоровом отношении к сексу. Ты же знаешь, что с тех пор, как мы с тобой познакомились, я не переставала задавать тебе достаточно прямые вопросы, призванные выявить твои сексуальные наклонности. Другим моим желанием было помочь тебе обрести подлинное самовыражение и удовлетворение посредством благотворного естественного оргазма. Я уважаю твой разум и всегда принимала твои эксцентрические тенденции – именно поэтому мне хочется, чтобы ты достиг высокогорья совершенного ментально-сексуального равновесия. (Качественный взрывной оргазм очистит все твое естество и выведет тебя из мрака.) Только не злись на меня из-за письма.

Я объясню про эту афишу немного ниже в данном письме, поскольку, как я себе представляю, тебе должно быть интересно, как вообще могла произойти эта дерзкая высокоидейная лекция. Хотя для начала должна сообщить тебе, что съемки нашего фильма отменены, поэтому если ты планировал сыграть домовладельца, забудь об этом. В сущности, у нас возникли трудности с фондами. Из папаша я не смогла выдоить больше ни единой драхмы, поэтому Леола, моя харлемская находка, стала очень враждебно относиться к вопросу жалования (вернее, его отсутствия) и, в конечном итоге, обронила одну-другую реплику, которые, на мой взгляд, прозвучали слегка антисемитски. Кому нужна девушка, недостаточно преданная общему делу и не согласная бесплатно участвовать в проекте, который принес бы благо всей ее расе? Шмуэль решил стать лесным объездчиком в Монтане, поскольку планирует ставить драматическую аллегорию, действие которой происходит в темных чащобах (Невежество и Обычай), и ему хочется лучше прочувствовать лес. Насколько я знаю Шмуэля, его затея стать объездчиком с треском провалится, однако аллегория, я уверена, выйдет противоречивой и вызывающей, преисполненной нелицеприятных истин. Пожелаем ему удачи. Он фантастичен.

Возвращаясь к лекции. Наконец-то я, кажется, обретаю платформу для своей философии и т. д. Все это случилось странным образом. Несколько недель назад я оказалась на вечеринке, которую одни мои друзья устраивали в честь такого

очень *настоящего* парня, только-только из Израиля. Он был невероятен. Я не шучу.

Игнациус испустил чуточку райского газа.

Несколько часов подряд он пел народные песни, выученные там; по-настоящему значимые песни, которые лишь подтвердили мою теорию, что музыка должна, в основе своей, быть инструментом социального протеста и самовыражения. Он продержал нас в этой квартире много часов – мы слушали и просили еще. Позже мы все начали говорить – на многих уровнях, – и я высказала ему все, что было у меня на уме.

– Хо-хм, – неистово зевнул Игнациус.

Он ответил: «Зачем ты таишь это все в себе, Мирна? Почему бы не оповестить об этом мир?» Я рассказала ему, что часто выступала в дискуссионных клубах и в моей группе групповой терапии. И еще рассказала об этих своих письмах редактору, которые печатались в «Новой Демократии», «Человеке и Массах» и «Ну же!»

– Вылезай сейчас же из ванной, мальчик! – донесся из-за двери материнский вопль.

– Чего ради? – спросил он. – Вам нужно ею воспользоваться?

– Нет.

– Тогда уходите, пожалуйста.

– Ты сидишь там уже слишком долго.

– Прошу вас! Я пытаюсь читать письмо.

– Письмо? Кто это написал тебе письмо?

– Мой дорогой друг мисс Минкофф.

– Ты же последний раз говорил, из-за нее тебя из «Штанов Леви» выперли.

– Так и есть. Тем не менее, быть может, это оказалось замаскированной услугой. Моя новая работа возможно, станет довольно приятственной.

– Ну какой ужас, а? – печально вымолвила миссис Райлли. – Из никудышной конторы выгнали, а теперь сосыски на улице торгуешь. Ну, я тебе так скажу, Игнациус. Только попробуй мне, чтоб сосысочник тебя

уволит. Знаешь, что Санта сказала?

– Я убежден: что бы она ни изрекла, это было пронизательно и язвительно. Я мог бы себе вообразить, что ее издевательства над родной речью довольно затруднительны для понимания.

– Она сказала, что тебе пора надавать по мордасам.

– В ее устах это сравнительно грамотно.

– И что сейчас эта твоя Мирна делает? – подозрительно осведомилась миссис Райлли. – Чего это она так расписалась? Ей хорошая ванная бы не помешала, девчонке этой.

– Психика Мирны способна иметь дело с водой лишь в оральном контексте.

– Чиво?

– Вы не будете любезны прекратить орать, словно рыботорговка, и ступайте наконец по своим делам. Неужели в духовке у вас не жарится бутылка мускателя? Оставьте меня уже в покое. Я очень нервен.

– Невры? Ты ж в этом кипятке ж целый час сидишь.

– Вода уже едва ли горяча.

– Так вылазь из ванной.

– Ну почему вам так важно, чтобы я покинул эту ванну, мамаша? Я действительно вас не понимаю. Неужели как домохозяйку вас в настоящий момент не призывает ни одно дело? Я заметил сегодня утром, что пыль в вестибюле уже формируется в сферические образования величиной почти с бейсбольные мячи. Приберите дом. Позвоните и выясните точное время. Сделайте что-нибудь. Прилягте и поспите. В последние дни вы выглядите довольно осунувшейся.

– Как тут не сунуться, мальчик. Ты ж сердце своей бедной мамуле разбиваешь. А вот пади я замертво, что б ты делал?

– Ладно, я не собираюсь принимать участия в этом идиотском разговоре. Продолжайте свой монолог, если угодно. Только тихо. Я должен сосредоточиться на новых непристойностях, которые М. Минкофф замыслила в этом письме.

– Я так больше уже не могу, Игнациус. Вот погоди – скоро найдешь меня на кухне, с инфарком. Допрыгаешься, мальчик. Один останешься на белом свете. Вот упадешь тогда на коленки и боженьке молиться будешь за то, как свою бедненькую мамулечку мучил.

Из ванной донеслось лишь молчание. Миссис Райлли дожидалась хоть всплеска воды, хоть шороха бумаги, но дверь ванной с таким же успехом могла вести в склеп. Через минуту или две бесплодного ожидания она протопала по коридору к духовке. Услышав скрип дверцы, Игнациус

вернулся к письму.

Он сказал: «С таким голосом и личностью, как у тебя, ты должна выступать перед людьми в тюрьмах». Потрясающий парень: у него не только разум крутой, он сам – настоящий *mensch*^[44]. Он вел себя так благородно и внимательно, что я едва глазам своим верила. (Особенно после общения со Шмуэлем, который идеен и не трус, но чересчур громогласен и несколько быдловат.) Я ни разу в жизни не встречала человека, настолько преданного борьбе с реакционными идеями и предрассудками, как этот фолксингер. Самый лучший друг у него – негр-абстракционист, как он сказал, создающий по всему холсту величественные кляксы протеста и вызова, иногда располосовывая холст ножом в клочья. Он вручил мне такой блистательный памфлет, в котором показано, как Папа Римский пытается сколотить себе ядерный арсенал: у меня по-настоящему глаза открылись, и я переслала памфлет редактору «Новой Демократии», чтобы помочь ему бороться с Церковью. Но у него к тому же еще и на БАСПов^[45] зуб. Он их вроде как ненавидит. Я в том смысле, что парню палец в рот не клади.

На следующий день он мне позвонил. Не угодно ли мне будет прочесть лекцию его группе общественных действий, которую он сейчас сколачивает в Бруклин-Хайтсе? Меня просто обуяло. В этом мире, где все друг другу волки, такая редкость – найти друга... по-настоящему искреннего друга... по крайней мере, я так думала. Ладно, чтобы как можно быстрее перейти к сути дела, я на своей шкуре поняла, что лекторство – это как шоу-бизнес: актеров отбирают на кушетке и все такое. Понимаешь, о чем я?

– Верю ли я этому вопиющему оскорблению хорошего вкуса, в которое упирается мой взор? – поинтересовался Игнациус у плавающей мыльницы. – Эта девушка совершенно лишена стыда!

И вновь я вынуждена была осознать тот факт, что тело мое привлекает некоторых больше, нежели мой разум.

– Хо-хм, – вздохнул Игнациус.

Лично мне хочется разоблачить этого липового «фолксингера», который, я полагаю, в данный момент охотится за какой-нибудь другой идейной юной либералкой. По словам одной моей знакомой, она слышала, что этот «фолксингер» – на самом деле баптист из Алабамы. Нет, ну какая же фальшивка. Поэтому я прочла тот памфлет, который он мне подарил, и выяснила, что его напечатал Клан. Это даст тебе какое-то представление о том, с какими идеологическими тонкостями приходится сегодня иметь дело. Мне он показался хорошим либеральным памфлетом. Теперь я вынуждена унижаться и объяснять редактору «Новой Демократии», что хотя брошюра и бросает вызов, но написана не теми людьми. Что ж – БАСПы нанесли ответный удар и попали на этот раз в меня. Инцидент напомнил мне о том случае в парке По, когда белочка, которую я кормила, оказалась крысой, хотя на первый взгляд – вылитой белочкой. Поэтому – век живи, век учись. Этот самозванец подал мне мысль. Даже на обедах учатся. Я решила разузнать тут в АМИ, можно ли как-нибудь вечером получить аудиторию. Через некоторое время мне ответили, что да. Конечно, аудитория здесь, в бронкской АМИ, наверное, окажется несколько замшелой, но если мне лекция удастся, настанет день, и я, быть может, выступлю в АМИ на Лекс. – авеню, где постоянно высказывают свои взгляды великие мыслители, вроде Нормена Мейлера или Симура Крима^[46]. Попытка не пытка.

Надеюсь, ты работаешь над своими личностными проблемами, Игнациус. Не ухудшилась ли твоя паранойя? Основа паранойи, мне кажется, в том, что ты вечно запечатан в этой своей комнате и с подозрением относишься ко всему остальному миру. Мне непонятно, почему ты так упорно живешь там с этими крокодилами. Несмотря на капитальный ремонт, по которому плачет твой разум, мозги твои по-настоящему могут вырасти и расцвести здесь, в Нью-Йорке. Ты довольно уже перечишь себе и своей ментальности. Когда я проездом из Миссисипи виделась с тобой в последний раз, ты был в неважной форме. К нынешнему моменту ты, вероятно, совершенно регрессировал от проживания в этой своей некондиционной труппе, где все твоё общество – одна мать. Неужели твои естественные инстинкты не требуют высвобождения? Прекрасный и осмысленный любовный роман трансформирует тебя, Игнациус. Я это точно знаю. Неимоверные

эдиповы узы опутали твой мозг и губят тебя.

Я не надеюсь и на то, что твои социологические или политические идеи становятся прогрессивнее. Ты уже оставил свой проект по формированию политической партии или выдвижению кандидата в президенты по праву помазанника божьего? Я помню, ты высказывал эту мысль, когда я в конце концов встретила с тобой и бросила вызов твоей политической апатии. Я с самого начала знала, что проект этот – реакционный, но он, по крайней мере, демонстрировал, что в тебе развивается хоть какое-то политическое сознание. Будь добр, напиши мне по этому поводу. Я очень переживаю. Нам в этой стране нужна трехпартийная система, а мне кажется, что изо дня в день фашисты набирают силу. Твоя Партия Божественного Права – как раз такая маргинальная программа, которая сможет отвлечь на себя бо́льшую часть фашистских сторонников.

Что ж, позволь мне прерваться. Надеюсь, лекция пройдет успешно. Ты в особенности мог бы получить пользу от ее предмета. Кстати. Если ты все же соберешься активизировать движение Божественного Права, я смогу помочь тебе организовать здесь ячейку. Прошу тебя – выберись из этого своего дома, Игнациус, и вступи в мир, тебя окружающий. Меня тревожит твое будущее. Ты всегда был одним из самых важных моих проектов, и меня интересует твое нынешнее ментальное состояние, поэтому – *пожалуйста* – вылезай из подушек и напиши мне.

М. Минкофф

Позже, обернув сморщенную розовую кожу в старый фланелевый халат и закрепив его на бедрах английской булавкой, Игнациус уселся в своей комнате за стол и наполнил чернилами авторучку. В прихожей мать разговаривала с кем-то по телефону:

– ...И я до последнего цента сняла всю страховку его бедненького дедушки Райлли, чтоб он только в коллеже учился. Нет, ну какой ужас, а? Столько денег коту под хвост.

Игнациус рыгнул и вытянул ящик стола, где, как он полагал, у него осталась еще бумага для писем. Нашелся только йо-йо, купленный у филиппинца по соседству несколько месяцев назад. На одном боку филиппинец по просьбе Игнациуса вырезал пальму. Игнациус отпустил шарик к полу, но резинка лопнула, и он с грохотом закатился под кровать,

затормозив на кипе журналов и блокнотов «Великий Вождь». Отцепив от пальца резинку, Игнациус снова зарылся в ящик и извлек чистый бланк «Штанов Леви».

Возлюбленная Мирна!

Я получил Ваше оскорбительное сообщение. Неужели Вы всерьез полагаете, что меня могут заинтересовать Ваши вызывающие рандеву с такими недочеловеками, как фолксингеры? В каждой Вашей букве, как мне представляется, я обнаруживаю отсылки к ничтожеству Вашей личной жизни. Прошу вас впредь ограничиваться обсуждением насущных тем и тому подобного; таким образом, Вам, по крайней мере, удастся избежать непристойности и оскорблений. Тем не менее мне видится, что символ крысы и белки, или крысobelки, или белкокрысы – многозначителен и довольно превосходен.

В темную ночь этой сомнительной лекции единственным Вашим слушателем, должно быть, окажется какой-нибудь безнадежно одинокий библиотекарь, заметивший свет в окнах аудитории и пришедший в надежде скрыться там от холода и ужасов своей личной преисподней. И в этом зале – его сутулая фигура в одиночестве перед кафедрой, пустые сиденья эхом возвращают Ваш гнусавый голос, вколачивающий скуку, смятение и сексуальные намеки все глубже и глубже в лысый череп бедолаги, и без того сбитого с толку до грани истерики, – в этом зале, вне всякого сомнения, он самообнажится, размахивая своим исцарапанным органом, как дубинкой, уже отчаявшись заткнуть тот мрачный голос, что монотонно не смолкает у него в голове. На Вашем месте я бы немедленно отменил лекцию. Я убежден, что руководство АМИ будет только радо принять Вашу отставку, в особенности если им посчастливится созерцать ту безвкусную афишу, которая сейчас, вне всякого сомнения, расклеена по всем телеграфным столбам Бронкса.

Ваши комментарии, касающиеся моей личной жизни, непростены и являют собой потрясающее отсутствие вкуса и благопристойности.

В действительности же моя частная жизнь претерпела метаморфозу: я в данное время наинасущнейшим образом связан с пищевой промышленностью и, следовательно, довольно-таки всерьез сомневаюсь, окажется ли у меня в дальнейшем какое-

либо время на переписку с Вами.

По-деловому,

Игнациус

Восемь

– Оставь ее в покое, – сказал мистер Леви. – Посмотри, она хочет спать.

– Оставить ее в покое? – Миссис Леви подперла мисс Трикси на желтой нейлоновой кушетке. – Да понимаешь ли ты, Гас, что именно в этом – трагедия всей жизни этой несчастной женщины? Она всегда была одна. Ей нужен кто-то рядом. Ей нужна любовь.

– Фу.

Миссис Леви была женщиной с интересами и идеалами. За прошедшие годы она успела без остатка отдать себя бриджу, разведению африканских фиалок, Сьюзен и Сандре, гольфу, Майами, Фанни Хёрст^[47] и Хемингуэю, заочному образованию по переписке, парикмахерам, солнцу, изысканному питанию, бальным танцам и, наконец, – мисс Трикси. Ей всегда приходилось довольствоваться мисс Трикси где-то вдалеке, а это – неудовлетворительные условия для выполнения программы, намеченной в заочном курсе психологии, выпускной экзамен по которому она с треском провалила. Заочная школа отказалась поставить ей даже двойку. Теперь же с увольнением юного идеалиста миссис Леви разыграла свою карту умело и получила морщинистую плоть мисс Трикси с козырьком, тапочками и прочими аксессуарами. Мистер Гонсалес с радостью предоставил помощнице бухгалтера неограниченный отпуск.

– Мисс Трикси, – елебно произнесла миссис Леви. – Проснитесь.

Мисс Трикси приоткрыла один глаз и просипела:

– Я уже на пенсии?

– Нет, милочка.

– Кого? – рявкнула мисс Трикси. – Я думала, что уже на пенсии!

– Мисс Трикси, вы считаете себя старой и усталой. Это очень плохо.

– Кого?

– Себя.

– Ох, так и есть. Я очень устала.

– Вы разве не видите? – спросила миссис Леви. – Это все – только у вас в уме. У вас возрастной психоз. Вы по-прежнему еще очень привлекательная женщина. Вы должны повторять себе: «Я по-прежнему еще очень привлекательна. Я очень привлекательная женщина».

Мисс Трикси всхрипнула прямо в лакированную прическу миссис Леви.

– Оставь же ее наконец в покое, доктор Фрейд, – рассердился мистер Леви, отрываясь от «Спорта с картинками». – Мне уже почти хочется, чтобы Сандра и Сьюзен побыстрее приехали, и ты могла бы забавляться с ними. Куда девался твой кружок, с которым ты играла в канасту?

– Не смей со мной разговаривать, ничтожество. Как я могу играть в канасту, когда тут в беде психопатическая личность?

– Психопатическая личность? Да у нее старческое слабоумие. По дороге сюда нам пришлось остановиться примерно на тридцати автозаправках. В конце концов я устал извлекать ее из машины и показывать, где мужской, а где дамский туалет, поэтому я разработал систему. Закон средних чисел. Я поставил на нее деньги, и она пришла с результатом примерно пятьдесят на пятьдесят.

– Не смей мне больше ничего рассказывать, – предостерегла миссис Леви. – Больше ни слова. Как это типично! Позволять анально-компульсивному пациенту барахтаться самостоятельно!

– А Лоренс Уэлк^[48] уже идет? – неожиданно поинтересовалась мисс Трикси.

– Нет, дорогуша. Не волнуйтесь так.

– Но сегодня же суббота.

– Он еще пойдет. Не беспокойтесь. А теперь лучше скажите мне, что вам снится?

– Я сейчас уже не помню.

– Постарайтесь вспомнить, – промолвила миссис Леви, делая в своем дневнике нечто вроде пометки механическим карандашиком, усыпанным искусственными бриллиантами. – Вы должны постараться, мисс Трикси. Милочка, ваш ум деформирован. Вы почти калека.

– Я, может быть, и старая, но я не калека, – неистово возопила мисс Трикси.

– Слушай, ты ее расстраиваешь, Флоренс Найтингейл^[49], – произнес мистер Леви. – Со всем своим психоанализом ты загубишь то, что еще осталось у нее в голове. Ей хочется только одного – выйти на пенсию и лечь спать.

– Ты сам загубил себе жизнь, так не губи хотя бы ей. Этого пациента нельзя списать на пенсию. Нужно сделать так, чтобы она чувствовала себя желанной, нужной, любимой...

– Так включи же тогда свою проклятую гимнастическую доску и дай ей вздремнуть!

– Мне показалось, что мы договорились доску сюда не впутывать.

– Оставь ее в покое. Оставь ее в покое. Ступай на велотренажере покатайся.

– Тихо, пжалста! – каркнула мисс Трикси и потерла глаза.

– При ней мы должны разговаривать любезно, – прошептала миссис Леви. – Громкие голоса и ссоры придадут ей неуверенности.

– Я только за. Давай потише. Но убери этот сенильный мешок из моей комнаты.

– Правильно. Думай, как водится, лишь о себе. Видел бы тебя отец. – Аквамариновые веки миссис Леви взметнулись в ужасе. – Траченный молью повеса ищет оттяга.

– Оттяга?

– А ну-ка закройте рты сейчас же, – встрепелась мисс Трикси. – Должна вам сказать – в черный день меня сюда привезли. Там, с Гомесом, было гораздо спокойнее. Спокойно и тихо. Если сегодня какое-нибудь Первое апреля, то это не смешно. – Она взглянула на мистера Леви слезящимися глазками. – Ты – та птица, что мою подругу Глорию уволила. Бедненькая Глория. Добрейший человек в конторе.

– Ох, только не это! – вздохнула миссис Леви и обрушилась на супруга: – Так ты, значит, одного человека уволил, я правильно поняла? А что это за Глория тогда? Единственный человек относится к мисс Трикси по-людски. Единственный человек – ее друг. Ты это понимаешь? Тебе до этого хоть дело есть? О, нет. Для тебя «Штаны Леви» могут хоть на Марс улететь. Ты просто приезжаешь с ипподрома и вышибаешь эту Глорию вон.

– Глорию? – переспросил мистер Леви. – Не увольнял я никакую Глорию!

– Нет, увольнял, – пропищала мисс Трикси. – Я своими глазами видела. Бедненькая Глория добрейшая душа была. Я помню – Глория мне носки подарила и накормила мясным рулетом.

– Носки и мясной рулет? – Мистер Леви аж присвистнул. – Ох, ничего себе.

– Вот именно! – крикнула миссис Леви. – Насмехайся над презренным созданием. Только не рассказывай мне, что еще ты натворил в «Штанах Леви». Я этого не вынесу. Я не стану говорить девочкам о Глории. Они не поверят в такое бессердечие. Они чересчур невинны.

– Да – только попробуй им об этом рассказать, – разозлился мистер Леви. – Услышу еще одну такую глупость – и окажешься на пляже в Сан-Хуане со своей матерью. Будете веселиться, купаться в море и танцевать до одури.

– Ты мне угрожаешь?

– А ну-ка тихо! – еще громче прорычала мисс Трикси. – Я хочу обратно в «Штаны Леви» сию же минуту.

– Вот видишь? – спросила миссис Леви супруга. – Слышишь, как она стремится к работе? И ты хочешь сокрушить ее, отправив на пенсию. Гас, прошу тебя. Одумайся. Ты плохо кончишь.

Мисс Трикси потянулась за пакетом с лоскутами, который приволокла с собой вместо багажа.

– Ладно, мисс Трикси, – произнес мистер Леви так, будто подзывал кошку. – Пойдемте-ка в машину, а?

– Слава богу, – вздохнула мисс Трикси.

– Убери от нее свои лапы! – завизжала миссис Леви.

– Я еще даже со стула не встал, – ответил супруг.

Миссис Леви толкнула мисс Трикси обратно на кушетку и сказала:

– А ну сидите тут. Вам нужна помощь.

– Только не ваша, – просипела мисс Трикси. – Дайте мне встать.

– Дай ей встать.

– Я тебя умоляю. – Миссис Леви предостерегающе воздела руку, пухлую и окольцованную. – Не беспокойся за это всеми забытое существо, которое я взяла под свое крыло. И обо мне тоже не беспокойся. Забудь о своих крохотных дочурках. Садись в спортивную машину и поезжай. Сегодня начинается регата. Видишь? Из венецианского окна, которое я здесь установила на деньги, заработанные по́том твоего отца, видны мачты.

– Я с вами еще посчитаюсь, – рычала с кушетки мисс Трикси. – Погодите. Дождетесь у меня.

Она попыталась подняться, но миссис Леви придавила ее к желтому нейлону.

II

Насморк его только усугубился, а после каждого приступа кашля, обжигавшего горло и грудь, в легких смутно саднило еще несколько минут. Патрульный Манкузо стер с губ слюну и попробовал отхаркнуть слизь. Однажды днем его так прихватило клаустрофобией, что он чуть сознание в кабинке не потерял. Теперь, казалось, он готов лишиться чувств от головокружения, вызванного простудой. Он прислонился головой к перегородке и прикрыл глаза. По векам изнутри проплывали красные и синие облака. Нужно срочно схватить какого-нибудь субчика и уматывать из этой уборной, иначе лихорадка свалит его так, что сержанту придется каждый день на руках носить его в эту уборную и обратно. Он всегда надеялся на почести за службу, но что почетного в карачуне от пневмонии в сортире автостанции? Даже родня будет над ним смеяться. Что его детишки скажут одноклассникам?

Патрульный Манкузо посмотрел на кафельный пол. Плитки расплывались перед глазами. Его охватила паника. Он прищурился: дымка оказалась влагой, серой пленкой, оседавшей на всех поверхностях уборной. Он снова взглянул на раскрытое «Утешение философией», лежавшее на коленях, и перевернул вялую влажную страницу. Книга повергала его в уныние. Парня, который ее написал, скоро замучает король. Так говорилось в предисловии. Все время, сочиняя эту штуку, он знал: все кончится тем, что ему в голову загонят какую-нибудь дрянь. Патрульному Манкузо было жалко парня, и он чувствовал себя обязанным прочесть все, что парень написал. Пока он осилил лишь двадцать страниц, и оставалось непонятно: этот Боэций что – шулер какой-то? Постоянно твердил про судьбу, шансы и колесо удачи. Как бы там ни было, от таких книжек бодрее на жизнь смотреть не станешь.

Через несколько фраз мысли патрульного Манкузо начали блуждать. Он выглянул в щелочку дверцы, которую всегда оставлял приоткрытой на дюйм-другой, чтобы видеть кто пользуется писсуарами, уборными и ящичком с бумажными полотенцами. Возле кабинок стоял тот самый мальчишка, которого Манкузо видел здесь чуть ли не каждый день. Патрульный наблюдал, как модные сапоги перемещаются взад-вперед от кабинок к ящичку. Потом мальчишка прислонился к кабинке и начал что-то рисовать себе на запястьях шариковой ручкой. Тут дело нечисто, решил патрульный Манкузо.

Он распахнул дверцу и, направляясь к пареньку и подавляя кашель, обратился как можно дружелюбнее:

– А ждо эдо ды дам да дуге бидежж, бдидель?

Джордж метнул взгляд на монокль и бороду, вдруг замаячившие сбоку, и ответил:

– А ну пошел от меня к чертям собачьим, пока по яйцам не получил.

– А ды выдзови болидзыю, – поддразнил его патрульный Манкузо.

– Еще чего? – сказал Джордж. – Вали отсюда. Я не хулиганю.

– Болидзыи боиззя?

Джордж не врубался, что это за недоумок. Наверняка такой же псих, как тот торговец сосисками.

– Слушай, придурок, шевели костями. Мне еще только фараонов тут не хватало.

– Де дадо, да? – лучезарно осведомился патрульный Манкузо.

– Нет, да и такому обсосу, как ты, – тоже не надо, – ответил Джордж, разглядывая слезящийся глаз за стеклышком монокля и сопли в бороде.

– Ды адездовад, – закашлялся патрульный Манкузо.

– Чего? Парень, да ты совсем умом тронулся.

– Батруддый Бадкудзо. Бод бдыгдыдием. – Перед прыщами Джорджа сверкнула полицейская бляха. – Бдойдем за бдой.

– Ты меня это за что, к чертовой матери, арестовал? Я тут стою себе, и все, – нервно запротестовал Джордж. – Я ничо не сделал. Да что ж это такое, а?

– Ды бодоздеваем.

– Подозреваем в чем? – в панике завопил Джордж.

– Ага! – захлебнулся соплями патрульный Манкузо. – Даг ды в замом деде боиззя!

Он попытался было схватить Джорджа за руку, чтобы надеть наручники, но тот выхватил у него из-под мышки «Утешение философией» и изо всех сил шарахнул книгой патрульного в висок. Игнациус в свое время купил крупное, элегантное, редкое издание английского перевода, и все пятнадцать долларов цены обрушились патрульному Манкузо на голову с мощью солидного словаря. Патрульный нагнулся подобрать выпавший из глаза монокль, а выпрямившись, увидел, как мальчишка проворно выскакивает из дверей уборной с книгой в руке. Он хотел было пуститься в погоню, но голова пульсировала от нещадной боли. Он вернулся в кабинку передохнуть, погрузившись в еще большее отчаяние. Что же он скажет миссис Райлли о книге?

Джордж поскорее открыл дверцу в камере хранения автобусной

станции и вытащил бурые пакеты. Не закрыв ячейку, он выскочил на Канальную улицу и зазвякал пряжками к центру города, оглядываясь, не следуют ли за ним монокль с бородой. Но за спиной никакой бороды не было.

Вот непруха так непруха. Этот филер верняк будет шибаться по автобусной станции весь день, его искать. А завтра? На автостанции уже небезопасно; туда уже ни-ни.

– Черт бы побрал эту мисс Ли, – вслух выругался Джордж, не сбавляя шага. Не будь она такой сквалыгой, так бы не получилось. Уволила бы этого кренделя, и Джордж, как и раньше, забирал бы пакетики в два часа. А тут – чуть не замели. И все потому, что ходи, проверяй закладку на автостанции, валандайся с ними по два часа каждый день. Ну куда еще такую парашу засунешь? А с собой таскать весь день – так и устать недолго. Мать дома торчит постоянно, туда с ними и не сунешься.

– Сука прижимистая, – бормотнул Джордж. Он подоткнул пакеты под мышку и тут понял, что прихватил с собой книгу замаскированного шпика. У фараона увел. Тоже хорошо. Мисс Ли просила книжку принести. Джордж посмотрел на название: «Утешение философией». Ну, вот ей и учебник.

III

Санта Батталья попробовала картофельный салат, облизала ложку и аккуратно разместила ее на бумажной салфетке рядом с блюдом. Высасывая из зубов лохмотья петрушки и лука, она сообщила портрету матушки на каминной доске:

– Им понравится. Никто больше такого картошного салатца не готовит, как Санта.

Гостиная была почти готова к вечеринке. На шкафчике старого радиоприемника выстроились две квинты «Прежних времен» и коробка с шестью бутылочками «Севен-Апа». Фонограф, взятый напрокат у племянницы, раскорячился на вымытом линолеуме в центре комнаты, и шнур поднимался к люстре, куда его подключили. Два гигантских мешка картофельных чипсов покоились в углах красного плюшевого дивана. Из банки оливок, установленной посреди жестяного подноса на сложенной и застеленной покрывалом раздвижной кровати на колесиках, торчала вилка.

Санта схватила с каминной доски рамочку с фотографией древней и недружелюбной на вид старухи в черном платье и черных чулках, стоявшей в тупичке, заваленном устричными раковинами.

– Бедненькая мамуля, – с чувством выдохнула она, одарив фотографию громогласным влажным поцелуем. Слой жира на стекле портрета выдавал частоту этих любвеобильных натисков. – Тяжко ж тебе пришлось, дэушка. – Угольки сицилийских глаз зыркали со снимка на Санту почти как живые. – Одна вот картинка твоя и осталась у меня, мамуля, да и тут ты на задворках. Стыдоба-то какая.

Санта вздохнула от всеобщей несправедливости и грохнула картинкой о каминную доску, утвердив ее между вазочкой восковых фруктов, букетом бумажных цинний, статуэткой Девы Марии и фигуркой Пражского Инфанта^[50]. Затем пошла в кухню. Вернувшись в гостиную с табуреткой и походным ведерком льда, она расставила на каминной доске перед маминим портретом свои лучшие вазочки для желе. Близость фотоснимка побудила ее схватить его еще раз и покрыть поцелуями, стучаясь о стекло торчавшей изо рта льдинкой.

– Я ж за тебя молитвы каждый дэнь читаю, дэушка, – бессвязно сообщила Санта фотографии, пытаясь удержать ледышку на языке. – Только попробуй не поверить, что тебе свечечка у Святого Одо горит.

Кто-то постучал в передние ставни. Санта отставила портрет так

поспешно, что перевернула его лицом вниз.

– Ирэна! – заорала Санта, открыв дверь и увидев нерешительную миссис Райлли на ступенях крыльца и своего племянника патрульного Манкузо – на дорожке. – Заходи же ж, дэушка. Какая хорошенькая ты у нас сёдни.

– Спасибо, милочка, – ответила миссис Райлли. – Фу-у! Я уж и забыла, как долго сюда ехать. Мы с Анджело битый час в этой машине парились.

– Взе дедо в бдобгах, вод в джём, – высказал предположение патрульный Манкузо.

– Нет, ты послушай, какой насмор, – ужаснулась Санта. – Ай, Анджело. Ты этим людя́м в учаске скажи, чтоб не сажали тебя больше в тувалет. А Рита где?

– Ода де б даздоении. У дее годоба бодид.

– Так не мудрено – сидеть взапёрти с этими спиногрызами всю время, – высказалась Санта. – Ай, ей почаше выходить в люди надобно, Анджело. Что она в самом деле?

– Дербы, – печально ответил Анджело. – У дее дербдое раздройздбо.

– Невры – это ужас, – подтвердила миссис Райлли. – Знаешь, чего было-то, Санта? Анджело посеял книжку, что ему Игнациус дал. Жалко-то как, а? Книжка-то ладно, только Игнациусу ни гу-гу. А то он тут такое устроит.

Миссис Райлли поднесла палец к губам, давая понять, что пропажа книжки должна остаться тайной навсегда.

– Ну так давай же ж мне свой полът, дэушка, – нетерпеливо сказала Санта, чуть ли не сдирая с миссис Райлли старое пурпурное трикотажное полупальто. Ее переполняла решимость не допустить призрака Игнациуса Ж. Райлли до своей вечеринки: он и так тревожил слишком много вечеров в кегельбане.

– Хорошенькая у тебя тут квартера, Санта, – почтительно произнесла миссис Райлли. – Чисто.

– Ага, только я сэбе линолэму для гостиной нового хочу купить. Ты, малыша, когда-нить бумажные шторы сэбе вешала? Совсем неплохо смотряцца. Я такие славнэнькие в «Мэзон Бланш» видала.

– Я как-то покупала хорошие бумажные занавески Игнациусу в комнату, так он их от окна оторвал и помял все. Говорит, они – выкидыш. Кошмар какой, правда?

– Это кому какой вкус, – поспешно высказалась Санта.

– Игнациус же ж не знает, что я сегодня сюда пошла. Я ему сказала, что к новене пойду.

– Анджело, ну-ка налей Ирэне скорэнько выпить. И сам виски сэбе возьми, простуду лечить надо. У меня в кухне коко́ла есть.

– Игнациусу новены тоже не нравятся. Уж прямо и не знаю, чем мальчику этому угодить. Хотя и нельзя так про свое чадо, но Игнациус у меня лично уже во где сидит.

– Я хороший картошный салатец сготовила, дэушка. Старичок этот мне сказал, что хороший картошный салатец сильно любит.

– Ты б видела, какую огромную форму он мне в постирушку бросает. Да еще указывает, как стирать. Будто мыльный порошок в телевизере торгует. И ведет себя так, точно хорошо добивается, когда тележку эту свою по всему городу таскает.

– Ты гля на Анджело, лапа. Какой хороший кокэ́ль нам намешал.

– А у тебя аспирины есть, голуба?

– Ай, Ирэна! Что ж ты кумпанию не поддэръжишь, за что ж мне такое наказание? Лучше выпей. Погоди, вот старичок придет скоро. Ух, повесэлымся. Смотри, вы со старичком потанцуете прям перед фоногрыфом.

– Потанцуем? Да не хочется мне ни с никакими старичками танцевать. А и потом, у меня ноги сегодня отёкли, пока формы Тусины гладила.

– Ирэна, нельзя ж его так подвести, малыша. Ты б видела, как он аж расцвэл весь, когда я его прям возле цэркви прыгласыла. Бедный старичок. Попомни мое слово – его никто никуда раньше не прыгласал.

– Так ему хотелось прийти, а?

– Хотелось? Да он у меня выпрашивать кинулся, одэвать ему кустюм или как?

– И чего ж ты сказала ему, голуба?

– Ну, я и грю: «А надэвайте чего хотите, мистэр».

– Вот это мило. – Миссис Райлли опустила глаза на свое зеленое тафтяное платье. – А Игнациус еще у меня спрашивает, чего это я в парадное платье к новене вырядилась. Сидит щас у себя в комнате, глупости какие-то пишет. Я говорю: «А сейчас ты чего это пишешь все, мальчик?» – а он мне: «Я пишу, какво сосыски торговать». Вот ужас-то какой, а? Ну кто такой рассказ читать-то станет? Знаешь, скока он принес сегодня из своей сосысочной? Четыре доллара. И как я только буду этому человеку платить?

– Ты гля. Анджело нам славный кокэ́ль принес.

Миссис Райлли приняла вазочку для желе из рук Анджело и двумя глотками ополовинила коктейль.

- Ты откуда такую славненькую стырию взяла, голуба?
- Ты это про что? – спросила Санта.
- Да про фоногрыф твой, вон посередь пола стоит.
- Это племяшки моей. Нэнаглядненькая моя. Тока-тока школу Святого Одо закончила, а уже хорошо продавщицей устроилась.
- Вот видишь? – возбужденно воскликнула миссис Райлли. – Спорим, ей лучше выходит, чем Игнациусу.
- Боже ж ты мой, Анджело, – сказала Санта. – Хватит уже кашлять. Ложись полэжи в задней комнате, отдохни, пока старичок не пришел.
- Бедненький Анджело, – вздохнула миссис Райлли, когда патрульный вышел из гостиной. – Вот уж славный мальчонка. Вы с ним у меня такие хорошие друзья. И подумать только – мы все перезнакомились, когда он хотел Игнациуса арессовать.
- Интересно, чего это старичок никак нэйдет.
- Может, он и не придет, Санта. – Миссис Райлли допила. – Я себе еще сделаю, если ты не против, лапа. У меня промблемы.
- Давай, дэушка. Я твой полът на кухню снэсу, да посмотрю, как там Анджело. Хоть два человека пока у меня на вечеринке щасливые. Только б старичок не упал нигде по дороге, да ногу сэбе не сломал.
- Когда Санта вышла, миссис Райлли наполнила свою вазочку бурбоном и на палец долила «Севен-Апа». Взяла ложку, попробовала картофельный салат и, промокнув начисто ложку губами, вернула ее на бумажную салфетку. Семейка на другой половине сдвоенного дома Санты, судя по звукам, подняла народное восстание. Отхлебывая из вазочки, миссис Райлли приложила ухо к стене и попробовала отфильтровать чуточку смысла из громких воплей.
- Анджело там от кашля принимает, – сказала Санта, входя в гостиную.
- Ох, и крепкие у тебя стены в этом доме, малыша, – сказала миссис Райлли, не в состоянии уловить суть спора по ту сторону стены. – Жили б мы в таком с Игнациусом – мисс Энни не на что было б кляузничать.
- Ну гдэ же ж старичок-то этот? – осведомилась Санта у ставней, выходявших на парадное крыльцо.
- Может, он и не придет вовсе.
- Мож, он забыл.
- Вот так обычно и бывает со стариками этими, милочка.
- Ну, не такой уж он и *старый*, Ирэна.
- А сколько ему?
- Где-то под семьсят, навэрно.

– Ну да, это не старый. Моя бедненькая танта^[51] Маргерит, я тебе про нее рассказывала, ну еще как на нее пацанва напала, чтоб пятьдесят центов из ридикиюля забрать, – так ей уже к восьмидесяти. – Миссис Райлли допила. – Может, он на какую хорошую кинокартину пошел поглядеть или еще чего. Санта, ты не против, если я себе еще стаканчик налью?

– Ирэна! Смотри тока под стол не завалысь, дэушка. Я этого старичка милого с пьянчужкой знакомить не собираюсь.

– Я – малюпусенький. У меня сегодня невры расходились.

Миссис Райлли плюхнула себе добрую порцию виски и снова уселась – прямо на мешок картофельных чипсов.

– Ох, боже-сусе, что я опять натворила?

– Чипсы размолоча, что ж еще? – немного сердито ответила Санта.

– Ай, да там только крошечки теперь остались, – сказала миссис Райлли, извлекая мешок из-под кормы и изучая расплющенный целлофан. – Послушай, Санта, а скока время? Игнациус говорит, сегодня точно на него ломщики нападут, так чтоб я рано пришла.

– Ой, да выкинь из головы, Ирэна. Ты ж тока что сэла.

– Сказать тебе правду, Санта, так я, наверно, и вовсе не хочу со старичком этим знакомиться.

– Ну, так уже ж всё равно поздно.

– Ага, а что мы с этим старичком делать-то будем? – малодушно осведомилась миссис Райлли.

– Ай, отдыхай сэбе, Ирэна. Ты *меня* нэврируешь. Уж лучше б я тебя и не звала. – Санта на мгновение отняла вазочку от губ миссис Райлли. – Тэперь послушай меня. У тебя ж гадкий артюрит был? А в кэгли поиграла – прошло. Прошло же ж? Ты дома сидела с этим самашетшим мальчишкой каждый вэчер, пока Санта не пришла. Сидела же ж? А теперь послушай Санту, ненаглядная моя. Ты ж не хочешь век свой вековать совсем одна, с этим Игнациусом на руках. А старичок, похоже, при деньжатах. И одет чистэнько. И тебя откуда-то знает. И ты ему нрависся. – Санта посмотрела миссис Райлли прямо в глаза. – Этот старичок может за тебя долг вэрнуть.

– Да-а? – Раньше миссис Райлли об этом как-то не подумала. Старичок внезапно показался ей чуточку привлекательнее. – И чистенький?

– А то не чистэнький, – рассердилась Санта. – Ты думаешь, я подруженьку свою с побродяжником сводить стану?

Кто-то легонько постучал в парадную дверь.

– Ой, это точно уж он, – нетерпеливо выпалила Санта.

– Скажи ж ему, что мне уйти нужно было, голуба.

– Уйти? Куда тебе уйти надо, Ирэна? Он же ж уже под самой дверью

стоит.

– Уже ж, вот как, а?

– Дай-ка я пойду погляжу.

Санта открыла дверь и распахнула ставни.

– Эй, мистер Робишо, – окликнула она кого-то в ночи – миссис Райлли не видела кого. – А мы вас ждем-ждем. Моя подруга тут, мисс Райлли, уже прямо и не знает, куда вы запропастились. Заходите уже, не стойте на холодэ.

– Ага, мисс Батталья, вы уж простите, что припоздал малость – внучков надо было по кварталу поводить. Они лотурею с четками для сестер продают.

– Я знаю, – подтвердила Санта. – Я на днях сама у дитенка билетик купила. Да такие четки красивые. А дама одна знакомая вообще в прошлом году мотор к мотолодке выиграла по лотурее у сэстер.

Миссис Райлли вся аж замерла на диване, не отрывая взгляда от коктейля, точно обнаружила, что в нем плавают таракан.

– Ирэна! – вскричала Санта. – Чего ж ты делаешь, дэушка? Скажи мистеру Робишо «здрасьте».

Миссис Райлли подняла голову и узнала старика, которого патрульный Манкузо арестовал перед «Д. Х. Хоумзом».

– Приятно познакомиться, – сказала она коктейлю.

– Может, мисс Райлли и запомнила, – сообщил мистер Робишо лучившейся радостью Санте, – но мы уже виделись.

– Подумать только – да вы старые друзья. – Санта была в восторге. – Нет, ну как мир-то тэсен.

– Ай-й-йя-йя-й, – выдавила миссис Райлли, и голос ее перехватило от страдания. – Э-э-ла-ла.

– А помните же ж, – сказал ей мистер Робишо, – это в центре было, возле «Хоумза». – Этот полицейский хотел вашего мальчонку заграбастать, а вместо него меня арессовал.

Санта выпучила от удивления глаза.

– Ох, да, – промолвила миссис Райлли. – Кажется, теперь помню. Немножко.

– Так вы ж там ни при чем, мисс Райлли. Это все полиция. Сплошные комунясы.

– Только не так громко, – предостерегла миссис Райлли. – В этом доме такие стены тонкие. – Она подвинула локоть и сшибла свою опустевшую вазочку с подлокотника дивана. – Ох, хоссподи. Санта, может, сходишь скажешь Анджело, пусть бежит уже. А я себе и такси поймаю. Скажи,

через черный ход можно выйти. Так ему легче будет. Понимаешь?

– Понимаю, малыша. – Санта повернулась к мистеру Робишо. – Послушайте, когда вы нас с подругой возле кэгеляна видели, вы с нами никакого мужчину не заметили, а?

– Вы, дамы, совсем одни были.

– А это не в тот вечер было, когда А. под арест попал? – прошептала Санте миссис Райлли.

– Ой, да, Ирэна. Ты ж за мной на этой своей машине заехала. Помнишь, еще бампэр перед кэгеляном совсем оторвался?

– Помню. У меня он на заднем сиденье валяется. Я ж это из-за Игнациуса всю машину разбила, он у меня сзади сидел и так неврировал.

– Ай, нет, – изрек мистер Робишо. – Вот чего я терпеть не могу – неудачливых бедолаг или скучных компаний.

– Ежли мне кто грязью ляпнэт, – продолжала Санта, – я тока другую щеку подставляю. Понимаете? Вот это по-христьянски. Пральна же ж, Ирэна?

– Правильно, дорогуша, – нехотя согласилась миссис Райлли. – Санта, лапуся, не найдется у тебя славненькой аспирыны?

– Ирэна! – рассердилась Санта. – А знаете, мистэр Робишо, что б вы сказали, если б увидэли того полицая, который вас заграбастал?

– Надеюсь, я его никогда не увижу, – с чувством произнес мистер Робишо. – Он грязный комуняс. Такие вот и хотят полицейское государство у нас завести.

– Нет, ну прэдположим? Вы бы разве не простили его, не забыли бы?

– Санта, – перебила ее миссис Райлли, – я, наверно, сбегая в кухню и поищу себе славненькой аспирыны.

– Позор-то какой, – продолжал рассказывать Санте мистер Робишо. – Вся моя семья про это услыхала. Полиция моей дочери позвонила.

– Ай, да это пустяки, – ответила Санта. – Всякого когда-нить в жизни загрэбают. Вот на нее хотя б поглядели. – Санта взяла фотографию, лежавшую лицом вниз на каминной доске, и показала двум своим гостям. – Бедненькая мамочка моя. Полиция грабастала ее на рынке «Лаутеншлэгер» четыре раза за нарушение опчественного спокойства. – Санта прервалась для того, чтобы одарить снимок влажным поцелуем. – Думаете, она пэрживала? Вот еще.

– Так это твоя мамуля? – заинтересовалась миссис Райлли. – Тяжко же ей пришлось, а? Матерям вообще тяжкая дорожка выпадает, вы уж мне поверьте.

– Так я ж и грю, – продолжала Санта. – Я б ни за что не

растраивылась, если б меня арэстывали. У полисмэнов работа чижолая. И ошибутся, бывает. Они же ж люди, в конце концов.

– Я всегда была порядочной гражданкой, – сказала миссис Райлли. – Схожу сполосну бокал в раковине.

– Ох, да сядь ты, Ирэна. Дай мне поговорить с мистэром Робишо.

Миссис Райлли подошла к старому шкафчику радио и нацедила себе «Прежних времен».

– Я этого патрульного Манкузо никогда не забуду, – говорил между тем мистер Робишо.

– Манкузо? – с большим удивлением осведомилась Санта. – У меня много родни с тэм же самым именем. На самом дэле, один из них и в силах служит. На самом дэле, он как раз тут сейчас.

– Мне кажется, я слышу, как меня Игнациус зовет. Я, наверное, пойду уже.

– Зовет? – спросила Санта. – Что ты хочешь сказать, Ирэна? Игнациус отсюда шесть миль как из города ехать. Смотри, мы мистэру Робишо даже выпить еще не налили. Сделай-ка ему кокэль, дэушка, пока я схожу Анджело приведу. – Миссис Райлли яростно изучала содержимое своего бокала в надежде отыскать там таракана или хотя бы муху. – Давайте мне свой полът, мистэр Робишо. Вас как друзья называют?

– Клод.

– Клод, а я – Санта. А вот тут у нас Ирэна. Ирэна, скажи «здрассте».

– Здрассте, – автоматически повторила миссис Райлли.

– Вы тут пока подружи́тесь, пока я хожу, – напутствовала их Санта, исчезая в другой комнате.

– Как поживает этот ваш прекрасный большой мальчик? – спросил мистер Робишо, чтобы покончить с наступившим молчанием.

– Кто?

– Сынок ваш.

– Ах, он. Он ничего. – Мысли миссис Райлли снова перенеслись на Константинопольскую улицу, где оставленный ею Игнациус писал у себя в комнате и что-то бормотал о Мирне Минкофф. Миссис Райлли слышала из-за двери, как он говорил: «Ее следует сечь розгами, пока не упадет».

Последовало долгое молчание, нарушаемое лишь неистовым прихлебыванием миссис Райлли из вазочки.

– Хотите хорошеньких картофельных чипсов? – наконец спросила она, осознав, что от тишины ей совсем не по себе.

– Да, я б, наверно, не отказался.

– Они в мешке прям рядом с вами. – Миссис Райлли смотрела, как

мистер Робишо открывает целлофановый пакет. И аккуратное лицо его, и серый габардиновый костюм, казалось, только что выгладили. – Может, Санте помочь надо. Может, она там пошла и упала.

– Да она ж из комнаты вышла минуту назад. Сейчас вернется.

– Эти полы – такие опасные, – заметила миссис Райлли, пристально изучая блестящий линолеум. – Можно поскользнуться и череп себе напополам раскроить.

– В жизни вообще надо осторожнее.

– Ай, и не говорите. Я-то всегда осторожная.

– Я тоже. Осторожность себя окупает.

– Еще как окупает. Вот и Игнациус мне как-то на днях сказал, – солгала миссис Райлли. – Говорит мне: «Мамуля, осторожность как пить дать себя окупает, правда?» А я ему: «Правильно, сынок. Ты осторожнее давай».

– Вот это хороший совет.

– Я Игнациусу всегда советую. Понимаете? Всегда ему помочь стараюсь.

– Я голову готов дать – вы хорошая мама. Я ж вас частенько с вашим мальчиком в городе видал – и всегда думаю, какой же прекрасный большой мальчик. Как из прочих выделяется, понимаете?

– Я с ним стараюсь. Всегда ему говорю: «Будь осторожнее, сынок. Смотри не поскользнись, череп себе напополам не раскрой, руку не сломай». – Миссис Райлли немного пососала кубики льдышек. – Игнациус осторожности еще у самой груди моей научился. И всегда был мне за это благодарный.

– Это хорошее воспитание, вы уж мне поверьте.

– Твержу ему постоянно: «Игнациус, осторожнее улицу переходи, сынок».

– С этим уличным движением осмотрительнее надо, Ирэна. Вы не возражаете, если я вас по имени называть стану, а?

– Да на здоровье.

– Ирэна – красивое имя.

– Вы так считаете? Игнациус говорит, ему не нравится. – Миссис Райлли перекрестилась и допила. – Ох, тяжкая у меня дорожка, мистер Робишо. Вам-то об этом можно и сказать.

– Зовите меня Клод.

– Боженька мне свидетель, ужасный крест нести мне надобно. Хотите, налью вам?

– Ага, спасибо. Хотя не слишком крепкого. Я человек непьющий.

– Ох, боже-сусе. – Миссис Райлли шмыгнула носом, наполняя две вазочки бурбоном до краев. – Как подумаю, сколько мне достается. Иногда так просто хоть сядь и поплачь хорошенько.

И с этими словами миссис Райлли громко и неудержимо разрыдалась.

– Ай, не плачьте же ж, – взмолился мистер Робишо, совершенно сбитый с толку трагическим поворотом, который вечер стал совершенно очевидно принимать.

– Я должна что-то сделать. Хоть властям позвонить, чтоб пришли и забрали этого мальчишку, – всхлипывала миссис Райлли. Потом притихла – набрать полный рот «Прежних времен». – Может, они его хоть в тюремное заключение посадят или еще куда.

– А ему ж разве не тридцать?

– Сердце разрывается.

– Разве он не пишет чего-то?

– Глупости всякие – такие и читать никому не захочется. А теперь они с этой Мирной оскорбляя друг дружке сочиняют. Игнациус мне говорит, он эту девчоночку еще проучит. Вот ведь ужас же какой? Бедненькая Мирна.

Мистер Робишо, не в состоянии придумать, что на это ответить, спросил:

– А чего б вам священника не позвать, пусть с мальчиком поговорит?

– Свящ-щенника? – еще пуще залилась миссис Райлли. – Никакого священника Игнациус и слушать-то не станет. Он и нашего приходского-то иретиком дразнит. Они так поругались, так поругались, когда у Игнациуса песик умер. – Мистер Робишо не смог подыскать никакого комментария и к этому загадочному высказыванию. – Кошмар же ж был. Я уж думала, меня из Церкви выгонят. Прямо и не знаю, откуда этот мальчишка идей своих понахватался. Хорошо хоть его бедный папочка не дожил. Сердце у папочки бы просто не выдержало этой его тележки сосысок.

– Какой тележки сосисок?

– Да он же по всем улицам сейчас тележку сосысок толкает.

– О. Значит, теперь работу себе нашел.

– Так разве ж то работа? – Миссис Райлли всхлипнула. – У меня все соседи уже об нем десны мнут. Дамочка по соседству мильён раз уж спрашивала. Вся Константинопольская улица об нем судачит. Как подумаю, сколько денег я этому мальчику на образывание сгробила. Знаете, я-то думала, детки должны старость утешать. А от Игнациуса какое утешение?

– Может, ваш мальчик слишком долго в школу ходил? – предположил мистер Робишо. – В этих коллежах столько комунясов.

– От как? – заинтересовалась миссис Райлли, промакивая глаза подолом зеленого тафтяного платья и не подозревая, что являет взору мистера Робишо широкие затяжки на коленях чулок. – Может, и вправду вот что с ним такое. Игнациус совсем как комуныст мамулю третирует.

– А вы спросите своего мальчика как-нибудь, что он про демократию думает.

– И спрошу, не сомневайтесь, – радостно закивала миссис Райлли. Игнациус как раз такой тип, чтобы оказаться коммунистом. И даже немножко похож. – Может, я его припугну хорошенько.

– Мальчик этот не должен вас огорчать. У вас же ж очень прекрасный характер. Я такое в даме сильно уважаю. Когда я вас возле кегельбана с мисс Баттальяй приметил, так сразу себе и сказал: «Надеюсь, я с нею когда-нибудь познакомлюсь».

– Так и сказали?

– Меня ваша прямота прям восхитила – как вы за мальчика своего заступились перед этим грязным фараоном, а особо – если у вас с сынком дома нелады. Тут мужество надобно.

– Я уж жалела, что не дала Анджело его забрать. Ничего больше б тогда и не было. Игнациуса бы накрепко в каталажку заперли.

– А Анджело – это кто?

– Ну вот! И надо было мне варезку разевать. А что я сказала, Клод?

– Что-то про какого-то Анджело.

– Боже-сусе, дайте-ка я схожу посмотрю, как там Санта. Бедняжечка. Может, о плиту обожглась. Санта постоянно себе обжигается. Неосторожно она с огнем, знаете ли.

– Если б обожглась, так закричала бы.

– Санта уж не закричит. У ней мужества хоть ложкой ешь, вот же ж девонька. Из нее и слова не вытянешь. Вот крепкая порода итальянская.

– Господи Иисусе всемогущий! – взвыл вдруг мистер Робишо, вскакивая на ноги. – Это ж он!

– Что такое? – панически вскрикнула миссис Райлли, а оглядевшись, увидела, что в дверях гостиной стоят Санта и Анджело. – Вот видишь, Санта. Я так и знала же ж. Хосподи, невры у меня и так расходились. Надо было дома сидеть.

– Не будь ты грязным фараоном, я б тебе прямо по носу съездил, – орал мистер Робишо.

– Ай, не берите в голову, Клод, – спокойно сказала Санта. – Анджело тут плохого не хотэл.

– Да он меня погубил, комуныс этот.

Патрульный Манкузо свирепо закашлялся – выглядел он подавленным. Он не очень ясно понимал, что еще ужасного может с ним приключиться.

– Ох, боже-сусе, я лучше пойду, – в отчаянии произнесла миссис Райлли. – Только драки мне тут и не хватало. Мы ж во все газеты попадем. Вот Игнациус тогда уж довольный будет.

– Вы зачем меня сюда приволокли? – неистово осведомился мистер Робишо у Санты. – Что это такое?

– Санта, лапуся, ты мне славненькое такси не вызовешь?

– Ай, заткнись, Ирэна, – ответила Санта. – Теперь послушайте суда, Клод, Анджело говорит, что звиняется, что вас тогда привлек.

– Это ничего не значит. Поздно уже извиняться. Меня перед внуками опозорили.

– Да не злитесь вы на Анджело, – взмолилась миссис Райлли. – Это все Игнациус. Плоть и кровь моя, но что есть, то есть, – как на улицу выходит, вечно посмешище одно. Анджело надо было его в каталашку запереть.

– И подэлом, – добавила Санта. – Вы послушайте, Клод, послушайте, что вам Ирэна говорит. Да смотрите на фоногрыф моей племяшки бедненькой не наступите.

– Если б Игнациус повежливей с Анджело был, ничего б и не случилось, – объяснила миссис Райлли публике. – Поглядите только, как бедный Анджело простыл. Тяжкая у него дорожка, Клод.

– Ты скажи, скажи ему, дэушка, – понукала ее Санта. – Анжело насмор себе заработал тока потому, что вас привлек, Клод. – Санта слегка обвиняюще погрозила мистеру Робишо узловатым пальцем. – И теперь вот в туалете сидел запертый. А дальше его и вообще выпнуть из сил могут.

Патрульный Манкузо печально закашлялся.

– Ну, может, я чутка погорячился, – уступил мистер Робишо.

– Бде де здедобало ваз бдибдегадь, – выдохнул Анджело. – Я дедбидджал.

– Это я во всем виновата, – сказала миссис Райлли, – потому как хотела Игнациуса выгородить. Надо было дать тебе его запереть, Анджело. – Миссис Райлли повернула белое напудренное лицо к мистеру Робишо. – Мистер Робишо, вы моего Игнациуса еще не знаете. Куда б ни пришел – везде от него неприятность.

– Кому-то пора уже этому Игнациусу по мордасам надавать, – рьяно высказалась Санта.

– Кому-то пора уже ему по зубам съездить, – подтвердила миссис Райлли.

– Кому-то давно пора этого Игнациуса отмутузить хорошенько, –

сказала Санта. – А теперь давайте все помиримся.

– Ладно, – согласился мистер Робишо. Он взял Анджело за иссиня-белую руку и вяло ее потряс.

– Ну как же ж это мило, – восхитилась миссис Райлли. – Пошли сядем на диван, Клод, а Санта пускай поиграет на этой штуkenции своей племяшки ненаглядной.

Пока Санта ставила на фонограф пластинку Жирика Домино^[52], заметно сбитый с толку Анджело, хлюпая носом, уселся на кухонную табуретку напротив миссис Райлли и мистера Робишо.

– Ай как славно, – завопила миссис Райлли, перекрикивая оглушительные бас и пианино. – Санта, голубушка, ты это не хочешь потише прикрутить?

Раскаты ритма слегка сократились в громкости.

– Ладно, – закричала Санта своим гостям. – А тэперь все тут подружитесь, пока я за талэрками схожу для мойво картошного салатца. Эй, ну же ж давайте, Ирэна с Клодом. Порастрясите косточки, детишечки мои.

Два крохотных угольно-черных глаза злобно зыркали на нее с каминной полки, когда она весело топотала прочь из комнаты. Трое гостей, утопшие в громыхающем бите фонографа, молча созерцали розоватые стены и цветочные узоры линолеума. Затем миссис Райлли неожиданно завопила двум джентльменам:

– А знаете что? Когда я уходила, Игнациус пустил воду в ванную и наверняка забыл потом выключить. – А когда никто ей не ответил, добавила: – Ох, и тяжкая же дорожка у матерей.

Девять

– На тебя жалоба из Департамента здравоохранения, Райлли.

– О, и это все? По выражению вашего лица я бы решил, что у вас нечто вроде эпилептического припадка, – сказал Игнациус мистеру Клайду, с трудом проталкивая слова сквозь рот, набитый «горячей собакой» и булочкой, и тараня тележкой стену гаража. – Я опасюсь догадываться, какой может оказаться природа этой кляузы или каково ее возможное происхождение. Уверяю вас – я сама душа опрятности. Мои интимные привычки безукоризненны. Не служа переносчиком ни одного социального недуга, я не понимаю, каким образом мог бы заразить ваши сосиски заболеванием, которого у них и без того бы не было. Вы только посмотрите на эти ногти.

– Хватит мне тут баки заколачивать, жирный оборванец. – Мистер Клайд проигнорировал лапы, протянутые Игнациусом для инспекции. – Ты на работу всего несколько дней ходишь. А у меня парни по многу лет работают, и ни один в катавасию с Департаментом еще не попадал.

– Вне всякого сомнения, они пронырливее меня.

– Там этот ихний человек тебя проверял.

– О, – спокойно ответил Игнациус и сделал паузу, прожевывая кончик сосиски, сигарным окурком свисавший с нижней губы. – Так вот кем был тот очевидный аппендикс чиновничества. Он и походил на руку бюрократии. Правительственных наймитов всегда можно отличить по тотальной пустоте, заполняющей то пространство, где у большинства прочих людей располагаются лица.

– Закрой пасть, засранец. Ты заплатил за сосиску, которую жрешь?

– Ну, косвенным образом. Вы можете вычесть ее стоимость из моего жалкого содержания. – Игнациус видел, как мистер Клайд занес какие-то цифры в блокнотик. – Скажите же мне, какое архаическое санитарное табу я нарушил. Я подозреваю, что со стороны инспектора имела место некая фальсификация.

– Департамент утверждает, что они видели киоскера с номером семь... это значит – тебя...

– Так и есть. Трижды благословенная Семерка! И в этом я виновен. Мне уже что-то пришили. Я воображал, что ироническим образом Семерка окажется тележкой несчастливой. Я желаю другую тележку – и немедленно. Очевидно, я толкаю по улицам чью-то порчу. Я уверен, что с

любой другой тележкой у меня все получится гораздо удачнее. Новая тележка – к новым перебежкам!

– Ты будешь меня слушать или нет?

– Ну что ж, если это в самом деле необходимо. Хотя мне, вероятно, следует предупредить вас, что я почти готов лишиться чувств от тревожностей и общей подавленности. Фильм, который я просмотрел вчера вечером, был особенно изнурителен – оперетта для подростков, имеющая место на пляже. Я едва не упал в обморок во время сцены вокала на доске для серфинга. Помимо этого, вчера ночью я пережил два кошмара, в одном из которых немалую роль играл туристический автобус с круговой панорамой. Вторым повествовал об одной моей знакомой. Он был довольно-таки жесток и непристой. Если бы я стал вам его описывать, вы бы, вне всякого сомнения, испугались.

– Они видели, как ты на улице Святого Иосифа подобрал из канавы кота.

– И это – все, на что они способны? Какая абсурдная ложь! – ответил Игнациус и одним вывертом языка втянул последнюю видимую порцию «горячей собаки».

– Что ты делал на улице Святого Иосифа? Там же одни склады и причалы. На улице Святого Иосифа людей-то не бывает. Она даже не входит в наши маршруты.

– Что ж, я этого не знал. Я лишь немощно забрел туда, чтобы слегка передохнуть. Время от времени мне навстречу попадались пешеходы. К несчастью для нас, настроение у них было не горячее и отнюдь не собачье.

– Так ты *был* там? Неудивительно, что ты никогда ничего не продаешь. И ты, наверно, игрался с этим проклятым котом.

– Теперь, когда вы о нем упомянули, я действительно припоминаю поблизости одно-другое квартирное животное.

– Значит, ты игрался с котом.

– Нет, я не «игрался» с котом. Я лишь подобрал его и немного погладил. Это была довольно привлекательная на вид пестренькая особь. Я предложил ему «горячую собаку». Тем не менее кот отказался ее есть. Вот вам пример животного хоть с каким-то вкусом и пристойностью.

– Это серьезное нарушение – ты отдаешь себе в этом отчет, гамадрил?

– Боюсь, что нет, – рассердился Игнациус. – Очевидно, само собой разумеющимся сочли, что кот нечистоплотен. Откуда мы это знаем? Коты знамениты своим чистоплутьством – постоянно вылизывают себя, когда подозревают, что имеется хоть малейшая причина для сомнений. У этого инспектора, должно быть, имелось некое предубеждение насчет котов. Кот

не удостоился ни малейшего шанса.

– Мы толкуем не про кота! – проскрежетал мистер Клайд с таким неистовством, что Игнациус разглядел, как вокруг белесого шрама на носу набухают лиловые вены. – Мы говорим о тебе.

– Ну *я-то*, разумеется, чистоплотен. Мы это уже обсуждали. Мне просто хотелось, чтобы кот тоже был услышан. Сэр, неужели меня бесконечно будут третировать? Мои нервы уже приближаются к стадии тотального разложения. Когда вы лишь мгновение назад проверили мои ногти, я надеюсь, вы отметили пугающие вибрации в моих конечностях? Мне бы очень не хотелось подавать на корпорацию «Райские Киоскеры» в суд, чтобы она оплачивала гонорары моего психиатра. Возможно, вам неведомо, что я не охвачен никаким страховым планом госпитализации. «Райские Киоскеры», разумеется, слишком палеолитичны, чтобы рассмотреть предложение своим работникам подобных льгот. В действительности, сэр, я довольно-таки не удовлетворен условиями труда в этой сомнительной фирме.

– Почему, что такое? – встревожился мистер Клайд.

– Боюсь, что всё. Но превыше всего прочего – я совсем не ощущаю, что меня здесь ценят.

– Ну, ты, по крайней мере, не прогуливаешь. Что есть, то есть.

– Это все потому, что, осмелюсь я остаться дома, меня бы избили до потери пульса печеной винной бутылкой. Открывать дверь в мой дом – все равно, что вторгаться в логово львицы. Моя мать становится все более негуманна и злобна.

– Знаешь, Райлли, мне не хочется тебя увольнять, – отеческим тоном произнес мистер Клайд. Он уже слышал прискорбную историю киоскера Райлли: пьющая мать, убытки, за которые следовало платить, угроза нищеты как для матери, так и для сына, сладострастные материны дружки. – Я выделю тебе новый маршрут и дам еще один шанс. У меня тут есть в заначке кое-какие коммерческие штучки – может, тебе пригодятся.

– Вы вольны сразу отправить карту моего нового маршрута в психиатрическую палату благотворительной больницы. Заботливые монахини и психиатры помогут мне расшифровать ее между сеансами шоковой терапии.

– Да заткнись же ты.

– Вот видите? Вы уже уничтожили всю мою инициативу, – рыгнул Игнациус. – Ну что ж, надеюсь, вы избрали для меня живописный маршрут, предпочтительно – где-нибудь в садово-парковой зоне с обилием удобств для сидения страдальцев с усталыми, отнимающимися ногами.

Поднявшись сегодня утром, я обнаружил, что лодыжки не держат меня. К счастью, я вовремя успел схватиться за спинку кровати. Иначе я бы, вне сомнения, рухнул, сломленный, на пол. Мои предплюсны, очевидно, совершенно готовы подписать акт о капитуляции.

Игнациус наглядно захромал вокруг мистера Клайда, и сапоги пустынной модели зашаркали по промасленному цементу.

– Прекрати сейчас же, недотепа. Ты не инвалид.

– Пока еще – не совсем. Тем не менее некоторые мои косточки и связки начинают размахивать белым флагом поражения. Мои физические аппараты, кажется, уже созрели для объявления перемирия. Моя же пищеварительная система перестала функционировать практически полностью. Мой пилорический клапан, должно быть, сплошь зарос некоей тканью, запечатавшей его навсегда.

– Я ставлю тебя на Французский Квартал.

– Что? – загрохотал Игнациус. – Неужели вы считаете, что я буду способен расхаживать взад и вперед по этой клоаке порока? Нет, боюсь, о Квартале не может быть никакой речи. Моя психика распадется в подобной атмосфере. А помимо этого, улочки там очень узки и опасны. Я могу легко попасть в дорожную пробку или оказаться прижатым к стене здания.

– Не хочешь – не бери, жирный ублюдок. Это твой последний шанс. – Шрам мистера Клайда снова наливался белизной.

– Вот как? Я вас умоляю – припадков больше не нужно. Вы можете случайно перевернуться в этот чан сосисок и ошпариться. Если вы так настаиваете, воображаю, что мне придется влачить свои сосиски даже в Содом и Гоморру.

– Ладно. По рукам. Приходишь завтра утром, я тебя этим штучкам научу.

– Не могу обещать вам, что в Квартале окажутся проданными много «горячих собак». Вероятно, каждое мгновение я буду занят тем, чтобы защитить свою честь от тех подонков, что там обитают.

– Да в Квартале же, по большей части, туристам торгуют.

– Это еще хуже. Только дегенераты занимаются туризмом. Лично я выезжал из города лишь единожды. Кстати, я вам когда-либо рассказывал о том исключительном паломничестве в Батон-Руж? Множество ужасов таится за городской чертой.

– Нет. Я и слышать не хочу об этом.

– Что ж, тем хуже для вас. Из моего травматического отчета об этой поездке вы могли бы почерпнуть какое-нибудь ценное понимание. Однако я рад, что вы не желаете о ней слышать. Психологические и символические

тонкости путешествия, вероятно, не смогут быть постигнуты умственными способностями «Райских Киоскеров». К счастью, я все это записал, и когда-либо в грядущем более сметливая часть читающей публики извлечет для себя выгоду из моего отчета о бездонно кошмарном моем пребывании в болотах – вплоть до глубинного местообитания предельного ужаса.

– Послушай сюда, Райлли.

– В своем отчете я по случайности наткнулся на особенно уместное сравнение туристического автобуса с аттракционом «мертвая петля» в сюрреалистическом парке развлечений.

– Да заткнись же ты! – завопил мистер Клайд, угрожающе размахивая вилкой. – Давай сюда чеки за сегодня. Сколько ты продал?

– О, мой бог! – вздохнул Игнациус. – Я знал, что рано или поздно мы к этому придем.

Парочка несколько минут торговалась из-за дневной выручки. В действительности Игнациус просидел все утро на Пласе Идза, наблюдая за передвижением судов в гавани и делая в блокноте «Великий Вождь» кое-какие пометки об истории мореплавания и Марко Поло. Между пометками он размышлял о способах уничтожения Мирны Минкофф, однако ни к какому удовлетворительному заключению не пришел. Максимум возможностей сулил один план: следовало найти в библиотеке книгу о боеприпасах, соорудить бомбу и отправить ее Мирне простой посылкой. Затем он вспомнил, что у него отобрали библиотечную карточку. Весь полдень был потрачен на кота – Игнациус пытался заманить его в отсек для булочек, взять к себе и одомашнить. Коту, однако, удалось бежать.

– Мне представлялось, что вы окажетесь настолько щедры, чтобы предоставить собственным служащим хоть какую-то скидку, – значительно произнес Игнациус, когда ревизия чеков показала, что, по вычитании стоимости «горячих собак», съеденных им самим, его чистый дневной заработок составил ровно один доллар и двадцать пять центов. – В конечном итоге я становлюсь лучшим вашим покупателем.

Мистер Клайд ткнул вилкой в кашне киоскера Райлли и приказал ему убираться вон из гаража, грозя увольнением, если он не появится назавтра пораньше и не начнет работу во Французском Квартале.

Игнациус зашлепал к трамваю в мрачном настроении и поехал из города, отрывая райский газ столь неистово, что сидеть с ним рядом не захотел никто, хотя вагон был переполнен.

Не успел он войти в кухню, как мать приветствовала его, рухнув на колени и возопив:

– Х-хосподи-и, скажи ж мне, зачем ниспослал ты сей тяжкий крест?

Чего я натворила, хосподи? Скажи же ж мне. Пошли мне знак. Я хорошо себя вела.

– Прекратите это богохульство сей же момент, мамаша, – рявкнул Игнациус. Миссис Райлли немо продолжала вопрошать глазами потолок, ища ответа среди жирной копоти и трещин. – Хорошо же меня приветствуют после обескураживающего рабочего дня, когда приходилось биться за самое свое существование на улицах этого свирепого города.

– Что это за вавочки у тебя на руке?

Игнациус бросил взгляд на царапины, заработанные в попытках убедить кота остаться в отсеке для булочек.

– Я выдержал довольно апокалиптическую битву с изголодавшейся проституткой. – Он рыгнул. – Если бы не моя превосходно развитая мускулатура, блудница подвергла бы мою тележку осаде. В конечном итоге ей, прихрамывая, пришлось удалиться прочь с поля боя, неся свое парадное тряпье нараспашку.

– Игнациус! – трагически вскричала миссис Райлли. – Каждый же ж день ты приходишь домой все хуже и хуже. Что с тобою происходит?

– Выньте свою бутылку из духовки, мамаша. Она, должно быть, уже испеклась.

Миссис Райлли подозрительно взглянула на сына:

– Игнациус, а ты уверен, что ты не комуняст?

– О, мой бог! – взревел Игнациус. – Каждый день в этом ветшающем строении я подвергаюсь маккартистской охоте на ведьм. Нет! Я уже говорил вам. Я даже не попутчик. Что в подлунном мире вложило вам в голову эту идею?

– Я просто где-то в газете прочитала, что в коллежах много комунястов.

– Ну так, к счастью, мне они не попадались. Пересеки хотя бы один из них мою тропу, он был бы избит до потери пульса. Неужели вы полагаете, что я хочу жить в коммунальном обществе с такими людьми, как эта ваша знакомая Батталья, – мести улицы и добывать камень в карьерах, или чем там еще постоянно занимается население захиревших стран? Мне потребно единственное – крепкая монархия с имеющим тонкий вкус порядочным правителем, обладающим хоть какими-то познаниями в теологии и геометрии, – а также возможность культивировать Богатую Внутреннюю Жизнь.

– Правителя? Так ты это короля, что ли, хочешь?

– О, прекратите мне тут лопотать.

– Никогда в жисть я не слыхала, чтоб кто-нибудь короля себе хотел.

– Я вас умоляю! – Игнациус впечатал лапу в клеенку на кухонном столе. – Подметите крыльцо, навестите мисс Энни, позвоните сводне Батталье, потренируйтесь в переулке со своим кегельным шаром. Оставьте меня в покое! Я пребываю в очень плохом цикле.

– Каком еще таком «цыкле»?

– Если вы не прекратите досаждать мне, я окрещу форштевень вашего сломанного «плимута» бутылкой вина из духовки, – фыркнул Игнациус.

– Подрался с какой-то бедненькой девчоночкой на улице, – сокрушенно вымолвила миссис Райлли. – Нет, ну какой ужас, а? Да еще прям перед своей тележкой сосысок. Игнациус, мне кажется, тебя нужно полечить.

– Ну так я собираюсь смотреть телевидение, – сердито отозвался Игнациус. – Близится программа «Медвежонок Йоги»^[53].

– Погоди минуточку, мальчик. – Миссис Райлли поднялась с пола и вытащила небольшой манильский конверт из кармана кофты. – Вот. Это тебе сегодня пришло.

– О? – с большим интересом спросил Игнациус, выхватывая у нее бурый конвертик. – Я воображаю, что вы уже выучили его содержимое наизусть.

– Ты б лучше руки в раковину сунул, да царапки свои отмочил.

– Они могут подождать, – ответил Игнациус, раздирая конверт. – М. Минкофф, очевидно, ответила на мое послание с весьма неистовой поспешностью. Я отчитал ее довольно-таки злобно.

Миссис Райлли села и, закинув одну ногу на другую, стала печально покачивать в воздухе белым носком и потрескавшейся черной лакированной туфлей, пока изжелта-небесные глаза сына шарили по разорванному пакету из универмага «Мэйсиз», на котором было написано письмо.

Господа:

Ну, наконец-то я хоть что-то получила от тебя, Игнациус. И что за мерзкое, тошнотворное письмо ты мне написал. Я не стану распространяться о грифе «Штанов Леви» на этом бланке. Вероятно, таковы твои представления об антисемитских шуточках. Хорошо, что я выше оскорблений на таком уровне. Я никогда не думала, что *ты* можешь так низко опуститься. Век живи – век учись.

Твои замечания по поводу моей лекции явили мелочную зависть, какой я не ожидала от человека, утверждающего широту

своих взглядов и невовлеченность. Лекция уже заинтересовала некоторых моих идейных знакомых. Один из них обещал прийти сам (и привести несколько очень смышленных друзей) – он мой новый блестящий деловой знакомый, и с ним я вступила в контакт на линии Джером-авеню в час пик. Его зовут Онга, и он студент из Кении, учится по обмену в Нью-Йоркском университете, пишет диссертацию о французских символистах XIX в. Ты, разумеется, не поймешь, и тебе не понравится такой блестящий и идейный парень, как Онга. Я могла бы слушать его часами. Он серьезен и не выпендривается со всей этой псевдо-ерундой, как обычно это делаешь ты. Все, что Онга произносит, наполнено смыслом. Онга – *настоящий* и очень витален. Он вирилен и агрессивен. Он впивается в реальность и срывает с нее все покровы.

– О, мой бог! – втянул слюну Игнациус. – Распутницу изнасиловал мау-мау.

– Это еще что? – с подозрением спросила миссис Райлли.

– Ступайте включите телевизионный приемник и разогрейте его, – рассеянно велел Игнациус и вновь обратился к своему яростному чтению.

Он совсем на тебя не похож, как ты можешь себе вообразить. Кроме того, он – музыкант и скульптор, и каждую минуту тратит на какую-либо настоящую и осмысленную деятельность, создает и ощущает. Его скульптуры едва не прыгают и не хватают тебя – настолько они полнятся жизнью и бытием.

По крайней мере, твое письмо дало мне понять, что ты еще жив, если это можно назвать «жизнью». К чему эта ложь о «связи с пищевой промышленностью»? Это что – какие-то нападки на предприятие моего отца по снабжению ресторанов? Если это и так, я нисколько не задета, ибо мы с отцом уже много лет находимся в идеологической конфронтации. Давай честно, Игнациус. С тех пор как я видела тебя в последний раз, ты не сделал ничего – только валялся и гнил в своей комнате. Твоя враждебность к моей лекции – проявление твоих ощущений провала, не востребоваемости и ментальной (?) импотенции.

– Эту либеральную профурсетку следует насадить на член особо крупного жеребца, – свирепо пробормотал Игнациус.

– Что? Что такое, мальчик?

Игнациус, на подходе очень серьезный надрыв. Ты должен сделать *что-нибудь*. Даже добровольная работа в больнице выдернет тебя из апатии, а также, вероятно, окажется необременительной для твоего клапана и других вещей. Выбирайся из этого утробоподобного дома хотя бы на час в день. Ходи на прогулки, Игнациус. Смотри на деревья и птичек. Пойми – жизнь вздымается волнами вокруг тебя. Твой клапан закрывается, поскольку считает, что живет в мертвом организме. Раскрой свое сердце, Игнациус, – и откроешь свой клапан.

Если у тебя имеются какие-то сексуальные фантазии, опиши их в подробностях в своем следующем письме. Возможно, мне удастся интерпретировать их значение и помочь тебе в этом твоём психосексуальном кризисе. Еще в колледже я говорила тебе много раз, что ты неизбежно вступишь в подобную психотическую фазу.

Мне показалось, тебе было бы интересно узнать: я только что прочла в «Общественном отвращении», что в Луизиане – самый низкий уровень грамотности в США. Выбирайся из этого бардака, пока еще не поздно. На самом деле я не обиделась на то, что ты написал о лекции. Я понимаю твоё состояние, Игнациус. Все члены моей группы групповой терапии следят за развитием твоего случая с интересом (я пересказала им твою проблему по пунктам, начиная с паранойяльной фантазии и дополняя некоторыми комментариями об истории вопроса), и все они желают тебе успеха. Если б я не была так занята лекцией, то пустилась бы в давно обещанную инспекционную поездку и навестила бы тебя лично. Держись там, пока мы снова не встретимся.

М. Минкофф

Игнациус ожесточенно сложил, затем скомкал пакет из «Мэйсиз» и запустил им в мусорное ведро. Миссис Райлли посмотрела на побагровевшее лицо сына и спросила:

– Чего этой девчоночке надо? Чего она сейчас подделывает?

– Мирна готовится истошно вопить на какого-то несчастного негра. Прилюдно.

– Ай, какой же ж ужас. Хороших же ж ты себе подружек подбираешь,

Игнациус. Этим темненьким и так же достается, мальчик. Да и дорожка у них тяжкая, к тому ж. Трудно жить, Игнациус. Сам потом поймешь.

– Благодарю вас, – по-деловому сухо ответил Игнациус.

– Ты ж знаешь эту несчастную темненькую старушку – она еще пралине перед кладбищем продает. Ай, Игнациус, как же ж мне ее жалко. Как-то вижу – стоит в тряпишном пальтеце, все в дырках, а на улице такая холодина. И вот я ей говорю: «Эй, милочка, вы же ж простынете, коли тряпишное пальтецо такое, все в дырках, носить будете». А она мне...

– Я вас умоляю! – бешено заорал Игнациус. – Я сейчас не в настроении выслушивать диалектальные истории.

– Игнациус, послушай же ж меня. Старушка жалостная такая, вот. И говорит мне: «Ох, да что ж мне эта холодрыга, сладенькая моя. Я же к ней привыкла». Вот же храбрая какая, нет? – И миссис Райлли с чувством взглянула на Игнациуса, ища согласия, однако удостоилась лишь презрительной ухмылки усов. – Это же что-то ж, а? И знаешь, что я сделала, Игнациус? Даю ей четвертачок и говорю: «Вот, дорогуша, сходи купи себе безделушку какую для своих внучат».

– Что? – взорвался Игнациус. – Так вот куда утекает вся наша прибыль. В то время, как я доведен чуть ли не до попрошайничества на улицах, вы швыряетесь нашими деньгами направо и налево каким-то жуликам. Все одеяние этой женщины – декорация. У нее возле этого кладбища – чудеснейшее, выгоднейшее местоположение. Вне всякого сомнения, она зарабатывает в десять раз больше меня.

– Игнациус! Она же ж вся нищая, – печально вымолвила миссис Райлли. – Вот был бы ты таким же храбреньким, как она.

– Понимаю. Теперь меня сравнивают с дегенеративной старой мошенницей. Хуже – я проигрываю в этом сравнении. Моя собственная мать осмеливается так меня чернить. – Игнациус тяжело опустил лапу на клеенку. – Что ж, с меня довольно и этого. Я направляюсь в гостиную смотреть программу «Медвежонок Йоги». Между своими перерывами на возлияния принесите мне чего-нибудь перекусить. Мой клапан криком исходит, жаждущая утоления голода.

– Заткнитесь, вы, там! – завопила из-за своих ставней мисс Энни в тот момент, когда Игнациус завернулся в рабочий халат и величаво проследовал в прихожую, размышляя над своей самой главной проблемой: организацией свежего наскока на дерзость маленькой распутницы. Штурм гражданскими правами потерпел фиаско из-за дезертирства в рядах наступавших. Но должны последовать новые атаки, кои следует начинать в сферах политики и секса. Предпочтительно – политики. Стратегия

заслуживала его неослабного внимания.

II

Лана Ли размещалась на табурете у стойки бара: ноги в жженого цвета замшевых брюках скрещены, мускулистые ягодицы крепко прижимают табурет к полу, приказывая мебели поддерживать ее в идеально вертикальном положении. Стоило ей слегка шевельнуться, сильные мышцы нижних щек оживали и мягко охватывали табурет, не позволяя ему пошатнуться или наклониться даже на дюйм. Мышцы обтекали подушку, не давая эрекции табурета ослабнуть. Долгие годы практики и употребления превратили Ланино мягкое место в необычайно многоцелевой и ловкий инструмент.

Собственное тело всегда изумляло ее. Она получила его бесплатно и ничего более полезного за всю свою жизнь не приобрела. В те редкие мгновения, когда Лана Ли становилась сентиментальна или даже набожна, она благодарила Господа за доброту Его – за то, что вылепил ей такое тело, с которым можно дружить. Она воздавала за этот дар сторицей, великолепно ухаживая за ним, грамотно обслуживая и снабжая его с бесстрастной точностью механика.

Сегодня у Дарлины была первая генеральная репетиция. Сама она появилась несколько раньше с большой коробкой для платья и исчезла за кулисами. Лана рассматривала Дарлинино приспособление на сцене. Столяр соорудил ей подставку, напоминавшую вешалку для шляп, только вместо крючков к верхушке были присобачены большие кольца, а три кольца поменьше болтались на цепочках разной длины. Те эпизоды выступления, которые Лана до сих пор наблюдала, не выглядели многообещающими, но Дарлина уверяла, что костюм преобразит ее ревю в несравненную красоту. Жаловаться Лане было не на что. С учетом всех обстоятельств, она была даже рада, что Дарлине и Джоунзу удалось ее уговорить, и она разрешила девчонке выступать: по дешевке получила развлекательную программу. И следовало признать – попугай оказался великолепен, умелый и профессиональный артист, почти компенсировавший человеческие недостатки выступления. Пусть в других клубах на улице будут тигры, шимпанзе и змеи. У Ланы в рукаве – птичьи дела, а своеобразное знание некоего аспекта человеческой природы Лане подсказывало, что птичьи дела могут в самом деле взлететь очень высоко.

– Все, Лана, мы готовы, – крикнула из-за кулис Дарлина.

Лана бросила взгляд на Джоунза, подметавшего кабинки в туче

сигаретного дыма и пыли, и сказала:

– Ставь пластинку.

– Прошу прощения. Чтоб пласты еще крутить, надо трицать в неделю получать. В-во!

– Поставь метлу и марш к фонографу, пока я в участок не позвонила! – заверещала Лана.

– А вы слазь с тубаретки и марш к фыногру сама, пока я в ухрясток не позвонил и не сказал там падлиции, чтоб они, мамки, твою дружка-сиротку поискали, раз уж пропал. Ууу-иии.

Лана попыталась разглядеть выражение лица Джоунза, но глаза его оставались невидимы за дымом и темными очками.

– Эт-то еще что такое? – наконец спросила она.

– Да вы тока сифлис сиротке и давала, больше ничо. В-во! И не вешай мне тут гавно ни про какой мамаёбаный фыногр. Я тока разведью все про этих сироток, так сразу падлицию сам и позвоню. Надоело мне уже в этом вашем бардаке впахивать ниже минималой зарплаты, да еще шанташ мне тут шьют.

– Эй, ребятки, а где ж наша музыка? – раздался нетерпеливый голос Дарлины.

– И что ты фараонам докажешь? – пыталась у Джоунза Лана.

– Эй! Так тута, значть, *вправду* с сиротками шашли-машли. В-во! Я давно знаю. Так если вы нащот меня падлицию звонить собираисси, я падлицию сам тебе позвоню нащот вас. Чилифоны в падлициейной управе точно все сразу зазвонят. Ууу-иии. А теперь дай мне тихо-мирно тряпкой да веником махать. Пласты крутить – слишком умно для черных публик. Я, наверно, вашу машину поломаю.

– Хотелось бы мне посмотреть, как такой каторжанин будет легавым доказывать, что он правду говорит, – особенно если я им скажу, что ты в мою кассу лапы запускал.

– Что тут у вас такое? – поинтересовалась Дарлина, выглядывая из-за занавесочки.

– Я куда лапы тут запускал, так тока в ведро с грязной водой.

– Тут мое слово против твоего. На тебя полиция давно глаз положила. Им теперь только за одно слово уцепиться – от старой своей приятельницы вроде меня. Кому, ты думаешь, они скорее поверят? – Лана посмотрела на Джоунза: промолчал он красноречиво. – А теперь марш к фонографу.

Джоунз швырнул метлу в кабинку и поставил пластинку «Чужак в раю».

– Ладно, толпа, мы уже идем, – крикнула Дарлина, выскакивая на

сцену с какаду на руке. На ней было вечернее платье из оранжевого атласа, с низким вырезом, а на самой верхушке высоко взбитой прически торчала большая искусственная орхидея. Дарлина совершила несколько неуклюже сладострастных телодвижений в сторону вешалки, а какаду тем временем неустойчиво покачивался у нее на руке. Зацепившись за вешалку одной рукой, она нелепо прильнула тазом к шесту и вздохнула:

– Ох-х!

Какаду пересел на нижнее кольцо и при помощи клюва и когтей начал карабкаться к вершине. Дарлина виляла бедрами и вращала тазом в каком-то оргиастическом неистовстве, то и дело стучаясь о вешалку, пока птица не оказалась на уровне ее талии. Тут она подсунула какаду колечко, вшитое в бок платья. Попугай схватился за него клювом, и платье распахнулось.

– Ох-х! – вздохнула Дарлина, подскочив к краю маленькой эстрады, чтобы продемонстрировать публике белье, видневшееся в прорехе. – Ох. Ох.

– В-во-о!

– Хватит, хватит! – заорала Лана и, вскочив с табурета, выключила фонограф.

– Эй, да в чем дело же? – обиженно спросила Дарлина.

– Паршиво все – вот в чем дело. Для начала, ты одета, как уличная потаскуха. Мне в моем клубе нужно красивое, изысканное представление. У меня приличный бизнес, дурища.

– В-во!

– А в этом оранжевом платье ты вылитая шлюха. И что это за блядские звуки ты издаешь все время? Ты напоминаешь в жопу пьяную нимфоманку, которая отрубается в проходном дворе.

– Но Лана...

– Птица – нормально. Смердит от тебя. – Лана воткнула сигарету в коралловые губы и прикурила. – Надо все переделать. А то, похоже, у тебя мотор отказал или типа того. Я этот бизнес знаю. Стриптиз для бабы – оскорбление. А тем уродам, которые к нам сюда ходят, хочется, чтобы обижали совсем не девку.

– Й-их! – Джоунз нацелил свою тучку дыма на облако Ланы Ли. – А мне почудилось, вы сказала, суда по ночам тока красивые и зысканные ходют.

– Заткнись, – отозвалась Лана. – Дарлина, слушай сюда. Девку обидеть – не фокус. А этим придуркам хочется, чтоб оскорбляли и раздевали миленькую чистенькую девственницу. Ты ж головой своей думай, Дарлина, за ради бога. Ты непорочной должна быть. Я хочу, чтобы ты была милой

изысканной девушкой, которая сама удивляется, когда птица начинает ее за одежду хватать.

– А кто сказал, что я не изысканная? – рассердилась Дарлина.

– Ладно. Изысканная. Только будь изысканной и у меня на сцене. Вот что всему придает *драматический* выверт, черт побери.

– Ууу-иии. Да «Ночью тех», глядишь, и Аска́ру хватанет за такой скриптакыль. И попрыгай тоже себе получит.

– Марш мои полы мести.

– Ща, разбежался, Карла Во-Харя.

– Секундочку! – заорала Лана в лучших традициях режиссера музыкального фильма. Ей всегда доставляли удовольствие театральные аспекты ее профессии: играть роли, позировать, составлять живые картины, разводить мизансцены. – Вот она.

– Кто – она? – спросила Дарлина.

– Идея, дурища, – ответила Лана поверх сигареты, которую держала у самых губ, точно режиссерский мегафон. – Смотри, как *теперь* будет. Ты – такая южная красotka, здоровая свежая девственница со Старого Юга, и у тебя на плантации есть такая любимая птица.

– Слушай, а мне нравится, – восторженно сказала Дарлина.

– Еще б не нравилось. Теперь послушай меня. – Мысли Ланы заскакали во весь опор. Это представление может оказаться ее театральным шедевром. У какаду есть все качества, чтобы стать звездой. – Мы достанем тебе большое платье, как на плантации, кринолин, кружева. Шляпку с широкими полями. Парасольку. Очень изысканно. Волосы распустим по плечам, локонами. Ты возвращаешься с грандиозного бала, где куча южных джентльменов пыталась тебя всю общупать за жареными цыплятами и свиными подгрудками. Но ты им всем от ворот поворот дала. Почему? Да потому что ты – леди, черт возьми. Ты выходишь на сцену. Бал окончен, но честь твоя осталась тебе незапятнанной. У тебя с собой птичка, ты хочешь пожелать ей спокойной ночи и говоришь: «Столько кавалеров на балу было, дорогуша, но честь моя осталась незапятнанной». И тут чертова птица начинает хватать тебя за платье. Ты шокирована, ты удивлена, ты невинна. Однако слишком изысканна, чтобы это прекратить. Поняла?

– Это клёво, – сказала Дарлина.

– Это – драма, – поправила ее Лана. – Ладно, давай попробуем. Маэстро – музыку.

– В-во! Вот щас мы точно на плантации. – Джоунз проскрежетал иглой по первым дорожкам пластинки. – В этом стрёманом бардаке хучь рот не раскрывай.

Дарлина с наигранной скромностью плавно засемила на сцену, сложила губки бантиком и вымолвила:

– Столько Валерий на бабу было, дорогуша, но...

– Стоп! – заверещала Лана.

– Дай же мне еще попробовать, – взмолилась Дарлина. – Я же первый раз. Я репетировала экзотику, а не актрису.

– Ты что – не можешь запомнить одну простую реплику?

– У Дарлины невры что надо в «Ночью тех». – Джоунз окутал дымом всю авансцену. – А все минималая заплата и куча шанташа. Попрыгаю тож перепадет, и очень скоро – рычать начнет, царапацца и с вешалки падать. В-во!

– Дарлина – твоя корефанка, так? Журнальчики, гляжу, тебе постоянно подсовывает, – зло сказала Лана. Этот Джоунз уже точно начал заливать ей сало за удобренную лосьонами шкуру. – Этот спектакль ты же сам и предложил, Джоунз. Ты же хочешь, чтобы она свой шанс на сцене получила?

– Ну дак. В-во! Тут кто-то же должен в люди выбицца. А скриптакыль шыкарный, куча клеёных прибежит. Я добавку получу. Й-их! – Джоунз оскалился и в нижней половине его лица прорезался желтый полумесяц. – Я всю надёжу тока на попрыгая наложил.

У Ланы возник замысел, который и бизнесу бы помог, и уел Джоунза. Ему она и так уже слишком далеко зайти позволила.

– Хорошо, – сказала ему Лана. – Теперь слушай меня, Джоунз. Ты хочешь тут Дарлине помочь. Ты считаешь, что представление – хорошее. Я помню, как ты говорил, что Дарлина с птицей сюда столько клиентуры притащат, что мне придется швейцара нанимать. Так вот, швейцар у меня есть. Это ты.

– Й-их! Тут моей ноги по ночам не будет за минималую заплату.

– Ты выходишь на работу в вечер премьеры, – ровно продолжала Лана. – Становишься на мостовую перед входом. Мы тебе костюм в прокат возьмем. Настоящий швейцар со Старого Юга. Будешь заманивать сюда народ. Понял? Я хочу, чтобы на твою подружку с ее птицей полный зал набился.

– Ёбть. Я уваляюсь из этого мамаёбаново бара. Вы можете тут на сцену хоть Карлу Во-Харю вытаскивать с ее лысым орлом, а еще и батрачить снаружи – хрен там.

– Участок получит определенный доклад.

– А мож, они и еще один оклад про сироток получают.

– Не думаю.

Джоунз понимал, что это правда. И в конце концов ответил:

– Ладна. К примерке я приду. И клеёных притащу. Я вам тебе таких клеёных притащу, что вашу халабуду наскрозь прихлопнут. Я таких клеёных притащу, как та толстая мамка в зеленой шапчонке.

– Интересно, куда он девался, – промолвила Дарлина.

– Закрой рот и давай послушаем, как ты реплику выучила, – заорала ей Лана. – Твой дружок тут вот хочет посмотреть, как ты в люди выбьешься. Он тебе поможет, Дарлина. Покажи ему, как здорово у тебя все получается.

Дарлина откашлялась и осторожно провозгласила:

– Стока кавалеров на палубу бы, дорогуша, но честь моя досталась до запятой.

Лана стащила Дарлину и птицу со сцены и вытолкнула их в переулок. Джоунз прислушался к воплям, ругани и мольбам, доносившимся оттуда, а затем, судя по звуку, на чью-то физиономию приземлилась затрещина.

Он зашел за стойку бара нацедить себе стакан воды и поразмыслить о дальнейших мерах саботажа, которые прикончили бы Лану Ли навсегда. На улице клекотал какаду и рыдала Дарлина:

– Я ж никакая не актриса, Лана. Я ж тебе уже говорила.

Опустив на секунду глаза, Джоунз заметил, что Лана по рассеянности оставила приотворенной дверцу шкафчика под стойкой. Весь день хозяйка была слишком озабочена подготовкой к просмотру Дарлининой генеральной репетиции. Джоунз опустил на колени и впервые за все свое пребывание в «Ночи утех» снял темные очки. Сначала следовало привыкнуть к тусклому, но все равно резавшему глаза свету, явившему корку грязи на полу за стойкой. Джоунз заглянул в шкафчик и увидел там аккуратную стопку: десяток пакетов, завернутых в простую бумагу. В углу были свалены глобус, коробка мела и большая, дорогая на вид книга.

Ему не хотелось саботировать свое открытие конфискацией. Лана Ли с ее ястребиным взором и нюхом ищейки сразу это заметит. Он секунду поразмыслил, а потом взял из кассы карандаш и, пробегаая рукой по торцам пакетов, как можно мельче написал на каждом адрес бара «Ночь утех». Точно записка в бутылке, адрес этот обещал ему какой-нибудь ответ – быть может, от настоящего и профессионального саботажника. Адрес на пакете, завернутом в простую коричневую бумагу, приносит такой же вред, как и отпечатки пальцев на пистолете, подумал Джоунз. Адреса тут быть не должно. Джоунз тщательно подровнял пакеты до их первоначальной симметрии. Затем вернул карандаш в кассу и допил воду. Присмотрелся к дверце и решил, что открыта она примерно под тем же углом, что и вначале.

Он вышел из-за стойки и возобновил бессистемные движения метлой как раз вовремя – Лана, Дарлина и какаду маленькой неуправляемой толпой ворвались внутрь. Орхидея Дарлины болталась возле уха, несколько оставшихся перьев попугая стояли торчком. Лана Ли, однако, по-прежнему выглядела ухоженной, словно пронесшийся циклон чудесным образом пощадил только ее.

– Ладно, Дарлина, – сказала она, хватая танцовщицу за плечи. – Что ты должна, к чертовой матери, сказать?

– В-во! Рижисор точно понимает чужое горе. Ежли будешь большое кино сымать, в нем половина народу передо́хнет.

– Заткнись и марш на пол, – скомандовала Лана Джоунзу и слегка потрясла Дарлину. – Теперь скажи правильно, дурища.

Дарлина безнадежно вздохнула и ответила:

– Сто кавалеров наебала было, дорогуша, но честь моя осталась незанятой.

III

Патрульный Манкузо оперся о стол сержанта и просипел:

– Вы дождды убдадь бедя идз эдой убоддой. Я де богу бользе дыжадь.

– Что? – Сержант взглянул на изнуренную фигуру перед собой, на слезящиеся розовые глазки за бифокальными линзами очков и пересохшие обметанные губы, проглядывавшие сквозь клочья седых волос. – Что с тобой такое, Манкузо? Почему ты не можешь стоять прямо и гордо, как подобает мужчине? Простудился? Служащие сил полиции не простужаются. Служащие сил полиции *сильны*.

Патрульный Манкузо отхаркнул мокротой в бородку.

– Ты еще никого не задержал на этой автостанции. Помнишь, что я тебе сказал? Ты остаешься там, покуда кого-нибудь мне не приведешь.

– У бедя бнебдодия.

– Прими таблетки от кашля. А теперь мотай отсюда и приведи мне подозрительного субъекта.

– Боя дёдужга гоборид, ждо ездз я буду зидедь б эдой убордой, до убру.

– Твоя тетушка? Такой взрослый мужчина, как ты, – и слушаешься какую-то тетушку? Господи ты боже мой. С какими людьми ты якшаешься, Манкузо? Старушки, которые в одиночестве ходят на стриптиз, тетушки. Ты, наверное, записался в кружок кройки и шитья. *Держи спину ровнее*. – Сержант пристально посмотрел на жалкую фигуру, сотрясающуюся от последних раскатов кашля. Он не хотел нести ответственность за смерть при исполнении. Лучше дать Манкузо испытательный срок, а потом выпереть со службы вообще. – Хорошо. На автостанцию можешь не возвращаться. Выходи на улицу, погрейся немного на солнышке. Но слушай сюда. Я даю тебе две недели. Если к тому времени ты мне никого не приведешь, ты здесь больше не служишь. Ты меня понял, Манкузо?

Патрульный Манкузо, шмыгая носом, кивнул.

– Я боздараюзь. Я бдибеду вам гобо-дибудь.

– И хватит на мне виснуть, – завопил сержант. – Мне только твоего насморка не хватало. Встань ровно. Пошел отсюда. Прими какие-нибудь пилюли и апельсинового соку выпей. Х-хос-споди.

– Я вам гобо-дибудь брибеду, – пропыхтел Манкузо, на сей раз еще неубедительнее. Затем он отчалил – в очередном новом костюме. Такова была последняя практическая шутка сержанта: Манкузо изображал Санта-

Клауса в бейсбольной кепке.

IV

Игнациус игнорировал грохот материнских кулаков в дверь и вопли из прихожей по поводу пятидесяти центов жалованья, которые он принес домой после целого дня работы. Смахнув со стола блокноты «Великий Вождь», йо-йо и резиновую перчатку, он открыл «Дневник» и принялся писать:

Любезный Читатель,

Хорошая книга – драгоценный источник жизненной силы выдающегося разума, бережно сохраненный от забвения, чтобы разум этот мог жить после смерти.

Милтон

Извращенный (и, я подозреваю, довольно опасный) ум Клайда разработал еще один способ умаления моего довольно-таки неуязвимого существа. Сначала я полагал, будто обрел в этом царе сосисок и мясном магнате суррогат отца. Однако его злоба и зависть ко мне возрастают с каждым днем; вне всякого сомнения, когда-нибудь они окончательно завладеют им и погубят остатки его разума. Величие моего телесного строения, сложность моего мировоззрения, порядочность и вкус, подразумеваемые всей моей манерой держаться, изящество, с коим я функционирую в трясинах сегодняшнего мира, – все это одновременно повергает Клайда в смятение и изумляет его. Ныне он отослал меня работать во Французский Квартал – район, служащий пристанищем для всех пороков, которые человек только мог измыслить в своих широчайших помрачениях рассудка, включая, как я мог бы себе вообразить, несколько современных вариаций, ставших возможными только благодаря чудесам науки. Квартал в чем-то похож, как я себе представляю, на Сохо и определенные районы Северной Африки. Вместе с тем население Французского Квартала, благословенное американской «настырностью» и «смекалкой», в настоящий момент, вероятно, из всех сил пытается сравняться и превзойти в разнообразии и изобретательности те утехы, которыми наслаждаются жители иных мировых регионов человеческой деградации.

Ясно, что район, подобный Французскому Кварталу, не

является надлежащей средой для ведущего правильный образ жизни, непорочного, рассудительного и впечатлительного юного Рабочего Парнишки. Разве Эдисону, Форду или Рокфеллеру приходилось идти наперекор таким обстоятельствам?

Злобный разум Клайда, однако, не остановился на простом унижении. Поскольку подразумевается, что я имею дело с «туристическими», как выражается Клайд, «делами», меня нарядили в некое убранство.

(Если судить по тем клиентам, что подходили ко мне в самый первый день на новом маршруте, «туристы» представляются мне теми же самыми лицами без определенных занятий, которым я продавал сосиски в деловом районе. В керосиновом угаре они, вне всякого сомнения, просто заблудились и забрели в Квартал случайно – и единственно в силу этого, по сенильному представлению Клайда, могут квалифицироваться как «туристы». Интересно, у Клайда вообще была когда-либо возможность видеть тех дегенератов, хронических неудачников и бродяг, которые покупают и, очевидно, кормятся «райскими» продуктами? Между прочими киоскерами – совершенно сломленными жизнью и недужными скитальцами, чьи имена звучат примерно как «Кореш», «Старик», «Приятель», «Длинный», «Кабан» и «Чувак» – и моими клиентами я, очевидно, пойман в капкан чистилища заблудших душ. Тем не менее тот простой факт, что в наш век все они потерпели сокрушительный провал, поистине сообщает им некое свойство духовности. Кто знает, вероятно, они, эти втоптаные в грязь бедолаги, могут оказаться святыми нынешней эры: прекрасно изломанные жизнью старые негры с желтушными глазами; загубленные бродяги с пустошей Техаса и Оклахомы; разоренные сезонники, взыскующие пристанища в кишачих грызунами городских трущобах.)

(Тем не менее я надеюсь, что в своем старческом слабоумии мне не придется полагаться на «горячих собак» как на источник пропитания. Продажа моих трудов способна принести какую-то выгоду. При нужде возможно обратиться к лекционным гастролям, следуя по пятам за ужасной М. Минкофф, чьи преступления против вкуса и пристойности уже были описаны вам, любезные читатели, в деталях, – для того, чтобы расчистить валуны невежества и бесстыдства, к тому времени уже

рассеянные ею по различным лекционным аудиториям страны. Возможно, тем не менее, и в ее первой аудитории найдется человек достаточно добродетельный, чтобы стащить ее с кафедры и слегка отхлестать бичом по эrogenным зонам. Невзирая на все те духовные качества, которыми могут обладать трущобы, они, определенно, не отвечают никаким стандартам в области физического комфорта, и я серьезно сомневаюсь, сумеет ли мое значительное и хорошо сформированное телосложение легко адаптироваться к проведению ночей на голой земле переулков. Я бы несомненно предпочел держаться поближе к садово-парковым скамейкам. Следовательно, сами размеры мои могут служить гарантией против падения в рамках структуры нашей цивилизации. [В конечном итоге я вовсе не убежден, что необходимо каким-то образом достичь самого дна, чтобы начать рассматривать общество субъективно. Вместо движения вертикально вниз можно перемещаться горизонтально наружу – к точке достаточной непредубежденности, где не обязательно предотвращаются минимальные удобства естества. Я был там – на самом краю нашего века, – когда катаклизмическая неводержанность моей матери, как всем вам хорошо известно, катапультировала меня в лихорадку современного существования. Чтобы быть до конца честным, я должен признаться, что с тех пор положение неуклонно становилось все хуже и хуже. Условия испортились. Минкофф, моя бесстрастная пассия, обернулась против меня. Даже моя мать, движитель моего разрушения, начала кусать длань, кормящую ее. Мой цикл опускается все ниже. О, Фортуна, капризная фея моя!] Лично я пришел к выводу, что недостаток питания и удобств отнюдь не облагораживает дух, а, скорее, порождает в человеческой душе одну лишь тревожность и направляет все лучшие импульсы индивида только на добычу себе какого-либо пропитания. Несмотря даже на то, что я в самом деле веду Богатую Внутреннюю Жизнь, мне еще необходимы хоть какая-то еда и удобства.)

Но вернемся к делам насущным: мести Клайда. Киоскер, прежде работавший на маршруте в Квартале, нес на себе невероятный пиратский костюм – реверанс «Райских Киоскеров» в сторону фольклора и истории Нового Орлеана, клайдианская попытка связать воедино «горячих собак» и креольские легенды. Клайд вынудил меня примерить это облачение в гараже. Костюм,

разумеется, был сшит на туберкулезную и недоразвитую фигуру бывшего киоскера, и никакими натягиваниями, толчками, глубокими выдохами и втискиванием поместить его на мое мускулистое тело не было возможности. Следовательно, заключился в некотором роде компромисс. На свою шапочку я повязал красное сатиновое пиратское кашне. На мочку левого уха прикрутил одну золотую сережку – даже не сережку, а целый обруч из галантерейной лавки. К боковине своего белого халата английской булавкой я прицепил черную пластмассовую абордажную саблю. Едва ли внушительный пират, скажете вы. Тем не менее, изучив себя в зеркале, я был вынужден признать, что драматическим образом произвожу довольно привлекательное впечатление. Погрозив саблей Клайду, я вскричал: «Марш по доске, адмирал!» Мне следовало бы догадаться, что это окажется чересчур для его буквального сосископодобного мозга. Он весьма встревожился и кинулся на меня в атаку, размахивая вилкой, словно копьем. Мы несколько минут фехтовали, парируя выпады, по всему гаражу, точно два головореза в каком-либо особенно бессмысленном историческом фильме, и вилка с саблей неистово лязгали друг о друга. Осознав, что мое пластмассовое оружие едва ли сравняется с длинной вилкой в руках обезумевшего Мафусаила, осознав, что я наблюдаю Клайда в его худшем виде, я попытался завершить нашу маленькую дуэль. Я выкрикивал слова умиротворения; я умолял; я, наконец, сдался на его милость. Однако Клайд продолжал наступать на меня – мой пиратский костюм настолько удался, что очевидно убедил его, будто мы вернулись в золотые деньки романтического старого Нового Орлеана, когда джентльмены решали вопросы сосисочной чести с двадцати шагов. Именно тогда мой замысловатый разум озарило. Я понял, что Клайд в самом деле пытается меня убить. Идеальная причина – самооборона. Я сыграл ему на руку. К счастью, мне удалось упасть на пол. Отступая, я столкнулся с тележкой, утратил свое и без того сомнительное равновесие и рухнул. Несмотря на то что головой я ударился о тележку довольно болезненно, с пола я весело закричал: «Вы победили, сэр!» А затем мысленно преклонил колени перед старой доброй Фортуной за то, что выхватила меня из челюстей гибели от ржавой вилки.

Я быстро выкатил тележку из гаража и направился в сторону

Квартала. По дороге множество пешеходов одаряло мой полукостюм благосклонным вниманием. С хлопающей по боку абордажной саблей, свисающей с мочки уха серьгой, красным кашне, сияющем на солнце так, что его не пропустил бы ни один бык, я решительно шагал по городу, вознося Господу хвалы за то, что еще жив, и вооружившись против всех ужасов, поджидавших меня в Квартале. Множество громогласных молитв срывалось с моих непорочных розовых уст – иные в благодарность, иные с мольбою. Я молился Святому Матюрену^[54], которого призывают в помощь от эпилепсии и безумия, чтобы он наставил мистера Клайда на путь истины (Святой Матюрен, кстати сказать, является также святым покровителем шутов). За себя лично я посылал смиренные приветствия Святому Медерику-Отшельнику^[55], призываемому от кишечных колик. Размышляя о зове могилы, коего я только что едва избежал, я задумался и о своей матери, ибо меня всегда интересовало, какова окажется ее реакция, случись мне погибнуть, оплачивая ее прегрешения. Я мысленно вижу ее на похоронах – низкопробном дешевом мероприятии, проводящемся в подвале какого-нибудь сомнительного похоронного бюро. Обезумевшая от горя, со слезами, вскипающими в ее покрасневших глазах, она, вероятно, станет выдирать мой хладный труп из гроба, пьяно вопя: «Не забирайте его! О, почему сладчайшие цветы должны увянуть и опасть со стеблей своих?» Похороны, вероятно, выроются в полный цирк, мать моя будет все время тыкать пальцами в две дырки, оставленные у меня на шее ржавой вилкой мистера Клайда, издавая неграмотные греческие вопли проклятий и отмщенья. Всей процедуре будет присуща определенная плебейская зрелищность, могу себе вообразить. Однако же, с таким режиссером, как моя мать, трагедия, присущая моей смерти, вскоре превратится в мелодраму. Вырвав белую лилию из моих безжизненных рук, она разломит ее пополам и вззоет к скоплению плакальчиков, доброжелателей, празднующих и празднующихся: «Подобен этой лилии был мой Игнациус. Обоих у меня забрали теперь и сокрушили». И, швыряя лилию обратно в гроб, нетвердой рукой своей попадет она ею прямо в мое бледно-смертельное лицо.

Ради матери я вознес молитву Святой Зите из Лукки^[56], всю

жизнь прослужившей горничной и претерпевшей множество лишений, – в надежде, что она поддержит мою мать в ее сражении с алкоголизмом и ночными бесчинствами.

Укрепившись своей интерлюдией религиозного отправления, я прислушался к хлопанью абордажной сабли о бедро. Она мне казалась неким орудием высокой морали, подгонявшим меня в направлении Квартала, и каждый пластмассовый хлопок говорил: «Воспрянь духом, Игнациус. У тебя в руках устрашающий быстрый меч». Я уже чувствовал себя крестоносцем.

Наконец я пересек Канальную улицу, делая вид, что не замечаю того внимания, кое обращали на меня все без исключения прохожие. Меня поджидали узкие улочки Квартала. Бродяга ходатайствовал было о предоставлении ему «горячей собаки». Я отмахнулся от него и решительно продолжил путь. К несчастью, ноги мои не поспевали за моей душой. В лодыжках ткани плоти моей уже умоляли об отдыхе и комфорте, поэтому я разместил тележку на обочине и уселся рядом. Балконы старинных зданий нависали над моей головой, подобно темным ветвям аллегорической чащобы зла. Символическим образом мимо пронесся автобус «Желание»^[57], едва не придушив меня своим дизельным выхлопом. Прикрыв на мгновение глаза, чтобы сосредоточиться и посредством этого собраться с силами, я, должно быть, задремал, ибо помню только, что меня грубо пробудил полицейский, стоявший рядом и тыкавший мне под ребра мыском башмака. Должно быть, некий мускус, выпускаемый моим телом, особенно привлекателен для правительственных властей. К кому еще, невинно ожидающему свою мать около универсального магазина, может пристать полицейский? За кем еще станут шпионить и на кого еще могут донести за то, что он подобрал беспомощного бездомного котенка из канавы? Подобно суке в течке, я, кажется, притягиваю всю клику блюстителей закона и санитарных инспекторов. Мир когда-нибудь доберется до меня под каким-либо смехотворным предлогом; я просто ожидаю того дня, когда меня поволокут в какой-нибудь застенок с кондиционированным воздухом и бросят там под флуоресцентными лампами и звуконепроницаемым потолком, чтобы я сполна заплатил за свои насмешки над всем, чем дорожат их ничтожные латексные сердца.

Поднявшись во весь свой рост – что само по себе достойное

зрелище, – я взглянул сверху вниз на преступившего черту фараона и сокрушил его метким замечанием, которое, по счастью, ему не удалось понять. Затем я покатил тележку вглубь Квартала. Поскольку день был в самом разгаре, людей на улочках шевелилось немного. Я предположил, что местные обитатели до сих пор пребывают в постелях, приходя в себя после всех тех непристойностей, коим предавались прошедшей ночью. Многим, вне всякого сомнения, требовалась медицинская помощь: шов-другой там или тут – на порванное телесное отверстие или сломанный половой орган. Я мог только воображать, сколько пар изможденных и порочных глаз пожирают меня голодными взорами из-за ставней, и гнал от себя подобные мысли. Мне уже начинало казаться, что я – особо аппетитный бифштекс в мясной лавке. Тем не менее никто не призвал меня завлекаяще из-за ставней; хитроумные интеллекты, что пульсируют, себя не помня, в своих темных апартаментах, вне всякого сомнения, – более тонкие соблазнитель. Я подумал, что, по крайней мере, вниз могла бы спорхнуть записка. Из какого-то окна вылетела банка из-под замороженного апельсинового сока и едва не попала в меня. Я нагнулся и подобрал ее, чтобы исследовать полый жестяной цилиндр на предмет наличия в нем какого-либо сообщения, однако на ладонь мне вытек лишь вязкий осадок концентрированного напитка. Что это – какой-то непристойный намек? Пока я размышлял над этой тайной и вглядывался в окно, из которого контейнер могли швырнуть, к тележке приблизилось пожилое лицо без определенных занятий и взмолилось о франкфуртере. Неохотно я продал ему один, придя к безрадостному выводу, что, как обычно, работа мешает в самый важный момент.

К этому времени, разумеется, окно, из которого банку выпустили в полет, уже захлопнулось. Я покатил тележку дальше по улице, пристально разглядывая закрытые ставни в поисках какого-нибудь знака. Когда я проходил мимо, ушей моих достигал дикий хохот из многих зданий. Очевидно, сбитые с толку обитатели оных потакали той или иной непристойной забаве, в высшей степени развлекавшей их. Я пытался уберечь свой девственный слух от подобного мерзостного греготания.

По улицам бродила группа туристов с фотоаппаратами наготове, и их блестящие очки сверкали бенгальскими огнями.

Заметив меня, они замерли и резкими среднезападными голосами, что вспороли мои нежные барабанные перепонки звуками, напоминавшими треск молотилки (сколь невообразимо ужасен этот звук!), стали умолять меня позволить себя сфотографировать. Растроганный их милостивым вниманием, я молча снизошел. Несколько минут они щелкали затворами камер, а я делал им одолжение, принимая высокохудожественные позы. Стоя перед тележкой, будто пиратским кораблем, я угрожающе замахивался абордажной саблей для одного особо памятного снимка, а другая моя рука покоилась на бушприте жестяной сосиски. Для кульминации мне удалось взобраться на самый верх тележки, однако солидность моего телосложения оказалась чересчур обременительной для этого хлипкого средства передвижения. Тележка начала выкатываться из-под меня, однако джентльмены, присутствовавшие в группе, были настолько любезны, что схватили ее и помогли мне спуститься. Наконец эта учтивая группа распрощалась со мною. Когда они уходили прочь, неистово фотографируя что ни попадя, я услышал, как одна отзывчивая дама произнесла: «Печальное зрелище, правда? Надо было ему хоть что-то дать». К сожалению, никто больше (вне всякого сомнения, правые консерваторы все до единого) благосклонно не отреагировал на ее мольбу о благотворительности, несомненно думая, что несколько центов, брошенных в мою сторону, непременно станут вотумом доверия государству всеобщего благоденствия. «Он просто потратит все на выпивку», – с гнусавой мудростью и обилием твердых «р» уведомила своих приятелей другая женщина, иссохшая старая карга, чья физиономия выдавала связь с «Женским союзом христианской трезвенности». Очевидно, остальные стояли на стороне прошмандовки из ЖСХТ, ибо группа продолжила свой путь.

Должен признаться – я бы не отклонил подношение в той или иной форме. Рабочему Парнишке кстати каждый пенни, который может попасть в его амбициозные и настойчивые руки. Кроме того, снимки могли бы принести этим мужланам из кукурузного пояса победу в каком-нибудь фотографическом состязании. Какой-то миг я раздумывал, не побежать ли мне вдогонку за туристами, но в эту минуту меня приветствовала криками неправдоподобная сатира на туриста – тщедушная

фигурка в бермудских шортах, отдувающаяся под тяжестью монструозного аппарата с объективами, не иначе – камеры «Синемаскоп». При ближайшем рассмотрении, я заметил, что это не кто иной, как патрульный Манкузо. Я, разумеется, проигнорировал вялую олигофреническую ухмылку этого Макиавелли, сделав вид, что подтягиваю свою серьгу. Его явно выпустили из заточения в латрине. «Ну как оно все?» – безграмотно настаивал он. «Где моя книга?» – устрашающим тоном осведомился я. «Я еще ее читаю. Очень интересная», – в ужасе отвечал он. «Извлеките для себя пользу из ее уроков, – предупредил его я. – Когда вы ее закончите, я попрошу вас подать мне в письменном виде критический разбор и анализ ее идейного содержания для человечества!» Великолепные раскаты этого приказа еще не успели стихнуть в воздухе, а я уже гордо зашагал дальше по улице. Затем, осознав, что тележка забыта, я величественно вернулся за нею. (Эта тележка – ужасная ответственность. Я чувствую себя так, точно связан с умственно-отсталым ребенком, требующим постоянного внимания. Я ощущаю себя насадкой, сидящей на особо крупном жестяном яйце.)

Настало уже почти два часа, а я продал ровно одну «горячую собаку». Вашему Рабочему Парнишке нужно подсуетиться, если цель его – достичь успеха. Обитатели Французского Квартала, очевидно, не ставили франкфуртеры во главу списка потребляемых деликатесов, а туристы явно приезжали в колоритный и красочный Н. О. не для того, чтобы набивать утробы райскими продуктами. Ясно одно – у меня назревала, по нашей коммерческой терминологии, «проблема сбыта». Злобный Клайд в отместку выделил мне маршрут, обозначаемый словосочетанием «Белый Слон» – этот термин он как-то раз употребил при мне в ходе одного из наших производственных совещаний. Обида и зависть вновь сокрушили меня.

Помимо этого, я должен разработать некие способы справиться с последними проявлениями наглости М. Минкофф. Возможно, Квартал предоставит мне какой-либо материал для этого: крестовый поход за вкус и приличия, за теологию и геометрию, быть может.

Об общественном здравии: в одном из центральных кинематографических театров вскоре начинается

демонстрироваться новый фильм с моей излюбленной кинозвездой женского рода, чье недавнее музыкально-цирковое излишество ошеломило и огорошило меня. Я каким-то образом должен его посмотреть. На пути моем стоит лишь моя тележка. Новый фильм рекламируется как «изощренная» комедия, в которой упомянутая звезда, вне всякого сомнения, достигнет новых апогеев перверсии и святотатства.

О личном здоровье: поразительное увеличение веса, вызванное, без сомнения, тревогой, которую внушают мне всевозрастающие неприятность и недружелюбие моей дорогой матушки. Трюизм человеческой натуры заключается в том, что люди начинают ненавидеть тех, кто им помогает. Таким образом, мать обратилась против меня.

В подвешенном состоянии,

Лэнс, Ваш Осажденный Рабочий Парнишка

Симпатичная девушка с надеждой улыбнулась доктору Тальку и выдохнула:

– Я обожаю ваш курс. В смысле – он шикарный.

– О, ну что же, – в полном восторге ответил доктор Тальк. – Это очень любезно с вашей стороны. Боюсь, что курс, правда, несколько, общ...

– Ваш подход к истории так жизнен, так современен, так освежающе неортодоксален.

– Я действительно полагаю, что нам следует отбросить некоторые устаревшие формы и подходы. – Голос Талька звучал важно и педантично. Следует ли ему пригласить это очаровательное существо выпить? – История, в конце концов, – вещь эволюционная.

– Я знаю, – ответила девушка, распахивая глаза так широко, что Тальк на миг-другой беззаветно потерялся в их синеве.

– Мое единственное желание – заинтересовать своих студентов. Давайте взглянем правде в глаза. Средний студент не интересуется историей кельтской Британии. Я, собственно говоря, – тоже. Именно поэтому, хоть я и признаю это сам, на своих занятиях мне всегда удастся ощутить какое-то взаимопонимание.

– Я знаю. – Потянувшись за сумочкой, девушка изящно задела дорогой твидовый рукав Талька. Тальк затрепетал от ее прикосновения. Вот таким девушкам следует учиться в колледжах, а не подобным той кошмарной девке Минкофф, грубой и неопрятной, которую рядом с деканатом чуть было не изнасиловал уборщик. От одного воспоминания о мисс Минкофф Тальк содрогнулся. В классе она оскорбляла и чернила его при любой возможности, бросая ему вызов за вызовом, да еще и подначивала чудовище Райлли присоединиться к нападкам. Эту парочку он никогда не забудет; и никто на факультете не забудет их никогда. Два гунна, обрушившиеся на Рим. Уж не поженились ли они, празднично подумал доктор Тальк. Определенно друг друга стоили. Возможно, оба сбежали на Кубу. – Некоторые исторические персонажи такие скучные.

– И не говорите, – согласился Тальк, готовый участвовать в любых кампаниях против фигур английской истории, столько лет отравлявших его существование. Головная боль начиналась уже от необходимости помнить их всех. Он помедлил, закуривая «Бенсон-и-Хеджес» и вычищая из горла скопившуюся там мокроту английской истории. – Все они совершили

множество глупых ошибок.

– Я знаю. – Девушка посмотрелась в свое компактное зеркальце. Затем взгляд ее стал жестче, а голос – капризнее. – Но я не хочу тратить ваше время на эту историческую болтовню. Мне хотелось узнать, что стало с моим докладом, который я сдала два месяца назад. В смысле, можно получить представление о том, какую оценку мне поставят за этот курс?

– О, да, – туманно отвечал доктор Тальк. Пузырь его надежды лопнул. Под разными личинами все студенты одинаковы. Милая девушка превратилась в стальногоглазую предпринимательницу, проверяющую и наращивающую прибыли своих оценок. – Так вы доклад свой уже сдали, нет?

– Совершенно определенно сдала. Он был в желтой папке.

– Посмотрим, не затерялся ли он. – Доктор Тальк поднялся и начал шарить в горах древних курсовых работ, докладов и экзаменационных листков на книжном шкафу. Когда он переставлял стопки с места на место, из одной папки выскользнул и спланировал на пол сложенный самолетиком старый лист разлинованной блокнотной бумаги. Тальк не заметил его, а между тем в его открытую оконную фрамугу в один из семестров несколько лет назад таких влетало множество. Когда самолетик приземлился, девушка подняла его и, обнаружив на пожелтевшей бумаге какие-то надписи, развернула.

Тальк: Ты признан виновным в развращении и растлении молодежи. Я постановляю, что тебя следует подвесить за твои недоразвитые тестикулы, пока не наступит смерть.

ЗОРРО.

Девушка еще раз перечитала строчки, написанные красным карандашом, и, пользуясь тем, что Тальк не успел завершить археологических раскопок на книжном шкафу, открыла сумочку, уронила в нее самолетик и щелкнула замком.

Десять

Гас Леви был хорошим парнем. И своим в доску притом. По всей стране у него имелись друзья – антрепренеры, импресарио, тренеры и управляющие. На любой спортивной арене, на любом стадионе или ипподроме Гас Леви мог рассчитывать на тех, кто там терся. Он знал владельцев, билетеров и игроков. Каждое Рождество он даже получал открыточку от одного торговца орешками, работавшего на автостоянке через дорогу от «Мемориального стадиона» в Балтиморе. Все очень любили Гаса Леви.

А межсезонье он проводил в «Приюте Леви». Здесь у него друзей не было. На Рождество в «Приюте Леви» единственным признаком времени года, единственным барометром святочного духа служило появление дочерей – они обрушивались на отца из своего колледжа, требуя дополнительных денежных сумм и подкрепляя ультиматумы угрозами навсегда отречься от его отцовства, если он будет и дальше третировать их маму. К Рождеству миссис Леви составляла не список подарков – скорее, список несправедливостей и зверств, которые ей пришлось претерпеть с августа. Список этот девочки извлекали из своих подарочных чулок. Миссис Леви просила у дочерей одного: чтобы они ополчились на отца. Миссис Леви обожала Рождество.

Теперь мистер Леви дожидался в «Приюте» начала весенних тренировок. Гонсалес уже забронировал ему Флориду и Аризону. Однако в «Приюте Леви» как будто вновь наступило Рождество, а все происходящее здесь, считал мистер Леви, могло подождать, пока он не уедет в тренировочные лагеря.

Миссис Леви уложила мисс Трикси на его любимую желтую нейлоновую кушетку и втирала крем для кожи в старушечье лицо. То и дело язык мисс Трикси вываливался изо рта и слизывал мазки крема с верхней губы.

– Меня уже тошнит от этого зрелища, – сказал мистер Леви. – Неужели ты не можешь вытащить ее на улицу? Сегодня приятный день.

– Ей нравится эта кушетка, – ответила миссис Леви. – Пусть насладится хоть маленькой радостью. Почему бы тебе самому не выйти на улицу и не отполировать свою спортивную машину?

– Тихо! – прорычала мисс Трикси, обнажив гигантские искусственные зубы, только что приобретенные для нее миссис Леви.

– Ты только послушай! – произнес мистер Леви. – Она тут уже хозяйничает.

– Она так самоутверждается. Тебя это беспокоит? Зубы придали ей чуточку уверенности в себе. Но ты, разумеется, завидуешь несчастной женщине даже в этом. Я начинаю понимать, почему она так неуверенна. Я выяснила, что Гонсалес игнорирует ее весь день, сотней различных способов заставляет ее чувствовать себя нежеланной. Подсознательно она ненавидит «Штаны Леви».

– А кто их любит? – произнесла мисс Трикси.

– Грустно, грустно, – только и ответила миссис Леви.

Мисс Трикси хрюкнула, и струйка воздуха просвистела у нее между губ.

– Так, давай с этим кончать, – сказал мистер Леви. – Я многое тебе спускал с рук, и мне уже не смешно. В твоей новой игрушке нет никакого смысла. Если хочешь открыть погребальную контору, я тебя всем обеспечу. Только не в моей комнате. Сотри сейчас же все эти сопли у нее с физиономии и давай я отвезу ее обратно в город. Оставь мне чуточку мира и спокойствия, пока я еще живу в этом доме.

– Так. Ты вдруг рассердился. По крайней мере, нормальная реакция. Для тебя это необычно.

– Ты что, намеренно меня злишь? Ты и так в этом преуспела. Оставь ее в покое. Ей хочется только одного – на пенсию. Она не тварь бессловесная, чтобы ее мучить.

– Я очень привлекательная женщина, – промычала во сне мисс Трикси.

– Ты только послушай! – восторженно воскликнула миссис Леви. – И ты после этого хочешь вышвырнуть ее на снег? Я только-только до нее достучалась. Она – символ всего, что ты не совершил.

Неожиданно мисс Трикси вскочила и зарычала:

– Где мой козырек?

– Вот здорово, – сказал мистер Леви. – Погоди, она еще вонзит в тебя эти зубы за пятьсот долларов.

– Кто забрал мой козырек? – свирепо осведомилась мисс Трикси. – Где это я? Уберите от меня руки.

– Дорогуша, – начала миссис Леви, но мисс Трикси уже спала на боку, размазав по кушетке крем для кожи.

– Послушай, добрая фея, сколько ты уже истратила на свою игрушку? Я не собираюсь платить за перетяжку мебели.

– И правильно. Трать все на лошадей. А тут пускай человек барахтается как хочет.

– Ты лучше зубы у нее изо рта вытащи, пока она себе язык не откусила. Вот тогда в самом деле забарахтается.

– Кстати, о языке. Слышал бы ты, что она мне сегодня утром о Глории рассказала. – Миссис Леви сделала жест, знаменовавший собой трагическую покорность несправедливости. – Глория была добрейшей души человеком, она первой за много лет заинтересовалась мисс Трикси. И тут ты являешься, как гром среди ясного неба, и пинком вышвыриваешь Глорию из ее жизни. Я думаю, ты нанес ей очень серьезную травму. Девочкам будет интересно узнать об этой Глории. Они тебе не один вопрос зададут, поверь мне.

– Еще бы. Знаешь, мне кажется, ты в самом деле выживаешь из ума. Нет никакой Глории. Если ты и дальше собираешься беседовать со своей маленькой протее, она утащит тебя с собой прямо в потемки сознания. Когда Сьюзен и Сандра приедут сюда на Пасху, они увидят, как ты подсакиваешь на своей доске с бумажным пакетом тряпья в обнимку.

– О, о. Понимаю. Простое ощущение вины из-за инцидента с Глорией. Неприятие, негодование. Все это кончится очень плохо, Гас. Прошу тебя – пропусти один турнир и запишись к доктору Ленни. Он творит чудеса, поверь мне.

– Тогда попроси его снять «Штаны Леви» с нашего горба. Я на этой неделе беседовал с тремя агентами по продаже недвижимости. И все сказали, что фабрика – самая непродажная недвижимость, какую они только видели в жизни.

– Гас, я не ослышалась? Неужели ты в самом деле говоришь о продаже своего наследства? – возопила миссис Леви.

– Тихо! – рыкнула мисс Трикси. – Я до вас еще доберусь. Погодите только. Вы у меня получите. Я с вами поквитаюсь.

– Ох, заткнись, – заорала миссис Леви и придавила ее к кушетке. Мисс Трикси моментально задремала.

– Правда, один парень, – спокойно продолжал мистер Леви, – такой агрессивный на вид агент, дал мне какую-то надежду. Как и все остальные, он сказал: «Никому не нужна сегодня одежная фабрика. Рынок умер. Ваше предприятие устарело. Требуются тысячи на ремонт и модернизацию. Подведена железнодорожная ветка, но легкий товар, одежда, нынче перевозится грузовиками, а для грузовиков фабрика расположена очень невыгодно. Через весь город от шоссе. Швейная индустрия на юге сворачивается. Даже земля немного стоит. Весь этот район превращается в трущобу». И так далее в том же духе. Но тот же агент сказал, что, возможно, ему удастся заинтересовать какую-нибудь сеть супермаркетов,

чтобы она купила фабрику под склад. Хотя кое-что. Дальше – хуже. Вокруг «Штанов Леви» нет места для парковки, уровень жизни у населения или что-то типа того слишком низок и не сможет поддерживать большой рынок – и снова в том же духе. Он сказал, что единственный выход – сдавать ее в аренду под склад, но, опять же, доходы от склада невелики, и место очень неудачное. Поэтому не беспокойся. «Штаны Леви» по-прежнему наши, как доставшийся по наследству ночной горшок.

– Ночной горшок? Пот и кровь твоего отца – ночной горшок? Я вижу, чего ты добиваешься. Уничтожить последний памятник отцовским свершениям.

– Это «Штаны Леви» – памятник?

– Я так никогда и не пойму, чего ради мне там захотелось работать, – сердито пробормотала мисс Трикси из подушек, куда воткнула ее миссис Леви. – Слава богу, бедная Глория вовремя ушла.

– Прошу прощения, дамы, – произнес мистер Леви, посвистав сквозь зубы, – но Глорию вы можете обсуждать без меня.

Он встал и направился в джакузи. Пока вода вихрилась вокруг и била его реактивными струями, он размышлял, как же ему сбавить «Штаны Леви» какому-нибудь незадачливому покупателю. Должна же быть от фабрики хоть какая-то польза. Каток? Спортзал? Негритянская церковь? Потом ему стало интересно, что произойдет, если он оттащит гимнастическую доску миссис Леви на дамбу и сбросит ее в Залив. Он насухо вытерся, надел махровый халат и вернулся в гостиную просмотреть бюллетени скачек.

Мисс Трикси сидела на кушетке. Лицо ей уже вытерли. Ее рот превратился в оранжевый мазок. Тусклые глаза подчеркнуты тенями. А миссис Леви поправляла взбитый шиньон на жидких старушечьих волосенках.

– Что это вы со мной теперь-то делаете? – сипела мисс Трикси своей благотельнице. – Вы за это оплатитесь.

– Ты себе представляешь? – гордо спросила миссис Леви, и в голосе ее не осталось уже ни единой враждебной нотки. – Ты только посмотри.

Мистер Леви посмотрел. Мисс Трикси выглядела точной копией мамочки его дорогой супруги.

II

В «Гуляй-Инне Мэтти» Джоунз налил себе пива в стакан и вонзил длинные зубы в пену.

– Эта женщина, Ли, она к тебе плохо относится, Джоунз, – говорил ему между тем мистер Уотсон. – Вот что мне точно не нравится – когда цветной человек себя на посмешище выставляет, потому что цветной. Она ж тебя как черномазого на плантации разрисует.

– В-во! Черным чувакам и без того круто достается, чтоб еще публики животик надрывали. Ёбть. Не надо было этой мамке Ли говорить, что мне падлиция работать отправила. Надо было сказать, меня люди из честного найма прислали, девка хоть перетрухала б чуток.

– Ты лучше сходи в подлицию, скажи, что увольняисси, но другое место себе искать пойдешь.

– Й-их! Да чтоб в ухрястке изыком трепать падлиции – да ни в жись. Падлиция на меня посмотрит тока – и живо за очко в каталашку. В-во! Никакой работы черным публикам не светит – для них тока нары в каталашке. Хочшь хавку легулярно – так садись в тюрягу, ничо лучше нет. Тока я лучше с голодухи помру *снаружи*. Я лучше полы эти лятские мыть буду, чем в тюрягу, номера для машин красить да коврики с ремнями плести и прочее говно. Я просто сглупил, очком в канкан сел в этой «Ночью тех». Сам навалил, сам и разгребу.

– А я все равно грю – сходи в подлицию, скажи, с одной ушел, а на другую не нанялся.

– Ага. Я мож пийсят лет до другой шкандыбать буду. Чевой-то не видать, чтоб ходили и орали повсюду, что им неклавицы́рные черные чуваки нужны. Ууу-иии. Такие паскуды, как эта Ли, кучу падлиции знают. Иначе б этот бардак с разбодяженным пойлом давно прикрыли на фиг. Чего я пойду наобум ее корешам в падлиции говорить: «Эй, чуваки, я тута ищщо побомжую чутка». А он мне: «Лады, парниша, тока ты еще и посидишь чутка». В-во!

– Ну а как там твой саботаж продвигается?

– Херовато. Ли меня как-то заставила верхотурочно полы драить, видит же ж, что дрянь на полу тока толще и толще, поэтому скоро ее тупой клеён, беньдяшка, по щиколку в грязи будет. Ёбть. Я ж те гаврил, я адрииск написал ей на один сирощкий пакет, так что если она еще будет для Еднёво Фона их рассылать, может, и ответ получим. Я точно позырить хочу, чего ей

на этот адрииск пришлют. Мож, и падлицию. В-во!

– Довольно ясно, что ничо ты не добьёсси. Сходи поговори в подлицию, мужик. Они тебя точно поймут.

– Да *стремаюсь* я падлиции, Уотсон. Ууу-иии. Ты б тож стремался, как постоял бы себе тихо-мирно в «Вулвырте», а тут тебя падлиция метет за милу душу. Особо когда Ли, видать, с половиной падлиции шуры-муры крутит. В-во! – Джоунз выпустил нечто похожее на атомный гриб, радиоактивное облако, постепенно осевшее на стойку бара и ледник с маринованным мясом. – Слуш, а чё стало с той тупой мамкой из «Штана Лёвы», заходил сюда еще? Ты его видал с тех пор?

– Тот мужик, что про демонсрацию говорил?

– Ну да, еще что у них за главного жирный белый придурок, который бедолагам черным впаривал, что надо скинуть томную бонбу на верхушку компании, самим поубиваться, а что от их очка останется – то в каталашку.

– Я его больше тут не видел.

– Ёбть. Хотел узнать, где этот жирный придурок щас прячется. Мож, позвонить в «Штан Лёвы» спросить про него. Я б его скинул на «Ночью тех», что твою томную бонбу. Похоже, он из таких как раз, от кого мамка Ли в свой штан наложит. В-во! Ежли я и стану швицаром, то таких сапаташников ни одна плантацыя не видела. Ууу-иии. Весь хлопок на поле догорит, а я еще не кончу.

– Смотри, Джоунз. В заваруху не вляпайся.

– В-во!

III

Игнациусу становилось все хуже и хуже. Клапан его, казалось, склеился, и сколько ни подскакивай – не открывался. Титаническая отрывка вырывалась из газовых камер его желудка и в клочья рвала пищеварительный тракт. Иногда она выходила с ревом. Иногда, ослабев, находила приют в груди и распаляла изжогу.

Он знал, что физической причиной недомогания было энергичное потребление райских продуктов. Но были и иные, менее явные. Мать все больше нагледа и шла на неприкрытый антагонизм; ее уже невозможно было держать под контролем. Возможно, она вступила в какую-то маргинальную группировку крайне правого толка, потому и стала такой воинственной и враждебной. Совсем недавно она устроила в их побуревшей кухне настоящую охоту на ведьм: принялась задавать ему всевозможные вопросы, касавшиеся его политической философии. Что и странно. Мать всегда была заметно аполитичной, голосовала только за тех кандидатов, которые, по ее мнению, хорошо относятся к своим матерям. Миссис Райлли четыре срока твердо поддерживала Франклина Рузвельта вовсе не из-за «нового курса», а потому что, видимо, он любил и уважал миссис Сару Рузвельт^[58]. Миссис Райлли также голосовала не столько за Гарри Трумэна, сколько за женщину, стоявшую перед викторианским особняком в Индепенденсе, штат Миссури. Для миссис Райлли фамилии Никсон и Кеннеди означали Ханну и Розу^[59]. Кандидаты без матерей смущали ее, и в дни сиротских выборов она оставалась дома. Игнациус не мог понять ее внезапных и неуклюжих попыток защитить американские ценности от собственного сына.

Еще имелась Мирна, являвшаяся ему в череде снов, принявших вид многосерийного «Бэтмена», который он в детстве смотрел в «Притании». Одна серия следовала за другой. В особенно ужасной он стоял на платформе подземки, возрожденный в облике Святого Иакова-младшего, замученного евреями. Через турникет прошла Мирна с плакатом «НЕНАСИЛЬСТВЕННЫЙ КОНГРЕСС СЕКСУАЛЬНО ОБЕЗДОЛЕННЫХ» и начала доставать его вопросами. «Иисус выступит вперед, в шкурах или же без оных», – величественно предрек Игнациус-Иаков. Однако Мирна, презрительно ухмыляясь, столкнула его вместе с плакатом на рельсы, прямо под колеса отходящего поезда. Проснулся он как раз в тот миг, когда поезд уже был готов сокрушить его. Сны о М. Минкофф были еще хуже его

старых кошмаров о туристических автобусах с круговым обзором: Игнациус, величественно возвышаясь на верхних палубах этих обреченных механизмов, таранил ими ограждения мостов и неся навстречу взлетающим реактивным самолетам по рулежным дорожкам аэропортов.

По ночам Игнациуса изводили сны, а днем – невозможный маршрут, на который его поставил мистер Клайд. Казалось, ни одна живая душа во Французском Квартале не заинтересована в поедании «горячих собак». Он приносил домой все меньше и меньше, а мать, в свою очередь, становилась все неприветливее. Когда и как же наконец завершится этот порочный цикл?

В утренней газете он прочел, что гильдия художниц устраивает в Пиратском переулке показ своих картин. Воображая, что полотна эти окажутся достаточно омерзительными, чтобы занять на некоторое время его внимание, он столкнул тележку на брусчатку Переулка и покатил ее к ассортименту художественных произведений, болтавшихся на железных прутьях задней ограды кафедрального собора. На бушприт тележки, в попытках привлечь к бизнесу внимание квартальных обитателей, Игнациус приклеил лист из блокнота «Великий Вождь», на котором в карандаше печатными буквами значилось: «ДВЕНАДЦАТЬ ДЮЙМОВ (12") РАЯ». До сих пор на призыв никто не откликнулся.

В Переулке толпились хорошо одетые дамы в широкополых шляпках. Игнациус направил нос тележки в скопление народа и двинулся вперед. Какая-то женщина прочитала заявление «Великого Вождя» и завопила, призывая компаньонов держаться подальше от кошмарного призрака, объявившегося на их художественной выставке.

– «Горячую собачку» не желаете, дамы? – с приятностью в голосе поинтересовался Игнациус.

Взоры дам изучили вывеску, серьгу, кашне, абордажную саблю и взмолились о том, чтобы Игнациус двигался дальше. И дождь для их выставки был бы достаточно губителен. Но *это...*

– «Горячие собаки», «горячие собаки», – повторял Игнациус чуть более сердито. – Пряности из гигиеничных райских кухонь.

В наступившей вслед за этим тишине Игнациус свирепо рыгнул. Дамы сделали вид, что изучают небосвод и маленький садик на задворках собора.

Игнациус догромыхал до изгороди, оставив тщетную надежду что-нибудь продать, которую еще поддерживало присутствие тележки, и вперился в живописные полотна, пастели и акварели, нанизанные на прутья. Хотя стиль каждой работы отличался разной степенью вульгарности, сюжеты картин были сравнительно безыскусны: камелии,

утопающие в мисках с водой, азалии, вздернутые в амбициозные букеты, магнолии, похожие на белые ветряные мельницы. Некоторое время Игнациус в одиночестве яростно вглядывался в эти дары – дамы отступили от изгороди, образовав нечто вроде маленького кружка самообороны. Тележка тоже осталась покинутой на брусчатке в нескольких футах от нового члена художественной гильдии.

– О мой бог! – взревел Игнациус, прогулявшись взад и вперед по Переулку. – Как смеете вы представлять публике эти недоношенные уродства!

– Пожалуйста, проходите дальше, сэр, – выступила дама посмелее.

– Магнолии выглядят совершенно не так, – продолжил Игнациус, тыча абордажной саблей в особо вызывающую пастель. – Вам, дамы, нужно пройти курс ботаники. И, возможно, – геометрии тоже.

– Вам вовсе не *обязательно* смотреть наши работы, – донесся из группы оскорбленный голос дамы, изобразившей обсуждаемую магнолию.

– Нет, обязательно! – завопил Игнациус. – Вам необходим критик, обладающий хоть каким-то вкусом и пристойностью. Боже милостивый! Кто из вас нарисовал эту камелию? Смелее. Вода в этой вазе похожа на машинное масло.

– Оставьте нас в покое, – раздался пронзительный голос.

– Женщины, вы бы лучше бросили закатывать чаепития и устраивать завтраки, а сели бы и поучились рисовать, – громыхал Игнациус. – Перво-наперво, вам следует знать, как держат кисть. Я бы предложил вам собраться всем вместе и для начала покрасить чей-нибудь дом.

– Уходите.

– Если бы вы, «художницы», смогли участвовать в росписи Сикстинской капеллы, она бы сейчас выглядела как особенно вульгарный железнодорожный вокзал, – фыркнул Игнациус.

– Мы не намерены терпеть оскорбления какого-то грубого киоскера, – высокомерно заявила представительница шайки широкополых шляпок.

– Понимаю! – заорал Игнациус. – Так это вы, значит, клеветеете на репутацию торговца «горячими собаками»?

– Он безумен.

– Он так простонароден.

– Так груб.

– Не поощряйте его.

– Мы вас не желаем здесь видеть, – ядовито и просто высказалась представительница.

– Я мог бы себе это представить! – раздул ноздри Игнациус. –

Очевидно, что вы боитесь того, у кого еще сохранился какой-то контакт с реальностью, кто способен правдиво описать вам все те увечья, что вы нанесли холсту.

– Покиньте нас, будьте любезны, – распорядилась представительница.

– Буду. – Игнациус схватился за рукоятки тележки и толкнул ее прочь. – Вам, дамы, следует пасть на колени и молить о прощении за то, что я увидел на этом заборе.

– Город явно деградирует, если на улицах можно встретить *такое*, – произнесла какая-то женщина, когда Игнациус проковылял мимо по Переулку.

И тут он с удивлением почувствовал, как от затылка у него отскочил маленький камушек. Он зло продолжал толкать тележку дальше по брусчатке, пока не достиг конца Переулка. Там он поставил сосиску на якорь в одном из боковых проходов, чтобы не бросалась в глаза. У него болели ноги, и он не хотел, чтобы кто-нибудь беспокоил его просьбами продать франкфуртер, пока он отдыхает. Хотя дела и так шли хуже некуда, наступают времена, когда человек должен быть верен себе и свое благополучие блюсти прежде всего. Еще немного такой торговли, и ноги его превратятся в две кровоточащие культи.

Игнациус неловко присел на боковые ступеньки собора. Его свежеевозросший вес, а также вздутие, вызванное бездействующим клапаном, делали неудобным любое положение тела, кроме стоячего или лежащего. Стащив сапоги, он принялся разглядывать огромные горбыли ступней.

– Ох, матушки, – раздался над Игнациусом голос. – Что я вижу? Прихожу это я полюбоваться на кошмарно безвкусную выставку – и каков же на ней Экспонат Номер Один? Призрак пирата Лафитта. Нет. Толстяк Арбакл. Или Мари Дресслер?^[60] Скажите же мне, или я умру.

Игнациус поднял взгляд и увидел молодого человека, купившего у его матери шляпку в «Ночи утех».

– Подите от меня прочь, хлыщ. Где головной убор моей матери?

– Ах, вон что, – вздохнул молодой человек. – Боюсь, он был уничтожен во время поистине дикого собрания. Его полюбили как родной.

– Я в этом больше чем уверен. Как именно его осквернили, я интересоваться не стану.

– А я все равно не вспомню. В ту ночь для маленького *moi*^[61] было слишком много мартини.

– О, мой бог.

– Что, во имя всего святого, вы делаете в этом причудливом наряде? Вы похожи на Чарлза Лотона^[62] в женском платье в роли Царицы Цыганской. Кого вы должны изображать? Мне в самом деле очень интересно.

– Проходите мимо, фат, – отрыгнул Игнациус, и его газовые извержения эхом прогрохотали между стен Переулка. Женская художественная гильдия обратила шляпки к источнику вулканического извержения. Игнациус окинул свирепым взором рыжий бархатный пиджак и розовато-лиловый кашемировый свитер молодого человека, а также его угловатое блестящее лицо и волну светлых волос, ниспадавшую на лоб. – Подите от меня прочь, пока я не поверг вас наземь.

– Ох, боже мой! – Молодой человек рассмеялся чередой веселых детских смешочков, от которых затрясся весь его пушистый пиджачок. – Вы действительно душевнобольной, правда?

– Как вы смеете! – завопил Игнациус. Он отцепил абордажную саблю и начал колотить молодого человека по икрам своим пластмассовым оружием. Тот захихикал и затанцевал перед Игнациусом, уворачиваясь от ударов, – его грациозные телодвижения сильно мешали точности попаданий. Наконец он перепрыгнул на другую сторону Переулка и оттуда помахал Игнациусу ручкой. Игнациус схватил свой слоновий сапог пустынной модели и запустил им в выписывавшую пируэты фигурку.

– Ой, – пискнул молодой человек. Сапог он поймал и отправил обратно. Тот заехал владельцу прямо в физиономию.

– О, мой бог! Меня обезобразили!

– Прикройте рот.

– Я легко могу привлечь вас за вооруженное нападение.

– На вашем месте я бы держался от полиции как можно дальше. Как вы думаете, что они скажут при виде подобного наряда – «Радуйся, Мария»? И меня к тому же за нападение привлекать? Давайте будем немножко реалистами. Меня удивляет, как вам вообще позволяют тут разгуливать в этом костюме гадалки. – Молодой человек щелкнул зажигалкой, прикурил «Сэлем» и снова щелкнул крышечкой. – К тому же – босиком и с игрушечной сабелькой? Да вы никак смеетесь надо мной?

– Полиция поверит всему, что бы я им ни рассказал.

– Сделайте одолжение.

– Вас могут посадить на несколько лет.

– Ох, да вы в самом деле с луны свалились.

– Ну что ж, я определенно не обязан сидеть тут и выслушивать вас, – попытожил Игнациус, натягивая свои замшевые сапоги.

– О-о! – довольно заверещал молодой человек. – Какое у вас лицо! Как у Бетт Дэвис^[63] с несварением желудка.

– Не смейте ко мне обращаться, дегенерат. Ступайте играть со своими маленькими дружками. Я уверен, что Квартал ими просто кишит.

– Как поживает ваша дражайшая маменька?

– Я не желаю слышать, как это святое имя слетает с ваших декадентских губ.

– Ну, поскольку оно уже слетело, – с нею все в порядке? Такая милая, такая дорогуша эта женщина, такая неиспорченная. Вам очень повезло.

– Я не стану обсуждать ее с вами.

– Если вам угодно, пожалуйста. Я просто надеюсь, что она не знает, как вы тут скачете по улицам наподобие венгерской Жанны д'Арк. Эта сережка в ухе. Такая мадьярская.

– Если вам хочется такой же костюм, сходите и купите, – ответил Игнациус. – А меня оставьте в покое.

– Я убежден, что таких вещей не купить нигде. О, но на вечеринке он произведет настоящий фурор.

– Я подозреваю, что вечеринки, которые вы посещаете, должны быть подлинными видениями апокалипсиса. Я знал, что наше общество к этому придет. Через несколько лет вы и ваши друзья, вероятно, захватите в стране власть.

– О, а мы так и собираемся, – жизнерадостно улыбнулся молодой человек. – У нас есть связи в высших сферах. Для вас это станет сюрпризом.

– Нет, не станет. Хросвита могла бы предсказать это очень давно.

– А это еще кто такая?

– Средневековая сивилла. Она направляет меня по жизни.

– О, вы поистине изумительны, – возликовал молодой человек. – И хотя я думал, что это уже невозможно, вы набрали вес. Вы где-нибудь вообще заканчиваетесь? В вашей тучности есть что-то невероятно безвкусное.

Игнациус воздвигся на ноги и ткнул молодого человека в грудь пластмассовой абордажной саблей.

– Вот вам, дохлятина! – вскричал он, вонзая саблю в кашемировый свитер. Ее кончик сломался и упал на брусчатку.

– Ой, матушки, – взвизгнул молодой человек. – Вы же мне свитер порвете, псих ненормальный.

В Переулке члены женской художественной гильдии снимали с ограды свои картины и складывали алюминиевые садовые стульчики, точно

вороватые арабы, готовые незаметно слинять. Их ежегодная уличная выставка потерпела фиаско.

– Я – карающий меч вкуса и пристойности, – орал Игнациус. Пока он кромсал свитер своим сломанным оружием, дамы ринулись из Переулка в сторону Королевской улицы. Несколько отставших в панике хватались за свои магнолии и камелии.

– И зачем только я стал с вами разговаривать, маниак? – запыхавшись, злобно бубнил молодой человек. – Это же мой лучший свитер.

– Мессалина! – голосил Игнациус, царапая молодому человеку грудь абордажной саблей.

– Ох, ну какой же ужас.

Он попытался сбежать, но Игнациус свободной рукой крепко держал его за плечо. Тогда, продев палец в серьгу Игнациуса, молодой человек дернул и выдохнул:

– Бросайте сабельку!

– Боже мой! – Игнациус выронил саблю на брусчатку. – У меня, наверное, ухо сломано.

Молодой человек отпустил серьгу.

– Ну, всё, вы переступили черту! – пускал слюни Игнациус. – Теперь будете гнить в федеральной тюрьме весь остаток жизни.

– Вы только взгляните, что вы сделали с моим свитером, омерзительное чудовище.

– Только такую вычурную дохлятину, как вы, и можно увидеть в таком недоношенном свитере. Должен же быть у вас какой-то стыд или хотя бы вкус в платье.

– Вы ужасное существо. Вы огромная *тварь*.

– Мне, вероятно, придется провести несколько лет в «Клинике глаза, уха, горла и носа», чтобы мне его вылечили, – скулил Игнациус, ощупывая ухо. – Можете рассчитывать на то, что вам каждый месяц будут приходить довольно-таки ошеломляющие медицинские счета. Мой корпус адвокатов выйдет на вас утром, где бы вы ни занимались своей сомнительной деятельностью. Я предупрежу их заранее, что они могут увидеть и услышать все что угодно. Все они – блистательные юристы, столпы общества, аристократические креольские интеллигенты, чьи познания в более скрытых от глаз формах жизнедеятельности довольно ограничены. Они даже могут отказаться от встречи с вами. Отправят нанести вам визит значительно менее солидного представителя, какого-нибудь младшего партнера, взятого в услужение из сострадания.

– Вы ужасное, кошмарное животное.

– Тем не менее, чтобы избавить вас от тревоги ожидания этой фаланги светил законности в паутине ваших апартаментов, я снизойду до принятия мирного урегулирования вопроса прямо сейчас, если желаете. Пяти или шести долларов будет достаточно.

– Свитер стоил мне сорок, – ответил молодой человек. Он общупал участок, подпорченный саблей. – Вы готовы за него заплатить?

– Разумеется, нет. Я никогда не вступаю в препирательства с нищесборщиками.

– Я легко могу подать на вас в суд.

– Возможно, нам обоим следует отказаться от мысли прибегнуть к судебному вмешательству. Такое благоприятное событие, как судебный процесс, вас, вероятно, увлечет настолько, что вы появитесь в тиаре и вечернем платье. Старенький судья довольно сильно смутится. Нас обоих, вне всякого сомнения, признают виновными по какому-нибудь сфабрикованному обвинению.

– Вы тошнотворный зверюга.

– Почему бы вам не убраться восвояси, чтобы отдать должное какой-либо сомнительной забаве, привлекающей вас? – сквозь отрывку промолвил Игнациус. – Посмотрите, по улице Шартр дрейфует какой-то матрос. Он выглядит довольно одиноким.

Молодой человек бросил взгляд в тот конец Переулка, что выходил на улицу Шартр.

– Ах, этот, – процедил он. – Это всего лишь Тимми.

– Тимми? – рассерженно переспросил Игнациус. – Вы с ним знакомы?

– Конечно. – В голосе молодого человека звучала тяжелая скука. – Один из моих дражайших, *старейших* друзей. И вовсе никакой он не матрос.

– Что? – громыхнул Игнациус. – Уж не хотите ли вы сказать, что эта личность выдает себя за служащего вооруженных сил этой страны?

– Это еще не все, за кого он себя выдает.

– Дело крайне серьезно. – Игнациус нахмурился, и красное сатиновое кашне на его охотничьей шапочке съехало вниз. – Каждый солдат и матрос, которого мы видим, может оказаться замаскированным спятившим декадентом. Бог мой! Мы все в тенетах какого-то ужасного заговора. Я знал – нечто подобное произойдет. Соединенные Штаты, вероятно, совершенно беззащитны!

Молодой человек и матрос помахали друг другу, точно старые знакомые, и матрос скрылся из виду за углом собора. В проеме Пиратского переуллка показался патрульный Манкузо в берете и с фальшивой козлиной

бородкой – он крался за матросом, держась в нескольких шагах позади.

– О-о! – радостно заверещал молодой человек при виде патрульного. – Вон тот дивный полицейский. Неужели там не соображают, что в Квартале всем известно, кто он такой?

– Вы и его знаете? – осторожно поинтересовался Игнациус. – Он очень опасный человек!

– Его все знают. Слава богу, что он вернулся. А то мы уже начали волноваться, что с ним приключилось. Мы его просто обожаем. О, я всякий раз просто дожидаться не могу, какой костюм на него еще нацепят. Вы бы его видели несколько недель назад, до того как он исчез: просто умереть не встать, в какого ковбоя его вырядили. – И молодой человек зашелся в приступе дикого хохота. – В своих сапогах он едва мог передвигаться – лодыжки непрерывно подворачивались. Однажды он задержал меня на Шартре, когда я поистине с ума сходил от шляпки вашей мамы – уж не в Женской ли тюремной ассоциации ей ее выдали? Потом он остановил меня на Дюмэн и попытался завязать разговор. В тот день на нем были очки в роговой оправе и спортивный свитер. Он сообщил мне, что он – студент из Принстона, здесь на каникулах. Просто сказка. Я так рад, что полиция вернула его людям, которые его поистине ценят. Я уверен: где бы он ни был все это время, таланты его уходили псу под хвост. О, а этот его акцент. Некоторым он больше нравится как британский турист. Но это на ценителя. Я же всегда предпочитал его как полковника армии южан. Наверное, все это – дело вкуса. Мы ему пару раз арест устраивали за непристойные предложения. Полицию это всегда изумительно сбивает с толку. Я правда надеюсь, что больших неприятностей у него не было – он очень дорог нашим сердцам.

– Он воплощение зла, – заметил Игнациус. А потом добавил: – Интересно все же, сколько наших так называемых «военных» – на самом деле обычные люди, вроде вашего дружка, переодетые уличные девки.

– Кто ж знает? Хорошо бы – все до единого.

– Разумеется, – задумчиво и серьезно продолжал Игнациус, – этот обман распространится по всему миру. – Красное сатиновое кашне заелозило вверх и вниз. – Следующая война может превратиться в одну массовую оргию. Господи боже мой. Сколько главнокомандующих в мире – просто-напросто пожилые душевнобольные содомиты, играющие некие фальшивые фантастические роли? На самом деле для мира в целом это могло бы оказаться довольно благоприятным. Конец всех войн навсегда. Это могло бы стать ключом к прочному миру.

– Вполне, – с готовностью согласился молодой человек. – Мир любой

ценой.

Два нервных окончания в голове Игнациуса сомкнулись и образовали непосредственную математическую ассоциацию. Возможно, он отыскал способ справиться с наглостью М. Минкофф.

– Помешавшиеся на власти мировые лидеры определенно будут весьма удивлены, узнав, что их военные руководители и войска – всего лишь замаскированные содомиты, которым только того и надо, что встречаться лицом к лицу с замаскированными содомитскими армиями стран-противников и устраивать вместе танцы, закатывать балы и разучивать иностранные па.

– Ну какая прелесть, а? Правительство оплачивало бы нам путешествия. Как божественно. Мы бы положили конец всемирным неурядицам и оживили бы надежду и веру людей в будущее.

– Быть может, вы и есть – наша надежда, – изрек Игнациус, драматически припечатав одной своей лапой другую. – Ничего иного, более многообещающего, на горизонте все равно не наблюдается.

– К тому же так мы покончим со взрывом перенаселения.

– О мой бог! – Изжелта-небесные глаза дико сверкнули. – Ваш метод, вероятно, окажется более удовлетворительным и приемлемым, нежели довольно-таки драконовские тактики контроля рождаемости, в поддержку которых я всегда выступал. В своих письменных трудах я должен отвести этому какое-то пространство. Предмет заслуживает внимания глубокого мыслителя, владеющего определенной перспективой рассмотрения культурного развития мира. Я определенно рад, что вы способствовали моему новому ценному озарению.

– О, какой сегодня прелестный день. Вы – цыганка. Тимми – матрос. Изумительный полицейский – художник. – Молодой человек вздохнул. – Совсем как на Марди-Гра^[64], а я чувствую себя здесь лишним. Схожу-ка я домой, чего-нибудь на себя накину.

– Секундочку, – остановил его Игнациус. Нельзя упускать такую возможность из разбухших пальцев.

– Я надену сабо. У меня наступает фаза Руби Килер^[65], – весело сообщил Игнациусу молодой человек и запел: – «Ты пойдешь домой надеть трусишки, я пойду домой надеть штанишки, и мы двинем в путь с тобой. Ой-ёй-ёй. Двинем мы с тобою, строем, прямо в Буффало-й-ёй-ёй...»^[66]

– Прекратите это оскорбительное представление, – сердито приказал Игнациус. Таких людей надо загонять в строй кнутом.

Молодой человек немного пошаркал башмаками вокруг Игнациуса и

выдал:

– Руби такая дорогуша была. Я истово смотрю ее старые фильмы по телевидению. «Хватит нам серебряного четвертака, чтобы подкупить проводника, свет в купе погасим, мой дорогой, ой-ёй-ёй. Двинем мы с тобою, строим, прямо...»

– Да будьте же вы серьезны хоть миг. Довольно вокруг меня порхать.

– *Moi?* Порхаю? Чего вы хотите от меня, Цыганка?

– А вы не думали о том, чтобы сформировать политическую партию и выдвинуть своего кандидата?

– Политика? О, Орлеанская дева! Какая тоска.

– Но это же очень важно! – в тревоге закричал Игнациус. Теперь он покажет Мирне, как впрыскивать секс в политику. – Хотя я раньше этого и никогда не рассматривал, у вас в руках может оказаться ключ к будущему.

– И что же вы собираетесь с ним делать, Элеонора Рузвельт^[67]?

– Вы должны основать партийную организацию. Следует разработать планы.

– Ох, я вас умоляю, – вздохнул молодой человек. – От всех этих мужланских разговоров у меня голова кругом идет.

– Возможно, нам удастся спасти мир! – проревел Игнациус голосом заправского оратора. – Боже милостивый! И почему мне это раньше в голову не пришло?

– Вы даже себе не представляете, как меня угнетают подобные разговоры, – поведал ему молодой человек. – Вы теперь напоминаете моего папулю, а бывает ли на свете что-нибудь тягостнее? – Молодой человек вздохнул. – Боюсь, мне уже надо бежать. Пора надевать костюм.

– Нет! – Игнациус ухватился лапой за лацкан его пиджака.

– Ой, матушки, – выдохнул молодой человек, поднеся руку к горлу. – Теперь мне всю ночь пилюли глотать.

– Мы должны организовать немедленно.

– Даже сказать вам не могу, как вы меня угнетаете.

– Чтобы начать кампанию, у нас должно пройти большое организационное собрание.

– Это будет что-нибудь вроде тусовки?

– Да – в некотором смысле. И вместе с тем партия должна выражать ваши цели.

– Тогда это, наверное, типа весело. Вы и представить себе не можете, насколько пресные, бесцветные у нас в последнее время складываются партии.

– Это не та партия, осел.

– О, мы будем очень и очень серьезны.

– Хорошо. Теперь послушайте меня. Я должен прийти и прочитать вам лекцию, чтобы направить вас верным курсом. Я обладаю довольно обширными познаниями в политической организации.

– Великолепно. Вы должны быть вот в этом фантастическом костюме. Могу вас заверить – так вы добьетесь сосредоточенного внимания всех и каждого, – заверещал молодой человек и прикрыл рот рукой: – Ох, дорогой мой, какая дикая тусовка у нас организуется.

– Нельзя терять ни минуты, – непреклонно промолвил Игнациус. – Апокалипсис уже на носу.

– Устроим ее на следующей неделе у меня.

– Нужна красная, синяя и белая материя для знамен, – проинструктировал его Игнациус. – На политических мероприятиях она всегда бывает.

– У меня ее целые рулоны. О, сколько всего украшать придется. Придется позвать на помощь несколько близких друзей.

– Зовите, – возбужденно согласился Игнациус. – Начинайте организацию на всех уровнях.

– О, я ни за что бы не подумал, что с вами так весело. В этом жутком нищенском баре вы были так враждебны.

– Существо мое многогранно.

– Вы меня изумляете. – Молодой человек воззрился на наряд Игнациуса. – Подумать только – вот в этом вы разгуливаете на свободе. В некотором смысле я вас уважаю.

– Покорнейше вас благодарю. – Голос Игнациуса смягчился от удовольствия. – Большинство остолопов не постигают моего мировоззрения совершенно.

– Я так и думал.

– Я подозреваю, что за вашим оскорбительно и вульгарно женоподобным фасадом должна таиться некоторым образом душа. Начитаны ли вы в Боэции?

– В чем? Ох, батюшки, конечно, нет. Я даже газет никогда не читаю.

– В таком случае вы должны приступить к программе чтения немедленно, чтобы в полной мере осознать кризисы нашего века, – внушительно произнес Игнациус. – Начните с поздних римлян, включая Боэция, разумеется. Затем вам следует поглубже окунуться в раннюю средневековку. Возрождение и Просвещение можно пропустить. Это, по большей части, опасная пропаганда. Кстати, раз уж об этом зашла речь, романтиков и викторианцев тоже следует обойти. Что касается

современного периода, вам следует изучить лишь отдельные выпуски комиксов.

– Вы просто фантастичны.

– Особенно рекомендую вам «Бэтмена», ибо он имеет склонность выходить за пределы того ужасного общества, в каком оказался. К тому же у него до некоторой степени твердая мораль. Я отношусь к Бэтмену с довольно серьезным уважением.

– Ох, посмотрите – вон снова Тимми, – показал молодой человек. Матрос шел по улице Шартр в противоположном направлении. – И как ему не надоедает один и тот же маршрут? Туда-сюда, туда-сюда. Поглядите только на него. Зима стоит, а на нем до сих пор летняя белая форма. Конечно же, ему и в голову не приходит, что для берегового патруля он – верная мишень. Вы и вообразить себе не можете, насколько этот мальчишка глуп и безрассуден.

– Его лицо в самом деле выглядит несколько затуманенным, – заметил Игнациус. Художник в берете и бороде тоже прошел по Шартру с деловым видом, держась в нескольких футах от матроса. – О, мой бог! Этот нелепый представитель закона все испортит. Он как ложка дегтя в общей бочке меда. Вероятно, вам следует догнать этого матроса и увести его с улицы. Если военно-морские власти его задержат, то обнаружат, что он – самозванец, и нашу политическую стратегию разоблачат. Утащите отсюда этого клоуна поскорее, пока он не погубил самый дьявольский политический заговор в истории всей западной цивилизации.

– Ой! – радостно взвизгнул молодой человек. – Я сейчас сбегу и все ему расскажу. Стоит ему услышать, что он чуть было не натворил, как он завопит и грохнется в обморок.

– Не ослабляйте же своих приготовлений, – предостерег его Игнациус.

– Я уработаюсь до полного изнеможения, – весело заверил его молодой человек. – Встречи на окружных участках, регистрация избирателей, предвыборная реклама, комитеты. Первый митинг начнем около восьми. Я живу на улице Святого Петра, дом с желтой штукатуркой сразу, как свернуть с Королевской. Не обознаетесь. Вот моя карточка.

– О, мой бог! – пробормотал Игнациус, разглядывая строгую визитку. – Не могут же вас в самом деле звать Дориан Грин.

– Еще как могут. Правда, здорово? – томно протянул Дориан. – Если бы я сообщил вам свое настоящее имя, вы бы со мной даже не поздоровались в следующий раз. Оно такое банальное, что только его вспомню – и жить не хочется. Я родился на пшеничной ферме в Небраске. Дальше, я думаю, все понятно.

– Ну, как бы то ни было, меня зовут Игнациус Ж. Райлли.

– Это не очень ужасно. Я как бы представлял вас Хорэсом или Хамфри, или чем-нибудь вроде того. Ну, не подведите нас. Речь свою порепетируйте. Я гарантирую большую толпу народа – все просто подымают от скуки и общей депрессии, поэтому за приглашения глотки друг другу перегрызут. Звякните мне, и уладим точную дату.

– Не забудьте подчеркнуть значимость этого исторического конклава, – сказал Игнациус. – В нашем ядре залетные бабочки не нужны.

– Возможно, там окажется пара-другая костюмов. Тем-то Новый Орлеан и прелестен. Переодевайся и устраивай себе Марди-Гра хоть круглый год. В самом деле Квартал иногда – весь как один огромный маскарад. Иногда я друга от недруга отличить не могу. Но если вы имеете что-то против костюмов, я всех предупрежу, хоть их сердечки и разорвутся от разочарования. У нас уже несколько месяцев хорошей партии не складывалось.

– Я не стану возражать против нескольких пристойных, со вкусом костюмированных членов, – наконец промолвил Игнациус. – Они могут привнести в организационное собрание соответствующую случаю международную атмосферу. Политики, кажется, всегда не против пожать руки каким-нибудь олигофренам в этнических и национальных костюмах. Раз уж об этом зашла речь, можете поощрить один-два таких костюма. Однако не нужно, чтобы кто-либо изображал женщин. Я не считаю, что политикам пристало появляться в обществе таких особ. Подозреваю, это вызовет негодование сельских избирателей.

– Давайте же я скорее побегу и разыщу глупышку Тимми. Напугаю его до смерти.

– Только остерегайтесь этого Макиавелли из полиции. Если он пронюхает о нашем заговоре, мы пропали.

– О, если б я так не радовался, что он снова на наш участок вернулся, я бы позвонил в полицию, и его бы немедленно арестовали за приставания. Вы даже представить себе не можете, какое у этого человека становилось лицо, когда патруль приезжал его забирать. Да и у самих офицеров. Просто нет слов. Но мы все так благодарны, что его нам вернули. Никто теперь не осмелится его третировать. Прощайте, Цыганская Мамочка.

И Дориан поскакал по Переулку догонять декадентского морехода. Игнациус взглянул в сторону Королевской улицы. Интересно, куда подевалась женская художественная гильдия. Он дотащился до прохода, где спрятал тележку, приготовил себе «горячую собаку» и помолился, чтобы до исхода дня у него появился хоть один покупатель. С тоскою осознавал он,

как низко Фортуна открутила его колесо. Раньше он и помыслить об этом не мог: молиться, чтобы у него покупали сосиски! Но, по крайней мере, теперь у него против М. Минкофф появился грандиозный новый план. Мысль о первом митинге новой партии сильно его взбодрила. Теперь уж распутница будет совершенно посрамлена.

IV

Весь вопрос в хранении. Каждый день примерно с часу до трех Джордж был привязан к своим пакетам. Однажды он пошел в кино, и даже в темноте, на спаренном сеансе фильмов про колонию nudистов, ему было неудобно. Он боялся положить пакеты на соседнее сиденье, особенно в таком кинотеатре. Держа их на коленях, он помнил об этом бремени все три часа, пока экран переполняла загорелая плоть. В другие дни он их таскал с собой, от скуки бродя по деловому району и Кварталу. К трем же часам он так уставал от своего пешего марафона, что сил на ежедневные переговоры уже не оставалось; за два часа подобных транспортировок обертки пакетов влажнели и рвались. Если хотя бы один рассыплется на улице, следующие несколько лет Джордж запросто проведет в колонии для малолетних преступников. Почему тот филер хотел его арестовать в уборной? Он же ничего не сделал. Наверняка у агента какая-нибудь детективная телепатия есть.

В конце концов Джордж нашел место, которое, по меньшей мере, могло гарантировать ему хоть какой-то отдых и возможность присесть – собор Святого Людовика. Он сел на скамью возле ряда свечей ко всенощной и принялся украшать себе руки татуировками. Пакеты стопкой лежали рядом. Когда с украшательством было покончено, он вытащил из кармашка в спинке сиденья впереди требник и перелистал его, освежая смутные знания о механике мессы путем рассматривания картинок, на которых священник выполнял один обряд за другим. Месса – на самом деле штука очень несложная, решил Джордж. Он шуршал страницами, пока не пришла пора уходить. Потом собрал пакеты и вышел на улицу Шартр.

Ему подмигнул матрос, опиравшийся на фонарный столб. Джордж ответил на приветствие неприличным взмахом татуированной руки и, ссутулившись, зашаркал ногами по улице. Проходя мимо Пиратского переулка, он услышал какие-то вопли. Там чокнутый торговец сосисками пытался пластмассовым ножом зарезать какого-то педика. Киоскеру этому совсем башню снесло. Джордж на секунду остановился, разглядев кашне и кульбиты сережки в ухе; педик визжал, будто его на самом деле режут. Киоскер, вероятно, не представляет себе ни какой сегодня день, ни какой месяц и даже год. Наверное, думает, что сегодня Марди-Гра.

Шпика из уборной, шедшего следом за матросом, Джордж заметил как раз вовремя. Сейчас тот был похож на битника. Джордж заскочил в арку

древнего административного здания периода испанского владычества, «Кабильдо», и по галерее промчался до улицы Святого Петра, потом добежал до Королевской и направился прочь от центра, к автобусным линиям.

Теперь шпик, значит, по Кварталу рыщет. Надо признать – фараоны на высоте. Господи Иисусе. Ни единого шанса не оставляют.

И мысли его вернулись к вопросу хранения. Он уже начинал себя чувствовать каким-то беглым уголовником. Куда теперь? Он вскарабкался в автобус «Желание» и задумался всерьез, пока железный ящик разворачивался и выезжал на Бурбонову улицу мимо бара «Ночь утех». На тротуаре стояла Лана Ли – она руководила своим черным парнягой, который устанавливал на мостовой перед баром плакат в застекленной коробке. Парняга щелчком отбросил сигарету, которая подпалила бы мисс Ли прическу, не будь направлена снайперской рукой. Бычок проплыл над самой головой мисс Ли всего в каком-то дюйме. Какие ловкие нынче пошли негритосы. Надо будет как-нибудь вечером заехать к ним в район, яйцами пошвыряться. Они с корешами уже давненько так не развлекались: берешь чью-нибудь пришпоренную тачку, катаешься по округе и пуляешь себе в негритосов, которым мозги не хватило с обочины сходить.

Но вернемся к вопросу хранения. Лишь когда автобус пересек Елисейские Поля, Джордж кое-что придумал. Вот же место, все время перед носом маячило – он просто не сообразил. Джордж готов был пнуть себя в лодыжку заточенным мыском собственного цыганского сапога. Перед глазами у него стоял прекрасный, просторный, защищенный от превратностей погоды металлический ящик, мобильный несгораемый шкаф, который ни одному шпику на свете, сколь бы хитер он ни был, не придет в голову открыть, – сейф, охраняемый самым большим олухом в мире: отсек для булочек в жестяной сосиске этого придурочного киоскера.

Одиннадцать

– Ай, погляди тока, – сказала Санта, поднося газету к самому носу. – Какую славненькую картину у нас показывают с малюткой Дэбби Рейнолдз^[68].

– Ай, какая миленькая, – откликнулась миссис Райлли. – Вам она нравится, Клод?

– А это кто? – благодушно осведомился мистер Робишо.

– Маленькая Дебра Рейнолдз, – пояснила миссис Райлли.

– Кажется, не припоминаю. Я не ходок по кино.

– Она дорогуша, – сказала Санта. – Такая щупленькая. Ты ей видела в той прэлестной фильме, где она там Тэмми играла, Ирэна?^[69]

– Это там, где она слепая стала?

– Нет, дэушка! Ты, наверно, с другой перепутала.

– Ох, я даже знаю, с кем, лапуся. Я про Джун Уайман^[70] думала. Тоже милашечка была.

– Ай, хорошая какая, да, – откликнулась Санта. – Помню ту картину, где она играла куклу такую глупую, ее еще потом снасильничали.

– Боже-сусе, хорошо, что я не пошла.

– Ай, чудэсная картина была, малыша. Очень драматиццкая. Какое у этой куклы лицо было, когда ей снасильничали. Никогда не забуду.

– Кому-нибудь еще кофы налить? – спросил мистер Робишо.

– Ага, вот суда плэсните, Клод, – сказала Санта, снова складывая газету и швыряя ее на холодильник. – Как жалко же, что Анджело не смог. Бедненький мальчик. Сказал мне, что день и ночь работать сам будет, чтоб хоть кого-нить привлэчь. Наверно, дэжурит сегодня где-то. Вы б слыхали, чего мне Рита евонная грит. Анджело, кажись, пошел и накупил сэбе носить много дорогой одёжи, чтобы, наверно, какого супчика привлэчь. Ну стыд же ж какой, а? Оно и видно же ж, как мальчик органы любит. Ежли его вышибут, у него ж сэрге разобьется. Ох, хорошо б он побродягу какого привлék.

– Тяжкая у Анджело дорожка, – рассеянно произнесла миссис Райлли. Она вспомнила о вывеске «МИР ВСЕМ ЛЮДЯМ ДОБРОЙ ВОЛИ», которую Игнациус прикрепил кнопками к фасаду их дома, вернувшись как-то раз с работы. Едва табличка появилась, мисс Энни устроила допрос с пристрастием – свои вопросы она орала из-за ставней. – А что вы думаете, Клод, если кому-то мира хочется?

- По мне, так это чистый комуняс.
- Худшие страхи миссис Райлли подтвердились.
- А кому это мира нада? – спросила Санта.
- Игнациус вывеску на дом повесил про мир.
- Я так и знала, – рассердилась Санта. – Сначала этот мальчик короля сэбе хочет, тэперь – мира. Говорю тебе, Ирэна. За ради твово же блага. Мальчика твово слэдывает посадить.
- А сережку он уже не носит. Я его спросила, а он говорит: «Не ношу я никакой сережки, мамуля».
- Анджело врать не станет.
- Может, у него – малюпусенькая.
- По мне так сэрежка сэрежка и есть. Правда же ж, Клод?
- Это правда, – степенно ответил Клод Санте.
- Санта, лапуся, какая миленькая у тебя Святая Дева на телевизере, – поспешила отвлечь их от сережки миссис Райлли.
- Все посмотрели на телевизионный приемник, стоявший рядом с холодильником, и Санта ответила:
- Ну она же правда хорошенькая? Это наша маленькая Матерь Чиливидэнья. У нее снизу присоска, чтоб я ее не сшибла, когда грохочу тут по кухне. Я ее у Лэнни купила.
- У Ленни все есть, – сказала миссис Райлли. – И, похоже, с хорошего пластика сделали, не сломается.
- Ну, как вам, дэтишки, ужин понравился?
- Он был восхитителен, – ответил мистер Робишо.
- Чудесный, – подтвердила миссис Райлли. – Уж я давненько так хорошо не кушала.
- Гаарфф, – рыгнула Санта. – Я, мне кажется, сильно много чэсноку бухнула в эти шпигованные баклажаны, да токо чэсноку я всегда пэреложиваю. Мне даже внучата твэрдят: «Эй, мамо, ты точно всегда чэсноку пэреложиваишь».
- Ай, как же ж мило, а? – заметила миссис Райлли по поводу внучат-гурманов.
- А по мне, так баклажаны отличные, – сказал мистер Робишо.
- Я самая щасливая, токо когда полы драю или покушать готовлю, – сообщила Санта гостям. – Ох и люблю я касрулю коклэт наготовить или джамбалаи с криветками.
- И мне готовить нравится, – вставил мистер Робишо. – Дочке помощь иногда.
- Ну это уж точно, – подтвердила Санта. – Муццина, который

готовыть умеет, – пэрвый помощник в дому, уж мне повэрьте. – Она лягнула под столом миссис Райлли. – Коли у жэнщины мушщина готовыть любит, так, щитай, повэззло дэвоньке.

– А вам нравится готовить, Ирэна? – спросил мистер Робишо.

– Это вы мне, Клод? – Миссис Райлли пыталась себе представить, как Игнациус выглядит с сережкой в ухе.

– Хватит же ж в облаках витать, дэушка, – распорядилась Санта. – Тут Клод у тебя спрашивает, ты готовку любишь?

– Ага, – соврала миссис Райлли. – Нравится мне готовить, нравится. Только иногда на кухне так жарко, а особо – летом. Из проулка почти совсем не дует. Игнациус же ж все равно всякую дрянь обожает. Дай ему побольше «Доктора Орешка» да выпечки, и он уже довольный ходит.

– Вам надобно лектрическую плитку завести, – посоветовал мистер Робишо. – Я своей дочке такую купил. От нее не столько жару, как от газовой.

– Откуда ж у вас стока дэнег, Клод? – заинтересовалась Санта.

– А у меня пенсия хорошая от железнодороги. Я ж у них сорок четыре года прослужил. Мне же такой красивый золотой значок дали, когда уходил.

– Ай, как мило, а? – сказала миссис Райлли. – Так вы хорошо добились, а, Клод?

– Потом, – продолжал мистер Робишо, – у меня недвижимость внаем вокруг дома. Я всегда чуточку зарплату откладывал, чтоб в недвижимости потом инвестировать. Недвижность – это же хорошая инвестиция.

– Еще бы, – закивала Санта, делая страшные глаза миссис Райлли. – Так вы, значит, тэперь обеспэчены, а?

– Мне довольно прилично хватает. Но знаете – надоедает иногда с дочкой и ее мужем жить. То есть их дело молодое. Своя семья, опять же. Они ко мне очень хорошо относятся, да мне бы все равно лучше какой-нибудь домишко, но чтоб свой. Понимаете, да?

– На вашем месте, – сказала миссис Райлли, – я бы там и осталась. Если ваша маленькая дочка не против то есть, – так-то у вас там все налажено славно. Ох, вот бы только у меня послушный мальчик был. Скажите же ж спасибо за то, что у вас есть, Клод.

Санта впечатала каблук миссис Райлли в лодыжку.

– А-ай! – заверещала та.

– Х-хосподи, прости меня, малыша. Всё мои ноги большущие. Всэгда меня подводят. В обувном не подбэрешь никада ничё. Продавец видит – я иду, и думает уже: «Боже ж мой, вон опять мисс Батталья идет, что же ж

мне дэлать?»

– Да не такие ж они у тебя и большие, – заметила миссис Райлли, заглядывая под кухонный стол.

– Я ж их просто в эти тюфли тэсные втиснула. Видела б ты, какие они, когда я босяком хожу, дэушка.

– А у меня ноги хро́мые, – сообщила миссис Райлли остальным. Санта сделала ей знак не обсуждать свои недостатки, однако закрыть миссис Райлли рот было непросто. – Иной день и вообще ходить не могу. Мне кажется, они у меня болеть начали, когда Игнациус был совсем кроха, а я его повсюду на себе таскала. Боже-сусе, как же он медленно ходил. И носом все время падал. Да и тяжеловат был для свойво возраста. Может, от этого у меня артюрит.

– Послушайте-ка меня, дэтки, – быстро вмешалась Санта, чтобы миссис Райлли не успела пуститься в описание какого-нибудь нового ужасного изъяна. – А не сходить ли нам, не поглядеть ли милашечку Дэбби Рэйнолдз?

– Это будет мило, – ответил мистер Робишо. – Я никогда на картины не хожу.

– Ты хочешь сходить картину посмотреть? – переспросила миссис Райлли. – Ну, я не знаю. У меня ноги.

– Ай, да ладно тебе, дэушка. Давай и́з дому выберемся. Тут чэсноком воняет.

– Игнациус, кажись, мне говорил, это фильма никудышняя. Он каждую новую картину не пропускает, этот мальчик.

– Ирэна! – рассердилась Санта. – Ты все врэмя про этого мальчика думаешь, а он тебе столько хлопот чинит. Да проснись же ж наконец, малыша. Если б у тебя понятие хоть какое было, ты б давно его уже в Благодаритэльную больницу сдала. К нему б там шлан включили. Ему б там летрицкую розэтку вставили. Игнациусу твоему б там показали, где раки зимуют. Он бы там сразу сэбя вести стал.

– Да-а? – с интересом спросила миссис Райлли. – А скока это стоит?

– Это бэсплатно все, Ирэна.

– Государственное здравоохранение, – заметил мистер Робишо. – Там, наверно, сплошь комунясы с попутчиками работают в этом месте.

– Этой больницей монашки заправляют, Клод. Х-хосподи, и где вы только всю эту ахинэю про камуняков нахватили?

– А может, сестер этих обдурачили? – сказал мистер Робишо.

– Ай, какой ужас, – сокрушенно покачала головой миссис Райлли. – Бедненькие сестрички. Заправляют всем для банды комунястов.

– Да плювать мне, кто там запыривляет, – сказала Санта. – Если там бесплатно людей дэржут, Игнациусу там самое что ни на есть мэсто.

– Игнациус только начнет там с народом разговоры вести, так они, наверно, разозлятся и надолго его запрут хорошенько, – произнесла миссис Райлли. Однако думала она о том, что даже в такой перспективе могут быть свои преимущества. – Может, он дохторов слушаться не буйт.

– Заставют, куда денецца. По кумполу надают, в мирительную рубашку запрут, да еще воды на него свэрху накачают, – с несколько чрезмерным воодушевлением высказалась Санта.

– Вы о себе совсем не думаете, Ирэна, – вмешался мистер Робишо. – Этот ваш сынишка вас же в могилу загонит.

– Во-во. Скажите ей, Клод, скажите.

– Ладно, – решила миссис Райлли. – Дадим Игнациусу шанец. Может, он еще хорошо добьется.

– Сосиськи торговать? – осведомилась Санта. – Х-хосподи-и. – Она покачала головой. – Ладнэнько, давайте я талэрки эти в раковину закину. Пошли, поглядим на нашу дорогушечку Дэбби Рэйнолдз.

Через несколько минут, после того как Санта заглянула в гостиную поцеловать на прощанье мамулю, троица направилась к кинотеатру. День стоял безмятежный; с Залива не прекращало тянуть южным ветерком. Да и вечер обещал быть еще теплым. Густые запахи южной стряпни плыли по скученным дворикам из открытых кухонных окон каждого многоквартирного дома. Казалось, все жители до единого вносили свой, сколь угодно незначительный, вклад в общую какофонию падающих кастрюль, громыхающих телевизоров, спорящих голосов, орущих детишек и хлопающих дверей.

– Приход Святого Одо сёдни дает жару, – глубокомысленно заметила Санта, когда троица медленно шла по узенькому тротуару между обочиной и ступеньками спаренных домов, торчащих плотными прямыми рядами в каждом квартале. Уличные фонари освещали голый асфальт, цемент без единого дерева и сплошные старые черепичные крыши. – А летом тово хужее. Все по улицам шастают часов до дэсьти-одиныцати.

– Да что ты мне говоришь, ненаглядная моя? – перебила ее миссис Райлли, трагически ковыляя между своими друзьями. – Я ж сама с улицы Дофина. Мы, помню, тубаретки на банкетставляли и сидели там до полно́чи, в доме остудить. А о чем только люди не судачили! Боже-ж-сусе.

– Сплошь пэрэсуды, иначе не скажешь, – согласилась Санта. – Злые языки.

– Бедненький папочка, – сказала миссис Райлли. – Уж такой бедный

был. Помню, как пошел и рукой в этот ремень от вертилятора попал, у соседей наглости хватило еще и говорить, что он, наверно, пьяный был. И письмо аманимное про него прислали. А тетушка моя бедненькая, танта Бубу. Восемьдесят лет. Свечку жгла по своему бедному покойнику-мужу, так та с ночной тумбочки свалилась и матрас подпалила. А люди злословили – курила в постели.

– А я верю, что люди – невиноватые, пока не доказано, что виноваты.

– Я вот так же думаю, Клод, – сказала миссис Райлли. – Вот только давеча Игнациусу говорю: «Игнациус, я верю, что люди – невиноватые, покудова не докажут, что виноваты».

– Ирэна!

Они пересекли проспект Святого Клода, когда плотный поток машин на минуту иссяк, и пошли по другой стороне под неоновыми вывесками. Проходя мимо похоронного бюро, Санта задержалась перекинуться словечком с одним из безутешных родственников, стоявшим на тротуаре:

– Послушайте, мистэр, а кого это там положили?

– Старушку Лопес провожают, – ответил человек.

– Что вы говорите? Это жена того Лопэса, что мага́зын держал на Французовой?

– Она самая.

– Ай, как жалко, – протянула Санта. – А от чего?

– Сердчишко прихватило.

– Ай, ну ужас-то какой, а? – с чувством вступила миссис Райлли. – Бедненькая девочка.

– Вот кабы я одэта была, – сообщила Санта человеку, – беспрэменно зашла бы соболезны выразить. А то мы тут с друзьями как раз на картину идем. Спасибо вам.

Они двинулись дальше, и Санта принялась в красках описывать миссис Райлли множество скорбей и невзгод, из которых состояло унылое существование старушки Лопес. В конце концов Санта произнесла:

– Я, наверно, ее семье мэссу закажу.

– Боже-сусе, – выдохнула миссис Райлли, ошеломленная биографией старушки Лопес. – Я, наверно, тоже – за упокой бедняжкиной души.

– Ирэна! – возопила Санта. – Но ты же даже их не знаешь совсэм!

– Так-то оно так, – вяло согласилась миссис Райлли.

Подходя к кинотеатру, Санта и мистер Робишо пустились в легкую дискуссию, кто будет покупать билеты. Миссис Райлли сказала, что купила бы она, вот только если б не надо было платить в рассрочку до конца недели за Игнациусову трубу. Однако мистер Робишо оставался

непреклонен, и Санта после долгих препирательств позволила ему поступать как знает.

– В конце концов, – сказала ему Санта, когда он вручал дамам билеты, – денюшка есть только у вас.

И она подмигнула миссис Райлли, чьи мысли опять закрубились вокруг вывески, смысл которой Игнациус объяснить ей отказался. Большую часть фильма она не переставала думать о быстро усыхавшей зарплате сына, о рассрочке за трубу, о плате за разрушенный дом, о сережке и о вывеске. И только восклицания Санты: «Ай, какая милашечка!» и «Ты гля тока, какое на ней хорошенькое платьишко, Ирэна!» – возвращали миссис Райлли к тому, что происходило на экране. А потом от раздумий о сыне и собственных проблемах, что в конечном итоге было одно и то же, ее отвлекло кое-что еще. Рука мистера Робишо мягко легла на ее руку и теперь ее держала. Миссис Райлли боялась шевельнуться. И почему только картины настраивали всех мужчин, которых она знала в жизни – мистера Райлли и мистера Робишо, – на амурный лад? Она слепо уставилась в экран, на котором уже не Дебби Рейнолдз выделялась в цвете свои курбеты, а, похоже, принимала ванну черно-белая Джин Харлоу.

Миссис Райлли как раз решала для себя проблему: можно ли как-то вывернуться из рукопожатия мистера Робишо и выскочить из кинотеатра, – когда Санта завопила:

– Ты тока гля, Ирэна, что хошь поспорю, малютка Дэбби щас себе дитенка родит!

– Кого? – взвыла миссис Райлли и вдруг безумно и громко разрыдалась. Всхлипы не утихли, пока перепуганный мистер Робишо не привлек ее свекольную голову и аккуратно не прислонил к своему плечу.

Любезный Читатель,

Природа иногда творит глупцов; но шут – всегда творение человека.

– Эддисон [\[71\]](#)

Когда я изнашивал до тончайших лоскутков резины подошвы своих сапог пустынной модели по старой брусчатке тротуаров Французского Квартала в лихорадочных попытках вырвать пропитание у бездумного и безразличного общества, меня приветствовал один мой старый незабвенный знакомый (с отклонениями). После нескольких минут беседы с ним, в ходе которой я с небывалой легкостью установил свое моральное превосходство над этим дегенератом, я в очередной раз поймал себя на раздумьях о кризисах нашего времени. Интеллект мой, как обычно, своенравный и не поддающийся контролю, нашептал мне план, настолько великолепный и дерзкий, что я отпрянул от одной лишь мысли о том, что мне довелось услышать. «Постой! – вскричал я с мольбой своему богоподобному разуму. – Это безумие». Но не прислушаться к совету мозга я не мог. Он предлагал мне Спасти Мир Посредством Дегенерации. Там же, на стертых камнях Квартала, я заручился поддержкой этого увядшего цветка человечества в сборе его сообщников по фатовству под знамена братства.

Нашим первым шагом станет избрание кого-либо из их числа на какой-либо высочайший пост – на президентство, если Фортуне будет угодно любезно повернуть нас в ту сторону. Затем они проникнут в вооруженные силы. В качестве солдат они будут столь непрерывно заняты братанием друг с другом, ушиванием своей военной формы до того, чтобы она прилегала к ним, как шкурка к сосискам, изобретением нового и разнообразного военного платья, организацией вечеринок с коктейлями и т. д., что времени на битвы у них не останется. Тот, кого мы со временем сделаем начальником Генерального Штаба, возжелает лишь одного – ухаживать за своим модным гардеробом, который позволит ему выступать поочередно в облике начальника Генерального Штаба или же в облике юной дебютантки, в

зависимости от своих капризов. Видя успех своих объединившихся собратьев в этой стране, извращенцы всего мира также сгрудятся вместе и пленят вооруженные силы в своих странах соответственно. В те реакционные державы, где девиантам не сразу удастся взять власть в свои руки, мы будем отправлять подмогу, чтобы мятежники могли свергнуть свои правительства. Когда мы наконец сокрушим все существующие режимы, мир сможет насладиться не войной, а глобальными оргиями, проводимыми в соответствии с тщательно разработанным протоколом в поистине международном духе, ибо эти люди в самом деле выходят за пределы простых национальных различий. Сознание их устремлено к одному; они поистине едины; они думают как одно целое.

Ни один из этих педерастов, пришедших к власти, разумеется, не окажется настолько практичным, чтобы понимать что-либо в таких приспособлениях, как бомбы; эти ядерные виды оружия будут гнить в своих хранилищах. Время от времени начальник Генерального штаба, Президент и т. д., облаченные в перья и блески, будут развлекать глав, т. е. извращенцев, остальных государств на балах и приемах. Любого рода разногласия можно будет легко уладить в мужском туалете соответственно переоборудованной Организации Объединенных Наций. Повсюду начнут процветать балеты, бродуэйские мюзиклы и иные развлечения подобного сорта, отчего простой люд, вероятно, будет счастливее, нежели от мрачных, враждебных и фашистских заявлений своих бывших вождей.

Почти у всех прочих уже имелась возможность поуправлять миром. Я не понимаю, почему бы именно этим людям не предоставить такого шанса. Определенно, они оставались обездоленными слишком долго. Их приход к власти в некотором смысле станет лишь частью всемирного движения к процветанию, справедливости и равенству для всех. (Например, можете ли вы назвать хоть одного хорошего практикующего трансвестита у нас в Сенате? Нет! Эти люди испокон веку лишены собственного представительства. Их незавидное положение – национальный, глобальный позор.)

Дегенерация, вместо того чтобы сигнализировать об общественном упадке, как это было раньше, теперь будет означать лишь мир для обуюнной напастями планеты. Нам

требуются новые решения для новых проблем.

Я выступлю в роли некоего ментора и провожатого этого движения, и мои отнюдь не ничтожные познания во всемирной истории, экономике, религии и политической стратегии послужат резервуаром, так сказать, из которого эти люди смогут черпать правила и процедуры своих оперативных действий. Сам Боэций играл в чем-то сходную роль в вырождавшемся Риме. Как выразился о Боэции Честертон: «Таким образом, он поистине служил провожатым, философом и другом многим христианам; именно потому, что его времена в целом были растленны, его собственная культура оставалась цельной».

На сей раз я по-настоящему вступлю в противоборство с распутницей Мирной. План этот слишком поразителен и невероятен для буквального либерального мышления распутницы, погрязшего в клаустрофобских тисках клише и штампов. Крестовый Поход за Мавританское Достоинство, моя первая блистательная атака на проблемы современности, стал бы довольно-таки грандиозным и решающим путчем, если бы не мелкобуржуазное в основе своей мировоззрение сравнительно простого люда, что возглавил его авангард. На сей раз я буду работать с теми, кто избегает пресной философии среднего класса, с теми, кто не прочь становиться на противоречивые позиции, следовать своим курсом, сколь непопулярным бы он ни оказался, сколь мощно ни угрожал бы он самодовольству среднего класса.

М. Минкофф желает секса в политике? Я предоставляю ей секс в политике – и в изобилии! Вне всякого сомнения, она окажется слишком ошеломлена, чтобы отозваться на оригинальность моего проекта. По самой крайней мере, она вся изойдет завистью. (Этой особой женской принадлежности следует заняться. Подобное бесстыдство нельзя не пресекать.)

В мозгу моем бушует полемика между Прагматизмом и Нравственностью. Оправдывает ли достославную цель – Мир – столь ужасное средство – Дегенерация? Подобно двум фигурам средневековой моралитэ, Прагматизм и Нравственность сошлись в спарринге на боксерском ринге моего мозга. Я не имею права дожидаться исхода их неистового спора: я слишком одержим Миром. (Если какие-либо перспективные продюсеры кинематографа заинтересованы в приобретении прав на этот

Дневник, я могу привести здесь свои замечания по поводу того, как следует снимать эту полемику. Музыкальная пила может предоставить отличный фон аккомпанемента, а глазное яблоко главного героя – наложиться на сцену поединка самым символическим образом. Разумеется, неизвестного привлекательного актера на роль Рабочего Парнишки всегда можно будет обнаружить в аптечной лавке или мотеле – или же в ином притоне, где обычно делаются подобные «открытия». Фильм можно снимать в Испании, Италии или другой столь же интересной стране вроде Северной Америки, которую захочет посетить актерский ансамбль.)

Прошу прощения. Те из вас, кто заинтересован в последних унылых новостях из мира сосисок, их здесь не обнаружат. Разум мой слишком озабочен великолепием этого нового плана. Теперь я должен выйти на связь с М. Минкофф и набросать конспект своей лекции на первом митинге.

Об общественном здравии: моя прогульщица-мать снова исчезла из дому, что в действительности довольно-таки удачно. Ее энергичные нападки и гневные атаки на мое существо негативно воздействуют на клапан. Она сказала, что собирается посетить Коронование Майской Королевы в какой-то из церквей, но поскольку сейчас у нас не май, я склонен сомневаться в ее правдивости.

«Изошренная комедия» с участием моей излюбленной кинозвезды женского рода номер один начинает демонстрироваться в центральном кинематографическом театре тотчас же. Я неким образом *должен* попасть туда в день премьеры. Могу лишь вообразить себе все новейшие ужасы этого фильма, его показную рисовку своей вульгарностью перед лицом теологии и геометрии, вкуса и пристойности. (Я не понимаю своей неодолимой тяги к просмотру кинофильмов; почти кажется, что кинематограф – «у меня в крови».)

О личном здоровье: желудок выходит за все мыслимые пределы; швы моего халата киоскера уже злоеце потрескивают.

До будущих встреч,

Тэб, Ваш Рабочий Парнишка-Пацифист

III

Миссис Леви помогла обновленной мисс Трикси подняться по ступенькам и открыла перед нею дверь.

– Это же «Штаны Леви»! – прорычала мисс Трикси.

– Вы вернулись туда, куда хотели, и где в вас нуждаются, дорогуша. – Миссис Леви будто успокаивала ребенка. – И как же здесь вас не хватало. Каждый день мистер Гонсалес обрывал телефон, умоляя вернуть вас. Ну разве не чудесно сознавать, что вы так необходимы предприятию?

– Я думала, я уже на пенсии. – Массивные зубы щелкнули медвежьим капканом. – Вы меня надули!

– Ну, теперь ты счастлива? – спросил мистер Леви супругу. Он шел за ними следом с пакетом лоскутов мисс Трикси в руках. – Если б у нее был при себе нож, я бы уже вез тебя в реанимацию.

– Ты прислушайся, сколько огня в ее голосе, – сказала миссис Леви. – Столько энергии. Это невероятно.

Мисс Трикси попыталась вырваться из хватки миссис Леви, как только они вступили в контору, однако новым туфлям-лодочкам не хватало того сцепления, что давали старые тапочки, и мисс Трикси только шкивнуло.

– Она *вернулась*? – сокрушенно взвыл мистер Гонсалес.

– Вы глазам своим не верите? – спросила миссис Леви.

Мистер Гонсалес вынужден был посмотреть на мисс Трикси, чьи очи казались тусклыми лужицами, обведенными синими тенями. Губы ее были растянуты оранжевыми мазками, сверху доходившими почти до ноздрей. Около сережек из-под черного парика, сидевшего несколько набекрень, выбивалось несколько седых клочков. Короткая юбка обнажала иссохшие кривоватые ноги и крохотные ступни, на которых туфли-лодочки выглядели снегоступами. Несколько дней, проведенных мисс Трикси в дреме под ультрафиолетовой лампой, испекли помощницу бухгалтера до золотистобурого оттенка.

– Она выглядит явно отдохнувшей, – произнес мистер Гонсалес. В голосе его звучала фальшь, а улыбка была вымученной. – Вы оказали ей чудесную услугу, миссис Леви.

– Я очень привлекательная женщина, – пролепетала мисс Трикси.

Мистер Гонсалес нервически рассмеялся.

– Теперь послушайте сюда, – распорядилась миссис Леви. – Все беды этой женщины отчасти как раз коренятся вот в таком отношении.

Насмешки ей не нужны.

Мистер Гонсалес безуспешно попробовал поцеловать миссис Леви руку.

– Я хочу, чтобы вы заставили ее почувствовать себя нужной, Гонсалес. Ум этой женщины по-прежнему остёр. Давайте ей такую работу, которая будет тренировать эти ее свойства. Предоставьте ей больше полномочий. Ей отчаянно нужна активная роль в этом бизнесе.

– Определенно, – согласился мистер Гонсалес. – Я сам это все время твержу. Разве нет, мисс Трикси?

– Кого? – рявкнула та.

– Мне всегда хотелось, чтобы вы брали на себя больше ответственности, больше полномочий, – заорал управляющий конторой. – Разве не правда?

– Ох, заткнитесь, Гомес. – Зубы мисс Трикси щелкнули, словно кастаньеты. – Вы уже купили мне пасхальной ветчины? Отвечайте.

– Так, ладно. Ты уже довольно развлеклась. Поехали, – сказал супруге мистер Леви. – Шевелись. У меня обострилась депрессия.

– Секундочку, – вмешался мистер Гонсалес. – У меня для вас почта.

Как только управляющий отошел к своему столу за почтой, в глубине конторы гроыхнуло. Все, за исключением уже дремавшей за своим столом мисс Трикси, повернулись в сторону отдела систематизации документации. Там крайне высокий человек с длинными черными волосами поднимал с пола выпавший ящик. Он грубо зачихал папки обратно и с треском сунул его в конторский шкаф.

– Это мистер Залатимо, – прошептал мистер Гонсалес. – Он с нами всего лишь несколько дней, и мне кажется, у него ничего не выйдет. Я не думаю, что нам захочется включать его в поощрительный план «Штанов Леви».

Мистер Залатимо в замешательстве посмотрел на шкафы с документами и почесался. Затем выдвинул еще один ящик и начал рыться в нем одной рукой, другой скребя себя под мышкой сквозь ветхую трикотажную рубашку.

– Не хотите с ним познакомиться? – спросил управляющий конторой.

– Нет, спасибо, – ответил мистер Леви. – Где вы находите всех этих людей, которые здесь у вас работают, Гонсалес? Я таких нигде больше не встречал.

– На мой взгляд, он вылитый гангстер, – опасливо произнесла миссис Леви. – Вы же здесь наличность не храните, правда?

– Я думаю, мистер Залатимо честен, – прошептал управляющий. – У

него только с алфавитом сложности. – Он вручил мистеру Леви пачку писем. – Здесь, главным образом, подтверждения вашей брони в отелях на весенние тренировки. Вот здесь – письмо от Абельмана. Оно адресовано вам, а не компании, и тут написано «лично в руки», поэтому я решил, что лучше, если вы сами его откроете. Оно уже несколько дней здесь лежит.

– Ну что этому дурачку еще надо? – разозлился мистер Леви.

– Вероятно, он недоумевает, что стало с блестящим развивающимся концерном, – заметила миссис Леви. – Быть может, он не понимает, как такое могло произойти после смерти Леона Леви. Может, у этого Абельмана для повесы найдется слово мудрого совета. Прочти, Гас. Это будет твоя недельная работа на благо «Штанов Леви».

Мистер Леви осмотрел конверт, где «лично в руки» было написано красными чернилами целых три раза. Затем распечатал и извлек письмо, к которому было подколото скрепкой что-то еще.

Глубокоуважаемый Гас Леви,

Мы были шокированы и прискорбно задеты получением прилагаемого к сему письма. В течение тридцати лет мы верой и правдой служили распространителями Вашего товара и до настоящего времени испытывали самые теплые и нежные чувства к Вашей фирме. Вероятно, Вы помните траурный венок, что мы прислали, когда скончался Ваш отец, а ведь мы тогда не пожалели никаких расходов.

Это письмо будет очень кратким. Проведя множество ночей без сна, мы передали оригинал полученного нами письма нашему адвокату, который подает на Вас в суд по делу о заявлении, порочащем нашу честь и достоинство, на 500 000 долларов. Мы полагаем, что это совсем не великая компенсация за наши чувства, задетые Вами.

Наймите себе адвоката. Встретимся в суде как джентльмены. И, пожалуйста, угроз больше не нужно.

С наилучшими пожеланиями,

И. Абельман,

Управляющий, «Мануфактура Абельмана»

Мистер Леви похолодел, перевернув страницу и прочтя термофаксную копию своего письма Абельману. Невероятно. Кому понадобилось прилагать столько усилий, чтобы такое сочинить? «Г-ну И. Абельману, Олигофрену, Эск.»; «тотальное отсутствие у Вас контакта с реальностью»;

«Вашим умственно-отсталым и трущобным мировоззрением»; «ощутите на своих жалких плечах обжигающий укус хлыста». Хуже всего – подпись «Гас Леви» выглядела вполне подлинной. Абельман сейчас, должно быть, целует оригинал, да еще и губами причмокивает. Для таких, как Абельман, подобные письма – просто сберегательные облигации, незаполненный чек на предъявителя.

– Кто это написал? – спросил мистер Леви, передавая письмо мистеру Гонсалесу.

– Что такое, Гас? Проблема? У тебя – проблема? В этом как раз одна из твоих проблем. Ты никогда не рассказываешь мне о своих проблемах.

– Ой, батюшки! – взвизгнул мистер Гонсалес. – Это ужасно.

– Молчать! – рявкнула мисс Трикси.

– В чем дело, Гас? Твой подход оказался неверен? Ты кому-то передал какие-то полномочия?

– Да, проблема. Такая проблема, что мы свою последнюю рубашку потерять можем.

– Что? – Миссис Леви выхватила письма у мистера Гонсалеса. Прочтя их, она превратилась в ведьму. Ее лакированные кудряшки обернулись змеями. – Наконец тебе это удалось. Все, что угодно, лишь бы насолить отцу, угробить дело всей его жизни. Я так и знала, что этим все закончится.

– Ох, заткнись. Я здесь никогда писем не пишу.

– Сьюзен и Сандре придется бросить колледж. Они будут вынуждены продавать себя морякам и гангстерам вроде вон того.

– Чо? – спросил мистер Залатимо, почувствовав, что дебаты коснулись его.

– Ты *больной*, – заорала миссис Леви супругу.

– Тихо!

– А я? – Аквамариновые веки миссис Леви дрожали. – Что станет со мной? Жизнь моя и так уже загублена. Что же будет со мною теперь? Рыться в мусорных баках, переезжать из порта в порт вслед за флотом. Мамочка была права.

– Тихо! – потребовала миссис Трикси, на сей раз еще яростнее. – Впервые таких шумных вижу.

Миссис Леви рухнула на стул, невнятно всхлипывая, что ей придется торговать косметикой «Эйвон».

– Что вы об этом знаете, Гонсалес? – спросил мистер Леви управляющего, чьи губы побелели.

– Я не знаю об этом ничего, – пискнул тот. – Я это письмо впервые вижу.

– Ведь вы ведете здесь всю переписку.
– *Этого* я не писал. – Губы его дрожали. – Я бы никогда так со «Штанами Леви» не поступил!

– Я знаю. – Мистер Леви пытался что-то сообразить. – Кто-то нас и впрямь подкусил.

Мистер Леви подошел к конторским шкафам, отодвинув в сторону чesавшегося мистера Залатимо, и вытянул ящик с папками на «А». Папки Абельмана там не было. Ящик оказался совершенно пуст. Мистер Леви открыл несколько соседних – половина тоже была пуста. Вот так способ начинать дело о клевете.

– Что вы здесь делаете с папками?

– Я и сам это не совсем понял, – туманно ответил мистер Залатимо.

– Гонсалес, как звали того здорового фрукта, который у вас тут работал, жирного такого, в зеленой шапочке?

– Мистер Игнациус Райлли. Он положил это письмо в ящик исходящих. – Но кто же сочинил эту кошмарную вещь?

– Й-их! – произнес голос Джоунза из телефонной трубки. – А у вас там, публики, в «Штане Лёвы» ищцо есть такая толстая мамка в зеленой шапчонке? Здоровый такой белый парняга, у него ищцо усы, работает?

– Нету у нас таких, – визгливо рявкнул в ответ мистер Гонсалес и брякнул трубкой о рычаг.

– Кто это был? – спросил мистер Леви.

– Ох, да не знаю я. Кто-то спрашивал мистера Райлли. – Управляющий конторой вытер лоб платком. – Он еще пытался натравить на меня фабричных рабочих.

– Райлли? – встряла мисс Трикси. – Это ж не Райлли был, это была...

– Юный идеалист? – всхлипнула миссис Леви. – Кому он понадобился?

– Понятия не имею, – ответил управляющий. – По голосу мне показалось, что спрашивал негр.

– Я так и думала, – вздохнула миссис Леви. – Он и сейчас, наверное, пытается помочь каким-нибудь другим несчастным. Надежда жива, когда знаешь, что в нем еще остался его идеализм.

Мистер Леви о чем-то задумался, а потом спросил управляющего конторой:

– Так как звали того чудика?

– Райлли. Игнациус Ж. Райлли.

– Правда? – заинтересованно спросила мисс Трикси. – Это странно. Я всегда думала, что...

– Мисс Трикси, я вас умоляю, – рассердился мистер Леви. Этот тупица Райлли работал в компании как раз, когда отправлено письмо Абельману. – Как вы думаете, этот Райлли мог бы такое написать?

– Возможно, – ответил мистер Гонсалес. – Я не знаю. Я возлагал на него большие надежды, пока он не попытался заставить того рабочего вышибить мне мозги.

– Все правильно, – простонала миссис Леви. – Теперь валите все на юного идеалиста. Отправьте его туда, откуда его идеализм не сможет вам досаждать. Такие люди подобными закулисными делишками не занимаются. погоди, пока об этом не услышат Сандра и Сьюзен. – И миссис Леви сделала жест, означавший, что девочек явно хватит удар. – Сюда звонят негры испросить у него совета. А ты собираешься его облыжно опорочить. Я больше не в силах этого терпеть, Гас. Не в силах, не в силах!

– Значит, ты хочешь, чтобы я сказал, будто написал его *сам*?

– Еще чего! – заорала на супруга миссис Леви. – Я что – должна закончить свои дни в богадельне? Если его написал юный идеалист, он отправится в тюрьму за подделку.

– Слушайте, что вообще происходит? – спросил мистер Залатимо. – Эта мусорка наконец закроется, или как? Я, в смысле, хотел бы знать.

– Заткнитесь, гангстер, – окрысилась миссис Леви, – пока мы на вас это не повесили.

– Чо?

– Ты потише не можешь? От тебя голова кругом идет, – сказал мистер Леви супруге. Потом повернулся к управляющему конторой: – Найдите мне телефон этого Райлли.

Мистер Гонсалес разбудил мисс Трикси и попросил у нее телефонный справочник.

– Все телефонные справочники здесь храню я, – рявкнула та. – И никто их трогать не смеет.

– Тогда посмотрите нам Райлли с Константинопольской улицы.

– Ладно, ладно, Гомес, – проворчала мисс Трикси. – Придержите коней. – Из какого-то тайника в своем столе она извлекла три припрятанных конторских справочника и, исследовав страницы при помощи лупы, сообщила им номер.

Мистер Леви набрал его, и голос ему ответил:

– Доброе утро. Химчистка «Рай лилий».

– Дайте сюда этот справочник, – заорал мистер Леви.

– Нет, – проскрежетала мисс Трикси, шлепнув ладонью по стопке книг

и защищая их свеженакрашенными когтями. – Вы их потеряете. Я вам сама найду номер. Должна сказать, все вы весьма нетерпеливы и раздражительны. У вас в доме я потеряла десять лет жизни. Вы бы оставили бедного Райлли в покое, а? Вы и так его уже из-за пустяка вышвырнули.

Мистер Леви набрал второй номер, который мисс Трикси ему сообщила. Женщина, судя по голосу – в состоянии легкой интоксикации, сказала ему, что мистер Райлли будет дома только к концу дня. Затем она расплакалась, мистер Леви расстроился, поблагодарил ее и положил трубку.

– Ну вот, его нет дома, – сообщил он аудитории в конторе.

– Мистер Райлли, мне казалось, всегда принимал интересы «Штанов Леви» близко к сердцу, – печально произнес управляющий. – Почему он поднял этот бунт, мне никогда не понять.

– Хотя бы потому, что у него есть привод в полицию.

– Когда он пришел устраиваться на работу, я и подумать не мог, что он стоит на учете. – Управляющий конторой покачал головой. – Он казался таким солидным.

Мистер Гонсалес посмотрел, как мистер Залатимо длинным указательным пальцем зондирует ноздрю. А этот на что способен? От страха ноги управляющего подкосились.

Хлопнула дверь цеха, и кто-то из рабочих завопил:

– Эй, мистер Гонзала, мистер Палерма тока что руку об дверцу печки ошпарил.

Из цеха доносился беспорядочный шум. Кто-то матерился.

– Ох, батюшки-светы, – вскричал мистер Гонсалес. – Успокойте рабочих. Я спущусь через минуточку.

– Пойдем, – обратился мистер Леви к супруге. – Подальше отсюда. У меня начинается изжога.

– Секундочку. – Миссис Леви повернулась к мистеру Гонсалесу. – Насчет мисс Трикси. Я хочу, чтобы вы каждое утро тепло ее приветствовали. Давайте ей значимую работу. В прошлом неуверенность, видимо, заставляла ее бояться любых ответственных заданий. Мне кажется, сейчас уже она эту боязнь превозмогла. В глубине души у нее затаилась неприязнь к «Штанам Леви» – я ее проанализировала: она коренится в страхе. Неуверенность и страх привели к неприязни.

– Разумеется, – ответил управляющий, слушая вполуха. Похоже, дела в цеху обстояли паршиво.

– Ступайте в цех, Гонсалес, – сказал мистер Леви. – А с Райлли я свяжусь.

– Слушаюсь, сэр. – Мистер Гонсалес склонился перед ними и выскочил из конторы.

– Ладно. – Мистер Леви уже придерживал открытую дверь. Только стоит близко подойти к «Штанам Леви», как на тебя обрушиваются неприятности и угнетающие влияния. Фирму ни на минуту не получается оставить без присмотра. Такую компанию, как «Штаны Леви», не следует держать тому, кто желает плыть по течению, хочет, чтобы его не доставали. Гонсалес даже не знает, какая корреспонденция уходит из конторы. – Пошли, доктор Фрейд. Поехали.

– Подумать только, как он спокоен. Его не волнует, что Абельман скоро всю нашу жизнь отсудит. – Аквармариновые веки затрепетали. – Ты что, идеалиста не собираешься привлечь?

– Как-нибудь в другой раз. На сегодня с меня уже хватит.

– А тем временем Абельман науськает на нас весь Скотленд-Ярд, и те вцепятся нам в горло.

– Его вообще дома нет. – Мистеру Леви не хотелось снова вступать в препирательства с рыдающей женщиной. – Я позвоню ему вечером с побережья. Беспокоиться не о чем. С меня не могут взыскать полмиллиона за письмо, которого я не писал.

– Ах вот как? А я уверена, что такой, как Абельман, может. Я уже просто вижу адвоката, которого он нанял. Весь изувечен в погонях за каретами «Скорой помощи». Весь обожжен в пожарах, которые сам же устраивал, чтобы получить страховку.

– Ну, если ты не торопишься, можешь добираться до побережья автобусом. А у меня от этой конторы несварение разыгрывается.

– Ладно, ладно. Ты даже минуту своей растроченной впустую жизни не можешь уделить этой женщине, правда? – Миссис Леви показала на громко храпевшую мисс Трикси и потрясла ее за плечо. – Я уезжаю, дорогая моя. Все будет прекрасно. Я поговорила с мистером Гонсалесом, он в восторге от того, что вы вернулись.

– Тихо! – приказала мисс Трикси. Ее зубы угрожающе щелкнули.

– Пойдем, пока тебе не пришлось делать прививку от бешенства, – разозлился мистер Леви и сцапал супругу за меховое манто.

– Ты только посмотри на все это. – Рука в перчатке обвела ветхую конторскую мебель, вздувшиеся полы, серпантин из мятой бумаги, свисавший с потолка еще с тех пор, когда И. Ж. Райлли служил здесь хранителем папок, мистера Залатимо, в алфавитном отчаянии пинавшего корзину для бумаг. – Грустно, грустно. Предприятие коту под хвост, несчастные юные идеалисты опускаются до подлога, только чтобы с тобой

посчитаться.

– А ну вон отсюда, вы, – прорычала мисс Трикси, хлопнув ладонью по столу.

– Ты только послушай, сколько убежденности в этом голосе, – успела с гордостью произнести миссис Леви, пока супруг выволакивал ее круглую мохнатую фигуру на улицу. – Я сотворила чудо.

Дверь захлопнулась, и мистер Залатимо, рассеянно почесываясь, подошел к мисс Трикси. Он легонько простучал ее по плечу и спросил:

– Послушайте, дамочка, может, вы сумеете мне помочь, а? Как повашему, что идет впереди – *Уиллис* или *Уильямз*?

Мисс Трикси сверлила его взглядом буквально секунду. А затем вонзила свои новые зубы ему в руку. Вой мистера Залатимо мистер Гонсалес услышал даже в цеху. Он не знал, бросить ли ему на произвол судьбы обожженного мистера Палермо и бежать смотреть, что случилось в конторе, или оставаться здесь, где рабочие уже начали парочками танцевать под громкоговорителем. «Штаны Леви» требовали большого личного присутствия.

А в спортивной машине, направлявшейся через солончаки к побережью, миссис Леви, запахиваясь поплотнее в меха от ветра, говорила:

– Я основываю Фонд.

– Понятно. Предположим, адвокат Абельмана отсудит у нас деньги.

– Не отсудит. Юный идеалист попался, – спокойно ответила она. – На учете в полиции состоит, бунт разжигал. Паршивая характеристика.

– О. Ты вдруг согласилась признать, что твой юный идеалист – преступник.

– Очевидно, он пошел на это от одиночества.

– Однако тебе хотелось заграбастать мисс Трикси.

– Вот именно.

– Так вот, никакого Фонда не будет.

– Сьюзен и Сандре очень не понравится, когда они узнают, что ты едва не погубил их, лентяй поднять свою задницу, – из-за того, что ты даже не хочешь уделить время, чтобы присматривать за собственной компанией, кто-то судится с нами на полмиллиона. Девочки просто выйдут из себя от негодования. Материальный комфорт – вот та малость, которую ты мог им предоставить. Сьюзен и Сандре очень не понравится перспектива стать проститутками или даже хуже.

– По крайней мере, так они что-то заработают. Пока же все бесплатно.

– Я тебя умоляю, Гас. Ни слова больше. Даже в моей ожесточившейся душе остались какие-то чувства. Я не могу позволить тебе так клеветать на

моих девочек. – Миссис Леви удовлетворенно вздохнула. – Эта история с Абельманом – самая опасная из всех твоих ошибок, заблуждений и уверток за все эти годы. У девочек волосы встанут дыбом, когда они обо всем прочтут. Я, конечно, не стану их пугать, если ты не пожелаешь.

– Сколько ты хочешь на этот свой Фонд?

– Я пока не решила. Я уже начала сочинять правила и устав.

– Могу ли я узнать, как этот Фонд будет называться, миссис Гуггенхайм^[72]? Фонд Подмазки Сьюзен и Сандры?

– Он будет называться «Фонд Леона Леви» – в честь твоего отца. Я должна что-то сделать, дабы увековечить его имя – за все, чем ты ему обязан. Премии будут выдаваться в память об этом великом человеке.

– Понятно. Иными словами, ты будешь швырять лавровые венки старикам, выдающимся лишь благодаря несравненной гнусности своего характера.

– Прошу тебя, Гас, – предупредила его движением перчатки миссис Леви. – Девочки были в восторге от моих отчетов о проекте с мисс Трикси. Фонд по-настоящему укрепит их веру в нашу фамилию. Я должна сделать все, что в моих силах, и таким образом компенсировать твое полное ничтожество как родителя.

– Премия Фонда Леона Леви станет публичным оскорблением. Тебя просто похоронят под исками о клевете от всех лауреатов. Выкинь эту мысль из головы. Что стало с твоим бриджем? Другие в него по-прежнему играют. Ты что, больше не можешь ездить в Лейквуд играть в гольф? Возьми еще пару уроков балльных танцев. Таскай на них мисс Трикси.

– Если быть до конца с тобой честной, последние несколько дней мисс Трикси начала меня немного утомлять.

– Вот почему курс омоложения так внезапно закончился.

– Для этой женщины я сделала все, что могла. Сьюзен и Сандра гордятся тем, что я так долго поддерживала в ней активность.

– Так вот, никакого Фонда Леона Леви не будет.

– Тебе это не нравится, да? В твоем голосе пробивается злоба. Я ее слышу. В нем враждебность. Гас, ради тебя же самого. Этот врач в корпусе Медицинских Искусств. Спаситель Ленни. Пока не поздно. Теперь я должна буду каждую минуту следить за тобой, чтобы ты не забыл связаться с этим преступным идеалистом как можно скорее. Я же тебя знаю. Ты все время будешь откладывать, пока Абельман не подгонит к «Приюту Леви» фургон вывозить вещи.

– Пусть не забудет твою гимнастическую доску.

– Я тебе уже говорила! – заорала миссис Леви. – Не впутывай сюда

доску! – Она пригладила взъерошенные меха. – Немедленно разыщи этого психопата Райлли, пока Абельман не приехал свинчивать колпаки с колес твоей спортивной машины. С таким человеком у Абельмана любое дело развалится. Доктор Ленни сумеет проанализировать этого Райлли, и власти упрячут его куда-нибудь, откуда он уже не сможет никому вредить. Слава богу, Сьюзен и Сандра никогда не узнают, что им чуть было не пришлось торговать вразнос таблетками от тараканов. У них сердечки не выдержали бы, пойми они вдруг, насколько небрежно их собственный отец обошелся с их благосостоянием.

IV

Джордж установил свой наблюдательный пост на улице Пойдрас через дорогу от гаража корпорации «Райские Киоскеры». Он запомнил название на борту тележки и разыскал адрес владельцев. Все утро он прождал жирного киоскера, который так и не объявился. Наверное, его уволили за то, что пытался зарезать педика в Пиратском переулке. В полдень Джордж оставил засаду и сходил в Квартал забрать у мисс Ли пакеты. Теперь же он вернулся на Пойдрас, не зная, появится киоскер или нет. Джордж решил очень постараться и быть с ним повежливее – лучше всего сунуть ему несколько долларов. Торговцы сосисками, должно быть, небогаты. Он скажет спасибо за пару баксов. Киоскер этот – идеальное прикрытие. Так никогда и не поймет, что происходит. Хотя у него хорошее образование.

Наконец где-то после часу пополудни белый халат лавиной стек с трамвая и ринулся в гараж. Несколько минут спустя дурик выкатил тележку на тротуар. При нем по-прежнему были серьга, кашне и абордажная сабля. Если он нацепил их в гараже, то это, должно быть, входит в его торговые прихваты. Хотя по тому, как он разговаривает, можно понять, что он долго ходил в школу. Вот в чем, наверное, все дело. Сам Джордж был достаточно мудёр и свалил из школы как можно раньше. Ему не хотелось кончить, как этот парень.

Джордж наблюдал, как жирик протолкал тележку несколько футов по кварталу, остановился и прицепил к переду транспортного средства лист бумаги. Джордж действует на киоскера психологией; подыграет его образованности. К тому же – деньги: тот не устоит и сдаст ему в аренду отсек для булочек.

Тут из гаража высунулась голова какого-то старика; вот он подбежал сзади к киоскеру и шандарахнул ему по спине длинной вилкой.

– Шевелись, обезьяна, – заорал старик. – Ты и так опоздал. Уже день в самом разгаре. Сегодня чтоб была выручка, а не то...

Киоскер ответил что-то – хладнокровно и спокойно. Джордж ничего не разобрал, но тирада была долгой.

– Мне плевать, какими наркотиками травится твоя мать, – сказал на это старик. – Не желаю я больше слышать всякой брехни про аварию, про твои сны и про твою проклятую подружку. Вали отсюда, бабуин. Сегодня я хочу получить с тебя минимум пять долларов.

Подгоняемый тычком старика, киоскер подкатил тележку к

перекрестку и свернул на проспект Святого Карла. Когда старик вернулся в гараж, Джордж зашаркал ногами вслед за сосиской.

Не подозревая, что за ним следят, Игнациус толкал тележку сквозь встречное движение по Святому Карлу в сторону Квартала. Прошлой ночью он так засиделся, сочиняя лекцию для первой сходки нового движения, что утром не мог сползти с пожелтевших простыней до самого полудня, когда его наконец разбудили неистовый грохот в дверь и вопли матери. Теперь, на улице, ему предстояло решить проблему. Сегодня в кинематографическом театре «Орфеум» начиналась демонстрация изощренной комедии. Ему удалось выдоить из мамы десять центов на обратный проезд, хоть она скупилась и на это. Нужно как-то побыстрее продать пять или шесть «горячих собак», пристроить куда-нибудь тележку и добраться до кинотеатра, чтобы, не веря собственным глазам, впитывать каждое богохульное мгновение техникolorа.

Забывшись в размышлениях о том, как ему раздобыть нужную сумму, Игнациус не обратил внимания, что сосиска его уже довольно долго катится по прямой, никуда не сворачивая. Когда же он попытался прижаться к обочине, тележка не сдвинулась вправо ни на дюйм. Остановившись, он увидел, что одно велосипедное колесо попало в желоб трамвайного рельса. Он попробовал раскатать тележку, чтобы освободить колесо, но та была слишком тяжелой. Нагнулся и попытался приподнять ее с одной стороны. Уже просунув лапы под бок огромной жестяной сосиски, он услышал скрежет приближавшегося в легкой дымке трамвая. На руках вспухли твердые шишечки, а клапан, чуть дрогнув в иступленной нерешительности, захлопнулся окончательно. Игнациус отчаянно рванул жестяную сосиску. Велосипедное колесо выскочило из желоба, взмыло вверх и, секунду побалансировав в воздухе, приняло горизонтальное положение. Тележка с грохотом опрокинулась на другой бок. Одна дверка сосиски отскочила, вывалив несколько дымящихся «собак» на мостовую.

– О, мой бог! – пробормотал Игнациус себе под нос, видя, как из тумана в полуквартале от него сгущается силуэт трамвая. – Какой еще злонамеренный трюк Фортуна играет со мной сейчас?

Бросив обломки крушения, Игнациус заковылял навстречу трамваю, и белое форменное муму хлопало его по лодыжкам. Оливково-медный вагон, лениво покачиваясь и поминутно дергаясь, медленно доскрипел до него. При виде огромной сферической фигуры, отдувающейся перед ним прямо на рельсах, вагоновожатый затормозил и опустил переднее окно.

– Прошу меня извинить, сэр, – окликнула его громадная серьга. – Если вы подождете одно мгновение, я попытаюсь приподнять свое

накренившееся судно.

Джордж сразу увидел свой шанс. Он подбежал к Игнациусу и жизнерадостно произнес:

– Давай, проф, давай вместе стащим ее с дороги.

– О, мой бог! – загрохотал Игнациус. – Моя половозрелая немезида. Как много надежд сулит мне этот день. Очевидно, меня одновременно переедет трамвай и ограбят. Это станет рекордом «Райских Киоскеров». Изыдите, растленный беспризорник.

– Хватайся за этот конец, а я возьмусь за тот.

Трамвай упреждающе лязгнул.

– Ох, ну ладно, – вздохнул наконец Игнациус. – В действительности я буду совершенно счастлив, если эта смехотворная обуза останется валяться здесь на боку.

Джордж схватился за один конец сосиски и сказал:

– Ты б лучше дверку-то закрыл, а то сосиски разбегутся.

Игнациус пинком захлопнул дверцу, словно забивал гол в матче профессионалов, аккуратно разрубив высунувшуюся «горячую собаку» на две шестидюймовые половинки.

– Полегче, проф. Тележку поломаешь.

– Закройте рот, прогульщик. Я не просил вас вступать в беседу.

– Ладно, – пожал плечами Джордж. – Я в смысле просто помочь хотел.

– Ну чем вы мне можете помочь? – проревел Игнациус, показав пару-другую пожелтевших клыков. – Кто-то из властей предержащих нашего общества наверняка уже идет по следу вашего удушающего лака для волос. Откуда вы вообще взялись? Почему вы за мною следите?

– Слушай, так ты хочешь, чтобы я тебе помог утащить отсюда эту кучу металлолома или нет?

– Кучу металлолома? Вы говорите вот об этом райском средстве передвижения?

Трамвай зазвонил снова.

– Давай, – сказал Джордж. – *Тяни*.

– Я надеюсь, вы понимаете, – пропыхтел Игнациус, тужась над тележкой, – что наш союз – всего лишь результат чрезвычайной ситуации.

Тележка подскочила и встала на два своих велосипедных колеса, а содержимое жестяной булочки перекатилось внутри, грохоча о стенки.

– Во как, проф, пожалста. Рад, что смог помочь.

– Если вы пока еще этого не заметили, беспризорник, – сейчас вас подденет буфером вот этого вагона.

Трамвай медленно прокатился мимо, и вагоновожатый с кондуктором

смогли как следует рассмотреть костюм Игнациуса.

Джордж схватил Игнациуса за лапу и сунул ему в ладонь два доллара.

– Деньги? – радостно спросил Игнациус. – Хвала господу. – Он быстренько сунул в карман две купюры. – Я лучше не буду спрашивать о непристойных мотивах этого поступка. Мне хотелось бы думать, что вы пытаетесь своим безыскусным манером оправдаться за то, что опорочили меня в тот зловещий первый день с этой абсурдной тележкой.

– Так и есть, проф. Ты сказал это лучше, чем получится у меня. Да ты в самом деле парняга образованный.

– О? – Игнациус был очень доволен. – А вы пока еще не безнадежны. Хотите сосиску?

– Не-а, пасибо.

– Тогда прошу меня извинить, я одну съем. Моя система ходатайствует об утолении голода. – Игнациус заглянул в колодец тележки. – Мой бог, «горячие собаки» довольно неупорядоченны.

Пока Игнациус хлопал дверцами и совал лапы в отсеки, Джордж произнес:

– Ну вот, я тебе помог, проф. Может, ты теперь кое-что для меня сделаешь.

– Возможно, – рассеянно отозвался Игнациус, откусывая сосиску.

– Видишь вот это? – Джордж показал на коричневые пакеты, которые таскал под мышками. – Это школьные финтифлюхи. Тут вот какая штука. Я должен забирать их у оптовика в обед, а по школам разносить не могу, пока уроки не кончатся. Поэтому приходится таскать с собой по два часа. Понимаешь? Мне нужно такое место, где их днем оставить. Мы с тобой бы где-нибудь в час встречались, и я бы их клал тебе в отделение для булочек, а где-то около трех приходил и забирал.

– Какая фикция, – рыгнул Игнациус. – И вы всерьез полагаете, что я вам поверю? Доставка школьных принадлежностей после того, как школа закрывается?

– Я тебе буду платить пару баксов каждый день.

– Правда? – заинтересовался Игнациус. – Ну что ж, вам придется оплачивать мне аренду на неделю вперед. Я не осуществляю транзакций незначительными суммами.

Джордж открыл бумажник и отсчитал Игнациусу восемь долларов.

– На. Два у тебя уже есть, выходит десятка в неделю.

Довольный Игнациус впихнул новые купюры в карман и вырвал один пакет из рук Джорджа со словами:

– Я должен видеть то, что собираюсь хранить. Вы, вероятно, продаете

несовершеннолетним наркотические пилули.

– Эй! – заорал Джордж. – Я не могу их разносить, если они открыты.

– Значит, не повезло. – Игнациус отпихнул мальчишку и разорвал коричневую обертку. Содержимое напоминало стопку открыток. – Что это такое? Наглядные пособия по основам гражданственности или иному столь же отупляющему школьному предмету?

– Дай сюда, псих ненормальный.

– О мой бог! – Игнациус не верил своим глазам. Когда-то в старших классах ему показали порнографическую фотографию, и он рухнул в обморок прямо под питьевой фонтанчик, повредив себе ухо. Эта же открытка была гораздо, гораздо лучше. Обнаженная женщина восседала на краю парты рядом с глобусом. Игнациуса весьма заинтриговал предполагаемый акт мастурбации при помощи куска мела. Лицо загораживала огромная книга. Пока Джордж уворачивался от безразличных шлепков свободной лапы, Игнациус пристально всматривался в название на обложке: «Аниций Манлий Северин Боэций. «Об утешении философией»». – Не обманывает ли меня взор мой? Сколько вкуса. Какой блеск! Боже мой!

– Отдай, а? – взмолился Джордж.

– Эта – моя! – с вождением воскликнул Игнациус, запихивая в тот же карман верхнюю открытку из пачки. Разорванный пакет он вернул Джорджу и присмотрелся к клочку коричневой бумаги, зажатой между пальцев. На нем был адрес. Обрывок он тоже положил в карман. – Где, во имя всего святого, вы это нашли? И кто эта блистательная женщина?

– Не твоего ума дело.

– Понимаю. Тайная операция. – Игнациус подумал об адресе на клочке. Он проведет собственное расследование. Какая-то интеллигентная женщина бедствует и готова на все за лишний доллар. Мировоззрение ее должно быть весьма язвительным, если судить по материалу для чтения. Может статься, она – в том же положении, что и Рабочий Парнишка, провидец и философ, низвергнутый во враждебную эпоху силами, над которыми он не властен. Игнациус должен ее увидеть. У нее может оказаться множество ценных озарений. – Ну что ж, несмотря на все мои опасения, я предоставляю тележку в ваше распоряжение. Однако сегодня днем вам придется за нею присмотреть. У меня запланировано довольно неотложное randevu.

– Эй, чё такое? Это скока ж тебя не будет?

– Приблизительно два часа.

– Мне надо на окраину к трем.

– Сегодня придется немного опоздать, – разозлился Игнациус. – Я уже и так опустил планку своих стандартов тем, что связался с вами и осквернил свое отделение для булочек. Радовались бы, что я не передал вас в руки полиции. У меня в силах охраны правопорядка служит блистательный друг, хитроумный тайный агент, патрульный Манкузо. Он как раз специализируется на таких случаях, какой ему могли бы представить вы. Падите на колени и благодарите меня за добросердечие.

Манкузо? Кажется, именно так звали того филера, который хотел арестовать Джорджа в уборной? Джордж занервничал.

– А на кого этот твой шпиёнский дружбан похож? – презрительно осклабился он, пытаясь сохранить присутствие духа.

– Он мал ростом и неуловим. – Голос Игнациуса исполнился лукавства. – И у него множество облиций. Поистине как блуждающий огонек, он то здесь, то там в своем непрестанном поиске мародеров. Некоторое время он предпочитал прикрытие уборной, но ныне снова вышел на улицы, где и остается, ожидая явиться мне по первому зову в любую минуту.

В горле у Джорджа что-то застряло и чуть его не придушило.

– Это подстава, – сглотнул он.

– С меня довольно, юный голодранец. Поощрять разложение благородной ученой женщины! – рявкнул Игнациус. – Вы уже должны целовать полу моей униформы в благодарность за то, что я не сообщил Шерлоку Манкузо о ваших порочных товарах. Встретимся перед кинотеатром «Орфеум» через два часа!

И Игнациус, величественно вздымаясь, поплыл по Общинной улице. Джордж засунул оба пакета в отсек для булочек и уселся на обочину. Во повезло – встретил кореша Манкузо. Жирный киоскер отымел его что надо. Джордж яростно взглянул на тележку. Теперь он не только с пакетами влип. Теперь он запопал еще и со здоровенной жестяной сосиской.

Игнациус швырнул деньги кассиру и буквально ринулся внутрь, устремляясь по центральному проходу прямо к огням рампы. Момент угадан исключительно. Второй фильм только начинался. Мальчишка с изумительными фотографиями – суцая находка. Игнациус задумался, нельзя ли будет его шантажировать так, чтобы присматривал за тележкой целый день. На беспризорника определенно подействовало упоминание о друге в полиции.

Игнациус фыркнул при виде начальных титров. Все люди, вовлеченные в процесс создания картины, были равно неприемлемы. В особенности художник по декорациям в прошлом слишком часто вызывал у

него отвращение. Героиня была еще омерзительнее, чем в цирковом мюзикле. В этом фильме она играла молодую смышленную секретаршу, которую пытался соблазнить стареющий светский лев. Он отвез ее на частном самолете на Бермуды и поселил в роскошных апартаментах. В первую ночь наедине с ним она в панике выскочила из комнаты, стоило распутнику открыть дверь в ее спальню^[73].

– Мерзость! – вскричал Игнациус, оплевывая несколько рядов мокрым непрожеванным попкорном. – Как смеет она притворяться девственницей! Вы только взгляните на ее дегенеративное лицо. Изнасиловать ее!

– На дневных сеансах в самом деле чудики попадают, – сказала своей спутнице дама с хозяйственной сумкой. – Ты только на него погляди: у него серьга в ухе.

Затем последовала размытая любовная сцена, снятая мягкорисующим объективом, и Игнациус начал терять контроль над собой. Он чувствовал, как его охватывает истерика. Он честно старался промолчать, но понял, что не в силах.

– Да они же снимают через несколько слоев суровой марли, – заорал он, брызжа слюной. – О, мой бог! Возможно ли представить, насколько в действительности эти двое морщинисты и отвратительны? Меня, наверное, сейчас стошнит. Неужели никто в кинобудке не может выключить электричество? Я прошу вас!

И он загрохотал своей пластмассовой абордажной саблей по подлокотнику сиденья. К нему подскочила старенькая билетерша и попыталась выхватить оружие, но Игнациус одолел бабусю в рукопашной схватке, и она осела прямо на ковровую дорожку. Затем поднялась и заковыляла прочь.

Героиня, полагая, что под сомнение поставлена ее честь, поимела целую серию параноидальных фантазий, в которых вместе со своим соблазнителем возлежала на кровати. Кровать в это время таскали по улицам и пускали в плавание по бассейну модного курорта.

– Господи боже мой. И эту сальность они выдают за комедию? – спросил у темноты Игнациус. – Я не рассмеялся ни разу. Мои глаза никак не могут поверить, что действительно видят этот в высшей степени обесцвеченный мусор. Да эту женщину следует сечь кнутом, пока не упадет. Она подрывает всю нашу цивилизацию. Она – китайский коммунистический агент, посланный сюда, чтобы уничтожить всех нас! Кто-нибудь, в ком осталась хотя бы капля порядочности, – вырвите же наконец предохранители! Сотни людей в этом театре деморализованы. Если нам всем повезет, «Орфеум» забудет оплатить свои счета за

электричество.

Когда фильм закончился, Игнациус вскричал:

– Под этим до мозга костей американским лицом на самом деле таится «токийская роза»!^[74]

Ему хотелось остаться еще на один сеанс, но он вспомнил про юного паразита. Портить хорошее дело тоже нежелательно. Мальчишка ему необходим. Игнациус немощно перебрался через четыре пустых пакета из-под воздушной кукурузы, скопившихся вокруг его кресла за весь фильм. Нервы были совершенно расстроены. Эмоции – выжаты. Ловя ртом воздух, поминутно спотыкаясь, он добрался до конца прохода и вывалился на залитую солнцем улицу. Там, около остановки такси у отеля «Рузвельт», Джордж уныло охранял сосиску на колесах.

– Боже, – осклабился он. – Я думал, ты оттуда уже никогда не вылезешь. Чё у тебя там за риндиву было? Ты ж просто в кино ходил.

– Я вас умоляю, – вздохнул Игнациус. – Я только что пережил травму. Ступайте прочь. Встретимся завтра ровно в час на углу Канальной и Королевской.

– Лады, проф. – Джордж забрал свои пакеты и намылился дальше. – Только язык не распускай, а?

– Посмотрим, – сурово ответил Игнациус.

Он съел «горячую собаку», держа ее дрожащими руками и поминутно заглядывая к себе в карман, где лежала фотография. Сверху женщина выглядела еще интеллигентнее и серьезнее. Какая-нибудь обедневшая преподавательница римской истории? Загубленная медиевистка? Если бы только она открыла лицо. В ней было что-то одинокое, отчужденное, вокруг нее витал дух чувственного отшельничества и академического наслаждения, невероятно Игнациуса привлекавший. Он взглянул на клочок оберточной бумаги, на адрес, грубо нацарапанный крошечными буквами. Бурбонова улица. Падшая женщина – в руках коммерческих эксплуататоров. Какой многообещающий персонаж для «Дневника». Этой конкретной работе, подумал Игнациус, довольно-таки недостает сенсуального раздела. Ей необходима хорошая инъекция аппетитных скабрёзных инсинуаций, от которых можно лишь губами причмокнуть. Быть может, исповедь этой женщины ее немного оживит.

Игнациус вкатил сосиску в Квартал и какое-то дикое, но крайне мимолетное мгновение обдумывал возможность закрутить с медиевисткой роман. Мирна от зависти будет просто глодать край кофейного стаканчика. Он опишет ей в красках каждую соблазнительную минуту, проведенную с этой ученой женщиной. С ее образованием и бозцийским мировоззрением

медиевистка весьма стоически и фаталистично отнесется к любым сексуальным бестактностям и ляпсусам, которые он может совершить. Она его поймет. «Будьте милостивы», – вздохнет ей Игнациус. Мирна, вероятно, кидается на секс так же неистово и серьезно, как выходит на демонстрации социального протеста. Какие муки она испытает, когда Игнациус расскажет ей о своих нежных наслаждениях.

– Осмелюсь ли я? – спросил он себя, рассеянно тараня тележкой припаркованный автомобиль. Рукоятка уперлась в живот, Игнациус рыгнул. Он не станет рассказывать этой женщине, как именно узнал о ней. Нет, сначала они обсудят Боэция. Она будет ошеломлена.

Игнациус нашел искомый адрес и простонал:

– О, мой бог! Бедная женщина – в тисках у изуверов.

Он внимательно осмотрел весь фасад «Ночи утех» и, неуклюже переваливаясь, подошел к афише в стеклянном ящике. Та гласила:

РОБЕРТА Э. ЛИ^[75]

Представляет

Шмарлетт О'Хару,

Виргинскую Деву

(и ее любимца!)

Кто такая эта Шмарлетт О'Хара? А еще важнее – что у нее за любимец? Игнациус был заинтригован. Боясь навлечь на себя гнев нацистской владелицы, он неудобно пристроился на бордюре и решил ждать.

Лана Ли наблюдала за Дарлиной и ее птицей. Все было почти готово к премьере. Не перепутала бы Дарлина ничего в своей реплике. Она отошла от эстрады и дала Джоунзу кое-какие дополнительные указания: в частности, хорошенько вычищать из-под табуретов, – а потом выглянула в стеклянный иллюминатор обитой входной двери. На представление сегодня она уже насмотрелась. Оно по-своему было достаточно неплохим. Джордж вообще-то начал приносить хороший навар от новой продукции. Жизнь налаживалась. И Джоунз, кажется, уже сломался.

Лана толкнула дверь и заверещала на всю улицу:

– Эй, ты, крендель! А ну пошел вон с моего тротуара!

– Я вас умоляю, – донесся до нее густой голос, потом замер, пытаясь придумать какое-нибудь оправдание. – Я лишь даю отдых своим довольно-таки натруженным нижним конечностям.

– Иди давай им отдых где-нибудь в другом месте. И убери эту сраную

повозку от входа в мой бизнес.

– Позвольте мне заверить вас, что я не сам выбрал рухнуть здесь, перед притоном вашей газовой камеры. Я вернулся сюда отнюдь не по собственной воле. Ноги мои просто перестали функционировать. Я парализован.

– Парализуйся в соседнем квартале. Мне только и нужно сейчас, чтобы ты тут ошивался и гробил мне инвестицию. С этой серьгой ты вообще на педрилу похож. Люди подумают, что тут бар для гомиков. Пошел вон.

– Люди никогда не совершат подобной ошибки. Вне всякого сомнения, вы управляете самым удручающим заведением в городе. Могу я заинтересовать вас в приобретении «горячей собаки»?

К двери подошла Дарлина:

– Ой, поглядите-ка, кто тут у нас. Как ваша бедная мамуля?

– О, мой бог! – взревел Игнациус. – И почему только Фортуна привела меня именно в это место?

– Эй, Джоунз, – позвала Лана Ли. – Хватит там стучать шваброй, иди отгони отсюда этого кренделя.

– Звиняй. Вышибала начинает с заплаты пийсят в неделю.

– Вы в самом деле жестоко со своей мамулей обходитесь, – высказалась из дверного проема Дарлина.

– Я даже не позволю себе представить, что кто-либо из вас, дамы, когда-нибудь читал Боэция, – вздохнул Игнациус.

– Нечего с ним лясы точить, – сказала Дарлине Лана. – Тоже, блядь, умник нашелся. Джоунз, даю тебе примерно две секунды на то, чтобы ты сюда подошел, пока я не сдала тебя за бродяжничество вместе с этим кренделем. Умники у меня вообще уже поперек горла стоят.

– Одному господу известно, какой наемник налетит сейчас на меня и изобьет до бесчувствия, – хладнокровно заметил Игнациус. – Вам меня не испугать. На сегодня я уже травмирован.

– Ууу-иии! – только и смог вымолвить Джоунз, тоже выглянув в дверь. – Мамка в зеленой шапчонке. Перцуально. Живьем.

– Я уже вижу, что вы мудро решили нанять самого устрашающего с виду мавра, чтобы он защищал вас от разъяренных обсчитанных клиентов, – заметила мамка в зеленой шапчонке Лане Ли.

– Вышвырни его отсюда, – велела Лана Джоунзу.

– В-во! Это как вы слонами швыряться будешь?

– Взгляните только на эти темные очки. Вне всякого сомнения, анатомическая система его купается в наркотиках.

– А ну марш внутрь, к чертовой матери, – приказала Лана Дарлине, вытаращившейся на Игнациуса, толкнула ее в дверь и снова повернулась к Джоунзу: – Ладно. Хватай его.

– Доставайте свою бритву и режьте меня, – сказал Игнациус, когда Лана с Дарлиной скрылись внутри. – Плещите мне щелоком в лицо. Колите меня. Вам, разумеется, никогда не понять, что меня к ампула искалеченного торговца сосисками привел мой интерес к гражданским правам. Я лишился в особенности успешной должности из-за своей твердой позиции по расовому вопросу. Мои натруженные ноги сейчас – косвенный результат моего чувствительного социального сознания.

– В-во! Так «Штаны Леви» тебя выперли за того, что ты там всех бедных черных публик в каталашку хотел засадить, а?

– Как вам стало об этом известно? – осторожно поинтересовался Игнациус. – Вы участвовали в этом особенно бесплодном путче?

– Не-а. Я же слышу, чего публики болтают.

– Вот как? – заинтересовался Игнациус. – Вне всякого сомнения, они в таком случае как-то упоминали о моей осанке и манере держаться. Таким образом, меня стали узнавать. Едва ли я заподозрил бы, что стану легендарным. Вероятно, я слишком поспешил оставить это движение на произвол судьбы. – Игнациус был в восторге. День все же обещал быть прекрасным – после множества пасмурных. – Я, вероятно, превратился некоторым образом в мученика. – Он рыгнул. – Хотите сосиску? Я предлагаю эту любезную услугу клиентам всех цветов кожи и вероисповеданий. «Райские Киоскеры» стали пионерами подобного обслуживания в местах общественного пользования.

– А чё это такой белый чувак, – да еще гавришь так складно, – вдруг сусисы торгует?

– Прошу вас направлять издуваемый дым в ином направлении. Моя респираторная система, к сожалению, далека от совершенства. Я подозреваю, что стал результатом исключительно слабого зачатия со стороны моего отца. Сперма его, вероятно, была извергнута довольно-таки небрежным манером.

Подфартило, подумал Джоунз. Жирная мамка свалилась с неба как раз, когда позарез нужна.

– Ты, наверно, не в себе, чувак. У тебя крутая работа надо, большой «бюйк» и прочее говно. В-во! Кондиционер, разноцветный чиливизар...

– У меня очень приятное занятие, – ледяным тоном ответил Игнациус. – Работа на свежем воздухе, никакого надсмотра. Единственное напряжение – на ноги.

– Ежли б я в колеж ходил, так не таскал бы за собой мясную телегу, не толкал бы народам дрянь с говном всякое.

– Я вас умоляю! Райские продукты обладают высочайшим качеством. – Игнациус для острастки погромыхал абордажной саблей о бордюр. – Ни один из наемных служащих вашего сомнительного заведения не вправе критиковать род занятий другого человека.

– Лять, ты чё думаешь, мне что ли «Ночью тех» нравится? Ууу-иии. Я другова хочу. Хорошее место чтобы, по найму себе пристроить, заплаты чтоб на житье хватало.

– Я так и подозревал, – рассердился Игнациус. – Иными словами, вы желаете тотально обуржуазиться. Вам всем промыли мозги. Воображаю, что вам бы хотелось добиться успеха или чего-то столь же гнусного.

– Й-их, во теперь ты меня поал. В-во!

– В действительности я сейчас не располагаю временем для обсуждения ваших ошибочных субъективных оценок. Тем не менее мне от вас потребуется кое-какая информация. Нет ли, случайно, в этом притоне женщины, склонной к чтению?

– Ага. Она мне все время подсовывает чёньть почитать, гаврит, чтоб я себя совершенствовал. Очень порядычная такая.

– О, мой бог! – Изжелта-небесные зенки вспыхнули огнем. – Могу ли я как-либо познакомиться с этим образцом порядочности?

Джоунз спросил себя, чё тут за дела такие, но ответил учтиво:

– В-во! Хочшь ее увидеть, так заходи как-нить вечером, она как раз с любимцей трынцует.

– Боже мой. Только не говорите мне, что она и есть эта самая Шмарлетт О’Хара.

– Ну. Она и есть. Харля Во-Харя самая.

– Боэций плюс домашний любимец, – пробормотал себе под нос Игнациус. – Какое открытие.

– Она сизон раскроет через пару-трешку дён, чувак. Подволакивай суда задницу. У нее самый смачный скриптакыль тут, что я тока видал. В-во!

– Могу себе представить, – с уважением произнес Игнациус. Некая блистательная сатира на декадентский Старый Юг, разыгрываемая перед ничего не подозревающими свиньями-завсегдатаями «Ночи утех». Несчастливая Шмарлетт. – Скажите же мне. Что именно за домашний любимец у нее?

– Й-их! Этова я тебе не могу сказать, чувак. Сам позексаешь. Скриптакыль – это большой серприз. Харле там тож есть чё сказать. Тут те

не просто стриптиз. Харля базарить будет.

Боже всемогущий. Некий язвительный комментарий, коего никто из ее публики не в силах будет постичь до конца. Он обязан увидеть эту Шмарлетт. Они должны поговорить и понять друг друга.

– Я бы еще вот что хотел узнать, сэр, – сказал Игнациус. – А нацистская владелица этой клоаки присутствует здесь каждый вечер?

– Кто эт? Мисс Ли? Не-ет. – Джоунз сам себе ухмыльнулся. Саботаж работал как по маслу. Жирной мамке уже не терпится завалиться в «Ночью тех». – Она гаврит, Харля Во-Харя само свершенство – так здорово тебе трынцует, что приходить суда по вечерам назирать совсем не надо. Гаврит, када Харля сизон откроет, так она уже каленкулы рванет в Колыфорнию. Во-во!

– Какая удача, – слюняво залепетал Игнациус. – Что ж, тогда я приду сюда посмотреть представление мисс О’Хары. Можете тайно зарезервировать для меня столик у самой эстрады. Я должен видеть и слышать все, что она делает.

– Ууу-иии. Доброжалывать, чувак. Тащи свою задницу суда через пару дней. Тебя тут первокласс обслужат.

– Джоунз, ты что там, лясы точишь с этим субъектом? – В дверях показалась Лана.

– Не беспокойтесь, – сообщил ей Игнациус. – Я ухожу. Ваш прихвостень вселил в меня невыразимый ужас. Я никогда больше не совершу подобной ошибки и даже не пройду мимо вашего свинарника порока.

– Это хорошо, – ответила Лана и захлопнула дверь.

Игнациус заговорщицки осклабился Джоунзу.

– Эй, слуш, – сказал Джоунз. – Пока не ушел, скажи-ка мне кой-чё. Как ты думаешь, чё надо черному публику, чтоб не бомжить и чтоб заплата ниже минималой не была?

– Прошу вас. – Игнациус пошаркал ногами под халатом в поисках бордюра, чтобы опереться и встать. – Вы даже представить себе не можете, насколько вы запутались. Ваши субъективные оценки совершенно неверны. Как только вы достигнете вершины, или к чему вы там еще стремитесь, у вас непременно случится нервный срыв или даже хуже. Вам знакомы негры с язвой желудка? Разумеется, нет. Живите в какой-нибудь лачуге и радуйтесь. Благодарите Фортуна, что у вас нет белой родительницы, которая вас травит. Читайте Боэция.

– Ко-во? Чё читать?

– Боэций продемонстрирует вам, что все ваши стремления в конечном

итоге лишены смысла, что мы должны научиться принимать все как есть. Спросите о Боэции у мисс О'Хара.

– Слуш. Вот как те понравилась бомжывать полжисти?

– Изумительно. В более счастливые времена я и сам был бродягой. Если б только я оказался на вашем месте, я бы из комнаты вообще выходил лишь раз в месяц, чтобы только нашарить в почтовом ящике чек вспомоществования. Осознайте же, насколько вам повезло.

Жирная мамка – взаправду придурок. Бедным публикам в «Штане Лёвы» сильно повезло, что не оказались после такого в Анголе.

– Ладна, заруливай через пару дён. – Джоунз выдул струю дыма прямо в кольцо серьги. – Харля все дела покажут.

– Я прибуду под колокольный звон, – ответил счастливый Игнациус. Как Мирна заскрежещет зубами.

– В-во! – Джоунз обошел тележку, остановился перед бампером сосиски и взглянул в листок из блокнота «Великий Вождь». – Похоже, с тобой кто-то шутики мастрячит.

– Это всего-навсего рекламный трюк.

– Ууу-иии. Тада те лучше ево ищо раз глянуть.

Игнациус добрал до бушприта своего судна и обнаружил, что беспризорник украсил надпись «ДВЕНАДЦАТЬ ДЮЙМОВ (12") РАЯ» целым ассортиментом гениталий.

– О, мой бог! – Игнациус сорвал листок, покрытый наскальной живописью шариковой ручки. – И вот с этим я ездил?

– Я буду под дверями тут тебя высматривать, – сказал Джоунз. – Й-их!

Игнациус помахал ему счастливой лапой и заковылял прочь. Наконец у него появился повод зарабатывать деньги. Шмарлетт О'Хара. Он нацелил оголенный нос тележки в сторону дебаркадера переправы в Алжир, где днем собирались портовые грузчики. Зазывая и завлекая, он направил сосиску прямо в толпу мужчин и преуспел в продаже всех «горячих собак», любезно и обильно сдабривая продаваемый товар кетчупом и горчицей с энергией юного пожарника у ручной помпы.

Какой блистательный день. Намеки Фортуны более чем многообещающи. Пораженный до глубины души мистер Клайд удостоился от киоскера Райлли жизнерадостного приветствия и десятидолларовой выручки, а сам Игнациус, ощупывая карманы халата, набитые купюрами, полученными от беспризорника и магната франкфуртеров, взметнулся в вагон трамвая с легким сердцем.

Войдя в дом, он обнаружил, что мать тихонько разговаривает по телефону.

– Я тут подумала, чего ты мне сказала, – шептала миссис Райлли в трубку. – Может, это и не такая уж плохая мысль, в конце концов, голуба. Ты же ж понимаешь, о чем я?

– Чево б плохая, – рокотала в ответ Санта. – Эти ж люди в Благодарительной дадут твоему Игнациусу чуток отдохнуть. Клоду ж не захотца, чтоб он перед носом маячил, дэушка.

– Так я ему нравлюсь, а?

– Нрависся? Он сёдни утром звонит и спрашивает, не собираеся ли ты, мол, когда-нить еще замуж выходить. Хосподя-а. Я грю: «Ну, Клод, вот сами и спро́сите». Ф-фу-у. Он же ж у тебя такой ухажёр, как я ни в жись не видала. Беньдяшка совсем отчаялся уже от одиночисва.

– Он, конечно, очень внимательный, – выдохнула мисс Райлли в трубку. – Только я иногда так невричаю, когда он про комунястов начинает.

– Что, во имя всего святого, вы тут мелете, мамаша? – захохотал из прихожей Игнациус.

– Хспти, – сказала Санта. – Никак Игнациус пришел.

– Шшш, – прошипела миссис Райлли в телефон.

– Ну, так послуш суда, малыша. Как тока Клод женицца, он и думать забудт про этих камуняков. У него ж мозги щас ничем не заняты, все оттуда. Дай ему любви нэмножко, и вся недолга.

– Санта!

– Господи боже мой, – поперхнулся от негодования Игнациус. – Вы снова разговариваете с этой проституткой Батталей?

– Закрой рот, мальчик.

– Ты б лучше этому своему Игнациусу по голове настучала, – посоветовала Санта.

– Ох, если б мне только сил на это хватило, – ответила миссис Райлли.

– Ой, Ирэна, чуть не забыла же. Анджело сёдни утром заходил, кофы выпить. Так я его едва признала. Видела б ты его в этом шерсином косюме. Чисто лошадь миссис Астор^[76]. Бэдненький Анджело. Уж так старается, так старается. Теперь по разным барам ходить будет, грит, по пэрвоклассам. Скорей бы уж он какого-нить субчика привлек.

– Нет, ну какой ужас, – печально отозвалась миссис Райлли. – А что ж он делать будет, если его из сил выгонят? Ему ж троих детишек кормить надо.

– В «Райских Киоскерах» для людей с инициативой и хорошим вкусом открыты весьма перспективные возможности, – сказал Игнациус.

– Слушай-слушай этого самашетшево, – сказала Санта. – Ай, Ирэна. Позвони-ка ты лучше в Благодарительную, голуба.

– Давай же ж ему еще один шанец дадим. Может, куш какой сорвет.
– Я ваще не понимаю, чиво я тут врэмя с тобой трачу, разговоры грю, – хрипло вздохнула Санта. – Значть, сѣдни около сэми? Клод грил, тоже суда придет. Заежжай за нами, съездим на озеро прокатимся, крабов как следыват поедим. Ф-фу-у! Как же ж вам, детки, повезло, что я с вами тут нянькаюсь. Вам же ж просто нянька нужна, особливо када Клод тут отирается.

Санта фыркнула гуще обычного и повесила трубку.

– О чем можно столько болтать с этой старой сводней, во имя всего святого на земле? – спросил Игнациус.

– Заткнись!

– Благодарю вас. Я вижу, дела здесь обстоят, как всегда, жизнерадостно.

– Ты сколько денег сегодня принес? Опять четвертак? – завопила миссис Райлли. Она подскочила, быстро сунула руку в карман форменного халата и извлекла оттуда яркую открытку. – Игнациус!

– Отдайте немедленно! – загрохотал тот. – Как осмелились вы запятнать это великолепное изображение своими грязными руками винной торговли?

Миссис Райлли снова всмотрелась в снимок и закрыла глаза. По щеке ее покатилась слезинка.

– Я так и знала, когда ты начал эти сосыски торговать, что с такими людьми якшаться будешь.

– Что вы имеете в виду – «с такими людьми»? – сердито спросил Игнациус, пряча фотографию в карман. – Это блестящая злоупотребленная женщина. Говорите о ней с уважением и почтением.

– Я вообще не хочу разговаривать, – всхлипнула миссис Райлли, не распечатывая глаз. – Иди к себе в комнату и сиди там, пиши свои глупости. – Зазвонил телефон. – Это опять, должно быть, мистер Леви. Он сегодня уже два раза звонил.

– Мистер Леви? Что понадобилось этому монстру?

– Он не захотел мне говорить. Ступай, самашетший. Отвечай. Сыми трубку.

– Что ж, я определенно не желаю с ним разговаривать, – громыхнул Игнациус. Он снял трубку и измененным голосом, в котором богато играли мейфэрские^[77] акценты, ответил: – Аллоу?

– Мистер Райлли? – спросил мужской голос.

– Егоу здесь нет.

– Это Гас Леви. – На заднем фоне тем временем слышался женский голос:

– Посмотрим теперь, что ты ему скажешь. Еще один шанс коту под хвост, психопат сбежал.

– Мне несказанно жаль, – провозгласил Игнациус. – Мистера Райлли сегоудня днем вызвали из гоурода по одному весьма неотложному делу. В действительности же оун пребывает в психиатрической лечебнице штата в Мандевилле. С тех поур, как ваш коунцерн стоуль злонамеренноу его увоулил, ему прихоудится соувершать регулярные поуездки в Мандевилль и обратноу. Всё его эгоу израненоу. Вы еще можете получить счета от егоу психиатра. Они довоульно-таки оушеломляющи.

– Так он свихнулся?

– Неистово и окончательноу. Мы провели здесь с ним весьма незабываемое время. В первый раз, когда оун отправился в Мандевилль, егоу пришлось транспоуртировать в броунированном автомоубиле. Как вам известно, его телослоужение довоульно величественно. Сегодня днем, тем не менее, оун отправился в обычной патрульной карете «Скоурой поумощи».

– А в Мандевилле к нему пускают посетителей?

– Ну, разумеется. Поуезжайте и поувидайтесь с ним. Привезите ему печеньяу.

Игнациус шваркнул трубкой о рычаг, сунул четвертьдолларовую монету в ладонь все еще шмыгавшей носом матери и, переваливаясь с борта на борт, направился к себе в комнату. Открывая дверь, он чуть-чуть помедлил, поправляя табличку «МИР ВСЕМ ЛЮДЯМ ДОБРОЙ ВОЛИ», которую когда-то пришили кнопкой к шелушившемуся краской дереву.

Все знаки указывали вверх; колесо его вращалось к небесам.

Двенадцать

На Константинопольскую улицу налетел шквал возбуждения. Дикие трели свистка почтальона, фырчание почтового грузовика, тревожные вопли матери, крики мисс Энни, что почтальон перепугал ее своим свистом, – все это прервало упорядоченную процедуру: Игнациус одевался к первому собранию нового политического движения. Он подписал квитанцию и ринулся к себе в комнату, не преминув запереть за собой дверь.

– Что там такое, мальчик? – спрашивала из прихожей миссис Райлли.

Игнациус посмотрел на манильский конверт, проштампованный «ЗАКАЗНАЯ АВИА-БАНДЕРОЛЬ» и разукрашенный маленькими рукописными мольбами: «Срочно» и «Спешно».

– О, боже мой, – довольно вздохнул он. – Распутница Минкофф, должно быть, вне себя.

Он разодрал конверт и извлек письмо.

Господа:

Ты в самом деле отправлял мне эту телеграмму, Игнациус?

МИРНА ФОРМИРУЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ПАРТИИ МИРА СЕВЕРОВОСТОЧНОЙ ЗОНЫ НЕМЕДЛЕННО
ТЧК ПРОВОДИ ОРГАНИЗАЦИЮ НА ВСЕХ УРОВНЯХ ТЧК
РАБОТЕ ПРИВЛЕКАЙ ТОЛЬКО СОДОМИТОВ ТЧК СЕКС
ПОЛИТИКЕ ТЧК ПОДРОБНОСТИ ПОЗЖЕ ТЧК ИГНАЦИУС
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ТЧК

Что все это означает, Игнациус? Ты в самом деле хочешь, чтобы я набирала в партию педиков? Кому охота быть зарегистрированным содомитом? Игнациус, я очень встревожена. Ты тусуешься с голубыми? Я могла предполагать, что это неизбежно случится. Твоя параноидная фантазия об аресте и аварии послужила первым тревожным сигналом. Теперь все выходит наружу. Твои нормальные сексуальные каналы были заблокированы слишком долго, и теперь сексуальный потоп прорывается совершенно не по тем каналам. Со времени своей фантазии, что послужила началом всего, ты переживаешь период кризиса, который достигает кульминации в неприкрытой сексуальной аберрации. Я давно говорила, что рано или поздно у

тебя поедет крыша. Теперь это произошло. Моя группа групповой терапии очень расстроится, когда услышит, что твоя болезнь прогрессирует. Прошу тебя – оставь этот загнивающий город и приезжай на север. Позвони мне за мой счет, если хочешь, и мы можем обсудить твою проблему сексуальной ориентации. Ты должен пройти курс терапии как можно скорее, или сам станешь буйным педерастом.

– Да как она смеет? – взревел Игнациус.

Что же произошло с Партией Божественного Права? У меня уже было несколько человек, готовых в нее вступить. Я не уверена, что они согласятся на это дело с содомитами, хотя, насколько я вижу, можно использовать партию содомитов, чтобы отвлечь маргинально сгруппировавшихся фашистов. Возможно, тогда нам удастся расколоть правое крыло. Но я по-прежнему не считаю эту идею удачной. Предположим, захотят вступить не-содомиты, а мы им откажем. Нас обвинят в предвзятости, и весь наш замысел провалится. Моя лекция, боюсь, не совсем удалась. Нет, прошла-то она нормально – пролетела прямо над головами у слушателей. В публику затесались двое-трое людей среднего возраста, которые пытались сбить меня с толку весьма язвительными замечаниями, но парочка моих друзей из группы групповой терапии бросили их враждебности вызов своей враждебностью и в конце концов изгнали этих реакционеров из аудитории. Как я и подозревала, я оказалась чуть-чуть слишком продвинутой для местечковой публики. Онга так и не появился, вот гнида. По мне так пусть его хоть назад в Африку отправляют. Я в самом деле считала, что у этого парня хоть что-то за душой есть. Теперь мне очевидно – политически он весьма апатичен. А ведь обещал, что придет, подонок. Игнациус, этот содомитский план совсем не кажется мне реальным. Помимо этого, я вижу в нем лишь опасную манифестацию твоего ухудшающегося душевного здоровья. Прямо не знаю, как я смогу рассказать своей группе групповой терапии об этом зловещем повороте событий – сколь бы предсказуемым он ни казался. Вся группа по-настоящему за тебя болела. Некоторые даже идентифицируются с тобой. Если сорвешься ты, сорвутся и они. Мне требуется твой немедленный ответ. Пожалуйста, позвони за мой счет в любое

время после 6 вечера. Я очень, очень волнуюсь.

М. Минкофф

– Она тотально сбита с толку, – довольно произнес Игнациус. – Подождем, пока она узнает о моей апокалиптической встрече с мисс О’Хара.

– Игнациус, что ты там получил?

– Депешу от распутницы Мирны.

– Чего этой девчоночке надо?

– Она угрожает самоубийством, если я не дам клятву, что мое сердце принадлежит ей и только ей.

– Ай, какой ужас. Вот спорить же ж готова, ты ей, бедняжке, столько врак наплел. Я ж тебя знаю, Игнациус.

Из-за двери доносились звуки одевания: об пол лязгнуло что-то похожее на кусок металла.

– Куда ты собрался? – осведомилась миссис Райлли у облупленной краски.

– Я вас умоляю, мамаша, – ответил ей бассо-профундо. – Я в значительной степени спешу. Прекратите мне досаждать, пожалуйста.

– Со всеми деньгами, что ты приносишь, мог бы и дома целыми днями сидеть, – заорала двери миссис Райлли. – Как же я долг этому человеку оплачу?

– Мне бы хотелось, чтобы вы оставили меня в покое. Я сегодня выступаю на политическом митинге и должен привести в порядок свои мысли.

– На политическом митинге? Игнациус! Ай, как чудесненько! Может, ты хоть в политике хорошо добьешься. У тебя ж такой прекрасный голос. В каком клубе, Туся? У «Демократов Города Полумесяца»? У «Старых Регуляров»?

– Боюсь, что партия в настоящий момент секретна.

– Что ж это за партия, коли она секретная? – с подозрением осведомилась миссис Райлли. – Ты что, с кучей комунистов разговаривать будешь?

– Хо-хмм.

– Мне тут кое-кто дал кое-что почитать про комунистов, мальчик. Я теперь все про комунистов в брошюре прочитала. Не пытайся меня обдурочить же ж, Туся.

– Да, я видел эту брошюру сегодня в прихожей. Вы обронули ее там намеренно, чтобы я мог «извлечь пользу» из ее содержимого, либо

швырнули случайно во время одной из своих регулярных винных оргий, будучи уверенной, что это просто особенно слоноподобный кусок конфетти. Воображаю, что вашим глазам было довольно трудно обрести фокус как раз около двух часов дня. Что ж, я прочитал этот памфлет. Он почти весь совершенно безграмотен. Бог знает, где вы берете подобный мусор. Вероятно, у той старухи, что торгует пралине на кладбище. Так вот, я не коммунист, а потому оставьте меня в покое.

– Игнациус, а ты не думаешь, что тебе лучше, если ты съездишь немного отдохнешь в Благодарительной?

– Уж не психиатрическую лечебницу ли вы, случайно, имеете в виду? – зашелся от ярости Игнациус. – Вы что – считаете меня безумцем? Вы что – предполагаете, что какому-то глупому психиатру удастся хотя бы совершить попытку измерить глубины структур моей души?

– Ты мог бы там просто отдохнуть, Туся. Мог бы просто писать свои писули в маленьких тетрадках.

– Да они же сделают все, чтобы превратить меня в дебила, которому нравится телевидение, новые автомобили и замороженные полуфабрикаты. Неужели вы не понимаете? Психиатрия хуже коммунизма. Я отказываюсь от промывки мозгов. Я не стану роботом!

– Но Игнациус, они же ж многим помогают, у кого проблемы.

– Думаете, у меня проблема? – заревел Игнациус. – Подобные мне личности сталкиваются с единственной проблемой – им не нравятся новые автомобили и лак для волос. Именно поэтому таких личностей запирают. Они пугают прочих членов общества. Приюты в этой стране набиты несчастными душами, которые просто-напросто терпеть не могут ланолин, целлофан, пластик, телевидение и разукрупнение.

– Игнациус, это неправда. Помнишь старого мистера Бекнела, который дальше по нашему кварталу жил? Его заперли, потому что по улице голым бегал.

– Ну, разумеется, он бегал голым по улице. Его кожа не могла больше выносить одежды из дакрона и нейлона, закупорившей все поры его тела. Я всегда расценивал мистера Бекнела как одного из мучеников нашей эпохи. Несчастного принесли в жертву. А теперь сбегайте к парадной двери, посмотрите, не прибыло ли уже мое такси.

– Откуда у тебя деньги на такси, а?

– У меня несколько пенни завалялось под матрацем, – ответил Игнациус. Он шантажом вытянул из беспризорника еще десять долларов, заставив этого гавроша к тому же сторожить весь день тележку, пока сам смотрел в «Лёу» фильм о подростковых гонках на выбывание. Сорванец

определенно был находкой, подарком Фортуны, пытавшейся таким образом извиниться за то, что крутила колесо не в ту сторону. – Идите подглядывать сквозь чужие ставни.

Дверь со скрипом открылась, и Игнациус выступил во всем своем пиратском убранстве.

– Игнациус!

– Я так и полагал, что вы отреагируете подобным образом. Потому я и хранил эту параферналию на складе корпорации «Райские Киоскеры».

– Анджело был прав, – возопила миссис Райлли. – Ты все это время по улице бродил ряженный, как на Марди-Гра.

– Тут кашне. Там абордажная сабля. Одна-другая искусная деталь, подобранная со вкусом, – и все. Общее впечатление довольно привлекательно.

– Ты в таком виде никуда не пойдешь, – заверещала миссис Райлли.

– Я вас умоляю. Только не надо мне устраивать еще одну истерику. Вы сместите все мысли, что формируются у меня в уме в связи с предстоящей лекцией.

– Вернись сейчас же к себе в комнату, мальчик. – Миссис Райлли принялась колотить Игнациуса по рукам. – Сейчас же вернись к себе. Я тут не шутки с тобой шучу. Какой стыд и срам же ж на мою голову.

– Господи боже мой! Мамаша, немедленно прекратите. Я буду не в состоянии произнести речь.

– И что это за речи ты пронзосить собрался, а? Куда это ты наострился, Игнациус? Скажи ж мне сейчас же! – Миссис Райлли несильно шлепнула Игнациуса по физиономии. – Ты никуда из дому не выйдешь, самашетший.

– О, мой бог, да вы совсем спятили! Отойдите от меня сей же момент! Надеюсь, вы заметили тот ятаган, что пришпилен к моей униформе.

Ладонь матери попала Игнациусу по носу; второй удар пришелся прямо в глаз. Переваливаясь с ноги на ногу, Игнациус сквозанул в прихожую, рванул настежь дверные ставни и выскочил во двор.

– Сейчас же вернись в дом, – орала ему вслед миссис Райлли. – Ты никуда не пойдешь, Игнациус.

– Готов спорить, вы не кинетесь за мною в погоню в этой своей изодранной сорочке! – с вызовом ответил Игнациус и дерзко высунул массивный розовый язык.

– Вернись сюда, Игнациус!

– Эй, а ну прекращайте, вы! – заорала из-за своих передних ставень мисс Энни. – Все нервы мне к черту измотали.

– Вы поглядите только на Игнациуса! – крикнула ей миссис Райлли. – Ну какой ужас, а?

Но Игнациус махал ручкой с кирпичного тротуара, а серьга его ловила отблески уличного фонаря.

– Игнациус, ну иди же ж сюда, будь хорошим мальчиком, – взмолилась миссис Райлли.

– У меня уже и так голова раскалывается от свиста этого проклятушщего почтальёна, – громко пригрозила мисс Энни. – Я щас буквально через минуту полициям позвоню.

– Игнациус! – взмолилась миссис Райлли, но было уже слишком поздно. Из-за угла выплыло такси. Игнациус махнул ему как раз в тот момент, когда мать, позабыв про стыд и позор изодранной ночнушки, выскочила на обочину. Игнациус захлопнул заднюю дверцу, едва не прищемив материнскую свекольную прическу, и рявкнул таксисту адрес. Приказывая водителю трогаться с места немедленно, он тыкал в руки матери абордажной саблей. Такси рвануло, из-под колес полетел мелкий гравий, больно жала ноги миссис Райлли сквозь лохмотья сорочки из искусственного шелка. Еще какое-то мгновение мать провожала взглядом красные габаритные фонари удалявшейся машины, а потом бросилась назад в дом звонить Санте.

– На маскарад собрался, приятель? – спросил таксист, когда они свернули на проспект Святого Карла.

– Смотрите, куда едете, и отвечайте, только если к вам обращаются, – громыхнул Игнациус.

За всю поездку водитель не произнес больше ни слова, зато Игнациус на заднем сиденье громко репетировал свою речь, стуча о спинку переднего сиденья абордажной саблей, чтобы подчеркнуть значимость ключевых моментов.

На улице Святого Петра он вышел и первым делом услышал шум: невнятное, однако, исступленное пение и хохот доносились из трехэтажного оштукатуренного особняка. Какой-то зажиточный француз построил его в конце 1700-х годов, чтобы разместить в нем все свое хозяйство: жену, детей и старых дев-*tantes*. *Tantes* хранились на чердаке вместе с иной избыточной и непривлекательной мебелью, а из двух крохотных слуховых окон могли наблюдать ту небольшую порцию вселенной, которая, как они полагали, только и существовала за пределами их собственного *monde*^[78] клеветнических сплетен, вышивки и циклических переборов четок. Однако позже рука профессионального декоратора изгнала всех духов французской буржуазии, что еще могли

населять толстые кирпичные стены особняка. Фасад был выкрашен в яркий канареечный цвет; газовые горелки в репродукциях латунных светильников, установленных по обе стороны подъездной дорожки, мягко мигали, и янтарные язычки пламени подрагивали, отражаясь в черной эмали ворот и ставней. На брусчатке под светильниками стояли древние кадки с плантациями – из них тянули свои отточенные стилеты испанские юбки.

Игнациус остановился перед особняком и обозрел его с крайней неприязнью. Его изжелта-небесный взор осудил блистательность экстерьера. Нос взбунтовался против весьма ощутимого запаха свежей эмали. Уши съежились от этого бедлама – пения, гогота и хихиканья, имевшего место за сдвинутыми ставнями из лакированной кожи.

Брюзгливо прочистив горло, он осмотрел три дверных звонка из желтой меди и три маленькие белые карточки сверху:

Билли Трюхард Рауль Хиль Фрида Бимс Бетти Бампер	— 3А
Лиз Дубье	— 2А
Дориан Грин	— 1А

Он ткнул пальцем в нижний и стал ждать. Неистовство за ставнями умерилось лишь ненадолго. Где-то открылась дверь, и по дорожке к воротам подошел Дориан Грин.

– Ох, дорогуша ж вы мой, – произнес он, когда разглядел, кто стоит на тротуаре. – Ну куда же вы запропалились? Боюсь, наш первый митинг немного выходит из-под контроля. Я безуспешно попробовал разок-другой призвать сборище к порядку, но чувства, по всей видимости, чересчур воспламенились.

– Я надеюсь, вы не совершили ничего, чтобы остудить их моральный пыл, – сурово проговорил Игнациус, нетерпеливо постукивая абордажной саблей по чугунным воротам. Несколько сердито он подметил, что Дориан идет к нему как-то нестойко; не этого он ожидал.

– О, какая тусовка! – воскликнул Дориан, отворяя ворота. – Все просто отвязываются как могут.

Он резво и несогласованно изобразил пантомимой происходящее.

– О, мой бог! – произнес Игнациус. – Прекратите эту отвратительную непристойность.

– Несколько человек совершенно погубят себя после этого вечера. Наутро случится массовый исход в Мехико. Но Мехико ведь – такой дикий город.

– Я весьма надеюсь, что никто не попытался навязать сборищу никаких милитаристских резолюций.

– Ой, мамочки же ж, нет.

– Это успокоительно слышать. Одному господу известно, с какой оппозицией нам придется столкнуться уже в самом начале. У нас может оказаться «пятая колонна». Вероятно, что-то просочилось в военно-промышленный комплекс нации и, собственно говоря, всего мира.

– Ну пойдемте же, Цыганская Царица, заходите.

Шагая по дорожке, Игнациус сказал:

– Особняк отвратно вычурен. – Он взглянул на пастельные светильники, таившиеся за пальмами вдоль стен. – Кто несет ответственность за этот архитектурный аборт?

– Я, разумеется, Мадьярская Дева. Я – владелец здания.

– Мне следовало догадаться. Могу я осведомиться, откуда поступают деньги на содержание этой вашей декадентской причуды?

– От моей дражайшей семьи, засевающей в овсах, – вздохнул Дориан. – Они шлют мне крупные чеки каждый месяц. Взамен я гарантирую, что буду держаться подальше от Небраски. Я покинул ее, как вы понимаете, под пологом несколько сгустившихся туч. Эти хлеба, эти бескрайние просторы равнин. Даже не могу вам передать, насколько все это меня угнетало. Если кто подобное и романтизировал, так разве Грант Вуд^[79]. Я съездил на Восток поучиться в колледже, а потом приехал сюда. О, Новый Орлеан – это такая свобода.

– Ну, по крайней мере у нас есть штаб-квартира для нашего путча. Однако, увидев место воочию, я бы все же предпочел, чтоб вы арендовали зал «Американского Легиона» или что-либо еще, равно уместное. Этот дом больше похож на декорацию для извращенной деятельности вроде танцев с чаепитием или вечеринки в саду.

– А вы знаете, что национальный журнал по интерьерам и домоводству хочет опубликовать два цветных разворота об этом здании? – спросил Дориан.

– Обладая вы хоть каким-то здравым смыслом, вы осознали бы, что это – крайняя степень оскорбления, – фыркнул Игнациус.

– О, Девушка с Золотой Серьгой, вы просто сводите меня с ума.

Смотрите, дверь вот здесь.

– Секундочку, – опасливо произнес Игнациус. – Что это за ужасный шум? Похоже, кого-то приносят в жертву.

Они остановились в пастельном свете подъездной дорожки и прислушались. Где-то во внутреннем дворике жалобно орал человеческий голос.

– Ой, мамочки, что они там творят? – нетерпеливо сказал Дориан. – Вот дурашки. Никогда себя вести не умеют.

– Я бы предложил провести расследование, – заговорщически прошептал Игнациус. – Одержимый военный офицер мог прокрасться на собрание инкогнито и теперь посредством пыток выведывает наши секреты из преданного члена партии. Солдафоны до мозга костей ни перед чем не остановятся. Там может оказаться даже иностранный агент.

– Ой, как весело! – взвизгнул Дориан.

Спотыкаясь и ковыляя, они с Игнациусом ввалились во дворик. Преданный член партии звал на помощь со стороны помещений для черной прислуги. Дверь туда была приотворена, но Игнациус все равно кинулся на нее всей тушей, расколов несколько стеклянных панелей.

– О, мой бог! – возопил он, увидев то, что оказалось перед ним. – Они нанесли удар!

Перед ним, в кандалах и прикованный к стене, извивался маленький морячок. Это был Тимми.

– Вы видите, что вы сделали с моей дверью? – допытывался из-за спины Игнациуса Дориан.

– Среди нас враг, – неистово вещал тем временем Игнациус. – Кто проболтался? Скажите мне. Кто-то напал на наш след.

– Ой, выпустите меня отсюда, – выл морячок. – Тут ужасно темно.

– Ах ты, дурашка, – фыркнул Дориан. – Кто тебя здесь приковал?

– Эти кошмарные Билли с Раулем. Они такие ужасные. Привели меня сюда показать, как ты отделал интерьер рабских квартир, а я опомниться не успел, как они меня сунули в эти грязные цепи и убежали обратно к гостям.

Морячок полязгал цепями.

– Я только что сделал тут ремонт, – сообщил Дориан Игнациусу. – О, моя дверь.

– Где сейчас эти агенты? – Игнациус отстегнул абордажную саблю и кому-то погрозил. – Мы должны задержать их, пока они не покинули здание.

– Вытащите меня отсюда, пожалуйста. Я не выношу темноты.

– Мне из-за тебя дверь поломали, – прошипел Дориан окончательно

рехнувшемуся мореходу. – Доигрался с этими курвами сверху.

– Так он же двери сломал!

– А чего еще от него ждать? Только посмотри на него.

– Это вы обо мне беседуете, уклонисты? – рассердился Игнациус. – Если вы и дальше будете так волноваться из-за какой-то двери, я серьезно сомневаюсь, что вам удастся долго протянуть на жестокой арене политики.

– Ох, заберите же меня отсюда. Я буду *кричать*, если еще хоть на чуть-чуть останусь в этих гадких оковах.

– Ой, заткнись, сикушка, – рявкнул Дориан, хлопбыстнув Тимми по розовой щеке. – Пошел вон из моего дома – твое место на улице.

– О-о! – взвыл моряк. – Какие ужасные слова!

– Я вас умоляю, – предостерег Дориана Игнациус. – Наше движение нельзя саботировать междоусобицами.

– Я-то думал, что у меня хоть один настоящий друг остался, – плакался моряк Дориану. – Теперь я вижу, как ошибался. Валяй дальше. Дай мне еще одну пощечину, если тебе это доставляет такое наслаждение.

– Да я б до тебя даже дотронуться побрезговал, додик.

– Я сомневаюсь, что какой-либо писака даже под нажимом смог бы накарять подобную отвратительную мелодраму, – отметил Игнациус. – Прекратите этот балаган немедленно, дегенераты. Примените хотя бы немного вкуса и пристойности.

– Шлепни меня! – визжал морячок. – Я знаю, тебе смерть как хочется. Тебе же не терпится сделать мне больно, правда?

– Очевидно, он не успокоится, пока вы не согласитесь нанести ему хотя бы небольшое физическое увечье, – сообщил Игнациус Дориану.

– Да я и пальцем не коснусь его блядского те́льца.

– Ну мы же должны как-то его утихомирить. Мой клапан не в силах вынести невроты этого психически неуравновешенного моряка в таких количествах. Мы должны вежливо дать ему отставку от нашего движения. Он просто не соответствует уровню. Любой почует исторгаемый им тяжелый мускус мазохизма. Он в данный момент завонял им уже все апартаменты для прислуги. А помимо этого, мне кажется, он довольно-таки пьян.

– И ты меня тоже ненавидишь, чудовище, – завопил морячок Игнациусу.

Тот крепко приложил Тимми по макушке абордажной саблей, и мореход испустил жалобный стон.

– Одному всевышнему известно, какие испорченные фантазии поселились у него в голове, – заметил Игнациус.

– Ох, шмякните его еще, – счастливо зачирикал Дориан. – Как это весело!

– Пожалуйста, снимите же с меня эти ужасные цепи, – взмолился морячок. – У меня весь матросский костюмчик уже ржавый.

Пока Дориан отпирал кандалы ключиком, обычно хранившимся на дверной притолоке, Игнациус рассуждал:

– Знаете, кандалы и цепи в современной жизни обладают такими функциями, о которых пылкие и рьяные изобретатели их в более простые ранние века и не помышляли. Если бы я проектировал пригородные районы, я бы прикреплял хотя бы по одному комплекту к стенам каждого нового ранчо из желтого кирпича, к каждому смещенному уровню дачного особняка. Жители пригородов, устав от телевидения и пинг-понга, или чем они там еще занимаются в своих домишках, могут для разнообразия немножко заковывать друг друга. Всем очень понравится. Жены будут хвастаться: «Мой вчера вечером посадил меня на цепь. Изумительно. А твой тебе так делает?» Детишки же будут спешить домой из школы, к матерям, которые ждут не дождутся, чтобы надеть на них кандалы. Это поможет развивать в детях воображение, которого они лишены из-за телевидения, а также благотворно снизит уровень детской преступности. А когда вернется отец, все семейство будет поджидать его, чтобы схватить и приковать за то, что он, как последний олух, весь день корячился на работе, сиюсь их прокормить. Назойливую пожилую родню следует сажать в колодки в гараже, а руки им освобождать только раз в месяц, чтобы могли подписать пенсионные чеки. Кандалы и цепи всем могли бы обеспечить лучшую жизнь. Я должен уделить этой мысли некоторое пространство в своих заметках и набросках.

– Ох, дорогой же ж мой, – вздохнул Дориан. – Вы когда-нибудь заткнетесь или нет?

– У меня все руки *и правда* в ржавчине, – захныкал Тимми. – Ну погодите – доберусь я до этих Билли с Раулем.

– Наша маленькая конвенция, кажется, проходит весьма непокорно, – заметил Игнациус по поводу шума буйного веселья, долетавшего из квартиры Дориана. – Очевидно, чувства, вызываемые вопросами повестки дня, поражают более чем один нервный ганглий.

– Ой, матушки, я лучше не буду на это смотреть, – сказал Дориан, толчком распахивая застекленную паутинку французской провинциальной двери.

Внутри Игнациус увидел кишащую массу народа. Сигареты и бокалы для коктейлей дирижерскими палочками летали в воздухе, управляя

симфонией болтовни, визга, пения и хохота. Из недр гигантского стереофонического фонографа сквозь назойливый шум толпы пробивался голос Джуди Гарланд^[80]. Кучка молодых людей – единственная неподвижная композиция в зале – стояла перед фонографом, точно перед алтарем. «Божественно!» «Фантастика!» «Так человечно!» – говорили они о голосе электрической скинии.

Изжелта-небесный взор Игнациуса перебегал с этого ритуала на остальное пространство залы, где гости атаковали друг друга разговорами. Ткани в елочку, в полоску, поярковые и кашемировые сливались в сплошные мазки, а руки и пальцы разрывали воздух разнообразием изящных жестов. Ногти, запонки, перстни на мизинцах, зубы, глаза – все сверкало. В центре одной кучки элегантных гостей ковбой щелкнул маленькой плеткой для верховой езды кого-то из своих поклонников – в ответ раздались преувеличенные взвизги и довольное хихиканье. Посреди другой группы стоял какой-то оболтус в черной кожанке и, к немалому восторгу своих бесполох учеников, показывал захваты дзюдо. «Ох, научи меня тоже», – завопил кто-то из свиты борца, когда другого элегантного гостя скрутили в непристойную позицию, а затем швырнули на пол, и он приземлился под грохот запонок и прочей бижутерии.

– Я приглашал только лучших, – сообщил Дориан Игнациусу.

– Боже милостивый, – поперхнулся слюной тот. – Я уже вижу: у нас будет много сложностей с привлечением консервативных деревенских избирателей из числа батраков-кальвинистов. Нам необходимо перестроить свой имидж в соответствии с линией, отличной от той, что я наблюдаю здесь.

Тимми, пожиривший глазами быдловатого кожана, что крутил и бросал оземь нетерпеливых партнеров, вздохнул:

– Как весело.

Само помещение декораторы, вероятно, назвали бы суровым. Белые стены и высокие потолки, скудная обстановка состояла из нескольких предметов антикварной мебели. Единственным чувственным элементом убранства огромной залы служили бархатные драпировки цвета палевой шампани, подвязанные белыми лентами. Двум или трем антикварным креслам, очевидно, отдали предпочтение за причудливый внешний вид, а не за возможность на них сидеть, ибо они представляли собой скорее хрупкие предположения, намеки на мебель с подушками, едва способными разместить младенца. Не рассчитывалось, что человек в такой зале будет отдыхать, сидеть или даже расслабляться – ему следовало принимать позы, тем самым трансформируя себя в одушевленную меблировку, что почти

идеально компенсировала отсутствие убранства.

Изучив означенный декор, Игнациус сказал Дориану:

– Единственный функциональный предмет здесь – вот этот фонограф, да и тот, по всей видимости, используется не по назначению. В этой зале нет души. – И он громко фыркнул, отчасти по поводу залы, отчасти – по поводу того факта, что никто из собравшихся его не заметил, хотя с обстановкой он сочетался не менее эффектно, чем какая-нибудь неоновая вывеска. Митингующих, казалось, больше всего в этот вечер заботили их личные судьбы, а вовсе не судьба мира. – Я замечаю, что никто в этом побеленном склепе на нас даже не взглянул. Ни один из них не удостоил кивком хозяина, чьи напитки они потребляют и чей круглогодично кондиционированный воздух отягощают своими всепобеждающими одеколонами. Я скорее чувствую себя наблюдателем на кошачьих боях.

– Вы о них не беспокойтесь. Они просто уже много месяцев смерть как хотят хорошую вечеринку. Пойдемте. Вы должны посмотреть одно мое украшение. – Он подвел Игнациуса к каминной полке и показал ему вазочку-бутон, в которой стояли красная, белая и голубая розы. – Правда же клёво? Гораздо лучше, чем все эти безвкусные ленты из жеваной бумаги. Бумаги-то я купил, но что бы с нею ни делал – все не так.

– Это растительный выкидыш, – раздраженно заметил Игнациус и постучал по вазочке абордажной саблей. – Крашенные цветы – неестественны и извращенны, а также, я подозреваю, – непристойны. Ясно одно – хлопот мне со всеми вами не избежать.

– Ох, разговоры, разговоры, одни разговоры, – простонал Дориан. – Тогда пойдемте в кухню. Я хочу вас познакомить с дамским вспомогательным корпусом.

– В самом деле? Дамский корпус? – алчно поинтересовался Игнациус. – Что ж, я должен высказать комплимент вашей предусмотрительности.

Они вошли в кухню, где, за исключением пары молодых людей, о чем-то жарко споривших в углу, все было тихо. За столом сидели три женщины: они отхлебывали пиво из банок. Игнациуса они рассмотрели недвусмысленно. Та, что мяла в руке пустую банку, швырнула тару в кадку с растением возле кухонной раковины.

– Девочки, – произнес Дориан. Три пивные девочки влажно фыркнули в ответ. – Познакомьтесь – Игнациус Райлли, он новенький.

– Давай сюда, Жирный, – сказала девочка, крушившая банку. Она схватила Игнациуса за лапу и сжала ее так, словно конечность тоже могла послужить материалом для уничтожения.

– О, мой бог! – взревел Игнациус.

– Это Фрида, – объяснил Дориан. – А это – Бетти и Лиз.

– Приветствую, – вымолвил Игнациус, засовывая руки поглубже в карманы халата, чтобы предотвратить дальнейшие рукопожатия. – Я уверен, что вы станете бесценными помощницами в нашем деле.

– Где ты его подобрал? – спросила у Дориана Фрида. Две ее товарки тем временем изучали Игнациуса, то и дело пихая друг дружку локтями.

– Нас с мистером Грином познакомила моя мать, – величественно пояснил за Дориана Игнациус.

– Да что ты? – ответила Фрида. – Твоя мать, должно быть, – очень интересный человек.

– Едва ли, – процедил Игнациус.

– Так, давай, цапай себе пиво, Пузо, – сказала Фрида. – Лучше б оно в бутылках было. Тут вот Бетти умеет их зубами открывать. Зубки у нее – как железные клещи. – Бетти изобразила рукой непристойную фигуру. – А очень скоро все эти зубки ей вобьют прямо в ебаную глотку.

Бетти попала во Фриду пустой банкой.

– Допросилась, – сказала Фрида и подняла над головой кухонную табуретку.

– А ну хватит, – рявкнул Дориан. – Если не умеете себя вести, убирайтесь прямо сейчас.

– Нам лично, – сказала Лиз, – уже очень скучно рассиживать на этой кухне.

– Ага-а, – заорала Бетти. Она ухватила за перекладину того табурета, которым замахивалась Фрида, и они вступили в единоборство. – Чего это ради мы должны тут сидеть?

– Поставьте табуретку на место сию же секунду, – велел Дориан.

– Да, будьте любезны, – прибавил Игнациус. Он отступил на всякий случай в угол. – А то кому-нибудь можно нанести увечье.

– Например, тебе. – И Лиз метнула в Игнациуса неоткрытую пивную банку. Тот присел.

– Боже милостивый! – вымолвил он. – Думаю, мне лучше вернуться в комнату.

– Вали, толстожопый, – сказала ему Лиз. – Ты тут уже весь запас воздуха использовал.

– Девочки! – орал Дориан сцепившимся Фриде и Бетти, чьи футболки уже повлажнели. Девочки пыхтели, их бросало по всей комнате вместе с табуреткой, они размазывали друг друга о стены и раковину.

– Ладно, кончайте, – заорала Лиз подружкам. – А то люди подумают,

что вы совсем неотесанные.

Она схватила еще одну табуретку, влезла между соперницами и обрушила свое орудие на ту мебель, за которую боролись Фрида и Бетти. Девочки расцепились, табуретки с грохотом рухнули на пол.

– Тебя кто просил вступать? – ополчилась на Лиз Бетти и схватила ее за короткие волосы.

Дориан, путаясь ногами в табуретках, попытался растолкать девочек и заставить их сесть за стол:

– А ну, сели и ведем себя пристойно, – рявкнул он.

– От твоей вечеринки смердит, – заявила Бетти. – Почему ничего не происходит?

– Чего ты нас пригласил – сидеть в этой трёханой кухне? – потребовала Фрида.

– Вы там сразу буянить начнете. Сами же знаете. Я думал, пригласить вас из вежливости – это будет по-соседски. Мне тут беспорядков не надо. Это очень приятная вечеринка – у нас давно такой не было.

– Хорошо, – прорычала Фрида. – Будем сидеть тут, как настоящие дамы. – И девочки в знак согласия ущипнули друг друга за руки. – В конце концов мы – просто квартирантки. Иди любезничай с тем липовым ковбоем, у которого голос – как у Дженетт Макдоналд^[81], он еще как-то раз прикопался к нам на улице Шартр.

– Он чудесный и очень дружелюбный человек, – сказал Дориан. – Я уверен, что вас, девочки, он просто не заметил.

– Еще как заметил, – отозвалась Бетти. – Мы дали ему по кумполу.

– Ногой бы ему по надменным яйцам, – подытожила Лиз.

– Я вас умоляю, – с важностью произнес Игнациус. – Вокруг я вижу одну вражду. Вы должны сплотить ряды и выступить единым фронтом.

– Что это с ним? – спросила Лиз, откупоривая пиво и затем швыряя его в Игнациуса. Струя пены взметнулась, омочив вздутое райскими продуктами брюхо.

– Ну, все – с меня довольно, – разозлился Игнациус.

– Хорошо, – ответила Фрида. – Тогда отгребай.

– Кухня сегодня – наша территория, – сказала Бетти. – Мы и решаем, кто сюда заходит.

– Я определенно заинтересован в том, чтобы увидеть, какой херес подаст перед первым обедом женский корпус, – фыркнул Игнациус и заковылял к двери. Когда он уже выходил, в дверной косяк поблизости от серьги ударилась пустая пивная банка. Дориан вышел следом и прикрыл за собой дверь. – Не могу себе вообразить, как могли вы решиться запятнать

наше движение, пригласив этих скандалисток.

– Пришлось, – объяснил Дориан. – Если не пригласить их на вечеринку, они ворвутся сами. А тогда будет еще хуже. На самом деле с девочками весело, когда у них хорошее настроение, но недавно у них были какие-то неприятности с полицией, и теперь они на всех вымещают.

– Их следует отлучить от движения немедленно!

– Как скажете, Мадьярка, – вздохнул Дориан. – Лично мне девочек чуточку жалко. Раньше они жили в Калифорнии и великолепно проводили там время. Потом произошел несчастный случай – напали на культуриста с Мускульного пляжа^[82]. Они с парнишкой боролись по-индейски – на локотках, по крайней мере так они говорят, а потом, кажется, все немножко вышло за рамки. Им пришлось буквально спасаться из южной Калифорнии и нестись через всю пустыню в этом их великолепном немецком автомобиле. Я предоставил им убежище. Во многих отношениях они – чудесные квартиранты. Мой дом охраняют лучше любого сторожевого пса. У них куча денег, они их получают от какой-то стареющей королевы кино.

– Вот как? – с интересом спросил Игнациус. – Вероятно, я поспешил дать им отставку. Политическим движениям не следует брезговать никакими средствами. Девушки, без сомнения, обладают неким шармом, незаметным под джинсами и сапогами. – Он оглядел кипящую массу гостей. – Вы должны успокоить этих персонажей. Нам следует призвать их к порядку. Перед нами – дела наисущнейшей важности.

Ковбой, липовый сучара, щекотал какого-то элегантного гостя своей плеточкой. Черный кожан припечатал бившегося в экстазе гостя к полу. Отовсюду неслись вопли, вздохи, визг. Из фонографа теперь пела Лина Хорн^[83]. «Умно», «Свежо», «Ужасно космо», – почтительно провозглашала группа, собравшаяся вокруг. Ковбой оторвался от возбужденных поклонников и зашевелил губами в такт словам с пластинки, извиваясь на полу, точно шансонетка в сапогах и «стетсоне». С канонадой взвизгов гости снова обступили его, не оставив черному кожану никого для мучений.

– Вы обязаны все это прекратить, – крикнул Игнациус Дориану, который тем временем усиленно подмигивал ковбою. – Помимо того факта, что я становлюсь свидетелем самого вопиющего оскорбления вкуса и пристойности, я уже начинаю задыхаться от вони железистых испарений и одеколонов.

– Ой, да не будьте вы такой серостью. Они же просто веселятся.

– Мне очень жаль, – деловым тоном ответил Игнациус, – но сегодня вечером я здесь выполняю миссию крайней серьезности. Существует одна

девица, которой необходимо заняться, – дерзкая и прямолинейная распутница и даже профурсетка. Немедленно выключайте свою мерзкую музыку и успокойте этих содомитов. Мы обязаны взять быка за рога.

– Я думал, с вами весело. А если вы такой стервозный и нудный, то лучше вам уйти.

– Никуда я не уйду! Никто меня не остановит. Мир! Мир! Мир!

– Ох, матушки. Так вы про это *всерьез*, да?

Игнациус оторвался от Дориана, ринулся через всю залу, расталкивая элегантных гостей, и выдернул штепсель фонографа из розетки. А когда обернулся, гости приветствовали его выхолощенной разновидностью боевого клича апачей.

«Зверь». «Безумец». «Так вот что обещал нам Дориан». «Такая фантастическая Лина». «Наряд – гротесков. Да еще эта серьга. Ох, господи». «Это была моя самая любимая песня». «Кошмар». «Как невероятно противно». «Так монструозно огромен». «Дурной, гадкий сон».

– Тихо! – проревел Игнациус, заглушая разъяренный лепет. – Сегодня я пришел сюда, друзья мои, чтобы показать вам, как вы можете спасти планету и принести всем мир.

«Он поистине безумен». «Дориан, какая неудачная шутка». «Откуда он вообще взялся?» «Даже смутно непривлекателен». «Грязь». «Гнетуще». «Включите же эту восхитительную пластинку».

– Вам, – продолжал на полной громкости Игнациус, – брошен вызов. Обратите ли вы свои исключительные таланты на спасение мира или равнодушно повернетесь спиной к своим собратьям?

«О, как ужасно». «Совершенно не смешно». «Я вынужден буду уйти, если эта убогая шарада не завершится». «С таким дурным вкусом». «Включите же кто-нибудь пластинку. Милая, милая Лина». «Где мое пальто?» «Пойдемте в какой-нибудь фешенебельный бар». «Смотрите, я пролил martini на свой самый бесценный жакет». «Пойдемте в фешенебельный бар».

– Мир сегодня пребывает в состоянии сурового беспокойства, – орал Игнациус, перекрывая мяуканье и шипение. Он запнулся и глянул в карман, куда положил конспект речи, нацарапанный на листах из блокнота «Великий Вождь». Вместо записок, однако, он извлек рваную и замусоленную фотографию мисс О'Хары. Некоторые гости увидели ее и завизжали. – Мы должны предотвратить апокалипсис. Мы должны ответить на огонь огнем. Следовательно, я обращаюсь к вам.

«О чем, во имя всего святого, он говорит?» «Это меня так угнетает». «Глаза у него такие страшные». «Пойдемте в фешенебельный бар».

«Поехали в Сан-Франциско».

– Молчать, извращенцы! – рявкнул Игнациус. – Слушайте меня.

– Дориан, – лирическим сопрано взмолился ковбой. – Заставь же его посидеть тихо. Мы так здорово веселились, мы так великолепно, так забавно проводили время. О, нас он даже не развлекает.

– Это правда, – сказал крайне элегантный гость, чье подтянутое лицо было покрыто гримом, изображавшим загар. – Он поистине ужасен. Так гнетуще.

– Должны ли мы выслушивать все это? – осведомился другой гость, взмахивая сигаретой, точно волшебной палочкой, от которой Игнациус наверняка должен испариться. – Это какой-то фокус, Дориан? Ты же знаешь, мы искренне любим вечеринки с изюминкой, но *это*. Я имею в виду, я даже новости по телевидению никогда не смотрю. Я в магазине и так весь день работаю, я не хочу приходить на вечеринку и слушать то же самое. Пусть попозже выступит, если ему так нужно. Его речь отдает таким дурным вкусом.

– Так неуместно... – с неожиданной обреченностью вздохнул черный кожан.

– Ладно, – провозгласил Дориан. – Включайте пластинку. Я думал, будет весело. – Он посмотрел на Игнациуса – тот громко фыркнул. – Боюсь, мои дорогие, что это оказалось ужасной, ужасной бомбой.

«Чудесно». «Дориан великолепен». «Вот розетка». «Обожаю Лину». «Я поистине считаю, что это ее лучшая пластинка». «Так фешенебельно. Такие особые стихи». «Я однажды видел ее в Нью-Йорке. Изумительно». «Поставь следующей «Цыганку». Обожаю Этел»^[84]. «О, хорошо, уже начинается».

А Игнациус стоял, точно юнга на горящей палубе. Музыка снова взмыла от алтаря к потолку. Дориан сбежал поболтать с группой своих гостей, активно игнорируя Игнациуса, все остальные в зале – тоже. Игнациус чувствовал себя одиноко, совсем как в тот черный день в школе, когда на уроке химии взорвалась его лабораторная работа, опалив ему брови и перепугав до смерти. От шока и ужаса он обмочил тогда брюки, и никто в классе не хотел его замечать, в том числе учитель, давно и искренне возненавидевший его за подобные взрывы. Весь остаток дня, вяло бродя по школе, Игнациус понимал: все делают вид, будто он стал невидимкой. Стоя в гостиной Дориана и чувствуя себя таким же изгоем, он принялся фехтовать абордажной саблей с невидимым противником, чтобы как-то одолеть робость.

Многие уже подпевали пластинке. Какая-то парочка пустилась

танцевать возле фонографа. Танцы лесным пожаром охватили залу, и вскоре вся она заполнилась парами; гости покачивались и подсакивали вокруг оставшейся в одиночестве Гибралтарской скалы – Игнациуса. Когда мимо него в объятиях ковбоя пронесся Дориан, Игнациус тщетно попытался привлечь его внимание. Ему удалось даже ткнуть в ковбоя саблей, но парочка была проворна, слаженна и ускользнула. Он уже совсем было решил исчезнуть, как из кухни в залу ворвались Фрида, Лиз и Бетти.

– Нам уже эта кухня обрыдла, – сообщила Игнациусу Фрида. – В конце концов, мы тоже люди. – Она легонько ткнула Игнациуса в живот. – Похоже, тебя не взяли, Жирный.

– Что именно вы имеете в виду? – высокомерно спросил Игнациус.

– Похоже, твой костюм не пользуется успехом, – заметила Лиз.

– Прошу прощения, дамы. Я должен вас оставить.

– Эй, не уходи, Пузо, – сказала Бетти. – Кто-нибудь тебя пригласит. Это они специально тебя злят. Не сдавай корабля. Да они разозлят даже собственную мамашу.

В эту минуту Тимми, который чуть раньше улепетнул в помещения для прислуги – отыскать затерявшийся браслетик с талисманом, а заодно, как он надеялся, – еще немножко позабавиться с цепями и кандалами, снова объявился в зале. Он подрулил к Игнациусу и с тоской поинтересовался:

– А потанцевать ты не хочешь?

– Вот. Видишь? – спросила у Игнациуса Фрида.

– Я хочу на это посмотреть, – крикнула Лиз. – Давайте глянем, как вы лимбо сбацаете. Ну же. Я сейчас швабру принесу, вместо шеста будет.

– О, мой бог! – вымолвил Игнациус. – Я вас умоляю. Я не танцую.

– Ой, да ладно тебе, – сказал Тимми. – Я тебя научу. Обожаю танцевать. Я буду вести.

– Давай-давай, толстожопый, – пригрозила Бетти.

– Нет. Это невозможно. Сабля, халат. Я нанесу кому-нибудь увечья. Я сюда шел произносить речь, а не танцевать. Я не танцую. И никогда не танцевал. Я в жизни никогда не танцевал.

– Ну, а сейчас вот затанцуешь, – сообщила ему Фрида. – Если не хочешь обидеть вот этого морячка.

– Я не танцую! – рявкнул Игнациус. – Я никогда не танцевал и определенно не намереваюсь начинать с каким-то пьяным извращенцем.

– Ох, да не будь же таким занудой, – вздохнул Тимми.

– Мне всегда было присуще несколько неполноценное чувство равновесия, – объяснил Игнациус. – Мы рухнем на пол и переломаем себе все кости. Этот психически неуравновешенный моряк останется калеккой

или того хуже.

– Похоже, Пузо у нас – смутьян, – сообщила Фрида подругам. – Правда?

Она подмигнула, и три девочки накинулись на Игнациуса. Одна обхватила мясистой ногой его ногу; вторая пнула его под коленку; третья толкнула на ковбоя, самозабвенно кружившегося поблизости. Игнациус удержался на ногах, ухватившись за ковбоя, которого вырвало из объятий ахнувшего от ужаса Дориана и повергло на паркет. От его приземления игла соскочила с пластинки, и музыка замерла. Ее сменили хоровой визг и вопли гостей.

– О, Дориан, выведи же его прочь! – визжал в панике один из эlegantных.

Раздался металлический лязг перстней, браслетов и запонок – это в углу часть гостей сбилась в испуганную кучку.

– Эй, а ты ведь сшиб этого сучару-ковбоя, как кеглю, – с восторгом заорала Фрида Игнациусу, который все еще неистово колошматил руками вокруг себя, пытаясь сохранить равновесие.

– Отличная работа, Жирный, – одобрительно промолвила Лиз.

– Давай прицелимся им еще в кого-нибудь, – сказала компаньонкам Бетти.

– Что вы наделали, озверевшее чудовище? – со слезами в голосе крикнул Игнациусу Дориан.

– Это безобразие! – орал Игнациус. – Меня на этом сборище не только игнорировали и порочили. Я подвергся злонамеренному нападению в тенетах этого дома. Надеюсь, вы застрахованы от ответственности. Если нет, то вы запросто можете потерять свою вычурную собственность, как только вами займутся мои юридические советники.

Дориан стоял на коленях, обмахивая падшего ковбоя, чьи веки уже начинали трепетать.

– Заставь его уйти, Дориан, – всхлипнул ковбой. – Он меня едва не убил.

– Я-то думал, вы – другой, смешной, – прошипел Игнациусу Дориан. – А вы оказались самой ужасной тварью, какая ступала в мой дом. С той секунды, когда вы сломали дверь, мне следовало понять, что все этим и закончится. Что вы сделали с этим милым мальчиком?

– У меня брюки *испачкались*! – взвизгнул ковбой.

– На меня жестоко напали и толкнули на этого фатоватого батрака.

– Только не ври, Жирный, – сказала Фрида. – Мы все видели. Он приревновал, Дориан. Ему хотелось потанцевать с тобой.

«Ужасно». «Пусть уйдет». «Испортил вечер». «Так чудовищно». «Он опасен». «Полный провал».

– Пошел вон! – заорал Дориан.

– Мы с ним справимся, – сказала Фрида.

– Хорошо, – величественно произнес Игнациус, когда три девочки вцепились своими окороками рук в его халат и поволокли к дверям. – Вы сделали свой выбор. Живите в мире войн и кровопролитий. Когда свалится бомба – не бегите ко мне. Я уже буду сидеть в своем убежище!

– Вали, – ответила Бетти.

Девочки протащили Игнациуса в двери и по дорожке к воротам.

– Благодарите Фортуна, что я отмежевался от этого движения, – громыхал по пути Игнациус. Девочки сдвинули ему кашне на один глаз, и теперь он не очень ясно видел, куда направляется. – Вы – помраченные люди, едва ли вы сможете привлечь избирателей.

Они выпихнули его в ворота на тротуар. Стилеты испанской юбки пребольно кололи икры, пока Игнациус спотыкался, восстанавливая баланс.

– Ладно, сволочь, – крикнула ему Фрида, захлопывая ворота. – Даем тебе десять минут форы. А потом начнем прочесывать Квартал.

– И лучше, если мы твою жирную задницу не найдем, – сказала Лиз.

– Отваливай, Пузо, – добавила Бетти. – Мы уже давно хорошенько не махались. А сейчас подходящий случай.

– Ваше движение обречено, – брызгал слюной им в затылок Игнациус, пока девочки, возвращаясь в дом, дружески сталкивали друг друга с дорожки. – Вы слышите меня? Об-ре-че-но. Вы ничего не знаете ни о политике, ни о работе с избирателями. Вы не пройдете ни по одному округу в стране. Да вы даже в Квартале не пройдете!

Дверь захлопнулась, девочки вернулись на вечеринку, которая, казалось, снова набрала обороты. Опять зазвучала музыка, до Игнациуса громче прежнего донеслись визги и вопли. Он постучал по задним ставням абордажной саблей и заорал:

– Вы проиграете! – Ответом ему были топот и шарканье множества танцующих ног.

Из тени соседнего дверного проема на секунду выступил человек в шелковом костюме и фетровой шляпе – проверил, скрылись ли девочки. Затем скользнул обратно во тьму, наблюдая за Игнациусом, в неистовстве ковылявшим туда и сюда перед фасадом.

Клапан Игнациуса отреагировал на обиду, накрепко захлопнувшись. Руки проявили сочувствие, обильно покрывшись белыми пупырышками,

которые чесались так, что можно было сойти с ума. Что же теперь расскажет он Мирне о движении за мир? Как и провалившийся Крестовый Поход за Мавританское Достоинство, сейчас у него на зудевших руках была еще одна катастрофа. Фортуна, злобная шлюха. Вечер едва начался; он не мог вернуться на Константинопольскую улицу ко всему ассортименту материнских нападок – по крайней мере сейчас, когда все его эмоции были нацелены на кульминацию, так безжалостно выхваченную прямо из пальцев. Почти неделю помыслы его занимало первое собрание нового движения, теперь же, выброшенный с политической арены тремя сомнительными девками, он стоял, разочарованный и разъяренный, на мокрой брусчатке улицы Святого Петра.

Взглянув на часики с Мики-Мышем, как обычно, почивавшие в бозе, он задался вопросом, который теперь час. Может, он еще успеет на первое представление в «Ночь утех». Вероятно, у мисс О'Хара уже премьера. Если им с Мирной не суждено провести турнир в политике, пусть он состоится в области секса. Каким великолепным копьем – Мирне прямо между отвратительных глаз – может стать мисс О'Хара. Игнациус еще раз посмотрел на снимок – у него текли слюнки. Что же у нее за любимец? Вечер еще получится вырвать из челюстей неудачи.

Почесав поочередно лапы, он решил, что, по крайней мере, соображения безопасности требуют движения. Три дикарки могут запросто сдержать слово. Он заколыхался телом по улице Святого Петра к Бурбоновой. Мужчина в шелковом костюме и фетровой шляпе выступил из проема и двинулся за ним. На Бурбоновой Игнациус свернул и сквозь ночной парад туристов и обитателей Квартала зашагал к Канальной. В этой толпе он отнюдь не выглядел странно. Он расталкивал толпу на узеньком тротуаре, бедра его свободно колыхались, тараня прохожих. Когда Мирна прочитает о мисс О'Хара, она в ужасе поперхнется эспрессо и забрызгает все письмо.

Едва вступив в квартал, где располагалась «Ночь утех», Игнациус услышал крики обдолбанного негра:

– В-во! Заходи, смотри, как мисс Харля Во-Харя с любимцей трынцует. Гарантирует сто перцентов настоящих танцев с плантацый. Гажный мамаёбанный стакан гарантировано с ног шибает. В-во! Гажному гарантировано сифлис из стакана подхватить. Й-их! Никто никогда не видал, как мисс Харля Во-Харя трынцует с любимцей, прям как на Старых Югах. Сёдни примера, может, тока один раз и застанете. Ууу-иии.

Игнациус увидел его сквозь толпу, спешившую мимо «Ночи утех». Кликам зазывалы явно никто не внимал. Да и сам крикун сделал паузу и

изрыгнул нимбовидное образование дыма. На зазывале были фрак и цилиндр, своим фасадом нависавший над черными очками; из тучи дыма Джоунз улыбался людям, не поддававшимся его обаянию.

– Эй! Публики, харэ тут шляться. Заходи, пристрой себе очко на тубаретку в «Ночью тех», – начал он снова. – В «Ночью тех» настоящие черные публики пашут ниже минималой заплаты. В-во! Гарантирована настоящая тамосфера, прям как на плантацый, прям на истраде хлопки растут, прям на глазу работчика гражданских прав по заднице лупят прям промеж скриптакыля. Эй!

– Мисс О’Хара уже начала? – всхлипнул Игнациус локтю зазывалы.

– Уу-ии! – Толстая мамка объявилась. Перцуально. – Эй, чувак, а чё ты серёгу не снял свою и шафрик? Ты это кого соображаешь?

– Я вас умоляю. – Игнациус побряцал абордажной саблей. – У меня нет времени на болтовню. Боюсь, у меня сегодня вечером не найдется для вас советов, как преуспеть в жизни. Мисс О’Хара уже начала?

– Через пару минут в аккурат. Ты бы втянул туда свою очко, да сел бы под истраду. Я догыварился с фицантом, он гаврит, там тебе весь столик огородил.

– Это правда? – нетерпеливо спросил Игнациус. – Нацистской владелицы нет, я надеюсь?

– Сёдни в Колыфорнию на ревактивном умотала, гаврит Харля Во-Харя такая клёвая, что она себе жопку в окиян покуда макнет, а на клуб волнывацца не будет вапще.

– Чудесно, чудесно.

– Давай, чувак, заваливай, а то скриптакыль начнецца. В-во! А так не проморгаешь. Ёбть. Харля через сикунду выдет, иди садись под эту мамаёбану истраду, увидишь пупырки у мисс О’Хари на пырке.

И Джоунз быстро втокнул Игнациуса в обитые двери бара «Ночь утех».

Игнациус ввалился внутрь с таким ускорением, что халат взвихрился у него вокруг лодыжек. Даже в темноте он обратил внимание, что «Ночь утех» как-то еще больше испачкалась после его первого визита. На полу-то уж точно скопилось достаточно грязи, чтобы вырастить ограниченный урожай хлопка; правда, хлопка не заметно. Должно быть, это – часть какого-то порочного розыгрыша «Ночи утех». Он поискал глазами метрдотеля и не обнаружил его, поэтому лишь прогромыхал мимо стариков, рассеянных в полумраке, и уселся за небольшой столик прямо под эстрадой. Его шапочка смахивала на одинокий зеленый прожектор. С такого расстояния, возможно, ему удастся подать какой-то знак мисс

О'Хара или прошептать что-нибудь про Боэция, чтобы привлечь ее внимание. Ее ошеломит присутствие родственной души в аудитории. Игнациус бросил взгляд на горстку пустоглазых мужчин за столиками. Мисс О'Хара предстоит метать бисер перед удручающим свиным стадом, перед смутными, выпотрошенными стариками, что обычно пристают к детишкам на утренних сеансах.

Оркестровое трио за кулисами крохотной эстрады запумкало вступление к песенке «Ты моя счастливая звезда». Пока еще свободная от оргиастов эстрада была на вид гораздо грязнее. Игнациус окинул взором стойку бара, чтобы пробудить к жизни хоть какой-нибудь сервис, и поймал взгляд бармена, когда-то обслуживавшего их с матерью. Бармен сделал вид, что его не заметил. Потом Игнациус неистово подмигнул какой-то женщине, опиравшейся о стойку, – латине лет сорока, та в ответ ужасающе осклабилась, сверкнув одним-двумя золотыми зубами. Она отклеилась от стойки, не успел бармен ее остановить, и подошла к Игнациусу, съезжившемуся под эстрадой, точно у теплой печи.

– Ты выпить хочшиш, чшиико?

Дуновение халитоза просочилось сквозь его усы. Игнациус сорвал с шапочки кашне и загородил им ноздри.

– Благодарю вас, да, – придушенно ответил он. – «Доктор Орешек», если не возражаете. И удостоверьтесь, что он холоден, как лед.

– Смотрю, чшиво иесть, – загадочно ответила женщина и зашлепала соломенными сандалиями обратно к стойке.

Игнациус наблюдал, как она пантомимой изъясняется с барменом. Они оба разнообразно жестикулировали, преимущественно тыча в сторону Игнациуса. По крайней мере, подумал он, в этом притоне будет безопасно, если жилистые девки пойдут рыскать по Кварталу. Бармен и женщина обменялись еще несколькими знаками; затем она захлопала обратно к Игнациусу с двумя бутылками шампанского и двумя бокалами.

– Ниету «Докторешек», – сказала она, шваркнув подносом о стол. – *Мира*, с тиебя должен двадцать чшитыыр доллар за эти чшимпань.

– Это возмутительно! – Он несколько раз ткнул саблей в направлении женщины. – Принесите мне кока-колы.

– Ниету кока. Ничшиво ниету. Только чшимпань. – Женщина уселась за его столик. – Давай, миилачшка. Открывай чшимпань. Пиить очшинь хочшитцца.

Снова дыхание ее доплыло до Игнациуса, и он так плотно прижал к носу кашне, что едва не задохнулся. От этой женщины он точно подхватит какой-нибудь микроб – тот помчится к его мозгу и превратит в олигофрена.

Злоупотребленная мисс О'Хара. Никуда не деться от недоженщин, что набиваются в соратницы. По необходимости, боэцийская отчужденность мисс О'Хары должна быть довольно возвышенной. Латина выронила счет Игнациусу на колени.

– Не смейте меня трогать! – взревел он сквозь кашне.

– *Аве Мария! Ке пато!* – буркнула женщина себе под нос. Потом добавила громче: – *Мира*, тиы платиш сейчшас, *марикон*. А то миы тиебе по чжиырный *кюлё* получишиш.

– Как любезно, – пробормотал Игнациус. – Что ж, я сюда не пить с вами пришел. Подите прочь от моего столика. – И он поглубже втянул воздух через кашне. – И унесите с собой свое шампанское.

– *Ой, лёко*, так тиы...

Угроза женщины потонула в шуме оркестра, испустившего нечто вроде изможденного туша. На эстраде возникла Лана Ли в каком-то парчовом комбинезоне.

– О, мой бог! – поперхнулся Игнациус. Обдолбанный негритос его надул. Игнациусу захотелось стремглав выскочить из клуба, но он понял, что мудрее будет дождаться, когда женщина закончит и покинет сцену. Он вмиг съежился под столиком. Над головой его хозяйка-нацистка вещала:

– Бледи и жантильёмы, добро пожаловать. – Начало было настолько кошмарным, что Игнациус едва не опрокинул столик.

– Тиы платиш сейчшас, – требовала латина, засунув голову под клеенку, пытаясь отыскать лицо клиента.

– Заткнитесь, прошмандовка, – громко прошипел он.

На счет четыре оркестр, спотыкаясь, пустился в «Изысканную даму». Нацистка орала:

– А теперь – наша непрочная Вирд-женская Лиственница, мисс Шмарлетт О'Хара. – Старик за столиком немощно заплодировал, и Игнациус, приподнявшись, выглянул из-за края сцены. Владелица ушла. Вместо нее теперь стояла вешалка, украшенная кольцами. Что же задумала мисс О'Хара?

И тут на эстраду величаво выплыла Дарлина – в бальном платье, за которым шлейфом волочилось несколько ярдов нейлоновой сетки. На голове у нее красовалась чудовищная широкополая шляпа с перьями, а на руке сидела не менее чудовищная птица. Кто-то захлопал.

– *Мира*, тиы мние платиш сейчшас или хучже потом, *каброн*.

– Там стока херов на балу было, дорогуша, но честь моя осталась внезапной, – осторожно вымолвила Дарлина попугаю.

– О, бог мой! – взревел Игнациус, не в силах сдерживать себя долее. –

И эта кретинка – Шмарлетт О’Хара?

Какаду заметил его прежде Дарлины: едва хозяйка вынесла попугая на сцену, бусинки глаз отметили блестящее кольцо в ухе Игнациуса. Когда тот взревел, попугай захлопал крыльями, слетел с руки Дарлины на эстраду и, кудахтая и подпрыгивая, устремился прямо к большой голове.

– Эй, – вскрикнула Дарлина, – это ж чокнутый!

Игнациус не успел выбежать из клуба – птица соскочила со сцены прямо ему на плечо. Вонзив когти в халат, попугай дернул клювом серьгу.

– Боже мой! – Игнациус вскочил на ноги и принялся колотить птицу зудящими лапами. Какую крылатую угрозу накрутила в его сторону растленная Фортуна теперь? Под звон бьющихся на полу бокалов и бутылок шампанского он, шатаясь, кинулся к двери.

– Вернись сейчас же – это моя птичка! – кричала ему вслед Дарлина.

Лана Ли с воплями выскочила на эстраду. Оркестр заглох. Несколько престарелых клиентов убрались с пути Игнациуса – он барахтался между столиками, ревя, как лось, и избивая массу розовых перьев, припавшую к его уху и плечу.

– Как сюда попал этот крендель, к чертовой матери? – спросила у перепуганных хрычей Лана Ли. – Где Джоунз? Притащите мне кто-нибудь сюда этого Джоунза.

– Иди сюда, чокнутый! – верещала с эстрады Дарлина. – У меня же премьера. Ну почему ты именно сегодня приперся?

– Боже милосердный! – Игнациус ловил ртом воздух, на ощупь пробираясь к двери. За кормой он оставлял лишь опрокинутые столики. – Изверги, как смеее вы натравливать бешеную птицу на ничего не подозревающих посетителей? Можете ожидать, что наутро вас привлекут к суду.

– Куда пошол? С тиебя должен мние двадцать чшитыыр доллар. Тиы платиш сейчшас.

Игнациус своротил еще один столик – они с попугаем неукротимо рвались вперед, – и тут почувствовал, как серьга ослабла, и какаду с кольцом, по-прежнему твердо зажатый в клюве, свалился с плеча. В ужасе Игнациус выскочил в дверь, оттолкнув латину, с великой решительностью размахивавшую перед ним счетом.

– В-во! Й-их!

Игнациус наткнулся на Джоунза, совершенно не ожидавшего, что его саботаж примет столь драматические пропорции. Задыхаясь, сжимая свой зацементированный клапан, Игнациус стремился вперед, на улицу – прямо под надвигавшийся автобус «Желание». Сначала он услышал, как

завизжали люди на тротуаре. Затем – грохот колес, пронзительный стон тормозов, – и только тут поднял голову. Фары ослепительно вспыхнули всего в нескольких футах от него. Огни поплыли, погасли – он потерял сознание.

Он рухнул бы прямо под колеса автобуса, если бы Джоунз не выпрыгнул на проезжую часть и не вцепился бы своими ручищами в белый халат. Поэтому Игнациус свалился на спину, и автобус, обдав его дизельным выхлопом, прогремел всего в паре дюймов от сапог пустынной модели.

– Сдох? – с надеждой в голосе спросила Лана Ли, осматривая гору белой материи, образовавшуюся на мостовой.

– Наверно, нет. Он мне должен двадцать чшитыыр доллар, *марикон*.

– Эй, просыпайсь, чувак, – сказал Джоунз, обдувая дымом распростертую фигуру.

Мужчина в шелковом костюме и фетровой шляпе выступил из переулка, где притаился, увидев, как Игнациус входит в «Ночь утех». Игнациусов же выход из клуба оказался настолько свиреп и внезапен, что мужчина растерялся и действовать начал только сейчас.

– Позвольте-ка, – сказал мужчина в шляпе, склоняясь над телом и прислушиваясь к сердцебиению Игнациуса. Бу́хавшие внутри литавры говорили, что под квадратными ярдами белого халата еще теплится жизнь. Он подержал запястье жертвы. Часы с Мики-Мышем разбились. – Все в порядке. Он просто в обмороке. – Мужчина откашлялся и слабо произнес: – А ну все расступитесь. Дайте ему воздуху.

Улица заполнилась народом. Автобус остановился в нескольких ярдах от них, перегородив движение. Внезапно все стало походить на Марди-Гра.

Сквозь тьму своих очков Джоунз присмотрелся к мужчине. Точно – он его уже где-то видел, только сейчас тот одет прилично. Особенно знакомыми казались безвольные глаза. Такие же Джоунз припомнил над рыжей бородой. А потом вспомнил их и под синей фуражкой в участке – в тот день, когда произошел инцидент с арахисом. Джоунз ничего не сказал. Полицай есть полицай. На них лучше не обращать внимания, пока не достают.

– Откуда он взялся? – вопрошала Дарлина у толпы зевак. Розовый какаду снова восседал у нее на руке: из клюва золотым червяком свисала сережка. – Ну и премьера. Что же нам делать, Лана?

– Ничего, – зло ответила та. – Пускай этот крендель тут валяется, пока дворник не подберет. Дай-ка я лучше займусь Джоунзом.

– В-во! Эй! Эт кошок унурь вломился и все тут. Уж мы и дрались, и

пихались, а мамке, видать, уж так хотелось в «Ночью тех» запopaсть. Я обссыкался – еще храк, что вы мне в прокат взяла, порву, вам же за ево штрах платить, так «Ночью тех» обакротится еще. В-во!

– Заткни пасть, умник. Мне, наверное, все же придется дружкам в участок позвонить. Ты уволен. И Дарлина тоже. Я ведь как чувствовала – не надо было тебя на сцену выпускать. И убери эту проклятую птицу с моего тротуара. – Лана повернулась к толпе. – Ну что, народ, – теперь, раз уж вы все здесь, как насчет заглянуть в «Ночь утех»? У нас тут шикарное шоу.

– *Мира, Ли.* – Латина обдала хозяйку халитозом. – А кто двадцать чшитыыр доллар за эти чшимпань платиить?

– Ты тоже уволена, дура мексовая. – Лана улыбнулась. – Заходите, народ, наслаждайтесь хорошим коктейлем, который смешают вам по любому вашему рецепту наши эксперты по смесям.

Толпа, тем не менее, больше тянула шеи в сторону громко сопевшей белой горы и не спешила воспользоваться приглашением к изыскам.

Лана Ли уже собралась было подойти и пнуть этот курган, чтобы побыстрее пришел в себя и убрался из ее канавы, но мужчина в шляпе вежливо сказал:

– Мне бы хотелось от вас позвонить. Может быть, лучше вызвать «Скорую помощь»?

Лана осмотрела шелковый костюм, фетровую шляпу, отметила слабый, неуверенный взгляд. Слизняка всегда видать – с этим рохлей все в порядке. Богатый врач? Юрист? Может, еще удастся обратить маленькое фиаско к своей выгоде.

– Конечно, – прошептала она. – Послушайте, ну что вам зря тратить вечер и возиться с типом посреди дороги? Какой-то бродяга. А вам, похоже, немного расслабиться не повредит. – Она обошла сопевшую и вулканически всхрапывавшую гору в белом халате. Где-то в стране грез Игнациусу виделась перепуганная до смерти Мирна Минкофф – она стояла перед судом Вкуса и Пристойности, и суд постановлял, что ей не хватает ни того, ни другого. Ужасный приговор сейчас прозвучит: в наказание за бессчетные преступления ее личности гарантирован какой-то физический урон. Лана Ли приблизилась к мужчине и сунула руку в укромные складки золотого парчового комбинезона. Она присела рядом на корточки и исподтишка, прикрывая ладонью, показала ему фотографию с Боэцием. – Погляди-ка, малыш. Не хочешь провести вечерок вот с такой?

Мужчина в шляпе отвел глаза от побелевшего лица Игнациуса и посмотрел на женщину, на книгу, на глобус, на мел. Потом еще раз

прочистил горло и произнес:

– Патрульный Манкузо. Работаю под прикрытием. Вы арестованы за приставание к мужчинам и распространение порнографии.

И в этот момент три члена расформированного дамского вспомогательного корпуса – Фрида, Бетти и Лиз – с топотом ворвались в толпу, окружавшую Игнациуса.

Тринадцатъ

Игнациус открыл глаза и увидел, как над ним парит что-то белое. У него болела голова и пульсировало ухо. Потом в изжелта-небесных глазах медленно прояснилось, и, преодолевая боль, он осознал, что смотрит на потолок.

– Так ты проснулся уже наконец, мальчик, – раздался где-то рядом материн голос. – Поглядите только на него. Вот теперь нам всамделе конец.

– Где я?

– Только не умничай тут со мной, мальчик. И не думай, Игнациус. Я тебя предупредила. С меня же ж хватит. Я ж не шутки шучу. И как же ж я только людя́м в глаза смотреть теперь буду?

Игнациус повернул голову и огляделся. Он лежал в клетушке из ширм. В ногах постели прошла медсестра.

– Боже милосердный! Я в больнице. Кто у меня врач? Надеюсь, вам хватило самоотверженности обеспечить мне услуги специалиста? И священника? Пусть придет служитель культа. Я посмотрю, приемлем ли он. – Игнациус оросил нервической слюной простыню, снежной шапкой покрывавшую гору его живота. Он дотронулся до головы и нащупал бинты, облепившие его мигрень. – О, мой бог! Не бойтесь рассказать мне всё, мамаша. Судя по боли, терзающей меня, ранение довольно фатально.

– Заткнись и смотри вот сюда, – чуть ли не заорала миссис Райлли, швыряя прямо на перевязку Игнациуса газету.

– Сестра!

Миссис Райлли сорвала газету с его лица и ладонью прихлопнула мокрые усы.

– Закрой же ж ты рот, самашетший, да погляди тут вот на газету. – Голос у нее срывался. – Нам конец пришел.

Под заголовком «ДИКИЙ ИНЦИДЕНТ НА БУРБОНОВОЙ УЛИЦЕ» Игнациус увидел размещенные в ряд три фотографии. На правой, точно восходящая звезда эстрады, скалилась Дарлина в бальном платье и с какаду на руке. На левой Лана Ли, прикрывая лицо от фотокамеры, забиралась на заднее сиденье патрульной машины, где уже виднелись три коротко стриженные головы членов дамского вспомогательного корпуса Партии Мира. Патрульный Манкузо в рваном костюме и фетровой шляпе с обломанными полями важно придерживал дверцу. В центре обдолбанный негр ухмылялся, разглядывая что-то напоминающее дохлую корову на

мостовой. Заплывшими глазами Игнациус тщательно осмотрел центральную фотографию.

– Вы только поглядите, – загромыхал он. – Каких только болванов нанимает себе в штат фотографов эта газета? Мои черты едва различимы.

– Ты почитай, почитай, чего под картинками написали, мальчик. – Миссис Райлли ткнула пальцем в газету так, словно хотела насадить фотографию на кол. – Ты почитай, Игнациус. Что, ты думаешь, на Константинопольской улице люди говорят, а? Давай-давай, читай мне вслух, мальчик. Большая драка на улице, грязные картинки, ночные дамочки. Все тут есть. Читай, мальчик.

– Лучше не буду. Статья, вероятно, полна фальсификаций и поклепа. Желтые журналисты, вне всякого сомнения, предполагают всевозможные аппетитные скабрёзные инсинуации. – И, тем не менее, он подверг статью бессвязному прочтению. – Уж не утверждают ли они, будто сбившийся с маршрута автобус не наехал на меня? – рассерженно осведомился он. – Первый же их комментарий есть ложь. Свяжитесь с Отделом общественного обслуживания. Мы должны подать на них в суд.

– Заткнись. Читай все.

Птица артистки стриптиза напала на уличного торговца сосисками в маскарадном костюме. А. Манкузо, действующий под прикрытием, арестовал Лану Ли за приставание к мужчинам на улице и распространение порнографии, а также позирование для оной. Бирма Джоунз, швейцар, указал А. Манкузо на шкафчик под стойкой бара, где и были обнаружены порнографические материалы. А. Манкузо сообщил репортерам, что уже некоторое время разрабатывал это дело и вступил в контакт с одним из агентов гражданки Ли. Полиция подозревает, что арест гражданки Ли подорвал охватившую уже весь город деятельность синдиката, распространявшего порнографию в старших классах средних школ. В баре полиция обнаружила их список. А. Манкузо сообщил, что агент объявлен в розыск. Пока А. Манкузо производил арест, три женщины – Бимс, Дубье и Бампер – появились из собравшейся толпы и совершили на него нападение. Их также задержали. Игнациус Жак Райлли, тридцати лет, был доставлен в больницу для лечения последствий шока.

– Вот же как не подвезло нам, что у них фотограф там валандался, делать больше ж нечего, так послали тебя сымать, а ты, как пьянчуга, там валяешься посередь улицы. – Миссис Райлли захлюпала носом. – Ох, знала же ж, что так и выйдет с твоими грязными картинками, добежался, разodelся, что на Марди-Гра.

– Я окунулся в самую зловещую ночь моей жизни, – вздохнул

Игнациус. – Фортуна вчера предельно пьяно крутила свое колесо. Сомневаюсь, что мне доведется пасть еще ниже. – Он рыгнул. – Могу я узнать, чем занималась на месте происшествия эта кретинская Немезида в лице полицейского?

– Вчера вечером, когда ты сбежал, я Санте позвонила и сказала, чтоб нашла в участке Анджело, а он пошел бы и выяснил, чем это ты на улице Святого Петра там занимаешься. Я же ж слышала, какой адрес ты таксису назвал.

– Как умно.

– Я ж думала, ты пошел на собрание с бандой комунистов. Как же ж я ошиблась, а? Анджело говорит, ты с какими-то смешными людьми околачивался.

– Иными словами, вы прицепили мне хвоста, – завопил Игнациус. – Моя собственная мать!

– «Птица напала», – рыдала миссис Райлли. – И надо ж такие напасти на тебя, Игнациус. Ни на кого ж больше птицы не нападают.

– Где этот водитель автобуса? Его следует предать суду немедленно.

– Ты же ж просто в обморок грохнулся, олух.

– Тогда к чему эти бинты? Я себя вовсе не хорошо чувствую. Должно быть, я повредил себе жизненно важный орган, когда рухнул на мостовую.

– Ты себе же ж просто голову поцарапал чутка. Ничего с тобой не случилось. Тебя ренхеном просветили.

– Посторонние вторгались в мое тело, пока я был без сознания? Вам могло бы достать хорошего вкуса, чтобы воспрепятствовать им. Одному господу известно, куда эти похотливые медики совали свои руки. – Игнациус осознал, что, помимо головы и уха, с тех самых пор, как он пришел в чувство, его беспокоит эрекция. Сейчас она требовала внимания. – Не будете ли вы добры покинуть эту кабинку, чтобы я смог осмотреть себя – возможно, со мной обходились неправильно. Пяти минут должно хватить.

– Слушай сюда, Игнациус. – Миссис Райлли поднялась со стула и схватила сына за воротник клоунской пижамы в горошек, в которую его обрядили. – Ты со мною не умничай, а то по мордасам живо нахлестаю, что мало не покажется. Анджело мне все рассказал. Мальчик с таким образыванием – и шляешься, как оборванец с какими-то супчиками с Квартала, по барам таскаешься, ночных дамочек ищешь. – Миссис Райлли заплакала снова. – Нам еще подвезло ж, что не все в газету написали. А то хоть из города уезжай.

– Именно вы ознакомили мое невинное существо с этим притоном,

смею вам напомнить. В действительности же во всем виновата эта ужасная фемина, Мирна. Это ее следует наказать за все прегрешения.

– Мирна? – всхлипнула миссис Райлли. – Так ее ж даже в городе нету. Уж я наслушалась твоих сумабродствий, как из-за нее тебя из «Штанов Леви» уволили. Ты уж меня больше так не обдурочишь. Ты ж самашетший, Игнациус. Даже если мне самой придется сказать – да, мой собственный ребеночек из ума выжил.

– Смотрите вы довольно изможденно. Что вам стоит – столкните кого-нибудь, залезьте в какую-нибудь из этих постелей и вздремните. Зайдете примерно через час.

– Я всю ночь не сомкнула. Как Анджело позвонил мне да сказал, что ты в больнице, я ж чуть ударом не хватилась. Чуть на пол в кухне не упала прямо головой. Я ж могла же черепушку себе раскроить. Побежала себе в комнату потом одеться, так лодыжку вывихнула. А пока ехала сюда, чуть в аварию не попала.

– Еще одной аварии только не хватало, – ахнул Игнациус. – На сей раз мне придется зарабатывать в соляных копиях.

– На, олух. Анджело сказал тебе передать.

Миссис Райлли нагнулась и подняла с пола массивный том «Утешения философией». Один угол его нацелился Игнациусу прямо в живот.

– Глыг, – булькнул Игнациус.

– Анджело вчера вечером ее в этом баре нашел, – дерзко призналась миссис Райлли. – У него из уборной ее кто-то украл.

– О, мой бог! Это все подстроили нарочно! – возопил Игнациус, потрясая зажатым в лапах фолиантом. – Теперь мне все ясно. Я вам уже давно твержу, что этот олигофрен Манкузо – наша Немезида. И теперь он нанес смертельный удар. Как невинно я предложил ему эту книгу. Как горько я ошибался. – Он прикрыл налитые кровью глаза и минуту невнятно всхрюкивал. – Обставлен потаскухой Третьего рейха, скрывающей свое лицо извращенки за *моей* собственной книгой, за основой всего моего мировоззрения. О, мамаша, если б вы только знали, как жестоко я обманут этим сговором недолудей. Какая ирония – книга Фортуны сама приносит несчастье. О, Фортуна, дегенеративная ты распутница!

– Закрой рот, – рывкнула миссис Райлли, и напудренное лицо ее осунулось от гнева. – Ты хочешь, чтоб сюда вся палата сбежалась? Что же мисс Энни скажет, а? Как я людя́м в лицо смотреть буду, а, дурак ты самашетший? А теперь еще больница хочет с меня двадцать долларов взять, чтоб я тебя отсюда выписала. Будто шо́фер на «скорой» не мог тебя в благодарительную отвезти, как приличного человека. Нет же, надо было в

платную вывалить. Ну откуда я тебе возьму двадцать долларов, а? Мне ж завтра за трубу твою платить еще. И хозяину этому за дом его.

– Это неслыханно. Вам определенно не придется платить двадцать долларов. Это грабеж на большой дороге. А теперь бегите скорее домой, а меня оставьте здесь. Здесь довольно мирно. С течением времени я могу полностью восстановить свои силы. Именно этого требует сейчас моя психика. Если представится случай, прихватите мне в следующий раз карандашей и папку, которую найдете на моем столе. Я должен описать эту травму, пока она еще свежа в моей памяти. Войти в мою комнату вам разрешается. А теперь, если позволите, я должен отдохнуть.

– Отдохнуть? И еще двадцать долларов платить за ночь? А ну, вставай с кровати. Я уже Клоду позвонила. Он приедет и заплатит за твой счет.

– Клоду? Во имя всего святого, кто такой Клод?

– Один знакомый.

– Так вот, поймите раз и навсегда одну вещь. Никто из посторонних мужчин не будет оплачивать мои больничные счета. Я останусь здесь, пока честные деньги не купят мне свободу.

– Вставай сейчас же с постели, – заверещала миссис Райлли. Она схватилась за пижаму, но туша сына утонула в матрасе, точно метеорит. – Подымайся, пока я по мордасам тебе не надавала.

Увидев, что над его головой уже занесен материн ридикюль, Игнациус сел на постели.

– О, мой бог! Да на вас туфли для кегельбана. – Он метнул побагровевший изжелта-небесный взгляд через край кровати, мимо видневшейся из-под юбки комбинации и спущенных хлопчатобумажных чулок. – Только вы могли надеть туфли для кегельбана к смертному одру своего дитяти.

Однако мать вызова не приняла. В ней кипела решимость, а ее преимущество питалось интенсивным гневом. Взгляд ее стал железным, губы – тонкими и твердыми.

Все шло не так.

II

Мистер Клайд открыл утреннюю газету и уволил Райлли. С торговой карьерой большой обезьяны покончено. Зачем этот бабуин напялил после работы форму? Такая обезьяна, как Райлли, может одним махом погубить десять лет попыток утвердить приличную торговую марку. У торговцев «горячими собаками» и так проблема с репутацией – вовсе не обязательно, чтобы кто-то из них валялся в обмороке на улице возле борделя.

Мистер Клайд кипел и пузырился вместе со своим котлом. Пусть Райлли только попробует появиться в корпорации «Райские Киоскеры» – сразу схлопочет вилкой в трахею. Однако оставались халаты и этот пиратский костюм. Должно быть, Райлли слямзил пиратские причиндалы из гаража еще вчера. Обезьяну придется найти и, в конце концов, хотя бы сообщить ему, чтоб не приходил больше. От такого животного нельзя в самом деле ожидать, что он сам вернет казенную форменную одежду.

Мистер Клайд несколько раз набирал номер на Константинопольской улице, но там никто не отвечал. Может, его уже куда-нибудь упекли. Мать гамадрила, небось, мертвецки пьяной валяется где-нибудь под забором. Одному богу известно, что она из себя такое. Ну и семейка, должно быть.

III

Доктор Тальк пережил жалкую неделю. До студентов каким-то образом дошла одна из угроз, которыми несколько лет назад заваливал его тот психованный старшекурсник. Как она попала к ним в руки, доктор Тальк не знал. Но кошмарные результаты уже сказывались. Подпольные слухи о записке медленно расползались; он стал посмешищем всего студенческого городка. За коктейлем один коллега в конце концов объяснил ему причину хохотков и шепотков, то и дело прерывающих его занятия, которые раньше проходили в почтительной тишине.

Фраза о «развращении и растлении молодежи» была совершенно неверно понята и истолкована. Как бы не пришлось ему рано или поздно объясняться перед администрацией. А «недоразвитые тестикулы»... Доктор Тальк поежился. Лучше всего было бы, наверное, все объяснить, но тогда потребуется отыскать бывшего студента, а он из тех, кто в любом случае будет отказываться от всего. Возможно, следует просто рассказать, каким был этот мистер Райлли. Он возник перед доктором Тальком снова – в массивном кашне, сопровождаемый кошмарной юной анархисткой с саквояжем: она повсюду с ним таскалась и засоряла территорию листовками. К счастью, в колледже она не задержалась, однако сам Райлли словно вписался в его пейзаж навеки, будто пальмы или скамейки.

В один особенно мрачный семестр эта парочка посещала классы доктора Талька и прерывала его лекции разными странными звуками и наглыми ядовитыми вопросами, на которые не в состоянии был ответить никто, за исключением, быть может, господ бога. Доктор Тальк содрогнулся. Несмотря ни на что, он должен найти Райлли и добыть у него объяснение и признание. Одного-единственного взгляда на мистера Райлли студентам хватит, чтобы понять: записка была бессмысленной фантазией больного разума. Он даже администрации на мистера Райлли даст посмотреть. Решение проблемы в конечном итоге – чисто физическое: предъявить мистера Райлли во всем изобилии его плоти.

Доктор Тальк отхлебнул водки с соком, которую всегда употреблял после трудного светского пьянства, и раскрыл газету. По крайней мере жители Квартала веселятся и бесчинствуют. Он потягивал водку и вспоминал инцидент с этим Райлли: как тот вывалил все экзаменационные работы на головы демонстрации первокурсников под окнами деканата. Администрация это тоже вспомнит. Он самодовольно ухмыльнулся и снова

посмотрел в газету. Три фотографии выглядели уморительно. Простые вульгарные люди – и́здали – всегда его забавляли. Он прочитал заметку и поперхнулся, забрызгав себе весь смокинг.

Как мог Райлли столь низко пасть? Он и в студенчестве был эксцентриком, но теперь... Насколько гаже пойдут слухи, если выяснится, что записку сочинил торговец сосисками. Райлли вполне может заявиться в университет со своей тележкой и развернуть торговлю «горячими собаками» прямо перед Корпусом общественных наук. И намеренно превратит это в цирковое представление, в постыдный фарс, где ему, Тальку, будет уготована роль коверного.

Доктор Тальк отложил газету, поставил стакан и закрыл лицо ладонями. Придется стерпеть эту записку. Он будет все отрицать.

IV

Мисс Энни заглянула в утреннюю газету и побагровела. А она-то удивлялась, чего это с соседнего двора все утро ни звука. Всё, это последняя капля. Теперь у квартала испорчена репутация. Она этого больше не вынесет. Эти люди должны съехать. Она заставит соседей подписать петицию.

Патрульный Манкузо снова заглянул в газету. Затем развернул ее на уровне груди, хлопнула вспышка. Он принес в участок свою камеру «Брауни Холидей» и попросил сержанта сфотографировать его на фоне кое-каких официальных декораций: стола самого сержанта, ступенек парадного входа в участок, патрульного автомобиля, регулировщицы движения, чья излюбленная жертва – лихачи в школьной зоне.

Когда оставался всего один кадр, патрульный Манкузо решил объединить два предмета реквизита и завершить съемку драматическим финалом. Пока регулировщица, изображая Лану Ли, лезла на заднее сиденье патрульной машины, гримасничая и мстительно потрясая кулаком, патрульный Манкузо смотрел в камеру, держа газету, и сурово хмурился.

– Ладно, Анджело, теперь всё? – спросила регулировщица: ей не терпелось добраться до ближайшей школы, пока не закончилось время ограничения скорости в любимых школьных зонах.

– Большое спасибо тебе, Глэдис, – ответил патрульный Манкузо. – Детишкам хотелось побольше снимков показать своим маленьким друзьям.

– Ну еще бы, – прокричала Глэдис и поспешила со двора, перекинув через плечо сумку, под завязку набитую черными штрафными квитанциями за превышение скорости. – Они, я так думаю, вправе гордиться папочкой. Рада, что смогла тебе помочь, дорогуша. Как захочешь еще сниматься – дай мне знать.

Сержант швырнул последнюю лампу вспышки в мусорную корзину и сдал ручищей остренькое плечико патрульного Манкузо.

– Единолично ты, Манкузо, сумел раскрыть самую активную в городе банду торговцев порнографией в средних школах. – Он хлопнул патрульного по впалой ключице. – Невероятно, но ты расколол бабу, которую даже лучшим нашим агентам не удавалось одурачить. Манкузо, как я выяснил, работает над этим делом втихушку. Манкузо может опознать одного из ее подручных. Кто все это время ходил сам по себе, искал подозрительных субъектов вроде тех трех девок и пытался их привлечь? Манкузо, вот кто.

Оливковая кожа патрульного Манкузо слегка порозовела, если не считать тех участков, где ее исцарапал дамский вспомогательный корпус Партии Мира. Там она осталась багровой.

– Просто повезло, – вымолвил патрульный Манкузо, прочищая горло

от какой-то неосязаемой мокроты. – Кое-кто мне дал наводку. А потом этот Бирма Джоунз сказал посмотреть в шкафчике под баром.

– Ты в одиночку смог провести облаву, Анджело.

Анджело? Он окрасился в весь спектр оттенков от оранжевого до фиолетового.

– Я не удивлюсь, если ты за это получишь какое-нибудь повышение, – проговорил сержант. – Ты что-то задержался в простых патрульных. А всего пару дней назад я считал тебя конской задницей. Как насчет повышения? Что ты на это скажешь, Манкузо?

Патрульный Манкузо откашлялся довольно неистово.

– Могу я забрать свой фотоаппарат? – почти неслышно спросил он, когда горло наконец прочистилось.

VI

Санта Батталья поднесла газету к портрету мамули и сказала:

– И как тебе это ндравится, малыша? Как тебе ндравится, что твой внук Анджело хорошо добился, а? Ндравится, дорогуша? – Она ткнула в другую фотографию. – Как тебе ндравится, када самашетший мальчишка этой бедненькой Ирэны валяется в канаве, что твой кит на берегу? Какая жалось же, да? Таперь уж точно она его запэреть должна. Думаешь, кто-нибудь таперь на ей женится, ежли этот здоровый босяк по всему дому так валяться будет? Дудки.

Санта схватила портретик и изо всех сил влажно его чмокнула.

– Ну, не переживай, малыша. Я за тебя молюся.

VII

Клод Робишо с тяжелым сердцем развернул газету в трамвае по пути в больницу. Ну как же такой большой мальчик может так позорить такую прекрасную милую женщину, как Ирэна? Она ж уже вся бледная от усталости – эдак за сына переживает. Санта была права: этого Ирэниного сынка лечить надо, пока он свою чудесную мамочку еще больше не опозорил.

На сей раз – только двадцать долларов. В следующий – может стать, гораздо больше. Даже с хорошей пенсией и кое-какой недвижимостью человек не может себе позволить такого приема.

Но хуже всего – позор.

VIII

Джордж вклеивал статью в свою тетрадку «Достижений молодых»^[85], оставшуюся ему как сувенир от последней школьной четверти. Он приклеил ее на чистую страницу между рисунком утиной аорты с урока по биологии и домашней работой по истории Конституции с урока граждановедения. Нужно отдать этому парню Манкузо должное: что-что, а соображалово у него работает. Интересно, думал Джордж, есть ли его фамилия в том списке, который фараоны надыбали под баром. Если да, неплохо бы навестить дядюшку на побережье. Но даже так фамилия его у них будет. Поехать куда-то денег все равно не хватит. Лучше всего – посидеть немножко дома. Если он появится в городе, Манкузо легко может его засветить.

Мать Джорджа, пылесосившая другую сторону гостиной, с надеждой посматривала, как сынок занимается своим школьным альбомом. Может, ему снова в школу захочется? Им с отцом, кажется, так и не удалось на него повлиять. Ну какие сегодня шансы у мальчика без среднего образования, а? Куда ему податься?

Она выключила пылесос и пошла открывать дверь. Джордж рассматривал фотографии и размышлял, чем же торговец сосисками занимался в «Ночи утех». Полицейским шпином он быть не мог. Как бы то ни было, Джордж ему не проболтался, откуда картинки. Подозрительное какое-то дело.

– Полиция? – услышал Джордж голос матери у дверей. – Должно быть, вы ошиблись квартирой.

Джордж намылился было в кухню, но сразу понял, что деваться некуда. В квартирах многоэтажек только один выход.

IX

Лана Ли разодрала газету в клочки, а клочки – на кусочки еще мельче. Когда надзирательница, проходя мимо камеры, велела ей все убрать, члены дамского вспомогательного корпуса, делившие с Ланой камеру, заявили матроне:

– Вали. Тут мы живем. И нам нравится бумага на полу.

– Отгребай, – прибавила Лиз.

– Испарись, – сказала Бетти.

– Этой камерой я заведываю, так что без кипежа, – ответила матрона. – А вы тут шум наводите с самого начала, как вас вчера вечером доставили.

– Вытащи меня из этой проклятой дыры, – завопила Лана Ли матроне. – Я с этими тремя шизами больше ни минуты не выдержу.

– Эй, – сказала Фрида двум своим сожительницам. – А мы пупсику не нравимся.

– Такие, как ты, и изгадили весь Квартал, – сообщила Фриде Лана.

– Заткнись, – ответила ей Лиз.

– Засунь, солнышко, – сказала Бетти.

– Заберите меня отсюда, – выла Лана сквозь прутья решетки. – Я и так всю, блядь, ночь тут промучилась с этими ебанушками. У меня гражданские права есть. Меня нельзя тут держать.

Матрона гадко ухмыльнулась и отошла.

– Эй! – заорала Лана в коридор. – Вернись сейчас же.

– Ты давай полегче, дорогуша, – посоветовала Фрида. – Хватит лодку раскачивать. Иди-ка лучше сюда, покажи нам свои картинки, которые в лифчик запрятала.

– Ага, – подтвердила Лиз.

– Вытаскивай давай снимочки, пупсик, – распорядилась Бетти. – Нам остохренело на стены пялиться.

И три девахи одновременно ринулись на Лану.

Дориан Грин перевернул свою строгую визитную карточку и на обратной стороне печатными буквами вывел: «Сдается потрясная квартирка. Спрашивать в 1А». Он вышел на брусчатую дорожку и кнопкой прицепил карточку к низу лакированного кожаного ставня. На этот раз девочки попали надолго. Полиция обычно непреклонна в отношении повторных правонарушений. Неудачно вышло, что девочки оказались не очень приветливы со своими соседями по Кварталу; кто-нибудь наверняка показал бы им этого изумительного патрульного, и они не совершили бы роковой ошибки и не напали бы на сотрудника сил полиции.

Но девочки – такие импульсивные, такие агрессивные. Дориан чувствовал, что без них и он сам, и его дом совершенно беззащитны. Он тщательнейшим образом запер кованые ворота. Потом вернулся к себе в квартиру, чтобы покончить с уборкой мусора, оставшегося после первого митинга. Самая сказочная вечеринка в его карьере: в самом ее разгаре Тимми рухнул с люстры и вывихнул лодыжку.

Дориан подобрал ковбойский сапог с отломанным каблуком и бросил его в урну. Интересно, у этого невозможного Игнациуса Ж. Райлли уже все хорошо? Некоторые люди бывают просто чересчур. Милая мамочка Цыганской Царицы, должно быть, безутешна после такой кошмарной газетной славы.

Дарлина вырезала свой портрет из газеты и положила на кухонный стол. Ну и премьера. По крайней мере немножко рекламы с нее она получила.

Она взяла с дивана вечернее платье Шмарлетт О'Хары и повесила в шифоньер, а какаду наблюдал за нею и побрякивал со своего насеста. Джоунз ловко взял все в свои руки, когда выяснилось, что мужик – легавый, и потащил его прямо к шкафчику под стойкой. А теперь и Джоунз, и она остались без работы. «Ночь утех» вылетела из бизнеса. Лана Ли вышла в расход. Вот так Лана. Позировала для французских открыток. За доллар удавится.

Дарлина посмотрела на золотую серьгу, которую какаду приволок домой. Лана всю дорогу была права. Этот чокнутый громила – в самом деле поцелуй смерти. И бедную мамочку свою тиранил как пить дать. Несчастливая женщина.

Дарлина села и задумалась о перспективах новой работы. Какаду хлопал крыльями и вякал, пока она не засунула галантерейную сережку – его любимую игрушку – ему прямо в клюв. И тут зазвонил телефон, а едва Дарлина сняла трубку, раздался мужской голос:

– Послушайте, у вас такая клевая реклама была. У меня клуб есть в пятисотом квартале по Бурбоновой, так что....

XII

На стойке «Гуляй-Инн Мэтти» Джоунз развернул газету и накрыл ее дымовой завесой.

– В-во! – сообщил он мистеру Уотсону. – Ты мне точно мыслишку подкинул нащот всей этой дурки за сапаташ. Я теперя досапатировался, что снова бомжевать пошел. Й-их!

– Похоже, у тебя саботаж пошел, точно твоя томная бонба.

– Да этот жирный придурок гарантирует сто перцентов томной бонбы. Ёбть. Ево на кого-нить скинешь, так все остальные под осадки попадут да жопами своими подзорвуцца. Ууу-иии. «Ночью тех» вчера сушчий завапарк была. Сперва у нас там попрыгай, потом толстая мамка притащцилась, потом три кыски прискакали, точно сбежали тока-тока из порзала. Ёбть. Все кулыками машут, царапающца, орут, а этот жирный придурок в канаве валяющца, ровно подход совсем, а публики знай себе дерущца, матерящца, кувыркаящца, кошкак этот здоровый знай себе на проежжей части в отрубe. Ну чисто кино – что ковбои махающца, как ганстеры какие. На Бурбонову такая толпа привалила, что тебе на футбол. И падлиция тут как тут, эту подлюку Ли уволокла. Й-их! А дружков у нее в ухрястке и нету никаких. Мож, и сироток привлекают, каким она благо впаривала. В-во! А газета-то кучу мамок понагнала – все фотки сымают, да меня вопросы спрашивают, чё было. Кто сказал, что черный чувак передней страницей в гызете не выпадет? Ууу-иии! В-во! Да я самый заменитый бомж в городе буду. Я этому патрулю Манкузе гаврю: я грю – «Эй, раз уж этот бардак закрыли, как нащот скажи дружбану своему в ухрястке, что я тебе помогал, так меня, мож, и не возьмут за шкворень за бомжа?» Кому в Анголу с Ланой Ли охота? Она и снаружи паршивка. Ёбть.

– Так ты на работу устраиваться планирыешь, Джоунз?

Джоунз выдохнул темную тучку – штормовое предупреждение – и ответил:

– Да после того как я вкалывал ниже минималой заплаты, я плаченный отпуск заслужил. Ууу-иии. Где ж я себе другую работу найду? Уже и так по улице ссышком много черных мамок жопы свои таскают. В-во! Очко себе по найму устроить – это не два пальца облизать. Я не один тут такой с пронблемой. Вона у Дарлины девчонки тож нелегко будет себе по найму вписаться, с этим ее лысым орлом. Публик увидел, как она первый раз свою попку на истраду вытаскиват, так щас в лицо ей плювать будут, как

нанимацца придет. Поал, да? Тока сунешь какую жирную мамку в сапаташ, так кучу невиноватых публик, вроде той Дарлины, в какую лажу втюхашь. Это как мисс Ли всю дорогу говорила: этот жирный придурок кому хошь вестьицу запоганит. Дарлина щас, наверно, со своим лысым орлом друг дружке пляцца и гаврят: «В-во! Шик-карная у нас примера была. Й-их! Што *надо* примерились». Жалко, конечно, што сапаташ так девку подставил, но я как увидел ту жирную мамку, так просто удержу не было. Я ж знал, что он как-то всю эту «Ночью тех» подзорвет. Ууу-иии. И в натуре громыхнуло. Й-их!

– Так тебе еще подвезло, что подлиция тебя тоже не загребла, что в этом баре работаешь.

– Этот патруль Манкуза гаврит, ценю, что ты мне тымбочку показал. Гаврит: «Нам, мамкам в падлиции, таких, как ты, надо, чтобы подмогу показывать». Гаврит: «Такие, как ты, мне вперед добицца дают». А я гаврю: «В-во! Вы тока точно скажи дружбану своему в ухрястке, штоб меня грабастать не стали за бомжа». А он гаврит: «Точняк и скажу. У нас все в ухрястке сильно ценят, что ты для нас сделал, чувак». Вишь как – таперь эти падлицейские мамки меня *ценят*. Й-их! Мож, какая миндаль обломицца. В-во! – Джоунз прицелился дымом поверх смуглой головы мистера Уотсона. – А у этой подлюки Ли в тымбочке та ищцо фотыграфия была. Патруль Манкуза как увидел их, так у него чуть зенки на пол не выкатились. Он гаврит: «В-во! Й-их! У-ух!» Гаврит: «Ух ты, во таперь я точно вперед добыюсь». А я себе гаврю: «Мож, кто-то вперед и добьёцца. А кой-кто ищцо так и бомжевать снова». Кой-кто завтра уже не будет по найму калымить ниже минималой заплаты. Кой-кто свою задницу по всему городу таскать будет, а не кондицанеры себе с разноцветными чиливизарами покупать». Ёбть. Тут я тебе прославный спицалис по швабре, а тут уже – бомж.

– Все могло быть хреновей.

– Ага. Тебе гаврить лехко, чувак. У тебя вон свое приприятие маленько, и сынок школу приподает, у него ж, наверно, комплек бабикю есть, «бюйк», кондицанер, чиливизар. В-во! А у меня даже транзитерной радиы нету. – Джоунз образовал облако довольно философского склада. – Но ты тут навроде прав, Уотсон. Все могло быть хреновей. Я мог быть этой жирной мамкой. В-во! А чё с такими мамками бывает, а? Й-их!

XIII

Мистер Леви расположился на желтой нейлоновой кушетке и развернул газету, которую каждое утро ему доставляли на побережье за бо́льшую подписную стоимость. Когда кушетка достается тебе одному – это прекрасно, однако исчезновения мисс Трикси мало, чтобы поднять мистеру Леви настроение. Он провел бессонную ночь. Миссис Леви подвергала свою пухлотелость раннеутренней порции подскоков на гимнастической доске. Она хранила молчание – ее занимали какие-то планы Фонда, и она записывала их на листке, прижимая его к вздымающейся передней секции доски. Отложив на мгновение карандашик, она протянула руку к коробке печенья, стоявшей на полу. Из-за печенья ночь мистера Леви и была бессонной. Они с миссис Леви поехали через все эти сосняки в Мандевилль навестить мистера Райлли, но не только обнаружили, что его там нет, но и подверглись грубому обращению администрации этого богоугодного заведения, принявшей их за хулиганов. Миссис Леви, правда, несколько смахивала на хулиганку: белые с позолотой волосы, очки со стеклами берлинской лазури, аквамариновые тени, аурой окружавшие синие линзы. Должно быть, администрация сочла ее подозрительной, подумал мистер Леви, – с огромной коробкой голландского печенья на коленях в открытой спортивной машине, что остановилась перед главным корпусом лечебницы. Однако миссис Леви восприняла известие очень спокойно. Казалось, поиски мистера Райлли ее особо не волнуют. Супруг ее даже начал подозревать: вдруг ей и не сильно хочется, чтобы он отыскал мистера Райлли. Вдруг в каком-то глухом уголке разума она тешит себя надеждой, что Абельман выиграет это дело, и можно будет щеголять перед Сьюзен и Сандрой своей благоприобретенной нищетой как признаком окончательной несостоятельности их отца. Разум этой женщины был хитер и коварен: предсказуемым он становился, едва ей удавалось нащупать новую возможность подмять под себя супруга. И теперь ему было непонятно, на чьей она стороне – его или Абельмана.

Он попросил Гонсалеса отменить все брони весенних тренировок. Сначала нужно разобраться с Абельманом. Мистер Леви разгладил газету и в очередной раз осознал, что если бы его пищеварительная система могла это переварить, ему следовало бы уделить немного времени руководству «Штанами Леви». Тогда бы такого не произошло. Жизнь текла бы мирно. Однако само название, четыре слога – «Шта-ны Ле-ви» – вызывало у него в

груди кислотные осложнения. Наверное, имя нужно было сменить. Наверное, нужно было сменить Гонсалеса. Хотя управляющий конторой так ему предан. Обожает свою неблагодарную, низкооплачиваемую работу. Нельзя же просто так дать ему пинка под зад. Где он себе другое место найдет? Но что еще важнее – кому захочется сесть на его место? «Штаны Леви» не следует закрывать хотя бы для того, чтобы сохранить работу Гонсалесу. Как мистер Леви ни старался, другой причины он придумать не мог. Если фабрику закрыть, Гонсалес может покончить с собой прямо на рабочем месте. Нужно подумать о человеческой жизни. К тому же фабрику покупать все равно никто не собирался.

Леон Леви мог бы назвать этот монумент «Брюки Леви». А что – неплохое имя. Всю свою жизнь, а особенно в детстве, Гас Леви говорил: «Штаны...», – и получал стандартный ответ: «На все стороны равны». Когда ему исполнилось двадцать, он намекнул отцу, что смена вывески могла бы как-то помочь бизнесу, а отец только простонал: «Тебя что – перестало устраивать имя «Штаны Леви»? Еда, которую ты ешь, – это «Штаны Леви». Машина, на которой ты гоняешь, – «Штаны Леви». Я сам – «Штаны Леви». И это – твоя благодарность? Это твоя сыновняя преданность? А потом мне что – свое имя поменять? Закрой рот, лоботряс. Иди играйся со своими машинками и вертихвостками. У меня тут и так Великая Депрессия, мне твои советы без надобности. Умник выискался. Иди Хуверу советы давай. Посоветуй ему сменить фамилию на *Шлемиль*. Вон из моего кабинета! Заткнись!»

Гас Леви посмотрел на фотографии и статью на первой странице газеты и присвистнул:

– Вот так так!

– В чем дело, Гас? Проблема? У тебя – проблема? Ты всю ночь глаз не сомкнул. Я слышала, как джакузи ревела. У тебя будет нервный срыв. Прошу тебя – сходи к доктору Ленни, пока не начал буйствовать.

– Я только что нашел мистера Райлли.

– И я полагаю, ты рад.

– А ты? Взгляни, он во всех газетах.

– В самом деле? Принеси-ка сюда. Я никогда не забывала об этом юном идеалисте. Наверное, он получил какую-нибудь гражданскую награду.

– Еще вчера ты утверждала, что он психопат.

– Если ему хватило ума отправить нас в Мандевилль, как пару шутов гороховых, не такой уж он и психопат. Даже такой человек, как этот идеалист, может сыграть с тобой шутку.

Миссис Леви осмотрела двух женщин, птицу, ослабившегося швейцара:

– Где он? Я не вижу здесь никакого идеалиста. – Мистер Леви ткнул в сбитую корову на проезжей части. – Это он? В канаве? Как трагично. Разгул, пьянство, безнадежность – он уже превратился в опухший отброс общества. Пометь его в своей ведомости рядом со мной и мисс Трикси – ты загубил еще одну жизнь.

– Птица клюнула его в ухо – или какое-то еще сумасбродство. Вот – посмотри на эту кучу правонарушителей на фотографиях. Я говорил тебе, что у него были неприятности с полицией. Эти люди – его дружки и подружки. Стриптизерки, сутенеры и торговцы порнографией.

– А когда-то он был предан идеалистическим целям. Теперь же – посмотри на него. Не беспокойся. Настанет день, и ты за все это заплатишь. Через несколько месяцев, когда Абельман с тобой сочтется, ты снова окажешься на улице с тележкой – как твой отец. Тогда ты поймешь, как шутить с такими, как Абельман, – ты своим предприятием управляешь, точно повеса. Сьюзен и Сандра будут в шоке, когда увидят, что у них на счету нет ни пенни. Тогда-то они точно тебе ручкой сделают. Гас Леви, бывший папочка.

– Ладно, я сейчас же еду в город поговорить с этим Райлли. Я разберусь с этими сумасшедшими письмами.

– Хо-хо. Гас Леви, детектив. Не смейся меня. Ты, наверное, сам и написал это письмо, когда выиграл на скачках, и тебе было весело. Я ведь знала, что этим все кончится.

– Знаешь, а мне кажется, ты действительно ждешь не дожدهшься, когда Абельман подаст на меня в суд. Ты действительно хочешь, чтобы я пошел ко дну, даже если сама со мною утонешь.

Миссис Леви зевнула и ответила:

– Могу ли я противостоять тому, к чему ты сам шел всю свою жизнь? Девочки просто лишний раз убедятся: все, что я о тебе им постоянно твердила, – правда. Чем больше я думаю о деле Абельмана, тем больше понимаю, что это неизбежно, Гас. Слава богу, у моей мамочки еще остались хоть какие-то сбережения. Я всегда знала, что мне придется к ней однажды вернуться. Хотя от Сан-Хуана, видимо, ей придется отказаться. На воде и хлебе Сьюзен с Сандрой не проживут.

– Ох, да закрой ты рот.

– Ты велишь мне закрыть рот? – Миссис Леви подсказывала вверх-вниз, вверх-вниз. – Я должна наблюдать твоё падение в молчании? Мне нужно как-то заботиться о себе и своих дочерях. Я имею в виду – жизнь

продолжается, Гас. Я не могу закончить свои дни в трущобах вместе с тобой. Нам следует лишь благодарить судьбу за то, что твой отец нас покинул. Если бы он дожил и увидел, как «Штаны Леви» погублены из-за чьего-то розыгрыша – вот тогда тебе пришлось бы платить по-крупному. Поверь мне. Леон Леви выдворил бы тебя из страны. У этого человека и мужество было, и решимость. Но что бы ни произошло, Фонд Леона Леви выдержит все. Если даже нам с мамой придется себе во всем отказывать, я буду присуждать эти награды. Я буду чтить и вознаграждать тех людей, кто обладает мужеством и храбростью, какие видела в твоём отце. Я не допущу, чтобы ты утащил его имя с собою в трущобы. Когда Абельман с тобой покончит, тебе еще повезет, если ты сможешь устроиться водоносом в какую-нибудь команду, что ты так любишь. Ох, как же тебе тогда придется вкалывать – бегать с ведром и губкой, как последнему бродяге. Но не надо себя жалеть. Ты сам виноват.

Теперь мистер Леви знал наверняка: странная логика супруги требовала его полного краха. Ей хотелось видеть триумф Абельмана; в его победе она усматривала какое-то причудливое торжество справедливости. После того как супруга прочитала письмо Абельмана, мозг ее, должно быть, рассматривал этот вопрос со всех мыслимых точек зрения. Каждую минуту, пока она крутила педали тренажера или подскакивала на доске, ее система логики, вероятно, все больше и больше убеждала ее, что Абельман должен это дело выиграть. Это станет не только победой Абельмана, но и ее собственной победой. Все до единого дорожные знаки и указатели, которые она выставляла перед девочками в письмах и разговорах, указывали в одну сторону – на окончательный, кошмарный провал их отца. Миссис Леви не могла себе позволить неправоты. Ей необходимо дело о клевете на 500 тысяч долларов. Ей даже не интересно, поговорит он с этим Райлли или нет. Дело Абельмана перешло из плоскости чисто материального и физического в плоскость идеологического и духовного, где вселенские и космические силы уже постановили: Гас Леви должен проиграть, этот лишившийся детей, отчаявшийся Гас Леви должен вечно скитаться с ведром и губкой.

– Ну что ж, я займусь Райлли, – наконец вымолвил мистер Леви.

– Какая решимость. Я не верю своим ушам. Не беспокойся, тебе не удастся ничего повесить на юного идеалиста. Он слишком умен. Он сыграет с тобой еще одну шутку. Вот увидишь. Еще одна погоня за химерами. Назад, в Мандевилль. На сей раз там тебя и оставят – мужчину средних лет, который водит игрушечную спортивную машинку, точно студент.

– Я еду к нему домой.

Миссис Леви сложила свои заметки о Фонде и выключила доску:

– Ну, если ты едешь в город, подвези меня. Я беспокоюсь о мисс Трикси – особенно после того, как Гонсалес доложил, что она укусила этого гангстера за руку. Мне надо с ней увидеться. Ее старая неприязнь к «Штанам Леви» проявилась снова.

– Ты опять хочешь играть с этим сенильным мешком? Неужели ты ее недостаточно измучила?

– Даже в таком маленьком добром деле ты мне отказываешь. Твоего типа нет ни в одном учебнике по психологии. Да ты сходи к доктору Ленни хотя бы ради него. Как только твою болезнь опишут в психиатрических журналах, его начнут приглашать в Вену читать лекции. Ты сделаешь его знаменитым – как та изувеченная девочка, или кто там был, подарила известность Фрейду^[86].

Пока миссис Леви ослепляла себя слоями аквамариновых теней, готовясь к подвигу милосердия, ее супруг вывел свой спортивный автомобиль из монументального гаража на три машины, выстроенного, точно солидный помещичий каретный ряд, и сидел, созерцая спокойную рябь бухты. Его грудь покалывали крошечные дротики изжоги. Райлли непременно должен признаться. Крючкотворы Абельмана сотрут мистера Леви с лица земли; он не может подарить супруге такого удовлетворения. Если Райлли признается, что написал письмо, если он сам, Гас Леви, как-то выберется из этой передраги, – он станет другим. Он даст клятву стать новым человеком. Он даже, наверное, оделит компанию своим руководящим вниманием. Надзирать за предприятием – это же так разумно и практично. «Штаны Леви» без внимания – как дитя без призора: оно может стать малолетним преступником, а отсюда – всевозможные проблемы, которые можно предотвратить чуточкой воспитания, капелькой заботы и любви. Чем больше стараешься держаться подальше от «Штанов Леви», тем больше они тебя гнетут. «Штаны Леви» – как врожденный дефект, как семейное проклятье.

– У всех моих знакомых – прекрасные большие седаны, – изрекла миссис Леви, усаживаясь в маленькую машину. – Только не у тебя. Нет. Тебе же необходим игрушечный автомобильчик, который стоит больше «кадиллака», и где у меня вся прическа на ветру разлетается.

Подкрепляя ее мысль, лакированная прядка волос выбилась и жестко затрепетала, когда они с ревом вылетели на прибрежную трассу. Всю дорогу через болота оба не проронили ни слова. Мистер Леви нервно всматривался в свое будущее. Миссис Леви удовлетворенно созерцала свое,

и ее аквамариновые веки спокойно подрагивали в потоках воздуха. Наконец супруги ворвались в город: по мере приближения к этому дурачку Райлли мистер Леви все сильнее давил на газ. Водится с компанией из Квартала. Бог знает, что у него за личная жизнь. Одно сумасшедшее происшествие за другим, безумие на безумии.

– Мне кажется, я наконец проанализировала твою проблему, – произнесла миссис Райлли, когда им пришлось затормозить в уличной пробке. – Ключ – в твоей безрассудной езде. Меня вдруг осенило. Теперь я знаю, почему ты лег в дрейф, почему у тебя нет никаких амбиций, почему ты пустил весь бизнес коту под хвост. – Миссис Леви сделала эффектную паузу. – У тебя инстинкт смерти.

– В последний раз сегодня – заткнись.

– Противоречия, враждебность, озлобленность, – счастливо перечисляла миссис Леви. – Все это очень плохо кончится, Гас.

Стояла суббота, и «Штаны Леви» по случаю выходных временно прекратили свои посягательства на концепцию свободного предпринимательства. Чета Леви проехала мимо фабрики, с улицы выглядевшей одинаково при смерти вне зависимости от того, рабочий был день или выходной. Одна антенна трубы курилась легким дымком – вроде того, что выпускают тлеющие кучи палой листвы. Мистера Леви дым озадачил. Кто-то из рабочих, должно быть, в пятницу оставил в печи догорать раскроечный стол. Кто-то там, может быть, даже листья жжет. Случались вещи и любопытнее. Во время своего керамического периода сама миссис Леви, например, распорядилась переоборудовать одну из печей в сушильную камеру.

Когда фабрика осталась позади, а миссис Леви, окинув ее взглядом, изрекла:

– Грустно, грустно, – они свернули к реке и остановились у полубессознательной на вид деревянной многоквартирной постройки через дорогу от пристани «Улица Желанья». Дорожка из желтых лоскутов манила прохожего взойти по некрашеным ступеням крыльца к какой-то смутной цели в глубине здания.

– Я ненадолго, – вымолвила миссис Леви, озабоченная процессом вздымания и поддержки туловища, необходимым для извлечения тела из спортивного автомобиля. С собой она прихватила коробку недоеденного голландского печенья, первоначально предназначавшуюся для мандевилльского пациента. – У меня этот проект уже поперек горла стоит. Быть может, печенье увлечет ее и мне не придется вступать с нею в долгую беседу. – Она улыбнулась супругу. – Желаю удачи с юным идеалистом. Не

позволяй ему разыграть себя еще раз.

Мистер Леви рванул с места в сторону городской окраины. У светофора он еще раз сверился с адресом Райлли в утренней газете, сложенной и засунутой в щель между гнездами сидений. Он проехал вдоль реки по улице Чопитулас, свернул на Константинопольскую и скакал по ее выбоинам, пока не отыскал миниатюрное строение. Неужели этот огромный дурачок помещается в таком кукольном домике? Как он в дверь проходит?

Мистер Леви поднялся по ступенькам и прочитал надпись «Мир Любой Ценой», приклеенную к столбику веранды, и другую – «Мир Всем Людям Доброй Воли», – наклеенную прямо на стену домика. Он не ошибся. Внутри звонил телефон.

– Нету их дома, нету! – завопил женский голос из-за плотно закрытых ставень соседнего дома. – Телефон ихний все утро зво́нит!

Летняя дверь распахнулась, и на веранде показалась затравленная на вид тетка. Она облокотилась на перила.

– Вы не знаете, где мистер Райлли? – спросил мистер Леви.

– Я знаю только, что его по всем газетам сегодня пропечатали. А ему самое место в психушке. У меня уже никаких нервов не хватает. Как только я сюда переехала, так просто смертный приговор себе подписала.

– А он здесь один живет? Я как-то раз звонил – трубку женщина снимала.

– Это, наверно, его мамочка. У нее тоже нервов не хватает. Она, наверно, поехала его из больницы забирать, или куда его там упрятали.

– А вы мистера Райлли хорошо знаете?

– Да, считай, с детства. Ох, как же мамочка им гордилась. И все сестры в школе его любили, золотой был мальчик просто. И поглядите, чем кончил – в канаве валяется. Я вам так скажу – пусть лучше уже вещи свои собирают, не место им в моем квартале. Сил никаких терпеть нету. Сейчас-то они точно грызню подымут.

– Можно, я у вас еще кое-что спрошу? Вы хорошо знаете мистера Райлли. Как вы считаете, он безответственный, или, вероятно, опасный человек?

– А вам зачем? – Тусклые глаза мисс Энни сузились. – Он еще в историю какую попал?

– Меня зовут Гас Леви. Он раньше у меня работал.

– Вот оно как? Что вы говорите? Этот Игнациус полоумный уж так гордился той своей работой, так гордился. Все слышу, бывало, как он мамочке своей хвастается, как хорошо он там добивается. Да уж, хорошо

добился, ничего не скажешь. Пару-тройку недель – и его выставили. Так раз он у вас работал, вам его лучше знать.

Неужели этот несчастный дурачок Райлли действительно гордился «Штанами Леви»? Сам всегда так говорил. Верный признак безумия.

– Скажите мне, с полицией у него какие-нибудь неприятности были? Какие-нибудь приводы, аресты?

– Вокруг его мамочки все полицейский увивался. Вылитый шпик. А Игнациус-то ничего еще. Прежде всего мамочка к рюмашке не дура приложиться. В последнее-то время я не видела, чтоб она сильно закладывала, а вот раньше зашибала будь здоров. Я однажды на задний двор выглядываю, а она вся в мокрой простыне, что на веревке сушилась, запуталась. Да у меня, мистер, это соседство десять лет жизни отняло. Бедлам! Банджо, трубы дудят, вопли постоянные, крики, телевизор вечный. Этим Райлли в деревню надо съехать, на ферме жить в глуши. Да я из-за них шесть-семь аспиринов в день пью. – Мисс Энни сунула руку куда-то в вырез халатика поправить съехавшую бретельку. – Я вам еще вот как скажу. Врать не стану. Этот Игнациус нормальный был, пока эта его псина не сдохла. У него большая собака такая была, все гавкала, помню, прямо у меня под окном. Вот тогда-то у меня нервы и расходились. А потом сдохла. Ну, думаю, может, хоть сейчас мир и покой настанут. Так нет же. Игнациус эту собаку в мамочкиной гостиной прямо уложил с цветами в лапах. Вот тогда они с мамочкой и начали ссориться. По правде сказать, я думаю, она тогда и закладывать начала. А Игнациус пошел к священнику и говорит: приходите мою собачку отпевать. Чтобы вроде как похороны пристойные устроить. Понимаете? Священник, конечно, ни в какую, и вот мне кажется, Игнациус тогда и вышел из Церкви. И сам такие похороны ей устроил. Здоровый, толстый парняга – а ума ни на грош. Видите, вон крест стоит? – Мистер Леви безысходно глянул на полусгнивший кельтский крест в соседнем дворе. – Вон там это все и было. Штук двадцать детишек собрал во двор посмотреть. А сам нацепил накидку такую, вроде как у Супермена, и свечей везде понавтыкал. А мамочка его все время кричала с порога на него, аж надрывалась, чтоб эту дохлятину в мусорку выкинул, а сам домой шел. Вот тогда-то все и пошло наперекосяк. Потом Игнациус в коллеже лет десять проучился. Мамочка его чуть совсем не обнищала. Пришлось даже пианину продать. Ну, мне-то какое дело. А видели б вы ту деваху, с которой он в коллеже спутался. Я даже сказала себе: «Ну, ладно, хорошо. Может, женится, да съедет отсюда». Как же я ошибалась. Они только и делали, что у него в комнате сидели, да каждую ночь настоящую спевку устраивали. Ох, чего я только не наслушалась через окно! И «Сымай себе

юбку», и «Слезай с моей постели», и «Как ты смеешь, я девица». Суший кошмар. Я круглые сутки на одной аспирине держалась. Ну, и сбежала девчонка эта в конце концов. Я ее, знаете, не виню. И так, наверное, с придурью была, коли с ним водилась. – Мисс Энни дотянулась до противоположной бретельки. – Столько жилья в городе, и как меня угораздило именно тут поселиться, а? Ну скажите вы мне.

Мистер Леви не смог придумать ни одной причины, по которой ей надо было непременно поселиться именно в этой топографической точке. Но история про Игнациуса Райлли повергла его в уныние. Он пожалел, что появился на Константинопольской улице.

– Так вот я и говорю, – спешила выговориться между тем женщина, обрадованная наличием аудитории, готовой внимать повести ее страданий. – То, что сегодня в газете пропечатали, – это же просто последняя капля. Поглядите, какая у нашего квартала сейчас репутация, а? Ну, пускай только опять чего-нибудь начнут – живо полицию вызову, пусть его за нарушение общественного порядка привлекут. Я уже больше не могу. Нервы у меня ни к черту. Игнациус в ванну залазит – а шум такой, точно у меня дома потоп. У меня, наверное, и трубы все прорвало. Я уже не первой молодости. Хватит с меня этих людей. – Мисс Энни глянула куда-то поверх мистера Леви. – Приятно было поговорить с вами, мистер. Всего хорошего.

И она метнулась в дом, захлопнув за собой летнюю дверь. Столь внезапное исчезновение озадачило мистера Леви не меньше, чем странная биография мистера Райлли. Ну и райончик. «Приют Леви» всегда надежно предохранял своего хозяина от знакомства с такими людьми. И тут он увидел: к обочине, царапая колпаками колес поребрик, пытается пришвартоваться ископаемый «плимут». Наконец агрегат надежно замер у своего дебаркадера. На заднем сиденье мистер Леви различил громадину юного идеалиста. Из-за штурвала выкарабкалась женщина с волосами свекольного цвета и крикнула:

– Ладно, Туся, вылазь из машины!

– И не подумаю, пока вы не разъясните мне природу своих взаимоотношений с этим слабоумным слюнявым стариком, – отвечал ей силуэт. – Мне казалось, мы уже избежали этого фашиствующего дегенерата раз и навсегда. Очевидно, я заблуждался. Все это время вы за моей спиной поддерживали с ним сомнительную связь. Вероятно, именно вы разместили его в тот раз перед «Д. Х. Хоумзом». Теперь, если задуматься, я начинаю осознавать, что и этого олигофрена Манкузо подослали вы, чтобы запустить вихрь сего порочного круга. Как наивен, как невинен я был. Уже которую неделю против меня замышляется сговор.

Все это – интрига!

– Вылезай сейчас же из машины!

– Вот видите? – высказалась мисс Энни из-за ставень. – Опять за свое.

Задняя дверца машины откинулась со ржавым скрипом, и на подножку опустился расползающийся по швам сапог пустынной модели. Голова идеалиста была обмотана бинтами. Выглядел он бледным и усталым.

– Я не останусь под одной крышей с распутной женщиной. Я шокирован и уязвлен в самое сердце. Моя родная мать. Неудивительно, что вы ополчились на меня с таким неистовством. Я подозреваю, что вы просто используете меня как козла отпущения за свое собственное чувство вины.

Ну и семейка, подумал мистер Леви. Мамаша действительно отчасти напоминала гулящую. Интересно, зачем она понадобилась полицейскому филеру.

– Заткни свою грязную пасть! – орала женщина. – Клод – прекрасный, порядочный мужчина.

– Прекрасный мужчина, – фыркнул Игнациус. – Я знал, что этим все кончится, когда вы только начали шлаться по улицам с этими дегенератами.

По всему кварталу на веранды высыпали любопытствующие. Ну и денек. Мистер Леви рисковал впутаться в общественный скандал с этими дикарями. Изжога растекалась внутри до самых границ его грудной клетки.

Женщина со свекольной прической рухнула на колени и воззвала к небесам:

– Что же я натворила, боженька? Скажи же ж мне, хосподи? Я так хорошо себя вела.

– Вы стоите на могиле Рекса! – взвыл Игнациус. – А теперь расскажите мне, чем вы занимались с этим растленным маккартистом. Вероятно, вы вместе принадлежите к какой-то тайной политической ячейке. Неудивительно, что меня бомбардируют памфлетами, призывающими к охоте на ведьм. Неудивительно, что всю вчерашнюю ночь за мною ходил хвост. Где эта сводня Батталья? Где она? Ее следует высечь хлыстом. Вокруг – один сплошной сговор против меня, путч и злонамеренный план убрать меня с пути. Мой бог! Эту птицу, вне сомнения, дрессировала банда фашистов. Они ни перед чем не остановятся.

– Клод за мною ухаживал, – с вызовом ответила миссис Райлли.

– Что? – загрохотал Игнациус. – Вы хотите сказать, что позволяли какому-то старику себя лапать от и до?

– Клод – приличный человек. Он только несколько раз меня за руку взял.

Изжелта-небесные глаза от ярости сошлись к переносице. Лапы

захлопнули уши, чтобы не просочилось более ни единого слова.

– Одному провидению известно, что за непристойные желания обуревают этого субъекта. Я вас умоляю – я не желаю знать всей правды. Со мною случится тотальный нервный срыв.

– А ну заткнитесь! – заверещала из-за ставень мисс Энни. – Ваши дни у нас в квартале сочтены.

– Клод хоть умом и не блещет, но он хороший человек. И к семье своей хорошо относится – вот что самое главное. Санта говорит, ему комунысты не нравятся, потому что он одинокий. Ему больше заняться нечем. Ежли б он мне сию же минуту предложение сделал, я б сразу ответила: «Так и быть, Клод». Точно тебе говорю, Игнациус. И даже б не задумалась. Я заслужила, чтоб ко мне хорошо относились, пока я еще не померла. Я заслужила, чтоб не думать, где доллар себе раздобыть. Когда мы с Клодом твою одежду у этой кастелянши в больнице забирать пошли, она бамажник твой отдает, а в нем аж тридцать долларов – ну все, это точно последняя капля была. Все это головотяпство твое еще куда ни шло, но деньги от своей бедной мамули прятать...

– Мне эти средства были нужны для определенной цели.

– Для какой еще цели? С грязными женщинами болтаться? – Миссис Райлли тяжело поднялась с могилы Рекса. – Ты ж не только самашетший, Игнациус. Ты гадкий.

– Вы всерьез полагаете, что *гоуе*^[87] Клод стремится к женитьбе на вас? – захлебнулся слюной Игнациус, меняя тему. – Вас будут таскать из одного вонючего мотеля в другой. Вы покончите с собой.

– Я выйду замуж, если захочу, мальчик. И ты меня не остановишь. Уже не получится.

– Этот субъект – опасный радикал, – зловеще произнес Игнациус. – Одному богу известно, какие политические и идеологические ужасы таятся в его мозгу. Он подвергнет вас пыткам или даже хуже.

– Да к чертовой матери, кто *ты* такой, чтобы мне тут указывать, Игнациус? – Миссис Райлли уперлась несгибаемым взглядом в отпрыска, окончательно выведенного из себя. Она устала; ей было противно и неинтересно, что бы он ей ни говорил. – Клод – простофиля. Ладно. Этого у него не отнять. Клода все время эти самые комунысты беспокоят. Ладно. Может, он и в политике ни черта не смыслит. Но мне-то политика до лампочки. Мне главное – помереть хоть чуток пристойно. Клод прилично к людя́м относится, а тебе со всей твоей политикой таким никогда не стать. Ума нахватался со всем этим обрызгиванием, а я сколько добра тебе сделала – мне одни пинки достаются. Я хочу, чтобы ко мне хорошо относились,

пока не померла еще. Ты всему научился, Игнациус, не научился только, как человеком быть.

– Хорошее отношение – не ваша судьба, – вскричал Игнациус. – Вы – явный мазохист. Хорошее обращение повергнет вас в смятение и погубит.

– Пошел ты к черту, Игнациус. Ты мне столько раз сердце портил, что я уж и со счета сбилась.

– Этот субъект ни за что не войдет в этот дом, покуда я остаюсь здесь. Как только он устанет от вас, вероятно, обратит свое извращенное внимание на *меня*.

– Это еще что такое, полоумный? Закрой сейчас же свой глупый рот. С меня хватит. Я сама о тебе позабочусь. Говоришь, отдохнуть хочешь? Я устрою тебе хорошенький отдых.

– Стоит мне подумать о моем дорогом усопшем отце, едва остывшем в своей могиле, – пробормотал Игнациус, делая вид, что смахивает влагу с глаз.

– Мистер Райлли умер двадцать лет назад.

– Двадцать *один*, – злорадно поправил ее Игнациус. – Видите? Вы уже забыли своего возлюбленного супруга.

– Прошу прощения, – бессильно вымолвил мистер Леви. – Могу я с вами поговорить, мистер Райлли?

– А? – переспросил Игнациус, только что заметив человека на крыльце.

– Вам чего надо от моего Игнациуса? – осведомилась миссис Райлли. Мистер Леви представился. – Вот это он самый и есть. Надеюсь, вы не поверили, когда он вам эту смешную историю рассказывал по чилифону тут как-то на днях? Я так из сил выбилась, что не успела трубку вырвать.

– Мы не могли бы все зайти в дом? – спросил мистер Леви. – Мне бы хотелось побеседовать с ним наедине.

– Мне-то что? – равнодушно пожала плечами миссис Райлли. Она окинула взглядом квартал и наблюдавших за ними соседей. – Вся окрестность и так уж все знает.

Тем не менее она распахнула дверь, и троица вступила в крохотную прихожую. Миссис Райлли поставила на пол бумажный пакет с кашне и абордажной саблей сына и спросила:

– И что вам нужно, мистер Леви? Игнациус! Выходи немедленно и поговори с этим человеком.

– Мамаша, мне следует уделить внимание своему кишечнику. Он взбунтовался против травмы последних суток.

– Выходи сейчас же из ванны, мальчик, и иди сюда. Так что вам нужно

от этого самашетшево, мистер Леви?

– Мистер Райлли, известно ли вам что-нибудь вот об этом?

Игнациус взглянул на два письма, извлеченные мистером Леви из кармана пиджака:

– Разумеется, нет. Здесь ваш автограф. Покиньте этот дом немедленно. Мамаша, это тот самый изверг, который уволил меня столь бессердечно.

– И вы этого не писали?

– Мистер Гонсалес вел себя крайне авторитарно. Он не позволял мне даже приближаться к пишущей машинке. А в действительности он закатил мне довольно злобную оплеуху, когда моему взору случилось остановиться на какой-то корреспонденции, которую он в тот момент сочинял в известной мере ужасной прозой. Если мне дозволялось чистить его дешевые башмаки, я бывал благодарен. Вы же знаете, какой он собственник по отношению к этой вашей клоаке.

– Знаю. Но он утверждает, что ничего подобного не писал.

– Очевидная неправда. Каждое его слово – ложь. Говорит одно, а думает другое.

– Абельман хочет отсудить у нас кучу денег.

– Это Игнациус сделал, – бесцеремонно вмешалась миссис Райлли. – Что бы у вас там ни случилось, это сделал Игнациус. Куда б он ни пошел – везде бедокурит. Давай же ж, Игнациус. Скажи дяде правду. Скорей, Туся, пока я тебя не прибила.

– Мамаша, заставьте этого субъекта нас покинуть, – вскричал Игнациус, подталкивая мать к мистеру Леви.

– Мистер Райлли, этот человек подал на меня в суд на 500 тысяч долларов. Он может меня погубить.

– Ай какой ужас! – воскликнула миссис Райлли. – Игнациус, что ж ты сделал этому бедняжке, а?

Игнациус уже готов был пуститься в обсуждение осмотрительности своего поведения в «Штанах Леви», но тут зазвонил телефон.

– Алё? – ответила миссис Райлли. – Я его мама. Конечно, трезвая. – Она бросила на сына яростный взгляд. – Вот как? Правда? Что? Ой, нет. – Она пристально посмотрела на Игнациуса, начавшего скрести одной лапой по другой. – Ладно, мистер, все свое вы получите – только кроме сережки. Она у птички осталась. Ладно. Чего б я не запомнила, что вы мне сказали? Я ж не выпивоха какая-нибудь! – И миссис Райлли шваркнула трубкой о рычаг и повернулась к сыну: – Звонил сосысочник. Тебя уволили.

– Хвала господу, – вздохнул Игнациус. – Боюсь, я бы не вынес вида этой тележки снова.

– Что ты ему наплел про меня, мальчик? Ты сказал ему, что я выпивоха?

– Разумеется, нет. Как смехотворно. Я не обсуждаю вас с посторонними. Вне сомнения, он уже разговаривал с вами прежде, когда вы пребывали в состоянии интоксикации. Возможно, вы даже назначили ему свидание и учинили пьяный дебош в нескольких сосисочных *boites*^[88].

– Да ты даже сосыски торговать на улице средь бела дня не можешь. Человек этот так сердился, так сердился. Говорит, ты ему больше безобразий учинил, чем все остальные киоскеры вместе.

– Мое мировоззрение пришлось ему не по вкусу довольно активно.

– Ох, да заткнись же ты, пока я тебя вообще не угробила, – взвилась миссис Райлли. – А теперь скажи мистеру Леви правду.

Как же убог их быт, подумал мистер Леви. Эта женщина явно держит сына под каблуком.

– Но я и говорю правду, – возмутился Игнациус.

– Дайте-ка, я погляжу на это письмо, мистер Леви.

– Не предъявляйте ей. Она умеет читать довольно-таки кошмарно. Оно повергнет ее в смятение на несколько дней.

Миссис Райлли стукнула сына сумочкой в висок.

– Вы опять за свое? – вскричал Игнациус.

– Не бейте его, – вмешался мистер Леви. У этого ненормального и так уже вся голова забинтована. От насилия за канатами профессионального ринга мистера Леви тошнило. Дурачок Райлли и без того представлял собой жалкое зрелище. Мать спуталась с каким-то стариком, пьет, сын ей мешает. Полиция ее уже на карандаш взяла. Если у дурачка что-то и было в жизни – видимо, лишь та собака. Иногда чтобы рассмотреть человека по-настоящему, нужно увидеть его в естественной среде. Райлли по-своему был весьма заинтересован в «Штанах Леви». И теперь мистер Леви пожалел, что его уволил. Дурачок так гордился своей работой в компании. – Оставьте его в покое, миссис Райлли. Мы сами во всем разберемся.

– Помогите же мне, сэр, – пролепетал Игнациус, театрально хватаясь за лацканы спортивного пиджака мистера Леви. – Одной Фортуне ведомо, что мамаша со мной сделает. Мне слишком хорошо известна вся ее сомнительная активность. Она стремится меня ликвидировать. Вы не думали побеседовать с этой женщиной Трикси? Она знает больше, чем вы подозреваете.

– То же самое говорит мне и моя супруга, но я ей никогда не верил. В конечном итоге мисс Трикси слишком стара. Она даже список покупок

составить не может.

– Старая? – спросила миссис Райлли. – Игнациус! Ты ж мне говорил, что так девчоночку хорошенькую звали, которая в «Штанах Леви» работает. Ты ж мне говорил, что вы друг другу нравитесь. А сейчас она, оказывается, бабуса, да еще и писать не умеет. Игнациус!

Тут все гораздо прискорбнее, чем мистер Леви думал вначале. Бедный дурачок пытался убедить мамашу, что у него есть подружка.

– Я вас умоляю, – прошептал Игнациус мистеру Леви. – Зайдите ко мне в комнату. Я должен вам кое-что показать.

– Не верьте ни единому его слову, – крикнула им вслед миссис Райлли, когда Игнациус втаскивал мистера Леви в свои затхлые апартаменты.

– А вы оставьте его в покое, – довольно жестко отвечал ей мистер Леви. Эта Райлли сыну ни единого шанса не дает. Ничем не лучше миссис Леви. Неудивительно, что дурачок – такая развалина.

Дверь за ними закрылась, и мистер Леви неожиданно ощутил подступившую тошноту. В спальне воняло спитой заваркой, и этот запах напомнил ему о чайнике, вечно стоявшем под рукой у Леона Леви, о фарфоровом чайнике с нежными трещинками, дно которого постоянно закрывал осадок прокипяченных чаинок. Он подошел к окну и приотворил ставень, однако снаружи его глаза встретили взгляд мисс Энни – та подсматривала за домом Райлли в щелочку. Мистер Леви отвернулся и увидел, что Игнациус ищет что-то в большой конторской папке.

– Вот они, – сказал он. – Вот заметки, которые я набросал, работая в вашей компании. Они докажут вам, что я любил «Штаны Леви» больше самой жизни и каждый сознательный свой час посвящал рассмотрению способов, как помочь вашей организации. И часто в ночи видения спускались ко мне. Фантомы «Штанов Леви» достойно проносились в моей сонной душе. Я ни за что не стал бы писать подобного письма. Я любил «Штаны Леви». Вот прочитайте это, сэр.

Мистер Леви взял папку и прочел строчку, в которую упирался жирный палец Райлли: «Сегодня на контору нашу наконец снизошла благодать в лице господина нашего и хозяина мистера Г. Леви. Если быть до конца честным, я обнаружил его довольно беспечным и равнодушным». Палец скользнул на пару строк ниже. «Со временем он осознает всю мою преданность его фирме, всю мою увлеченность делом. Пример мой, в свою очередь, может снова привести его к вере в «Штаны Леви». Указующий перст ткнулся в следующий абзац. «Ля Трикси по-прежнему помалкивает, доказывая тем самым, что она гораздо мудрее, чем я полагал. Я подозреваю, что женщине этой известно очень многое, и апатия – лишь

фасад ее показного презрения к «Штанам Леви». Понимать ее становится легче, когда она заговаривает о пенсии».

– Вот мои доказательства, сэр, – сказал Игнациус, выхватывая папку из рук мистера Леви. – Допросите эту старую клячу. Сенильность ее – не более чем личина. Такова ее защита от работы и от самой компании. В действительности она терпеть не может «Штаны Леви» за то, что ей не дают пенсии. И кто может за это бросить в нее камень? Множество раз, когда мы оставались с нею наедине, она часами лепетала про то, как собирается «посчитаться» со «Штанами Леви». Ее ненависть проявлялась в форме ядовитых нападок на структуру вашей корпорации.

Мистер Леви попытался взвесить все свидетельства. Он знал, что Райлли компания по-настоящему нравилась; это он наблюдал в конторе, об этом ему сказала соседка, то же самое он только что прочел. Трикси, с другой стороны, компания не нравилась. Несмотря на то что и его супруга и этот дурачок утверждали, будто ее старческий маразм – сплошное притворство, он сомневался, что она смогла бы написать такое письмо. Но теперь ему следовало как можно скорее выбраться из клаустрофобии этой спальни, пока его не вывернуло наизнанку прямо на блокноты, устилавшие пол. Когда мистер Райлли стоял рядом, тыча пальцем в свои записи, вонь была ошеломляющей. Мистер Леви уже нащупывал дверную ручку, когда дурачок Райлли кинулся на дверь всем телом.

– Вы должны мне поверить, – выдохнул он. – У шалавы Трикси навязчивая идея насчет индейки или ветчины. Или ростбифа – не припоминаю. Мания становилась временами довольно свирепой и запутанной. Она клялась отомстить за то, что ее вовремя не отправили на пенсию. Враждебность переполняла ее через край.

Мистер Леви слегка оттеснил его в сторону и выбрался в прихожую, где его, как швейцар, поджидала свекольноволосяя мамочка.

– Благодарю вас, мистер Райлли, – сказал мистер Леви. Быстрей бы уехать из этой затхлой будки, где разбиваются сердца. – Если вы мне понадобится еще, я вам позвоню.

– Он вам еще понадобится, – выкрикнула ему вслед миссис Райлли, когда он уже сбегал по ступенькам во дворик. – Что бы там ни было, это Игнациус сделал.

Она кричала что-то еще, но рев мотора заглушил ее слова. Синий дым выхлопа окутал подбитый «плимут», и мистер Леви исчез.

– Добился своего, да? – выговаривала тем временем миссис Райлли Игнациусу, схватив его за белый халат. – Вот теперь уж точно свалилось на нашу голову, мальчик. Знаешь, что они могут тебе сделать за подложку?

Тебя в тюрьму упекут. Этого бедненького человека на пятьсот тыщ долларов оштрахуют. Допрыгался, Игнациус? Теперь уж точно свалилось.

– Я вас умоляю, – слабо отозвался Игнациус. Его тускло-белая кожа постепенно серела. Теперь ему было по-настоящему дурно. Клапан одновременно выполнял несколько маневров, превосходивших по неистовству и оригинальности все, что ему доводилось делать прежде. – Я же говорил вам, что все так и будет, когда устраивался на работу.

Мистер Леви выбрал кратчайший путь к пристани «Улица Желанья». Он промчался по Наполеону к эстакаде над Широким проспектом и выехал на скоростную трассу; его подхлестывала отдаленная, но вполне узнаваемая версия решимости. Если ненависть в самом деле заставила мисс Трикси написать это письмо, то вся ответственность за дело Абельмана лежит на миссис Леви. Могла ли мисс Трикси написать нечто столь разумное? Мистер Леви надеялся, что могла. Он пронесся по кварталу, где она жила, мимо промелькнули бары и торчавшие отовсюду вывески «ВАРЕННЫЕ ЛАНГУСТЫ» и «УСТРИЦЫ В СКОРЛУПЕ». В доме он поднялся по лоскутному следу к бурой двери. Постучал, и миссис Леви открыла со словами:

– Поглядите, кто вернулся. Гроза идеалистов. Ты распутал свое дело?

– Возможно.

– А вот теперь ты заговорил как Гэри Купер. Вместо ответа – одно слово. Шериф Гэри Леви. – Она ущипнула ногтями выбившуюся из строя аквамариновую ресницу. – Ну, тогда пойдем. Трикси поглощает печенье. Меня уже тошнит.

Мистер Леви оттолкнул супругу и замер перед сценой, которую никогда и вообразить не мог. «Приют Леви» не подготовил его к созерцанию таких интерьеров, какой он только что покинул на Константинопольской улице, – но и встречи вот с таким мистер Леви тоже не ожидал. Квартиру мисс Трикси украшали мусор, лоскуты, железяки и картонные ящики. Где-то под всем этим располагалась мебель. Тем не менее на поверхности обозреваемую территорию составляли тряпье, коробки и газеты. В сердцевине этой горы была вырублена тропа – просека в мусоре, узкая полоса чистого пола, которая вела к окну: возле него на стуле сидела мисс Трикси и вкушала голландское печенье. Мистер Леви прошагал мимо черного парика, свисавшего с какого-то ящика, мимо туфель на высоком каблуке, брошенных на кипу газет. Видимо, мисс Трикси сохранила единственный аксессуар омоложения – зубы. Они сверкали из-под тонких губ, кроша печенье.

– Ты вдруг стал очень немногословен, – заметила миссис Леви. – В

чем дело, Гас? Еще одна миссия провалилась?

– Мисс Трикси, – завопил мистер Леви в самое ухо заслуженному счетоводу. – Вы писали письмо в «Мануфактуру Абельмана»?

– Вот теперь ты уже скребешь по самому дну, – сказала миссис Леви. – Юный идеалист, наверное, снова обвел тебя вокруг пальца. Ты в самом деле заглотил приманку Райлли.

– Мисс Трикси!

– Кого? – рявкнула та. – Должна вам сказать – вы действительно знаете, как отправить человека на пенсию.

Мистер Леви протянул ей письмо. Она подняла с пола увеличительное стекло и всмотрелась в буквы. Зеленый козырек отбрасывал мертвенную тень на ее лицо, на крошки голландского печенья, обсыпавшие тонкие губы. Отложив лупу, мисс Трикси удовлетворенно просипела:

– А ведь у вас неприятности.

– Но вы писали это Абельману? Мистер Райлли сказал, что это вы.

– Кого?

– Мистер Райлли. Такой большой, в зеленой шапочке, он раньше работал в «Штанах Леви». – Мистер Леви сунул мисс Трикси под нос утреннюю газету. – Вот этот вот.

Мисс Трикси обратила линзу к газетной странице и промолвила:

– Ох, батюшки. Так вот что с нею стряслось. – Бедная Глория. Она, кажется, ранена. – Так это и есть мистер Райлли?

– Да. Вы его помните, я полагаю. Он утверждает, что это письмо написали вы.

– Правда? – Глория Райлли обманывать не станет. Кто угодно – только не Глория. Истинная правда. Глория всегда ей была другом. Мисс Трикси попыталась что-то смутно припомнить. Может, она и написала это письмо. Всякое бывало – разве ж все упомнишь. – Ну, наверное, и написала. Да. Вы мне теперь напомнили – наверно, я его написала. Поделом вам. Вы меня столько лет с ума сводили. Пенсии нет. Ветчины нет. Ничего нет. Должна вам сказать – я очень надеюсь, что вы все свое потеряете.

– Вы написали вот это? – переспросила миссис Леви. – После всего, что я для вас сделала, – и вы такое написали? Змею на своей груди пригрела! Можете распрощаться со «Штанами Леви», изменница. В расход, а? Так мы спишем вас в расход!

Мисс Трикси улыбнулась. Этой надоеде будто сала за шкуру залили. Глория всегда была мисс Трикси лучшей подругой. А надоеда отправится в рабочий дом. Наверное. Теперь же она бросается на нее, растопырив свои аквамариновые когти. И мисс Трикси заорала.

– Оставь ее в покое, – велел супруге мистер Леви. – Так-так. Сьюзен и Сандре это очень понравится. Их мать так мучает пожилую женщину, что девочки рискуют лишиться всех своих кардиганов и кюлотов.

– Так. Значит, я во всем виновата, – взъерилась миссис Леви. – Я вставила бумагу в машинку. Я помогала ей тюкать по клавишам.

– Вы написали это письмо, чтобы посчитаться со «Штанами Леви» за то, что вас не отправляют на пенсию?

– Да-да, – туманно промолвила мисс Трикси.

– Подумать только – я так вам доверяла, – брызгала слюной миссис Леви. – Отдавайте мне зубы.

Супруг перехватил ее руку, которой она пыталась сцапать челюсть мисс Трикси.

– Тихо! – прорычала та. – Покоя даже в собственной квартире от вас нет.

– Если б не твой идиотский, недоумочный «проект», эта женщина уже давно отправилась бы на покой, – сказал мистер Леви супруге. – Столько лет ты все предсказывала – и теперь *ты* же едва не отправила «Штаны Леви» коту под хвост.

– Понимаю. Ты не ее обвиняешь. Ты валишь все на женщину с высокими стандартами, с идеалами. Если бы в «Штаны Леви» проник взломщик, виноватой оказалась бы тоже я. Тебе нужен врач, Гас. Очень нужен.

– Вот-вот. Причем – доктор Ленни, не кто-нибудь.

– Чудесно, Гас.

– Тихо!

– Но звонить ему будешь ты. Я хочу, чтобы ты заставила доктора Ленни объявить мисс Трикси сенильной и недееспособной и объяснить ее мотивы при написании такого письма.

– Это твоя проблема, – разозлилась миссис Леви. – Сам и звони.

– Сьюзен и Сандре не понравится, если они узнают о маленькой ошибочке своей мамы.

– И о шантаже к тому же.

– Я у тебя кое-чему научился. В конце концов, мы уже некоторое время женаты. – Мистер Леви наблюдал, как на лице супруги злость сменяется страхом. В кои-то веки ей было нечем крыть. – Девочкам не захочется знать, какой дурой оказалась их дорогая мамочка. Будь добра – соберись и отведи Трикси к доктору Ленни. С ее признанием и заключением врача у Абельмана в этом деле нет ни единого шанса. Достаточно лишь втащить ее в зал суда и предъявить судье.

– Я очень привлекательная женщина, – автоматически отреагировала мисс Трикси.

– Ну, разумеется, – подтвердил мистер Леви, склоняясь над ней. – Мы отправим вас на пенсию, мисс Трикси. С прибавкой. К вам относились паршиво.

– На пенсию? – просипела мисс Трикси. – Должна вам сказать, это неожиданно. Слава богу.

– Вы подпишете заявление, что именно вы написали это письмо?

– Конечно, подпишу! – вскричала мисс Трикси. Какая замечательная подруга у нее – Глория. Уж Глория знала, как ей помочь. Глория хитрая. Слава богу, что Глория вспомнила про это волшебное письмо. – Я скажу все, что захотите.

– Мне все вдруг стало ясно, – донесся из-за газетной кипы расстроенный голос миссис Леви. – Меня шантажируют моими же дорогими девочками. Меня сталкивают с пути – чтобы не мешала тебе стать еще бо́льшим повесой, чем сейчас. Вот теперь «Штаны Леви» совершенно точно отправятся коту под хвост. А ты думаешь, что прищучил меня.

– Я тебя и прищучил. «Штаны Леви» все равно отправятся коту под хвост. Но не из-за того, что их подорвали твои игры. – Мистер Леви бросил взгляд на два письма. – Все это дело с Абельманом заставило меня многое понять. Почему, интересно, никто не покупает наши штаны? Потому что они – дерьмо. Потому что они сшиты по тем же выкройкам, которыми двадцать лет назад пользовался отец. Из тех же тканей. Потому что этот старый тиран ничего не хотел менять на фабрике. Потому что он сгнобил всю инициативу, которая была у меня.

– Твой отец был блистательным человеком. Я не потерплю от тебя больше ни единого слова неуважения.

– Заткнись. Дурацкое письмо Трикси подкинуло мне одну мысль. Отныне и впредь мы будем выпускать только бермудские шорты. Меньше хлопот, выше прибыли при меньших затратах. Пускай текстильные фабрики шьют мне совершенно новые образцы тканей, не требующих глажки. «Штаны Леви» становятся «Шортами Леви».

– «Шорты Леви». Какая прелесть. Не смей меня. Ты разоришься через год. Готов на все, лишь бы стереть память об отце. Ты не можешь управлять предприятием. Ты – неудачник, повеса, жучок с ипподрома.

– Тихо! Должна вам сказать, что вы ужасные надоеды. Если это, по-вашему, – пенсия, я лучше опять в этих «Штанах Леви» сидеть буду. – И мисс Трикси замахнулась на них коробкой от печенья. – Убирайтесь теперь

из моего дома, а чек пришлете по почте.

– Я не смог управлять «Штанами Леви». Это правда. Но мне кажется, я смогу управлять «Шортами Леви».

– Ты вдруг стал очень самоуверенным. – Голос миссис Леви уже срывался в истерику. Гас Леви управляет компанией? Гас Леви – на коне? Что же она скажет Сьюзен и Сандре? Что же она скажет самому Гасу Леви? И что станет с нею? – Фонд, я полагаю, тоже отправляется коту под хвост?

– Разумеется, нет. – Мистер Леви про себя улыбнулся. Штурвал наконец выбит из рук супруги, она пытается проложить хоть какой-то курс по морю смятения – и направление спрашивает у него. – Мы учредим премию. За что ты там собиралась их вручать – за похвальную службу и храбрость?

– Да, – смиренно вымолвила миссис Леви.

– Вот. Вот тебе храбрость. – Он взял газету и ткнул пальцем в негра, стоявшего над поверженным юным идеалистом. – Вот он первую награду и получит.

– Что? Преступник в темных очках? Субъект с Бурбоновой улицы? Прошу тебя, Гас. Только не это. Леон Леви лишь несколько лет как умер. Пусть хоть упокоится в мире.

– Это очень практично – от такого маневра и сам Леон Леви не отказался бы. Большинство наших работников – негры. Нам нужна хорошая самореклама. Пройдет немного времени, и мне, видимо, потребуются новые прекрасные работники. А премия создаст благоприятный климат для найма.

– Но не *этому* же. – Похоже, миссис Леви тошнило всухую. – Наши награды – для *приличных* людей.

– А где же идеализм, за который ты всегда столь рьяно выступаешь? Мне казалось, тебя интересуют национальные меньшинства. По крайней мере ты всегда об этом заявляла. Как бы там ни было, Райлли спасать стоило. Он привел меня к подлинному виновнику.

– Ты не сможешь всю жизнь прожить на одной злобе.

– Это кто тут живет на одной злобе? Я, наконец, делаю что-то конструктивное. Мисс Трикси, где у вас телефон?

– Кого? – Мисс Трикси как раз углубилась в наблюдения за отчаливающим сухогрузом из Монровии – его палубу загромождали тракторы «Международного Комбайна». – У меня нет телефона. Есть в бакалейной лавке за углом.

– Ладно, миссис Леви. Сходи в лавку. Позвони доктору Ленни и в газету: не знают ли они, как отыскать этого Джоунза, хотя у таких людей

телефонов обычно не бывает. Попробуй и через полицию тоже. Уж они-то должны знать. Номер дашь мне. Я позвоню ему лично.

Миссис Леви не сводила глаз с супруга: ее раскрашенные ресницы даже не вздрагивали.

– Если пойдете в лавку, можете мне и ветчины на Пасху купить, – проскрежетала мисс Трикси. – Я хочу видеть эту ветчину прямо у себя дома! И никакого вранья на этот раз я не потерплю. Если вам от меня нужно признание, начинайте за него платить.

И она зарычала на миссис Леви, с вызовом обнажив зубы, – словно выставила хоругвь.

– Вот видишь, – сказал мистер Леви супруге. – У тебя есть три причины сходить в лавку. – Он протянул ей бумажку в десять долларов. – Я тебя здесь подожду.

Миссис Леви взяла деньги:

– Я полагаю, теперь ты счастлив. Теперь я буду твоей служанкой. Ты занес меч над моей головой. Одно-единственное крохотное неверное суждение – и мне приходится так страдать.

– Одно крохотное неверное суждение? Обвинение в клевете на полмиллиона долларов? От чего ты страдаешь? Ты просто идешь в бакалейную лавку за углом.

Миссис Леви повернулась и на ощупь двинулась по проходу. Дверь за нею хлопнула, и мисс Трикси моментально погрузилась в детскую дрему, точно тяжелое бремя спало с ее плеч. Мистер Леви прислушивался к ее храпу и наблюдал за монровийским сухогрузом, что выходил из гавани и сворачивал по течению в сторону Залива.

Впервые за несколько дней разум его успокоился, и в сознании поплыли некоторые события, связанные с этим злополучным письмом. Он припомнил написанное Абельману – и перед мысленным взором его явилось другое место, где он слышал подобные выражения. Двор дурачка Райлли, всего час назад. «Ее следует высечь хлыстом». «Олигофрен Манкузо». Все-таки письмо написал он. Мистер Леви с нежностью посмотрел на маленькую обвиняемую, храпевшую над своей коробкой голландского печенья. Ради всех нас, подумал он, вас придется объявить недееспособной и вынудить взять вину на себя, мисс Трикси. Вас подставили. Мистер Леви расхохотался вслух. Почему же мисс Трикси созналась так искренне?

– Тишина! – рывкнула мисс Трикси, мгновенно проснувшись.

Дурачка Райлли в самом деле стоило спасать. А он спас себя, мисс Трикси, да и мистера Леви в придачу – по-своему, по-дурковатому. Кем бы

ни был этот Бирма Джоунз, щедрую премию он заслужил... или вознаграждение. Предложить ему работу в новых «Шортах Леви» – так будет еще лучше для рекламы. Премию и работу. Хорошее освещение в прессе, увязанное с открытием возрожденной компании. Ловкий трюк или как?

Мистер Леви смотрел, как сухогруз пересекает устье Промышленного канала. Скоро миссис Леви тоже окажется на пароходе – на пути в Сан-Хуан. Навестит свою мамашу на пляже – будет смеяться, петь и танцевать. Миссис Леви неважно вписывается в новый план «Шорт Леви».

Четырнадцать

Игнациус весь день не выходил из комнаты: конвульсивно задремывал, а часто и тревожно приходя в себя, набрасывался на свою резиновую перчатку. Весь день телефон в прихожей звонил, не переставая, и с каждым звонком его тревога и нервы расходились все сильнее. Он атаковал перчатку, лишая ее девственности, вонзаясь в нее, покоряя ее. Как к любой знаменитости, к Игнациусу тянулись поклонники: мамыны глазливые родственнички, соседи, люди, которых миссис Райлли не видела годами. Звонили все. При каждом звонке Игнациусу мерещилось, что это снова мистер Леви, но всякий раз до него доносились адресованные абоненту материнские реплики, уже ставшие душещипательно стандартными: «Ай, ну какой же ужас, а? Что ж я буду теперь делать, а? Теперь же ж наше доброе имя совсем погибло». Когда сил терпеть это уже не оставалось, Игнациус, колыхаясь, вываливался из комнаты и отправлялся на поиски «Доктора Орешка». Если в прихожей ему случалось встретить мамашу, она не смотрела на него, а изучала ворсистые сферы пуха, что дрейфовали по полу у него в кильватере. Похоже, он ничего больше не мог ей сказать.

Что же сделает мистер Леви? Абельман, к несчастью, очевидно, оказался довольно низкой личностью, субъектом слишком мелким, чтобы принять чуточку критики, человеческой молекулой с повышенной чувствительностью. Игнациус обратился с письмом не по адресу; воинственная и мужественная листовка была прочитана не той публике. В данный момент его нервной системе не выдержать судебного процесса. Он совершенно расклеится прямо перед судьей. Сколько времени пройдет, прежде чем мистер Леви накинется на него снова, он не знал. Какие маразматические загадки налопотала в уши мистеру Леви мисс Трикси? В ярости и смятении мистер Леви непременно вернется, на сей раз – полный решимости заточить его в узилище. И ждать его возвращения – словно дожидаться казни. Тупая боль в голове не отступала. «Доктор Орешек» на вкус был, как желчь. Абельману явно хотелось денег – и побольше: эта стыдливая мимоза, судя по всему, сильно обиделась. Когда обнаружат подлинного автора письма, что́ потребует Абельман вместо пятисот тысяч? Жизнь?

«Доктор Орешек» превращался в кислоту и булькал в кишках. Игнациуса переполняло, запечатанный клапан не давал газу вырваться: зажмите в пальцах сопло воздушного шарика – получится то же самое.

Монструозные отрывки вздымались в горле и отскакивали вверх, к отягощенной отходами жизнедеятельности миске абажура из молочного стекла. Стоит человеку поддаться на уговоры и вступить в этот жестокий век – может произойти что угодно. Повсюду притаились капканы: Абельман, безжизненные Крестоносцы за Мавританское Достоинство, кретин Манкузо, Дориан Грин, газетные репортеры, стриптизерки, попугаи, фотография, малолетние преступники, фашистские порнографы. А в особенности – Мирна Минкофф. Потребительские товары. Но в особенности – Мирна Минкофф. С мускусной распутницей нужно что-то делать. Как-то. Когда-нибудь. Она должна поплатиться. Что бы ни случилось, он должен ей воздать, пусть даже возмездие займет многие годы, и ему придется десятилетиями красться за ней из одной кофейни в другую, с одной песенно-народной оргии на другую, из подземки на блатхату, а оттуда – на хлопковые плантации, а оттуда – на митинг протеста. Игнациус призвал на голову Мирны замысловатое елизаветинское проклятие и, перевернувшись, еще раз неистово злоупотребил перчаткой.

Как смеет его мать строить матримониальные планы? Только такая недалекая персона, как она, может оказаться столь вероломной. Престарелый фашист будет развязывать одну охоту на ведьм за другой, покуда от некогда полноценного Игнациуса Ж. Райлли не останется нашинкованный болбочущий овощ. Престарелый фашист даст мистеру Леви любые показания, лишь бы потенциального пасынка заперли подальше, а он сам мог бы удовлетворять свои извращенные архаические прихоти с ни о чем не подозревающей Ирэнной Райлли, осуществлять с ней свои консервативные практики, полностью развязав себе руки. На проституток не распространяются системы социального обеспечения и компенсации по безработице. Вне сомнения, *roué* Робишо они столь сильно влекли. Лишь Фортуне ведомо, чему он научился в их руках.

Миссис Райлли прислушивалась к скрипу и отрывке, извергавшимся из комнаты сына: вот не было печали, так у него еще что – припадок? Однако смотреть на Игнациуса ей не хотелось. Всякий раз, заслышав, как открывается его дверь, она спешила в свою комнату, чтобы только с ним не встречаться. Пятьсот тысяч долларов – такой суммы она и представить себе не способна. Она едва ли вообще могла вообразить преступление настолько ужасное, чтоб оно каралось изъятием пятисот тысяч долларов. Если даже у мистера Леви возник повод к подозрениям, то ей все было предельно ясно. Что бы там ни было, это написал Игнациус. Какая же была бы красота, а? Игнациус в тюрьме. Спасти его можно только одним способом. Она перенесла телефон в дальний угол прихожей, насколько позволял шнур, и

уже в четвертый раз за день набрала номер Санты Баттальи.

– Хспти, голуба моя, как ты дёргаисси, – сказала Санта. – Ну чего там у тебя опять стряслось?

– Ой, боюсь, Игнациус в такую передрягу запопал, что еще хуже, чем фытография в газете, – прошептала миссис Райлли. – Я в чилифон не могу говорить. Санта, как же ж ты права была с самого начала. Игнациуса надо сдать в Благодарительность.

– Ну наконец-то. Я уж осыпла вся тебе доказывать. Мне тут Клод нэдавно позвонил. Грит, Игнациус такую сцену в больнице закатил, когда они встретились. Клод грит, он его прям боицца, такой Игнациус здоровый.

– Ай, ну какой же ж ужас. В больнице суший кошмар был. Я уже тебе рассказывала, как Туся начал орать. При всех сестрах прямо, при всех больных. Я чуть сквозь землю не провалилась. Клод не сильно сердится, а?

– Он не сердицца, но грит, боицца за тебя, что ты одна с ним в этом доме. Спрашивал, может, нам с ним приехать, да с тобой посыдеть?

– Ой, только не надо, дорогуша, – поспешно ответила миссис Райлли.

– А таперь еще в какую пэредрягу он у тебя попал?

– Потом расскажу. Сейчас могу сказать только, что про эту Благодарительность весь день думала и наконец решила. Пришло время. Он мое единственное чадо, но мы должны его вылечить за ради него ж. – Миссис Райлли напряглась, пытаясь вспомнить ту фразу, которую постоянно произносили в судебных постановках по телевизору. – Мы его объявим «органичено меняемым».

– *Органичено?* – фыркнула Санта.

– Надо ему помочь, пока за ним не приехали и не заарестовали.

– Да кто ж его заарэстует-то?

– Он, кажись, сильно нашалил, пока в «Штанах Леви» работал.

– Ох ты ж хоссподи! Только этого не хватало. Ирэна! Положь трубку и позвони в Благодарительность сейчас же, дэушка.

– Нет, послушай. Я не хочу тут быть, когда они приедут. То есть Игнациус – он же такой здоровый. С ним хлопотно будет. Я этого не вынесу. У меня невры и так ни к черту.

– Здоровый – это уж точно. Это как дикого слона ловить. Пусть тогда лучше толстую крепкую сэтку захватят. – В голосе Санты звучал азарт. – Ирэна, лучше ты ничо придумать не могла. Я тебе так скажу. Я щас сама в Благодарительность позвоню. А ты приежай суда. Я и Клоду скажу, чтоб приехал. Уж как он обрадуецца, када узнает. Ууу! Уже через нэделю на свадьбу приглашать всех будешь. Еще год не кончицца, а у тебя своя недвижность заведецца, лапуся. И железнодорожная пенсия.

Миссис Райлли все это нравилось, но она все же спросила с легким сомнением:

– А как же комунясты?

– А ты об них не бэспокойся, малыша. Камуняков мы изведем. А Клоду недосук будет, пусть тебе рэмонт делает. И будет у паразита твово в комнате ему кибинэт.

И Санта баритонально расхохоталась.

– Мисс Энни позеленеет от зависти, как увидит, что я тут все подлатаю.

– Так ты и скажи этой тетке тогда, ну, скажем: «Ты тоже выйди, да мяско свое растряси. Авось и сэбе недвижнось подлатаешь». – Санта гоготнула. – А таперь ложь трубку, малыша, и давай суда. Я Благодаритэльноси звоню. Живо давай из дому!

Санта шваркнула трубкой о рычаг прямо в самое ухо миссис Райлли.

Та выглянула в проем передних ставень. Уже было очень темно – это хорошо. Соседям не на что будет глаза пялить, если Игнациуса заберут среди ночи. Миссис Райлли заскочила в ванную, быстро напудрила лицо и фасад платья, нарисовала себе под носом сюрреалистическое изображение рта и кинулась в спальню за пальто. И только дойдя уже до входной двери, остановилась. Нельзя вот так вот расстаться с Игнациусом. Он ее единственное чадо.

Она подкралась к двери спальни и прислушалась к неистовому лязгу кроватных пружин – крещендо финала, достойное «Пещеры горного короля» Грига. Она постучала, но ответа не последовало.

– Игнациус, – печально позвала она.

– Чего вам угодно? – наконец донесся запыхавшийся голос.

– Я ухожу, Игнациус. Хотела «до свиданья» сказать.

Тот не ответил.

– Игнациус, открой дверь, – умоляюще попросила миссис Райлли. – Чмокни же ж меня на прощанье, Туся.

– Я себя ощущаю далеко не лучшим образом. Я едва могу пошевелить членами.

– Скорее, сынок.

Дверь медленно отворилась. Игнациус высунул в прихожую жирную серую физиономию. На материнские глаза навернулись слезы, когда она снова увидела бинты.

– Поцелуй меня, Туся. Жалко же ж, что все должно так кончиться.

– И что означают все эти слезливые клише? – с подозрением осведомился Игнациус. – С чего это вдруг вы стали так любезны? Неужели

вас нигде не поджидает никакой пенсионер?

– Ты был прав, Игнациус. Ты не можешь ходить на работу. Мне надо было раньше догадаться. Надо было попробовать этот долг как-то по-другому заплатить. – По щеке миссис Райлли скользнула слеза, оставив в пудре дорожку чистой кожи. – Если этот мистер Леви позвонит, чилифон не бери. Я о тебе позабочусь.

– О мой бог! – взревел Игнациус. – Только этого мне еще не хватало. Одному провидению известно, что вы планируете. Куда вы собрались?

– Сиди дома и не бери чилифон.

– Это еще почему? В чем дело? – В налитых кровью буркалах сверкнул испуг. – С кем это вы там шептались по телефону?

– Об мистере Леви волноваться не надо, сынок. Я все сама тебе сделаю. Помни только, что твоя бедная мамуля тебя близко с сердцу бережёт.

– Вот этого я как раз и опасуюсь.

– И никогда – никогда не злись на меня, Туся, – сказала миссис Райлли и, подпрыгнув в туфлях для кегельбана, которых не снимала с прошлого вечера, когда ей позвонил Анджело, обняла сына и чмокнула его в усы.

Потом отпустила его и поспешила к двери. На пороге она обернулась и выкрикнула на прощание:

– Прости, что я в тот дом въехала, Игнациус. Я тебя люблю.

Ставни хлопнули. Она ушла.

– Вернитесь, – загромыхал ей вслед Игнациус. Он рванул ставни, но ископаемый «плимут», лишившийся крыла и, точно гоночный автомобиль, обнаживший одно колесо, уже с ревом приходил в себя. – Вернитесь, прошу вас. Мамаша!

– Ай, да заткнись же ты, – заверещала из темноты мисс Энни.

Мать определенно что-то задумала – некий неуклюжий план, некий тайный замысел, призванный погубить его навсегда. Почему ей так хотелось, чтобы он сидел дома? Она ведь и без того знала, что в нынешнем состоянии он никуда пойти не в силах. Игнациус разыскал и набрал номер Санты Батталья. Он должен поговорить с матерью.

– Это Игнациус Райлли, – произнес он, когда Санта подошла к телефону. – Ожидаете ли вы сегодня вечером у себя мою родительницу?

– Нет, не поджидаю, – холодно ответила та. – Я с твоей мамочкой сёдни весь дэнь не говорила.

Игнациус повесил трубку. Что-то затевается. Он же слышал, как мать по крайней мере дважды или трижды за день по телефону называла ее по имени. А последний звонок, эти переговоры шепотом сразу перед тем, как

она так поспешно выскочила из дому? Мать шепталась только с потаскуньей Батталей – и только если они секретничали. И Игнациус немедленно догадался, в чем истинная причина столь душераздирающе окончательного материнского прощания. Она ведь уже как-то проболталась, что сводня Батталья порекомендовала устроить ему каникулы в психиатрическом отделении Благотворительной больницы. Все сходится. В клинике его не смогут привлечь к суду ни Абельман, ни Леви – или кто там закрутил это дело. А возможно, к стенке его прижмут оба: Абельман – за диффамацию личности, а Леви – за подлог. Ограниченному разуму матери психиатрическая лечебница представлялась бы привлекательной альтернативой. Очень на нее похоже – с наилучшими намерениями обуздать сына смирительной рубашкой и испечь ему мозги электросудорожной терапией. Разумеется, мамаша могла обо всем этом и не помышлять. Тем не менее, имея с нею дело, лучше всего быть готовым к худшему. Ложь батской ткачихи^[89] Батталья Игнациуса отнюдь не успокоила.

В Соединенных Штатах вы невиновны, пока не доказали вашу вину. Возможно, мисс Трикси во всем призналась. Почему мистер Леви не перезвонил? Игнациуса не должны упрятать в дурдом, если юридически он по-прежнему невиновен в том, что написал это письмо. Его мать по обыкновению отреагировала на визит мистера Леви иррациональнее и нервнее некуда. «Я о тебе позаботюсь». «Я все сама тебе сделаю». Это уж точно – позаботится. Как вдарят из брандспойта. Какой-нибудь кретин-психоаналитик попытается мысленным взором охватить всю уникальность его мировоззрения. А осознав тщету попыток, в раздражении запихнет его в камеру площадью три квадратных фута. Нет. Об этом не может быть и речи. Уж лучше узилище. В тюрьме хотя бы сковывают только физически. А в клинике лезут в душу, в мировоззрение, в разум. Он никогда этого не потерпит. Мамаша так извинялась за эту таинственную защиту, под которую собиралась его взять. Все указывало в сторону Благотворительной больницы.

О, Фортуна, паскудная девка!

Теперь он ковылял по домику, точно утка в тире. Прицелы мускулистых больничных головорезов устремлены на него. Игнациус Райлли, тарелочка для стрельбы. Мать, конечно, могла отправиться на свою очередную кегельную вакханалию. С другой стороны, зарешеченный грузовик мог уже нестись на всех парах к Константинопольской улице.

Бежать. Бежать.

Игнациус заглянул в бумажник. Тридцать долларов исчезли –

очевидно, мамаша конфисковала их еще в больнице. Он посмотрел на часы. Почти восемь. В дреме, перемежавшейся атаками на перчатку, день и вечер промелькнули довольно быстро. Игнациус обыскал комнату, вороша и расшвыривая блокноты «Великий Вождь», топча листы и выволакивая кипы бумаг из-под кровати. Набралась горсть мелочи. Он обшарил ящики стола и насобирал еще несколько монет. Шестьдесят центов – такая сумма ограничивала его возможности и блокировала маршруты побега. Зато, по крайней мере, он бы обрел приют на весь остаток вечера в кинотеатре. Когда же «Притания» закроется, он сможет незаметно пробраться по Константинопольской к дому и проверить, не вернулась ли мать.

Последовал лихорадочный приступ небрежного одевания. Красная фланелевая сорочка взлетела парусом вверх и повисла на люстре. Он вогнал ступни в сапоги пустынной модели и прыжком, насколько мог проворно, вскочил в твидовые брюки, которые едва сходились в поясе. Рубашка, шапочка, куртка. Игнациус вслепую натянул все на себя и выскочил в прихожую, шваркая бортами по тесным стенам. Едва он протянул руку к парадной двери, раздалось три громких удара в ставни.

Вернулся мистер Леви? Клапан Игнациуса испустил сигнал тревоги, который немедленно отозвался в руках. Он почесал мурашки на лапах и выглянул в щелочку, рассчитывая увидеть волосатых больничных громил.

На крыльце в бесформенной, затасканной автомобильной куртке из оливкового вельвета стояла Мирна. Черные волосы забраны в хвост, изгибающийся змеей под одним ухом и спускавшийся на грудь. Через плечо перекинута гитара на ремне.

Игнациус чуть было не ринулся напролом, прямо сквозь ставни, срывая в щепу задвижки, не схватил ее за эту веревку из волос, не обмотал ей вокруг горла и не сдавил, покуда не посинеет. Но разум возобладал. Он видел не Мирну – он видел путь к спасению. Фортуна смягчилась. Она оказалась не настолько извращенной, чтобы замкнуть порочный круг, удушив его в смиренной рубашке, запечатав в гробнице из цементных плит, освещенной флуоресцентными трубками. Фортуна пошла на попятный. Неким образом ей удалось призвать и выдернуть распутницу Мирну из какой-то трубы подземки, из цепочки демонстрантов, из едко смердящей постели нового евразийского экзистенциалиста, из когтей очередного припадочного негра-буддиста, из многоречивой гущи группы групповой терапии.

– Игнациус, ты еще на этой помойке или уже нет? – спросила Мирна. Голос ее звучал монотонно, резко, немного враждебно. Она опять забарабанила по ставням, щурясь сквозь очки в черной оправе. Зрение у

Мирны было хорошим, а в очки вставлено простое стекло: она носила их, чтобы доказать свою идейность и преданность цели. В болтавшихся серьгах, будто в позвякивающих украшениях китайского стекла, играли отблески уличного фонаря. – Слушай, я же знаю, что внутри кто-то есть. Я слышала, как ты топчешь по прихожей. Открывай сейчас же эти вшивые ставни.

– Да, да, я здесь, – возопил Игнациус. Он разодрал ставни, едва не сорвав их с петель. – Хвала Фортуне, что ты приехала.

– Господи. Ты ужасно выглядишь. Точно у тебя нервный срыв или типа того. Зачем бинты? Игнациус, что произошло? Посмотри, как ты разжирел. Я только что прочитала эти твои жалкие вывески на крыльце. Ну и досталось же тебе.

– Я прошел сквозь преисподнюю, – залепетал Игнациус, втаскивая Мирну за рукав куртки в прихожую. – Зачем ты ушла из моей жизни, распутница? Твоя новая прическа чарующа и космополитична. – Он схватил ее за хвост, прижал его к мокрым усам и с силой расцеловал. – Аромат копоты и окиси углерода в твоих волосах возбуждает меня намеками на блистательный Готэм. Нам следует отправиться в путь незамедлительно. Я должен расцвести на Манхэттене полным цветом.

– Я подозревала – что-то не так. Но *такое*. Ты в самом деле в очень плохой форме, Иг.

– Быстро. В мотель. Мои естественные импульсы исходят в крике, требуя высвобождения. У тебя есть деньги?

– Хватит надо мной издеваться, – разозлилась Мирна. Она выхватила промокший хвост из лап Игнациуса и закинула за плечо. Волосы со звоном ударились о гитару. – Слушай, Игнациус. Я без гроша. Я в дороге с девяти часов вчерашнего утра. Едва отправив тебе это письмо о процедурах Партии Мира, я сказала себе: «Мирна. Послушай. Этому парню ведь мало одного письма. Ему нужна твоя помощь. Он быстро идет на дно. Достаточно ли ты идейна для того, чтобы спасти сознание, разлагающееся прямо у тебя на глазах? Достаточно ли ты преданна, чтобы реставрировать руины этого менталитета?» Я вышла из почтового отделения, села в машину и просто поехала. И ехала всю ночь. Прямо. В том смысле, что, чем больше я размышляла об этой твоей дикой телеграмме насчет Партии Мира, тем больше расстраивалась.

Очевидно, с благими делами на Манхэттене у Мирны все обстояло совсем паскудно.

– Я не виню тебя, – взвыл Игнациус. – Разве не ужасна была та телеграмма? Полоумная фантазия. Я барахтался в глубинах депрессии

много недель. Я провел столько лет бок о бок с матерью, и ей вдруг взбрело в голову выскочить замуж. Теперь она не желает, чтоб я путался под ногами. Мы должны уехать. Я не вынесу этого дома более ни секунды.

– Что? Кому понадобилось жениться на ней?

– Хвала господу, что ты понимаешь. Сама видишь, насколько все стало смехотворно и невозможно.

– И где она? Мне бы хотелось очертить этой женщине контуры того, что она с тобой сделала.

– В данный момент ее голос крови проходит где-то неудачное прослушивание. Я не желаю ее больше видеть.

– Еще бы. Бедный ребенок. И что ты тут делал, Игнациус? Просто валялся в дурмане на кровати?

– Да. Много недель подряд. Я был обездвижен апатией невротического свойства. Помнишь ли ты мою бредовую фантазию об аварии и аресте? Я написал то письмо, когда мать впервые встретила с этим распутным пенсионером. Именно тогда мой эквилибриум впервые покачнулся. С тех пор я непрерывно скатывался все ниже, и перигеем стала шизофрения этой Партии Мира. Таблички, которые ты видела снаружи, оказались просто еще одним физическим проявлением моих внутренних мук. Моя психотическая жажда мира, вне всякого сомнения, была несбыточной попыткой прекратить боевые действия, развернувшиеся на этой крошечной жилплощади. Я могу быть только благодарен, что ты оказалась чутка настолько, чтобы подвергнуть анализу мою вымышленную жизнь, воплощавшуюся в тех письмах. Слава всевышнему, что эти сигналы бедствия оказались зашифрованы кодом, который ты смогла понять.

– Да я по одному твоему весу могу определить, насколько пассивен ты был.

– Я набрал его, нескончаемо валяясь в постели и пытаюсь обрести утешение и сублимацию в еде. А теперь нам следует бежать. Я должен покинуть этот дом. Он вызывает у меня кошмарные ассоциации.

– Я давно тебе говорила: выбирайся отсюда. Пошли, давай соберем тебе вещи. – Монотонный голос Мирны оживился. – Просто фантастика. Я знала, что рано или поздно ты вырвешься ради того, чтобы сохранить свое душевное здоровье.

– Если бы я только послушался тебя раньше, мне не пришлось бы переживать весь этот ужас. – Игнациус обхватил Мирну и едва не размазал ее вместе с гитарой по стене. Он заметил, что она вне себя от радости – наконец, обретя законную идейную цель, подлинную историю болезни, новое движение. – На небесах тебе найдется место, моя распутница. А

теперь – скорее прочь.

Он попытался вытянуть ее за собой на крыльцо, но она сказала:

– Ты разве ничего с собой брать не будешь?

– О, разумеется. Мои заметки и наброски. Они не должны попасть в руки матери. Она может заработать на них целое состояние. Ирония такого исхода была бы слишком велика. – Они вошли к нему в комнату. – Кстати, тебе не помешает знать, что мать моя наслаждается сомнительными знаками внимания фашиста.

– Да что ты?

– Да. Посмотри. Можешь вообразить, как они меня здесь терзали?

Он протянул Мирне одну из брошюр, которые мать подсовывала ему под дверь. «Ваш Сосед – Действительно Американец?» Мирна прочитала надпись на полях обложки: «Прочтите это, Ирэна. Это полезно. В конце там есть несколько вопросов, которые можно потом задать вашему мальчику».

– Ох, Игнациус! – простонала Мирна. – Как же все это было?

– Травматично и ужасно. В данный момент мне кажется, что все они собрались где-то на бичевание какого-нибудь умеренного, чье выступление в защиту Организации Объединенных Наций мать подслушала сегодня утром в бакалейной лавке. Она бормотала об этом инциденте сегодня весь день. – Игнациус рыгнул. – Я пережил недели террора.

– Странно, что твоей матери нет. Раньше она постоянно где-то тут была. – Мирна повесила гитару на столбик кровати и растянулась на постели. – Эта комната. Как мы с тобой тут оттягивались – обнажали друг другу свои умы и души, сочиняли манифесты против Талька. Кажется, этот жулик до сих пор в колледже ошивается.

– Могу себе вообразить, – рассеянно ответил Игнациус. Только бы Мирна слезла с постели. Разум ее вскоре захочет обнажить и другие вещи. Как бы там ни было, из дома надо поскорее выбираться. Он залез в чулан – искал дорожную сумку, приобретенную для него матерью перед той катастрофической поездкой в лагерь для мальчиков, где он продержался один день, когда ему было одиннадцать лет. Дугой отшвыривая исподнее назад, он рылся лапами в куче пожелтевших подштанников, как собака, откапывающая кость. – Вероятно, тебе имеет смысл восстать с ложа, моя лилейная малютка. Нужно еще уложить блокноты, собрать все записи. Можешь заглянуть под кровать.

Мирна соскочила с влажных простыней:

– Я пыталась описать тебя своим друзьям в группе групповой терапии – как ты работаешь вот в этой самой комнате, наглухо закрывшись от всего

общества. Такой странный средневековый разум в своей келье.

– Вне всякого сомнения, это их заинтриговало, – пробурчал Игнациус. Отыскав сумку, он набивал ее подобранными с пола носками. – Вскоре они смогут лицезреть меня во плоти.

– погоди, пока они не услышат всю эту оригинальность, так и льющуюся из твоей головы.

– Хо-хм, – зевнул Игнациус. – Возможно, мамаша оказала мне великую услугу, решив повторно выйти замуж. Эти эдиповы узы уже начали меня тяготить. – В сумку отправился йо-йо. – Очевидно, по всему Югу ты проехала в безопасности.

– У меня в действительности не было ни минуты на остановки по дороге. Почти тридцать шесть часов – гнала, гнала, гнала вперед. – Мирна складывала в стопки блокноты «Великий Вождь». – Вчера ночью я, правда, остановилась в негритянской забегаловке, но меня не захотели обслуживать. Мне кажется, их отпугнула гитара.

– Не иначе. Тебя приняли за мужиковатую народную певицу. Мне приходилось общаться с такими людьми. Они довольно ограничены.

– Я не могу поверить, что я *в самом деле* вытаскиваю тебя из этого подземелья, из этой дыры.

– Невероятно, правда? Подумать только – столько лет я противился твоей мудрости.

– В Нью-Йорке у нас будет суцая фантастика. Честно.

– Жду не дождусь, – ответил Игнациус, укладывая в сумку абордажную саблю и кашне. – Статуя Свободы, Эмпайр-Стейт-Билдинг, восторг бродвейской премьеры с моими любимыми звездами музкомедии. Треп над эспрессо в Деревне с самыми дерзкими умами современности.

– Наконец-то ты за себя взялся по-настоящему. В самом деле. Мне до сих пор не верится в то, что я сегодня за вечер услышала в этой хибаре. Мы займемся твоими проблемами. Ты вступаешь в совершенно новую витальную фазу. Бездеятельности конец. Это я точно могу сказать. Я это слышу. Ты только подумай о той великой мысли, что потоком польется из этой головы, когда мы окончательно вычистим всю паутину, все табу и уродующие тебя привязанности.

– Одному господу известно, что тогда произойдет, – безразлично ответил Игнациус. – Нам следует ехать. Тотчас же. Должен тебя предупредить – моя мать может вернуться в любой момент. Увидев ее снова, я кошмарно регрессирую. Нам нужно спешить.

– Игнациус, ты скачешь по всей комнате. Успокойся. Худшее позади.

– Еще нет, – быстро сказал Игнациус. – Мамаша может возвратиться

вместе со своей бандой. Ты бы их видела. Сторонники белого господства. Протестанты или даже хуже. Давай, я захвачу еще лютню и трубу. Все ли блокноты собраны?

– От того, что здесь написано, дух захватывает, – сказала Мирна, тыча пальцем в блокнот, страницами которого шелестела. – Жемчужины нигилизма.

– Это всего лишь фрагмент.

– А ты разве не оставишь матери никакой горькой прощальной записки, никакого внятного протеста – ничего?

– Едва ли оно того стоит. На осознание написанного у нее уйдут недели. – Игнациус одной рукой прижал к себе лютню и трубу, а другой подхватил сумку. – Я тебя умоляю – только не урони вот эту папку. В ней содержится мой «Дневник» – социологическая фантазия, над которой я все это время трудился. Это моя самая коммерческая работа. Изумительные возможности для экранизации в руках Уолта Дизни или Джорджа Пэла^[90].

– Игнациус. – Мирна остановилась на пороге с кипами блокнотов в руках и какое-то время просто шевелила бесцветными губами прежде, чем заговорить, точно репетировала в уме здравицу. Сквозь поблескивавшие стекла очков она устало вглядывалась в лицо Игнациуса. – Это очень важное мгновение. Я чувствую себя так, будто кого-то *спасаю*.

– Спасаешь, спасаешь. А теперь нам следует бежать. Я тебя умоляю. Поболтаем позже. – Игнациус протиснулся мимо нее и заковылял к машине, открыл заднюю дверцу крошечного «рено» и влез внутрь, устраиваясь между плакатами и связками брошюр, которыми было завалено все сиденье. В машине пахло как в газетном киоске. – Поспеш! У нас нет времени разыгрывать перед домом *tableau-vivant*^[91].

– В смысле – ты что, в самом деле собираешься тут сидеть? – озадаченно спросила Мирна, вываливая туда же своей груз блокнотов.

– Разумеется, собираюсь, – проревел Игнациус. – Я совершенно определенно не намерен лезть в смертельный капкан твоего переднего сиденья для движения по скоростной трассе. Забирайся же в эти свои ходунки и увози меня отсюда.

– погоди. Там еще много блокнотов осталось. – Мирна вбежала в дом. Гитара колотила ее по спине. Вернулась она с новой охапкой бумаг и остановилась на кирпичной дорожке, озирая дом в последний раз. Игнациус понимал, что она пытается *запечатлеть* эту сцену: Элиза на льду с чрезвычайно крупным гением на руках. Однако в отличие от Хэрриет Бичер-Стоу Мирна – источник раздражения – никуда не делась. Наконец,

отозвавшись на призывы Игнациуса, она спустилась к машине и сбросила вторую порцию блокнотов прямо ему на колени. – Мне кажется, под кроватью еще есть.

– Ну их к черту! – завопил Игнациус. – Садись и заводи эту дрянь. О мой бог. Да не суй ты мне свою гитару прямо в лицо. Почему бы тебе не обзавестись ридикюлем, как подобает приличной девушке?

– Засунь его себе в ноздрю, – рассвирепела Мирна. Она втиснулась на переднее сиденье и включила зажигание. – Где ты хочешь провести ночь?

– Провести ночь? – захохотал Игнациус. – Мы нигде не проводим никакой ночи. Мы едем прямо – и всё.

– Игнациус, да я же сейчас замертво рухну. Я со вчерашнего утра в этой машине.

– Ну, по крайней мере, давай хоть за озеро Поншартрен заедем.

– Ладно. Свернем на дамбу и остановимся в Мандевилле.

– Нет! – Эдак Мирна завезет его прямиком в раскрытые объятия какого-нибудь психиатра в полной боевой готовности. – Туда нельзя. Там вода заражена. У них там эпидемия.

– Да? Тогда по старому мосту в Слайделл.

– Хорошо. В любом случае так намного безопаснее. В дамбу постоянно врезаются баржи. Нас сбросит в озеро, и мы утонем. – «Рено», тяжело присев на заднюю ось, медленно набирал скорость. – Этот автомобиль довольно-таки мал для моих габаритов. Ты уверена, что знаешь, как ехать в Нью-Йорк? Я серьезно сомневаюсь, что смогу выдержать больше одного-двух дней в таком эмбриональном положении.

– Эй, что это вы, битники, там затеяли? – слабо донесся до них из-за ставень голос мисс Энни. «Рено» выехал на середину улицы.

– А эта старая стерва до сих пор там живет? – спросила Мирна.

– Заткнись и уезжай отсюда поскорей!

– Ты всю дорогу будешь меня так доставать? – Мирна проглотила взглядом зеленую шапочку в зеркальце заднего вида. – Тогда лучше сразу скажи.

– О мой клапан! – булькнул Игнациус. – Я тебя умоляю – только не устраивай мне сцен. Моя психика совершенно рассыплется после бомбардировок последнего времени.

– Извини. Мне просто на какой-то миг показалось, что все будет как прежде: я веду машину, а ты с заднего сиденья действуешь мне на нервы.

– Я определенно надеюсь, что на севере нет снега. Моя система просто откажется функционировать в таких условиях. И очень тебя прошу – по дороге держись подальше от туристических «грейхаундов». Они

расплющат твою безделицу.

– Игнациус, я вдруг узнаю прежнего кошмарного тебя. Мне сразу кажется, что я совершаю гигантскую ошибку.

– Ошибку? Ну разумеется, нет, – любезно возразил Игнациус. – Осторожнее – карета «Скорой помощи». Стоит ли начинать наше паломничество с дорожного происшествия?

Когда они поравнялись со «Скорой помощью», Игнациус пригнул голову и разобрал на ее борту надпись: «Благотворительная больница». В какое-то мгновение мигалка на крыше плеснула на «рено» красным отблеском, и машины разъехались. Игнациус был уязвлен – он ожидал массивного грузовика с решетками. Выслав за ним допотопную, выдавшую виды карету, они его недооценили. Ему легко бы удалось расколотить в ней все окна. Затем огоньки на хвостовых плавниках медицинского «кадиллака» остались в паре кварталов позади, и Мирна свернула на проспект Святого Карла.

Теперь, когда Фортуна спасла его от одного цикла, – куда она повернет свое колесо? Новый цикл окажется столь непохожим на все, что ему доводилось испытывать прежде.

Мирна мастерски подгоняла «рено» и лавировала им в потоке машин, выбираясь с невозможно узких полос движения, пока они не миновали последний хилый фонарь последнего болотистого пригорода. Теперь среди раскинувшихся солончаков их обступала тьма. Игнациус бросил взгляд на указатель, сверкнувший в лучах фар. Федеральная трасса 11. Табличка пролетела мимо. Он опустил стекло на пару дюймов и набрал грудью соленый воздух, которым дышал на болота далекий Залив.

Глоток воздуха стал очистительной клизмой – клапан открылся. Игнациус сделал еще один вдох – на сей раз поглубже. Тупая боль в голове отступала.

Он благодарно уставился Мирне в затылок, на хвост волос, невинно подметающий ему колени. Благодарно. Какая ирония, подумал Игнациус. И, стиснув этот хвост одной лапой, он с чувством прижал его к влажным усам.

Примечания

Альфред Эмануэл (Эл) Смит (1873–1944) – американский государственный деятель, четыре раза избирался мэром Нью-Йорка. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Эбботт Джозеф Либлинг (1904–1963) – американский журналист, с 1935 г. работавший в журнале «Нью-Йоркер».

Одо (Одон) Клунийский (ок. 878–942) – католический святой, бенедиктинец, второй аббат Клуни (с 927 г.), инициатор клунийской реформы западного монашества.

Сценическое имя певицы и киноактрисы Дорис Мэри Энн Каппельхофф (р. 1922 или 1924), звезды романтических голливудских комедий 1950–1960-х гг.

«Об утешении философией» (*лат.*) – трактат римского философа и государственного деятеля Аниция Манлия Северина Боэция (ок. 480 – ок. 524), написанный им около 523 г. в тюремном заключении по ложному обвинению в государственной измене. Боэций был казнен своим бывшим патроном, королем остготов Теодориком, без суда и следствия.

6

Торговая марка средства от экземы и для очистки кожи.

Прозвище Уильяма Мэйджира Твида (1823–1878), одного из самых беспринципных американских политиков, члена палаты представителей (1853–1855), сенатора от штата Нью-Йорк, лидера Демократической партии США в Нью-Йорке (Таммани-Холла), главы т. н. «шайки Твида». Его имя стало нарицательным для обозначения политической коррупции.

«Big Girls Don't Cry» (1962) – песня Боба Крю и Боба Гаудио, впервые исполненная вокальной группой «The Four Seasons».

Джей Гулд (1836–1892) – крупный американский финансист и спекулянт недвижимостью.

Имеется в виду «Гомстед-Акт» – принятый в 1862 г. акт Конгресса США о бесплатном выделении 160 акров общественных земель поселенцам, обязующимся возделывать эту землю в течение пяти лет с момента подачи заявки.

Примером (*искаж. лат.*).

Ширли Темпл (1928–2014) – в детстве звезда американского кино 1930-х годов. Отойдя от кинематографа в 1949 г., стала известна в 1970-х годах активной политической деятельностью в Республиканской партии.

Хросвита (Росвита, ок. 935 – ок. 980) – немецкая монахиня, аббатиса Гандерсхеймского монастыря, писавшая религиозные эпические поэмы на латыни и прозаические комедии на христианские темы.

Мировоззрение (*нем.*).

Игнациус смотрит «Джамбо Билла Роуза» (1962) – экранизацию оперетты Ричарда Роджерза и Лоренца Харта (1935), поставленную режиссером Чарлзом Уолтерзом с Дорис Дей и Стивеном Бойдом в главных ролях.

Зловещий гипнотизер из романа франко-британского писателя и иллюстратора Джорджа дю Морье (1834–1896) «Трилби» (1894).

«Goodwill Industries» – американская некоммерческая благотворительная организация, предлагающая профессиональную подготовку и трудоустройство нуждающимся, осн. в 1902 г.

Оплошность ($\phi p.$).

Элизабет Бэрретт Браунинг (1806–1861) – английская поэтесса; вела уединенный образ жизни после гибели брата.

Конечно (*исп.*).

21

По Фаренгейту. Примерно 35 °C.

Райская долина в поэме Сэмюэла Тейлора Кольриджа «Кубла-Хан» (1797). Имеется в виду Шаньду – исторический город во Внутренней Монголии, в XIII в. летняя столица Хубилай-хана, императора-основателя династии Юань.

Пьерино (Перри) Комо (1912–2001) – певец и руководитель эстрадного оркестра, ведущий популярного в 1950–1960-х годах телевизионного шоу.

Вполне возможно, речь идет о фильме Ингмара Бергмана «Зимний свет» (1962).

Международный клуб «Kiwanis International» – сообщество предпринимателей и профессионалов, созданное в 1915 г. в Детройте для поддержания близости его членов и оказания различных услуг обществу. Название образовано от фразы североамериканских индейцев, означающей «собираемся вместе, шумим».

В больших количествах (*фр.*).

Томас Бэбингтон Маколей (1800–1859) – английский историк, поэт, эссеист, государственный деятель.

На лоне природы (*ит.*).

Книга Джованни Боккаччо, изданная в Брюгге в 1476 г.

Ложный шаг (*фр.*).

Чарлз Остин (1874–1948) и его супруга Мэри Риттер (1876–1958) Бирд – американские историки, исследовавшие экономические аспекты событий американской истории.

Вернон Луис Паррингтон (1871–1929) – американский историк литературы и философ.

Прозвище Нью-Йорка, которое ввели и популяризовали Вашингтон Ирвинг и несколько его соавторов в серии сатирических очерков «Салмагунди» (1807–1808).

Мартин де Поррес (1579–1639) – перуанский священнослужитель и врач, монах ордена доминиканцев, первый мулат-американец, канонизированный католической церковью и признаваемый лютеранской церковью.

Кассиан (ок. 240–303/305) – святой епископ Имолы, священномученик.

Кофе с молоком (*фр.*).

Патрик Генри (1736–1799) – американский государственный деятель, активный борец за независимость, оратор, один из вождей Американской революции.

Модель автомобиля детройтской компании «Хапп Мотор», появившаяся на американском рынке в 1908 г.

Скорее всего, имеется в виду Джузеппе Доменико Скарлатти (1685–1757), итальянский композитор и виртуозный клавесинист, сын Алессандро Скарлатти (1660–1725), повлиявшего на развитие всей современной оперы.

Популярная песенка, опубликованная анонимно в 1834 г. На ее авторство претендовали Боб Фаррелл и Джордж Вашингтон Диксон.

Точнее, «Movietone» – метод записи звуковой дорожки непосредственно на пленку, впервые примененный кинокомпанией «Уорнер Бразерз» в 1927 г.

Джеймс Келлер (1900–1977) – католический священник, основатель группы духовного развития «Христофоры» (1945). Уильям Фрэнклин Грэм (р. 1918) – американский проповедник, выступавший с евангелическими гастролями по всему миру.

Санта Батталья имеет в виду «Лигу Плюща» – обиходное название ассоциации восьми старейших университетов и колледжей Новой Англии, символ интеллектуальной элиты США. Стены самых древних университетских зданий покрыты плющом.

Зд.: мужчина (*идиш*).

Белые англо-саксонские протестанты.

Симур Крим (1922–1989) – журналист, эссеист, прозаик, литературный критик, был близок к кругу битников и «новых журналистов».

Фанни Хёрст (1889–1968) – американская писательница, автор сентиментальных романов.

Лоренс Уэлк (1903–1992) – американский аккордеонист и руководитель оркестра легкой музыки, ведущий популярной развлекательной телевизионной программы.

Флоренс Найтингейл (1820–1910) – английская медицинская сестра, в 1854 г. во время Крымской войны организовавшая первый отряд полевых медсестер.

Статуэтка Младенца Иисуса с птицей в руке.

Искаж. *tante* – тетушка (фр.).

Антуан («Жирик») Домино-мл. (р. 1928) – американский пианист и автор песен креольского происхождения.

Персонаж серии мультипликационных фильмов (1958–1963) художников У. Ханны и Дж. Барберы. Имя – шуточное искажение фамилии знаменитого бейсболиста команды «Нью-Йорк Янкиз» Лоренса Питера («Йоги») Берры (1925–2015).

Матюрен (Матуринус, ум. ок. 300) – французский миссионер и экзорцист.

Медерик (ум. 700) – настоятель Отёнского аббатства, считается покровителем Правого берега в Париже.

Зита (1212–1272) – святая римско-католической церкви, почитается покровительницей горничных и домашней прислуги.

Трамвайная линия через Французский Квартал в Новом Орлеане, увековеченная в пьесе Теннесси Уильямса «Трамвай «Желание» (1947). В 1948 г. была преобразована в автобусный маршрут.

Сара Энн Делано (Рузвельт, 1854–1941) – мать 32-го президента США (1933–1945) Франклина Делано Рузвельта (1882–1945).

Ханна Миллхаус Никсон (1885–1967) – мать 37-го президента США (1969–1974) Ричарда Миллхауса Никсона (1913–1994). Графиня Роза Элизабет Фицджеральд Кеннеди (1890–1995) – американская филантропка и светская львица, мать 35-го президента США (1961–1963) Джона Фицджеральда Кеннеди (1917–1963).

Жан Лафитт (ок. 1780–1826) – легендарный пират, действовавший на побережье Мексиканского залива. Роско Арбакл по кличке Толстяк (1887–1933) – американский комический актер немого кино, чей арест после смерти молодой женщины на вечеринке в отеле Св. Франциска на День труда в 1921 г. стал началом череды разоблачений злоупотреблений наркотиками в Сан-Франциско. Мари Дресслер (1869–1934) – американско-канадская комическая актриса, получившая награду Американской киноакадемии за фильм «Мин и Билл» (1931).

Меня (*фр.*).

Чарлз Лотон (1899–1962) – английский хара́ктерный актер, чья пухлая насмешливая физиономия была весьма популярна на экране в 1930-е гг.

Рут Элизабет Дэвис (1908–1989) – американская актриса театра и кино, популярная в 1930–1940-х гг., впоследствии снималась только в характерных ролях.

День перед Пепельной средой на первой неделе Великого поста, отмечаемый маскарадами, карнавалами и костюмированными шествиями (от *фр. Mardi* – вторник, *gras* – жир).

Руби Килер (Этель Килер, 1909–1993) – миниатюрная американская танцовщица и певица, популярная благодаря своим мюзиклам 1930-х гг.

Строки из песни «Shuffle Off to Buffalo» Эла Дубина и Хэрри Уоррена из музыкального фильма Ллойда Бейкона «42-я улица» (1933).

Анна Элеонора Рузвельт (1884–1962) – американский политик, дипломат, общественный деятель, супруга президента Рузвельта.

Мэри Фрэнсис (Дебра) Рейнолдз (1932–2016) – ведущая актриса американских мюзиклов 50-х гг.

«Tammy and the Bachelor» (1957) – романтическая комедия Джозефа Певни, первый из четырех фильмов о 17-летней девушке Тэмбри Тайри.

На самом деле имеется в виду Джейн Уаймен (Сара Джейн Мейфилд, 1917–2007), звезда американского кино 1940-х гг. Упоминаемый ниже фильм – драма «Джонни Белинда» (1948) румынско-американского режиссера Жана Негулеско, где она сыграла глухонемую жертву изнасилования.

Джозеф Эддисон (1672–1719) – английский писатель и государственный деятель.

Имеется в виду династия Гуггенхаймов, американских магнатов горнодобывающей промышленности и филантропов.

Игнациус смотрит романтическую комедию «That Touch of Mink» (1962) американского режиссера Делберта Мэнна с Кэри Грантом и Дорис Дей в главных ролях. Фильм рекламировался как «изощренная» комедия.

«Токийскими розами» во время Второй мировой войны называли американских женщин-дикторов японского пропагандистского радио, вещавшего на английском языке на районы Тихого океана и США.

Лана пользуется именем героя Гражданской войны, генерала армии южан Роберта Эдварда Ли (1807–1870).

Имеется в виду Кэролин Уэбстер Шермерхорн (1830–1908), американская светская львица конца XIX в., супруга предпринимателя, коннезаводчика и яхтсмена Уильяма Бэкхауса Астора-мл. (1829–1892), чьи наряды на светских раутах были настолько роскошны, что в язык вошло выражение «лошадь миссис Астор» – так называли людей, крикливо или причудливо одевавшихся.

Мейфэр – фешенебельный район Лондона.

Мира (*фр.*).

Грант Вуд (1892–1942) – американский художник, известный преимущественно картинами из жизни Среднего Запада.

Джуди Гарланд (Фрэнсис Гамм, 1922–1969) – американская певица и актриса театра и кино, икона гей-движения.

Дженетт Макдоналд (1903–1965) – американская певица и киноактриса 1930-х гг., больше известная по киноверсиям оперетт.

Мускульный пляж – участок берега южнее пирса Санта-Моники в Калифорнии, где в 1934 г. началось повальное увлечение физкультурой после того, как Управление общественных работ установило там гимнастическое оборудование.

Лина Хорн (1917–2010) – американская певица, блиставшая в мюзиклах 1940-х гг.

Этел Мёрмен (Этел Агнес Циммерманн, 1908–1984) – американская актриса и певица.

Общественная организация, учрежденная в 1919 г. с целью развития экономических навыков учащихся средних школ.

Известность Зигмунду Фрейду принесли его ранние работы по неврологии, в частности – изучение детского церебрального паралича.

Повеса (*φρ.*).

От *boite de nuit* – ночной клуб (фр.).

Лживая героиня «Кентерберийских рассказов» (1387–1400) Джеффри Чосера.

Джордж Пэл (1908–1980) – венгерско-американский мастер кукольной анимации, чьи короткометражные рекламные фильмы оживляли кинопрограммы в 1930-х гг.

Живая картина (фр.).